

М. ГОРЬКИЙ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ

СТАТЬИ

М 218
49

М. ГОРЬКИЙ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

РЕДАКЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
Н. А. ГРУЗДЕВА

ОГИЗ — ЛЕНИНГРАД — 1923

*Редактор А. Колесень
Техн. редактор В. Яковлева
Корректор Н. Малков*

Обложка работы А. Ушинна

*Огиз № 2753/л. Тираж 10 250. Сдано в набор
26/IX-33 г. Подп. в печ. 27/X-33 г. Формат
бумаги 82 × 110. Печ. л. 26. Кол. бум. л. 6¹/₂.
Кол. печ. зн. в бум. л. 159 616. Заказ № 975.
Ленгортлит № 26587. Выход в свет октябрь
1933 г.*

*Отпечатано в 3-й тип. ОНТИ им. Бухарина,
Ленинград, ул. Моисеенко, 10.*

33-67621

2010515052

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В этой книге собрана часть статей, написанных мною за три года. Если меня упрекнут в том, что в статьях часто повторяются одни и те же мысли, это будет — справедливый упрек. Но если автор предвидел, что упрек возможен и справедлив, — почему же автор не переделал статей, не устранил из них повторений? Я не делал этого потому, что мне хочется, чтоб т.т. читатели видели, как — сообразно повышению их настроения — повышалось и настроение писателя, как одни и те же мысли принимали всё более определённую форму. Мне думается, что это поучительно не только для читателей, но и для некоторых молодых литераторов.

М. Горький

ДЕСЯТЬ ЛЕТ

В Советскую Россию приезжают из Европы иностранные визитеры. Прожив среди русских две, три недели, они возвращаются домой и рассказывают о том, что видели. Рассказывают, как люди исключительно проницательные, люди, которым вполне достаточно двух десятков дней для того, чтобы всесторонне и совершенно понять смысл культурного процесса, происходящего в стране с населением в 160 миллионов, в стране, прошлое которой плохо им знакомо, а настоящее — эмоционально враждебно. Так как история воспитала в людях способность и делать и видеть дурное с большим усердием и удовольствием, чем хорошее, — вполне естественно, что гг. визитеры любят подчеркнуть «ошибки» и «недостатки» советской власти, подчеркнуть «некультурность» русских и, вообще, адские их пороки.

Кроме этой причины, на суждения о России влияет застарелая болезнь европейцев — уродливо преувеличенное и до смешного напыщенное сознание их превосходства над русскими. Основой этой болезни является глубокое невежество гг. европейцев во всем, что касается русского народа. И, разумеется, эта замечательная способность представителей культурной Европы не понимать Россию вообще, а современную — в особенности, усиливается и тем еще, что гг. Беро, Лондоны и прочие исполняют «волю пославшего». Готов допустить, что некоторые из них делают это, насилуя свою личную волю.

По всем этим основаниям исследователи русской действительности сознательно, по невежеству, по легкомыслию, а прежде всего, конечно, по силе классовой психики, рассказывая не очень злые анекдоты, забывают о тяжелой сложности условий, в которых идет работа советской власти по восстановлению

разрушенного европейской и гражданской войнами хозяйства и в которой развивается процесс создания новой культуры. Молчат о деятельном участии «интервентов» в грабеже и разрушении России.

Молчат и о том, что из десяти лет только шесть падает на созидательную работу, а четыре года были заняты гражданской войной, которая еще более разоряла страну, хотя, рядом с этим, она же, отрезвляя народ от различных иллюзий, создавала и создала в нем новую психику.

Гражданская война, вероятно, продолжалась бы и до сего дня, если б Владимир Ленин и его товарищи, рискуя совершенно распылить и уничтожить незначительную численно партию большевиков-рабочих в массе анархизированного войной крестьянства, не двинули эту партию на передовые посты, возглавив ею крестьянство. Этим Ленин спас Россию от окончательного разрушения и порабощения капиталистами Европы, — история не может не признать за ним эту заслугу.

Известно, что русская буржуазия всемерно содействовала порабощению страны Англией и Францией, да и до сего дня не утратила надежды вызвать вторжение иностранцев в Россию.

Какое наследство получила партия большевиков, взяв в свои руки власть, и при каких условиях она работала эти шесть, семь лет?

Несколько миллионов наиболее здоровых и работоспособных людей погибло на войне. Значительная часть «революционной» интеллигенции перебросилась на сторону врагов народа. Часть ее забастовала, не желая помочь новой власти в ее борьбе за свободу русского трудового народа, а затем бывшие враги самодержавия превратились во «внутренних врагов» своего народа. Полуразрушенное сельское хозяйство продолжало разрушаться под ударами «белых» армий. На фабриках, вообще плохо оборудованных, — изработанные за время войны машины. Гражданская война уничтожила значительное количество политически и культурно воспитанных рабочих. Вместо этого она наградила советскую власть тяжелым наследием разрушенного строя, вызвав к жизни людей дегенеративных, каких так много создал капиталистический строй во всех государствах Европы. Люди этого типа сознательно и механически всосались в организации советов, мы видим, что власть и до сего дня еще не может освободиться от выродившихся людей, как о том свидетельствует недавний процесс рязанских бандитов. Правитель-

ства Европы всеми средствами стараются затруднить работу советской власти по хозяйственной и культурной реорганизации страны. Русская эмиграция, при помощи европейской буржуазии, ведет против своего народа партизанскую борьбу, воспитывая и посылая в Россию шпионов и наемных убийц. Ко всему этому надобно прибавить еще «голодный» год.

Вот краткий и, разумеется, не полный перечень тех условий, в которых начала и продолжает работать советская власть. Казалось бы, что, рассуждая о современной России, все это следует помнить.

Чего достигла советская власть за эти шесть лет?

Русский рабочий и крестьянин действительно учатся управлять государством, они начинают чувствовать, что государство, это — их дело, что единственный путь к свободе — дружный труд всех сил страны, объединенных сознанием величия и трудности задач, решить которые они мужественно взялись. Трудовой народ мира, хотя и медленно, однако все быстрее начинает понимать колоссальное значение этого факта.

Европейская интеллигенция, в большинстве равнодушная к судьбе своего народа, могла бы многому позавидовать, будь она лучше осведомлена о том, что уже достигнуто в России. Важнейший для жизни труд работников науки в Союзе Советов оценен по достоинству, как о том свидетельствуют сами представители русской науки, развившие за десять лет изумительно плодотворную деятельность. У них есть свои «дома ученых» и «дома отдыха», чего в Европе нет. Русский ученый — активный и влиятельный сотрудник власти, как о том говорят почтенные имена крупнейших ученых. Забота о них поставлена на высоту, какая только могла быть достигнута в стране, живущей в условиях, пока еще экономически трудных. В то время как Европа после войны значительно сократила ассигновки на содержание и оборудование научных учреждений, в России организован целый ряд исследовательских институтов, организовано несколько новых университетов, широко поставлено изучение недр земли, открыто не мало новых месторождений различных руд, сделан ряд ценнейших научных открытий, технических изобретений, применяются новые методы борьбы с вредителями хлебных злаков и с полевыми грызунами, осушают болота, улучшаются породы скота и т. д. Непрерывно идет электрификация страны, строятся новые фабрики, постепенно возникают новые производства.

Создана совершенно своеобразная пресса, до пустяковых

мелочей быта внимательная к жизни рабочих и крестьян. Может быть, не меньшее культурное и политическое значение, чем большие газеты столиц, имеют бесчисленные маленькие газетки, которые издаются рабочими фабрик, типографий, трамваев, все эти «Челноки», «Верстаки», «Молотилки», «Искры трамваев», газетки, в которых сами рабочие учатся писать по вопросам быта, вопросам развития продуктивности труда, и где самскритика рабочих красноречиво говорит о повышении их чувства собственного достоинства, о росте их культурных запросов, о стремлении к знанию.

В стране Советов работает армия «рабкоров», «селькоров», мужчин и женщин, армия «делегаток» и т. д., это значит, что народ учат и он учится свободно говорить о себе самом, о своих нуждах и желаниях. Растет армия комсомольцев, а за ними уже стоят «пионеры», — дети, которых учат думать государственно.

Для деревни издаются сотни тысяч газет, иллюстрированных журналов, брошюр по всем вопросам сельского хозяйства. И существует «Радио-газета», которая уже имеет до пяти миллионов слушателей.

В массе крестьянства растет жажда знания, а это и есть признак роста культуры. С каждым годом все шире и глубже становится участие женщин в политической жизни страны, раскрепощаются женщины мусульманки, инородческие племена вовлечены в общий поток культурной работы, каждое племя хочет иметь свою столицу, это значит, что возникнут новые города. Казань быстро превращается в столицу республики татар.

Заметят: но, ведь, крестьяне все-таки еще малограмотны. Да. Но — школы растут. Но каждый год в деревню уходят десятки тысяч хорошо грамотных красноармейцев, являются тысячи рабочих в отпуски. Это — хорошие учителя. Следует признать и за электрической лампочкой огромное культурное значение: в долгие зимние вечера она освещает уже тысячи крестьянских изб, собирая своими лучами грамотных и неграмотных для бесед о жизни мира.

Меня нельзя упрекнуть в идеализации крестьянства, но я утверждаю, что в Союзе Советов уже образовался значительный слой крестьян, более широко и всесторонне знакомых с жизнью мира, более активно культурных, чем крестьяне любого из государств Европы.

Главное, чего не хотят заметить и не замечают европейские визитеры, это то, что в Союзе Советов привлекается к жизни масса населения, что народ быстро изживает психологию, воспитанную веками рабства, что он начинает понимать государство

как организацию людей единой цели, а не как анархическое и механическое соединение единиц, разбитых на враждебные классы и касты.

Мне скажут: — Это дифирамб!

Да, дифирамб! Всю мою жизнь я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят целью себе освобождение всех сил человека для творчества, для украшения нашей земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека.

«Большевики» стремятся к этому с явным для всех честных и не ослепленных злобой успехом, с изумительной энергией. Трудящиеся всего мира начинают понимать значение этой работы. Они поймут, что надобно им делать.

Прошло десять лет, а советская власть существует и укрепляется, огорчая своей живучестью неудачных кандидатов в Мазарини.

Укрепляется и действительно создает в Союзе Советов основу для построения нового мира. Такой основой я считаю раскрепощение поработанной воли к жизни, т. е. воли к деянию, ибо жизнь есть деяние. Свободный труд людей всюду осквернен, изнасилован бессмысленной и цинической эксплуатацией, капиталистическая система государства уничтожила наслаждение создавать вещи, сделала труд проклятием, а не свободным выражением творческих сил человека; это — известно.

В Союзе Советов люди начинают работать, сознавая государственное значение труда, сознавая, что только труд является прямым и кратчайшим путем к свободе и культуре. Русский рабочий зарабатывает для себя не жалкий, нищенский корм, как это было раньше, — он зарабатывает себе государство. Он чувствует, что постепенно становится хозяином своей страны и вождем крестьянства по пути к свободе. Он учится понимать, что и весь мир — для трудящихся, что наука дает ему этот мир как материал, как сырье для выработки полезностей, она овладевает силами природы для того, чтобы облегчить тяжесть работы человека. Скоро он должен будет понять, что труд создает не только материальные ценности, но нечто значительно большее: уверенность человека в силе своего разума и в своем призвании победить своей разумной волей все и всякие сопротивления ей.

Русский рабочий, помня завет своего вождя — Владимира Ленина, успешно учится править своим государством — вот факт, значение которого нельзя преувеличить.

Огромной заслугой советской власти следует признать создание ею прессы, которая умело и широко знакомит население Союза с жизнью всего мира и беспощадно разоблачает ложь и скверну этой жизни.

Русский народ живет под непрерывным воздействием на него свободного и сурового слова правды обо всем, что творится на земле: о жестоком бесстыдстве, разнузданной воле командующих классов, о том, как они, вырождаясь, безумеют и как на смену им вырастает здоровая воля к жизни поработенных. Это — самое главное, что нужно знать, и советская пресса умеет учить этому.

Прожив шесть десятков лет, чувствуешь себя несколько перенасыщенным «отрицательными» качествами человека, и является потребность отмечать положительные свойства его. Потребность эта не есть результат усталости, нет: она возникает потому, что понимаешь, как много силы нужно современному русскому человеку для того, чтобы преодолеть в себе «ветхого Адама» — наследие векового прошлого. Известно и неоспоримо, что капиталистический строй всюду и вообще не приспособлен к воспитанию «хорошего» человека. И когда вспомнишь условия, при которых воспитывался русский человек, имеющий ныне 35—45 лет от роду, и который в эти дни строит новую жизнь, — удивляешься не тому, конечно, что в нем сохранились некоторые отрицательные качества, а тому, что он не хуже того, каков есть, и — при этом — становится все лучше. Я не склонен умалять значения плохого, но не склонен и предъявлять к человеку требования, которые он еще не в силах удовлетворить. На мой взгляд, человек, о котором я говорю, более чем достаточно хорош таким, каков он есть.

Строителя современной русской жизни я знаю со дней его юности. Сначала это был «битый мальчик», пасынок ужасной русской жизни, затем он прошел сквозь революционное подполье в тюрьму, ссылку, в каторгу, затем сделал величайшую революцию, которая действительно «потрясла мир» и будет потрясать его, доколе не разрушит. Затем он три года вел победоносную гражданскую войну, а кончив ее, взялся за труднейшее дело восстановления разрушенного хозяйства России, за дело, которому он не учился так же, как не учился бить на фронтах высокоученых генералов. Сейчас он как администратор работает по 12 и 14 часов, живя в тяжелой бытовой обстановке, не многим лучше чернорабочего, но исполняя работу, которая, не

говоря о ее историческом значении, отличается крайней сложностью.

Он не имел времени воспитать в себе те качества, которыми хвасталась и хвастается рафинированная русская интеллигенция, так легко отскочившая в стан его врагов, показав этим, что «качества» ее — например, социализм, гуманизм — были чисто словесными.

Не краснобай, не «богоискатель», а превосходный, честный рабстник мира сего, он решительно отверг всю древнюю ложь и смело пошел своим путем к свободе — единственным путем, ведущим прямо к ней.

Когда-то, в эпоху мрачной реакции 1907—1910 годов, я называл его «богостроителем», вложив в это слово тот смысл, что человек сам в себе и на земле создает и воплощает способность творить чудеса справедливости, красоты и все прочие чудеса, которыми идеалисты наделяют силу, якобы существующую вне человека. Трудом своим человек убеждается, что вне его разума и воли нет никаких чудесных сил, кроме стихийных сил природы, которыми он должен овладеть для того, чтобы они, служа его разуму и воле, облегчили его труд и жизнь. Он верит, что «существует только человек, все же остальное — его мнение и деяние».

Этот человек — человек, какого мир еще не видел, и человек этот поставил перед собою грандиозную задачу воспитать массу трудящихся «по образу и подобию своему»; задачу эту он разрешает с отличным успехом. В конце концов он — неоспоримое доказательство обилия творческих сил и талантов в трудовой массе.

Казалось бы, он совершенно достоин удивлений и уважения всех, кому противен безобразный, цинический хаос жизни, и особенно заслуживает уважения бывших «народолюбцев», которые так охотно, с таким вкусом оплакивали страдания «меньшого брата».

Бывшие народолюбцы сделали строителя новой жизни мишенью, по которой неумоимо стреляют грязью и клеветой. Порохом для этой бесплодной забавы их снабжает пресса Союза Советов, беспощадно изображая и обличая зараженность своих людей болезнями старого быта. В газетах Союза ежедневно печатается значительное количество материала, рисующего бытовое свинство. Это — дело почтенное и необходимое. Но «свинство» служит вкуснейшей пищей для людей, уже негодных к жизни. Публицисты и фельетонисты эмиграции, смачивая

слонною злорадства, пережевывают с маниакальным сласлолюбием это свинство и отгрыгают свинство снова в жизнь. Тут, конечно, действует природа и привычка. Это такие люди, которым для наслаждения жизнью необходимо видеть ее грязной, только при этом условии они видят себя беленькими. Во дни реакции они любили цитировать стихок: «Чем ночь темней — тем звезды ярче», полагая, что звезды — это они и есть. Но они — просто люди, забракованные историей, осужденные на горестную жизнь в муках бессильной злобы. Кричат они и плюются только потому, что больше им нечего делать. Но история уже сказала им свое властное:

— Цыц!

Не мое дело говорить о том, что другие скажут лучше меня, — о грандиозной работе, совершенной в России за истекшие десять лет.

Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства.

К этому маленькому, но великому человеку, рассеянному по всем медвежьим углам страны, по фабрикам, деревням, затерянным в степях и в сибирской тайге, в горах Кавказа и тундрах Севера, к человеку, иногда очень одинокому, работающему среди людей, которые еще с трудом понимают его, к работнику своего государства, который скромно делает как будто незначительное, но имеющее огромное историческое значение дело, — к нему я обращаюсь с моим искренним приветом.

Товарищ! знай и верь, что ты — самый необходимый человек на земле. Делая твое маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир.

Учись и учи!

Крепко жму руку твою, товарищ!

1927

АНОНИМАМ И ПСЕВДОНИМАМ

В газете «Руль» перепечатан из газеты «Дни» «Ответ Горькому», очевидно, ответ на мою статью по поводу десятилетия Октября. Автор «Ответа» спрашивает меня:

«Что заставляет вас низко лстыть нашим злодеям и умалчивать их преступления? Ваши слова (о сознании в советском режиме государственного значения труда) жгут нам мозг, пока

мы с красными флагами идем «демонстрацией» нашего энтузиазма, в то время как наши жены и матери стоят в очередях за молоком, мукой и маслом».

Дальше он — ругается.

Считаю нужным сообщить автору «Ответа» и единомышленникам его, что такие дрянненькие письма, как его письмо, я получаю давно и весьма часто. Раньше столь же свирепо мне писали «черносотенцы», так же смешно угрожая всяческими кознями, как угрожают теперь люди, которые 15—20 лет тому назад были — я думал — искренними врагами всяческого черносотенства и мракобесия. Литература этого сорта тогда не мешала мне делать мое дело, не мешает и теперь, не помешает и против трудящихся. Истребив во время 1914—1918 гг. около 100 миллионов человек, они порицались людьми, которым сладко было жить «по старинке».

Но в Союзе Советов ныне работает не Петр Великий, а Великий Иван — рабочий и крестьянин под одной шапкой, и дело идет не о «реформах», а о коренном преображении всех основ старенькой жизни. Поэтому вполне понятна скверна и хула, изрыгаемая любителями уютной старины на рабоче-крестьянскую власть, которая неумоимо ведет всю трудовую массу к возрождению.

Мне известно, что в России было и есть много плохого, имею основание думать, что это известно мне лучше, чем авторам анонимных писем. Но никогда и нигде еще хорошее не было так хорошо, как теперь в России. И никогда нигде плохое не было так безжалостно обнаружено, нигде не борются против него так энергично, как в Союзе Советов.

Авторы анонимных писем и вместе с ними г. Дан из «Социалистического вестника» желают знать: почему я теперь говорю не то, что говорил в 1917 г.? Отвечаю: в 1917 г. я ошибался, искренно боясь, что диктатура пролетариата поведет к распылению и гибели политически воспитанных рабочих-большевиков, единственной действительно революционной силы и что гибель их надолго затемнит самую идею социальной революции. Известно, что тогда ошибался в этом не один я, а и еще многие из большевиков. Тогда же огромное количество интеллигенции поняло, что тоже ошибалось, считая себя революционной силой. С той поры протекло десять лет, и за это время в России — во всех областях труда и творчества — сделана изумительная работа, хотя работе этой всячески мешала и продолжает мешать

«культурная» Европа при усердном подуськивании ее буржуазии русскими эмигрантами, людьми, которые «ошиблись» и отвратительно озлоблены своими ошибками, а также сознанием своего ничтожества. Я не льщу рабоче-крестьянской власти, а искренно восхищаюсь ее работой, ее умением вдохновлять людей на труд и творчество. Вам не нравится, что восхищаюсь? Было бы странно, если б вам это нравилось. Должен сказать, что я не помню случая, когда мне хотелось бы «нравиться» кому-нибудь, а особенно — людям вашего умонастроения. Разумеется, я не протестую против тех скверненьких ругательств и угроз, против лжи и клеветы, которыми вы меня награждаете от «нечего делать» и столь усердно. Я ведь знаю, что свобода сквернословия — ваш лозунг и ваша забава. И что же вы бы делали, если бы не умели лгать?

Г. Дан в своей статье указал, что я, прежде чем напечатать мой привет рабоче-крестьянской власти в английской газете, «счел нужным послать его на одобрение начальства». Мало-мальски «приличный», «порядочный» человек не написал бы такую пошлость, г. Дан — написал.

Затем он, в странном единодушии с анонимами, кричит о «жестокости» рабоче-крестьянской власти, очевидно, забыв о недавнем прошлом, о массовых расстрелах рабочих, о «случае на Лене», о еврейских погромах 903 г., о 9-м января и о многом прочем в этом духе, об Амурской колесной дороге, о десятках тысяч людей на каторге, о гнусной войне 14—18 гг. и, наконец, о том, что делали в России белые генералы при благосклонном участии некоторых русских «революционеров» и множества «высоко квалифицированных» интеллигентов. Г. Дан, очевидно, не понимает, что есть жестокость, возникающая в народе из чувства мести за те бесчисленные и цинические мучения, которые он пережил, и есть жестокость самозащиты народа, окруженного тайными и явными предателями, непримиримыми его врагами. Эта жестокость вызвана и — тем самым — оправдана.

Но есть жестокость паразитов, которые, привыкнув жить за счет энергии поработенных, пытаются вновь поработить народ, завоевавший свободу. Эта жестокость не может пайти оправдания.

Напоминаю об этом г. Дану, конечно, не для полемики с ним, а для поучения его,

О НОВОМ И СТАРОМ

Что дали женщине истекшие десять лет?

На этот вопрос внушительно отвечает цифра II Съезда: 620 тысяч делегатов. Это значит, что в Союзе Советов женщина становится совершенно равноправной мужчине, сознательной государственной единицей, политической силой. Она быстро учится управлять хозяйственной жизнью своей страны и постепенно начинает принимать участие в решении вопросов международной политики. Голоса делегатов, рабкорок, селькорок, избачек — это уже властные голоса жизни, действительно новой. Женщина Союза Советов умеет хорошо говорить о своих нуждах; она действительно ищет путей к раскрепощению своему от каторжной работы по домашнему хозяйству; она уже входит в жизнь как хозяйка всего Советского государства. Этого еще нет нигде в мире.

Мне кажется, что настало время, когда наши женщины могли бы от своего лица, своим языком рассказать женщинам других стран о том, чего они, женщины Союза, достигли за эти десять лет. Рассказать следует, не скрывая того, что жить все еще трудно, что чем больше видишь хорошего в будущем, тем тяжелее кажется сегодняшний день, хотя он уже несравненно лучше вчерашнего. Надобно рассказать и о том, как заедают, забывают женщин проклятые мелочи жизни — кухня, теснота, старенькие привычки ко всякому мелкому дрянцу, которое, будто бы, немножко украшает трудовую жизнь, а на самом деле только увеличивает заботы и отводит в сторону от дела коренной ломки всех основ старого быта и от работы по строительству новой жизни.

Такой рассказ женщин Союза имел бы огромное значение для их подруг в других странах, для женщин всего мира, которым тоже пора освобождать себя из плена житейских мелочей для большого дела, так успешно начатого в Союзе Советов.

Если бы женщины других стран поняли и достойно оценили все то, чего достигли русские, они, вероятно, поняли бы и то, чего ради их правительства готовятся к новому преступлению против трудящихся. Истребив во время 1914—1918 гг. около тридцати миллионов наиболее здоровых людей, они снова думают начать войну, снова хотят уничтожить миллионы рабочих

и крестьян. И это — только для того, чтобы поддержать изгнивший «старый порядок» жизни, порядок, при котором большинство живет во власти меньшинства, а женщины служат почти домашними животными государства и семьи.

Женщинам Европы и всего мира пора понять, что война против Союза Советов есть война против всех трудящихся земли нашей, что это — война против их отцов, мужей, братьев, детей, — война за утверждение экономического рабства.

Указать на подготовку новой войны и на ее значение для трудящихся — прямая обязанность женщины Союза Советов. Обязанность перед государством своим и перед своими детьми, которые растут не для истребления их на новой бойне, желаемой капиталистами, а растут как необходимые всему миру строители новой жизни.

Лет сорок назад мой учитель и друг Михаил Ромась сказал мне: «Вчера, в дождь, когда я чинил печку в бане, в предбаннике мальчишки хвастались друг перед другом: чья мать больнее дерется? Один говорит: меня моя мамка молочной кринкой по башкехватила, так я — с ног долой. Другой — не уступил: а меня — скалкой; скалкой больнее. Затем все согласились, что чаще и злее всех матерей дерется Иванкина мать. Посмотрел я на Иванку: светловолосый, мохнатенький такой, мордочка умная, глаза сердитые. Да. Так они хвастались матерями как злыми собаками. Вот она, какова жизнь, Максимыч! Тут все так поставлено, что и ребят жалко, и баб нельзя винить — истерзаны они каторжной работой своею до потери души. А с другой стороны, каковы же будут люди из детей, которые родятся и живут в тяжесть матерям? Из детей, которых некогда любить, а бьют — чем попало? Вот и подумайте: верно ли, что такую жизнь надо ломать?»

До этой беседы я уже и сам хорошо видел, что матери бьют детей — за то, что отец получку пропил, хлеб плохо испекся, коршун цыпленка унес, куры в огороде грядку изрыли, кошка разбила горшок. Бьют за разорванную рубашку или штаны, за потерянную копейку, за всякий грошовый ущерб нищенскому хозяйству, которое баба ведет, напрягая все свои силы до одури, до преждевременной старости. Бьют не потому, что дети в чем-то виноваты, а лишь для того, чтобы «зло сорвать». Ужас каторжной бабьей жизни я наблюдал давно и в городах, и в деревнях. Знал, что нередко в деревнях матери до того доходят, что, когда у соседей дифтерит убивал ребенка, мать вела своих детей прощаться с умершим для того, чтобы ее ребятишки за-

разились от покойника и тоже перемерли. Зараза дифтерита прилипчива, передается легко, и бывали случаи, когда мать, выпросив рубашку умершего от заразы, надевала ее на своих детей. Надо быть замученной до безумия, чтобы так убивать своих детишек, а это, говорю, делалось при старом порядке, при самодержавии, которое, хотя и развалилось, но оставило по себе немало всякого гнилья.

Разумеется, я почувствовал, что Ромась прав: чтобы избавиться от этого ужаса, жизнь надобно безжалостно ломать.

И до сего дня много матерей живут так, что им некогда приласкать ребенка и слишком часто приходится отталкивать его. Любить детей — это и курица умеет. *А вот уметь воспитывать их — это великое государственное дело, требующее таланта и широкого знания жизни.* Сказать ребенку на вопрос его: «погоди, вырастешь — узнаешь» значит гасить его стремление к знанию. Толково ответить на вопрос ребенка — большое искусство, и оно требует осторожности.

Что получают дети в семье, где они с малых лет являются зрителями ссор и споров, где они видят нередко и худшее, чем ссора матери с отцом?

Утомленные работой, раздражаемые крупными неудачами жизни и разной пустяковой мелочью, отцы и матери делают детей участниками своих настроений, слушателями горьких жалоб, а дети не очень любят жалобщиков и неудачников.

Ребятишек в семье матери и отцы незаметно отравляют тем же ядом, от которого сами страдали и страдают. Детям прививаются все те навыки, привычки, вкусы и мысли, которые сделали людей пленниками жизни, рабами ее, а не господами. Но вот уже десять лет прошло с той поры, как матерей и отцов учат, что настоящий господин жизни — рабочий народ и что прошло то время, когда «каждый сверчок» должен был знать только «свой шесток». Человек должен знать все.

Принято говорить детям: «Вот как жили мы, родители ваши!» В прошлом своем рабочий народ может похвастаться только удивительным терпением, а жил он тяжело и плохо до поры, пока лучшие из рабочих не поняли, что так жить нельзя, стыдно. Тысячи этих лучших погибли в ссылке, в тюрьмах, в каторге, борясь за свободу товарищей рабочих и крестьян, тысячами расстреливали их в пятом, шестом годах на улицах Петербурга, Москвы и других городов, десятки тысяч их погибло на фрон-

тах в битве с белыми, а всё-таки они победили. В конце концов всегда побеждает правда, необходимая жизни.

О прошлом, которое теперь уходит, чтобы не возвратиться, книги расскажут детям лучше, умнее, чем отцы и матери. Книга не только расскажет, как плохо жили, но и объяснит, почему это было так, а не иначе. Родители далеко не всё умеют объяснить. Особенно теперь, когда жизнь на переломе и ещё много есть людей, которые, не ясно представляя будущее, побаиваются завтрашнего дня и все ещё хватаются за старенькое, за все то, что десять лет тому назад угнетало и мучило их.

Может быть, в старину они были иногда жирнее, но люди не были умней теперешних, когда они начинают понимать, что для хорошей жизни необходимо, чтоб все были равноправными и полными хозяевами ее.

А для того, чтобы это понимание росло быстрее, матерям нужно освободить себя от каторжного труда на кухне, «по хозяйству», надо сбрасывать цепи мелочей для большого дела, за которое 620 тысяч женщин уже взялись. Дело — не легкое. «Привычка» — жестокий хозяин, а крепкая сеть старого быта вся сплетена из привычек: эту сеть сплетали веками, века люди путались в ее петлях, прежде чем поняли, что надобно их по-рвать.

Необходимо детей освободить от дурных влияний семейных дразг, от нездоровой тесноты. Здесь в помощь матерям ясли, детские сады и все то, что называется общественным воспитанием. Детей должны воспитывать люди, которые по природе своей тяготеют к этому делу, требующему великой любви к ребятишкам, великого терпения и чуткой осторожности в обращении с будущими строителями нового мира.

Никогда еще дети не были так дороги, как теперь, когда перед ними — дело мировой важности, дело, удивительно успешно начатое их матерями и отцами, дело, которое постепенно будит среди трудящихся всего мира разум и волю к новой жизни.

ПИСЬМО в РЕДАКЦИЮ

Уважаемый т. Редактор.

Будьте добры напечатать в «Рабочей Москве» прилагаемое письмо, не внося в него никаких изменений и поправок. Прошу Вас напечатать и мой ответ автору письма.

Дорогой Алексей Максимович

Женщина пролетарка к тому ж сейчас нахожусь безработной просит тебя не уезжать в Италию откажись от своей вишлы будь настоящим пролетарским писателем и настоящим другом пролетариям всего мира если тебя штыкают сейчас за границей что ты заболел большевизмом то болезнь большевизма самая здоровая в мире через болезнь большевизма человек делается самым здоровым сильным и новым человеком мы пролетари советской страны через большевизм идем к новой и светлой жизни и тебя дорогой наш друг заведем итти понашему по пути пролетариев всего мира ибо этот истинный путь Гниль буржуазного прошлого на чисто мы еще не смели надеюсь Алексей Максимович ты останешься снами и поможешь нам домести оставившую буржаазию вонючею нечесть и тогда пролетариат всего мира вздохнет свободной грудью Дорогой Алексей Максимович не обещайся на откровенность женщины пролетарки я также люблю тебя как брата и человека всем своим сердцем как любят тебя пролетариат всего мира Дорогой Алексей Максимович убедительно прошу как искренно любящая тебя сестра уделить минутку ответа в рабочей Москве останешься ты с нами или нет. будь снами искренним и откровенным как мы большие большевизмом умеем каждому сказать правду в глаза но правду мы говорим тогда когда уничтожено бревно из своего глаза ибо в бревне в глазе показывать на сучек друтова глаза это есть неправда и так дорогой брат Алексей еще стоило хотелось бы побеседовать но довольно если будишь мне отвечать то пиши в рабочую Москву безработной женщине, желаю тебе быть сильным здоровым любящая тебя безработная.

Товарищ Безработная!

Сердечно благодарю за Ваше письмо, в котором я хорошо чувствую силу духа настоящей пролетарки-большевички. Получить такое письмо — большая радость. За эти дни я видел много прекрасной, творческой работы, много достижений, которые удивили и взволновали меня. Да, русский пролетариат может и умеет работать, да, он хорошо понимает, как надобно

строить социалистическое государство, и строит его вопреки усилиям внешних и внутренних врагов повредить, помешать ему. Только люди ослепленные злобой не видят этой чудесной работы. Но, товарищ, вижу я и теневые стороны жизни, чувствую и усталость работников и уныние, которое овладевает некоторыми из них, чувствую и холодные мещанские струйки в горячей атмосфере труда и творчества пролетариата. И если для борьбы с отрицательными явлениями жизни мои силы признаются Вами и подобными Вам нужными в стране Советов, я, разумеется, останусь с такими, как Вы. Однако на зиму я, вероятно, уеду в Италию, где мною не кончена литературная работа, кончить которую здесь я не могу. Кстати: у меня там нет своей виллы. У меня никогда не было и не будет своих домов, своей «недвижимой собственности».

Еще раз — спасибо Вам, товарищ, за дружеское письмо.

1928

ТРУДОВАЯ КОММУНА ОГПУ

Основным и ценнейшим качеством советской власти является бесстрашие; сторонники «умеренности и аккуратности» оценивают его, как безумие. Не стану спорить о словах, пусть будет — безумие; отмечу только, что это не безумие лирически-настроенных мечтателей, которые пытаются «навеять сон золотой», а безумие реалистов, непоколебимо уверенных в том, что мир создан не словом, а деянием.

К. Маркс, родоначальник безумцев этого типа, очень хорошо сказал: «Философы пытаются так или иначе объяснить мир, но дело в том, чтобы изменить его». Все в мире изменяет энергия, и, разумеется, вполне естественно, что вожди трудового народа верят в силу трудовой энергии как в единственную силу, которая должна и может частью развязать, а частью разрубить узлы жизни.

Что бы ни говорили скептики, лирики, враги советской власти, — все-таки она весьма успешно ведет борьбу с многоглавым чудовищем глупости, пошлости и подлости. Умеренные и аккуратные пытались отравить чудовище словами, но только сами себя отравили словом, и мы видим, что «чудище обло, огромно, озорно, стозевно и лаяя» легко поглощает словесников, усиливая за счет их плоти свою, хотя и огромную, но уже больную плоть.

Возможно, что сказанное выше слишком громко в предисловии к маленькой книжке. Но маленькая книжка говорит о великом и сложнейшем деле, — о дерзком опыте борьбы с преступностью и об удивительном успехе, одержанном в этой борьбе. Начало этому опыту дано энергией Ф. Э. Дзержинского, — он первый указал на необходимость не медля ликвидировать «беспризорность», поручив эту работу одному из ближайших сотрудников и товарищей своих Г. Г. Ягоде, а последний, при сотрудничестве с М. С. Погребинским, автором этого очерка,¹ развил, в процессе работы, «заказ» Ф. Дзержинского так, как о том рассказывает книга.

Мне кажется, что среди всех попыток перевоспитания юных «правонарушителей» столь дерзкого и настолько успешного опыта еще не было и что такого рода смелые опыты возможны только в Союзе Советов. Буржуазия, ревностно заботясь об охране своих прав и преимуществ, издавна, упорно и безуспешно работает над изобретением наилучшей системы борьбы с преступностью, но, кроме полной и суровой изоляции правонарушителя от «общества», ничего не выдумала. Правонарушитель для мещан — уже не человек, хотя, в большинстве, он тоже — мещанин, но — «не уравновешенный», т. е. менее противный, менее подлый мещанин, чем тот, который является кирпичом в фундаменте всякого буржуазно-«благоустроенного» государства. В худшем случае правонарушитель-мещанин — неудачник, существо слабовольное и нетрудоспособное, в лучшем — более ярко выраженный хищник, совершенно правильно развивающийся до конца навыки своей среды, — среды хищников и паразитов.

Защищаясь от созданных им же «социально опасных» людей, мещанство, в лице одного из своих ученых, итальянца Ломброзо, придумало учение о «преступном типе»; учение это доказывало, что в буржуазном обществе существуют люди с «врожденной» склонностью к преступлениям; вывод из этой теории совершенно ясен: с такими людьми церемониться нечего, их необходимо уничтожать. Можно было сделать и другой вывод: если среда создает уродов, значит сама она — нездорсва. Но, разумеется, такого вывода не было сделано, и теория Ломброзо была использована для усиления наказаний «врагам общества» — мошенникам, вора, грабителям — его детям по духу и плоти. В Америке возникла даже гуманная идея

¹ Статья появилась как предисловие к очерку М. Погребинского «Трудовая коммуна ОГПУ». Ред.

кастрации — «выхолащивания» — преступников; находили, что это очень хорошая мера «предупреждения преступлений», которые все более нарушают «благоденственное и мирное житие» мещан. Но невозможно вышвырнуть «дурную траву из поля вон», если засоренная почва не может родить ничего, кроме дурной травы.

Советская власть видит причины преступности в условиях классового государства, в силах той зависти, жадности и лжи, без которых это государство капиталистов — не может существовать.

Советская власть не считает «правонарушителя» неизлечимо больным, рожденным для преступлений и неспособным ни к чему более. Она хотела бы перевоспитать «правонарушителя», возвратить его государству рабочих как честную и разумную трудовую единицу, как человека, который сознавал бы: государство — его и все, что он делает, он делает для себя.

Книжка тов. Погребинского рассказывает именно о том, как можно вылечить человека, который, по силе тех или иных условий, попал на путь преступлений. Как увидите, опыт Трудкоммуну ОГПУ оказался вполне удачным, несмотря на его безумную — с точки зрения мещан — дерзость. В этом опыте ярко выражен подлинный гуманизм, какого не найдешь во всех книгах гуманистов. И особенно значителен этот опыт тем, что он неопровержимо доказывает воспитательное значение свободного труда.

Описанная в книжке Трудкоммуна не является единичной, по типу ее тт. Ягода и Погребинский основали уже несколько таких же трудовых организаций, объединяющих свыше десяти тысяч «беспризорных» и юных преступников, — тяжелое наследие одряхлевшего «старого мира», империалистической и гражданской войн, а также — голода.

Совершенно изумительное впечатление вызвали у меня бывшие герои уголовной хроники и тюремные жители, когда я увидел их за станками мастерских Трудкоммуны. Глядя на них, не веришь, что все они сидели в тюрьмах и что среди них есть бывшие «налетчики», люди, едва избежавшие «вышей меры» наказания. Все здоровые, ловкие, хорошо построенные ребята; очень редко мелькают дегенеративные, тупые или болезненные лица. Может быть, именно ничтожный процент таких лиц и объясняет — частично — факт горячего увлечения членов Трудкоммуны, привыкших к «легкой» жизни, нелегким трудом, который широко открывает перед ними путь к новой жизни.

Приятно отметить в этих людях сознание ими своего достоинства и независимость их отношения к организаторам коммуны, Ягоде и Погребинскому, которые знают их поименно и знают детально биографию каждого. Ребята действительно чувствуют себя полными хозяевами Трудкоммуны, с гордостью свободных работников они говорят о том, что живут «на свой счет» и что в новостроящемся корпусе будут вырабатывать 300 000 пар коньков. Кроме этой Трудкоммуны, я видел другую, на 1300 человек, помещенную в Николо-Угрешском монастыре. Она организовалась только семь месяцев тому назад, но в ней уже начали работать обувная, слесарная и деревообделочная мастерская, работает «скульптурная», изготавливая различные бюсты, фигурки, пепельницы и т. д. Огромная монастырская гостиница перестраивается под фабрику. Собор, постройки XVI века, закрыт и тщательно охраняется, а в новом соборе устроен клуб.

Среди этой тысячи — те самые ребята, которые осенью 27 года устроили буйство в Звенигороде, сфабриковали порох, сделали ружья из водосточных труб, стреляли, взрывали стены здания, где они жили. Печать эмигрантов отметила этот «бунт» с полным моральным удовлетворением как один из бесчисленных признаков «разрухи» в Союзе Советов. Но юные буяны теперь весело и неутомимо очищают владения монастыря от грязи, убирают мусор на стройке, разбивают в саду новые клумбы, — вообще, устраивают «свое хозяйство». Здесь так же, как в Москве, на пункте, куда милиция приводит «беспризорных» с улиц, не сразу веришь тому, что видишь, а видишь — здоровых детей. Должно быть, это — результат «естественного отбора» наиболее выносливых, а слабые, отравленные кокаином и алкоголем, разрушенные преждевременной сексуальной жизнью, — уже погибли.

Не менее, чем все другое, поражает обилие даровитых ребят в этой шумной массе много испытывавших бродяг и бойких уличных воробышек. Возникает уверенность, что многие из них вырастут недюжинными людьми. Хочется очертить фигуры и характер некоторых, но здесь не место этому. Да и опасаться: не повредить бы ребятам похвалою, они и без этого достаточно высоко ценят себя. Крайне поучительно знакомство с этой молодежью, которая — не будь революции — так бы и осталась жить на путях из тюрьмы в тюрьму. Но вот смелая и счастливая мысль открыла пред ними дорогу к свободному труду, а через труд — к самопознанию и культуре.

Чем Ягода и Погребинский сумели возбудить трудовой энтузиазм в ребятах, анархизированных уличной жизнью?

Очерк Погребинского хорошо отвечает на этот вопрос: порыв к труду вызван у детей доверием к ним, убеждением в том, что если человеку дать возможность свободно работать, — он будет работать охотно и честно. Ребята Трудкоммуны ОГПУ блестяще оправдали доверие, оказанное им.

Сделано и растет хорошее, глубоко-поучительное дело.

1928

«МЕХАНИЧЕСКИМ ГРАЖДДАНАМ» СССР

Ответ корреспондентам

За четыре месяца, прожитых мною в Союзе Советов, я получил свыше тысячи писем и среди них сотни две посланий от граждан противосоветского умонастроения. Многие из авторов писем требуют ответа, но я физически не могу ответить каждому и отвечаю всем сразу. Чтобы направление ответа не возбудило вопроса: кому же именно? — называю некоторых корреспондентов:

Это — «обыватель, который механически стал гражданином СССР»; затем: «группа русских»; автор письма о «Вавилонской башне»; человек, который в МГУ слушал лекции Бухарина, Луначарского и др. строителей социализма, но — «передайте им это» — требует он — «вышел из университета самым крайним индивидуалистом»; затем «поэт из крестьян», антисемит; «пролетарский поэт», у которого украли пальто и галоши; «бывший меламед»; «бывшие поклонники»; «убежденный защитник мещанства» и десятки других «механических граждан».

Послания этих граждан, различные по степеням малограмотности и хамоватости, вполне объединяются скверненькой злостью против советской власти, против коммунистов, рабочего класса и против автора этой статьи, «предателя родины», «ослепленного царскими почестями, оглушенного славословиями», которого «водят за нос», «показывая ему несуществующие нигде достижения». В высокой степени характерно для «механических граждан» именно то, что их особенно злобно раздражают именно достижения советской власти и рабочего класса, — наличность достижений весьма единодушно и свирепо отрицается.

В подавляющем большинстве корреспонденты заявляют: у них нет надежд, что письма дойдут до меня. Спешу успокоить:

дошли. И не только закрытые, но дошли открытки, на которых четко написаны различные ругательства; почта Москвы работает отлично, и это я считаю одним из достижений.¹

Следует отметить еще одно: злость, наполняющая письма корреспондентов моих, свидетельствует о том, что советская власть за одно десятилетие сумела раздражить духовно полумертвого, безразличного к действительности обывателя так, как этого не мог достичь режим самодержавия на протяжении многих десятилетий.

Теперь «механические граждане» раздражаются не «накожно», как это было раньше, когда накожное раздражение обманчиво заставляло многих из них воображать себя народолюбцами и революционерами, — теперь раздражение проникло глубоко в «тайное тайных» обывательской души, вызвало там процесс окисления, тления, и вот несколько образцов черного словесного дыма, исходящего из глубины обывательских душ.

«Где ваши, Горький, доказательства того, что человечество вечно и уцелеет в то время, когда земля потеряет атмосферу, т. е. когда не будет воздуха для дыхания? А если таких доказательств у вас нет, зачем же я буду поддерживать своей деятельностью то, что обречено погибнуть?»

Второй философ упрощает вопросы первого:

«Не является ли напрасной и совершенно бесцельной жертвой с нашей стороны всякое ограничение самих себя и других путем создания каких-либо законов, правительственных учреждений и верований во имя какого бы то ни было ближайшего и отдаленного будущего, примерно хотя бы во имя коммунистического будущего?»

Третий еще более решительно упрощает и конкретизирует:

«Наплевать мне», — пишет он, — «на всякую общественность, на все призывы к труду, творчеству, я не честолюбив, я хочу жить просто для самого себя, для семьи»...

И, наконец, четвертый, как говорится, «ставит точку над «i» — которое, напомним, уже выкинуто из алфавита, — четвертый пишет: «Русский народ не понимает свободу, ему нужны казак и плеть».

Нельзя отрицать, что познание «механическими гражданами» скрытой сути своей явилось результатом благотворной дея-

¹ Кстати: прошу работников почтамта принять искреннюю мою благодарность за их крайне внимательное отношение к моей обильной корреспонденции.

тельности советской власти, и результат этот — весьма крупное достижение, на мой взгляд.

Есть у меня, разумеется, и письма иного типа, и часть одного из них очень уместно привести в противовес философии обывателей.

Автор письма — «человек от земли, называемый прежде мужик, а тепериче гражданин как все». Он — «это письмо писал две недели как грамоти навчился от племянца члена красной Армии». Он пишет: «Ежели бы раньше знать чего знам от советской власти, ну так не было бы никаких воин и сукиных сынов которы затевают и денъга была бы на хозяйство деревням на фабрыкы и дай Господь добиться товарищам разружения всех тогда пойдем широко у впереди всех».

Писем такого тона у меня тоже немало, и они иногда внушают нелепую мысль о вреде грамоты для «механических граждан».

Граждане! Вы убеждаете меня, что я «ослеплен», «оглушен», «продался», «кривлю душой», и так далее в этом духе. Хотя далее уже — некуда! Впрочем, один из вас идет далее, спрашивая меня: «Неужели вы не видите, что $\frac{99}{100}$ всего народа ненавидит и боится вас?» Испортит мне «психологию» этот неосторожный статистик! Подумал бы он: сколь чудовищно великим существом должен почувствовать себя человек, которого ненавидят 148 500 тысяч людей ему подобных? В мире, за всю его историю, еще не существовало человека, ненавидимого такой массой людей.

Совершенно не верно, граждане, что я не вижу в Союзе Советов ничего плохого, темного. Вот, например, вас вижу я, а ведь, — кротно говоря, — нельзя же вас признать хорошенькими. Все, что вы пишете мне, не может вызвать у меня ничего, кроме жалостливого презрения к вам. Совершенно искренно говорю вам, — ваши ругательства, клевета, ложь, все направленное вами лично против меня нисколько не задает, нисколько не злит, ко всякой клевете, ко всякой лжи и всем ругательствам я давно привык, «от молодых ногтей моих».

Единственно правильное, на что указываете вы, это на шумиху, устроенную по поводу моего 60-летнего юбилея, на «встречу». Верно, шумиха излишняя, и хотя от нее я не оглох, однако она отняла у меня массу ценнейшего времени. В. И. Ленин был — как всегда и во всем — сугубо прав, говоря, что юбилей — «смешная нелепость». Но, кроме этого указания, о чем и как вы пишете мне? Посмотрите: «Фабрик у нас

нет» — это когда восстановлены почти все старые фабрики и затрачена не одна сотня миллионов на построение новых.

«В каждом городе тысяч 50, 100, а то и больше безработных», — конечно, это ужасно, и особенно ужасно для тех городов, в которых все население исчисляется в 100, в 50 тыс. А каково живется городам, население коих 30, 40 тыс.? Это уже невозможно представить.

«75 проц. населения России болеет сифилисом» — сообщаете вы. «Каждый коммунист имеет 10 жен». «Девочки с восьми лет начинают жить половой жизнью». «Фабрики стоят и разрушаются, транспорт — тоже». Что — «тоже»? Стоит и разрушается? «Ряды комсомольцев пополняются сыновьями бывших урядников и волостных писарей». Литератор, которого, казалось бы, профессия обязывает быть грамотным, сообщает: «У нас, при общем взгляде на литературу, как будто и нет талантов. Печатаются евреи, кричат о них, редактируют они. Просто тошно».

И мне тошно, гражданин, от вашего дикого невежества. Ибо кричат у нас о Шолохове, Фадееве, Панферове, И. Вольном, С. Семенове, Ф. Гладкове, Олеше и т. д., все о «православных», о русских. «Известия» редактируют И. И. Скворцов-Степанов и Гронский. «Правду» — М. И. Ульянова и Бухарин. «Рабочую Газету» — Мальцев и Смирнов, «Комсомольскую Правду» — Костров, «Красную Новь» — Раскольников, «Новый Мир» — Луначарский и т. д. тоже все русские. Но — если бы и евреи? Вы, гражданин, — поэт, думаете, что, например, Бабель и другие талантливые евреи хуже такого христианского гуся, как вы? Ошибаетесь, гражданин, ошибаетесь, по малограмотности вашей!

Малограмотность у вас, граждане, ужасающая. Один из вас пишет, что «коммунисты заткнули» мне «уши для того, чтоб я не слышал, как народ безмолвствует». Но — сами посудите: если народ безмолвствует, на кой же чорт уши-то мне затыкать? И — как можно говорить «народ безмолвствует» в те дни, когда столь яростно и бурно кипит «самокритика», когда огромная армия рабселькоров, беспощадно обличая все, даже самые мелочные ошибки и непорядки управления хозяйством страны, все более активно втягивает рабочую массу в дело жизни, — ее дело? Как можно утверждать, что «основной массе наплевать, кто и как ею управляет»? Ведь вы сами же указываете: «Газеты переполнены фактами отрицательного характера», — верно! Но, создавая эти факты, масса сама же и обличает их, потому что рабселькоры — голос масс. Согласитесь, что пресса

Европы еще не дожидаясь до такого явления, как «самокритика» рабочей массы своей же работы, не дожидаясь, несмотря на «свободу печати», «свободу слова». Выступая в печати против тона, против формы «самокритики», я делаю это потому, что, вытаскивая в газеты различные, неизбежные «мелочи жизни», рабочие «льют воду на вашу мельницу».

А кто вы?

Вы — враги трудового народа. Тот гражданин, который учился в МГУ и вышел оттуда «крайним индивидуалистом», пишет мне: «Масса русских людей — дрянные люди, трусливые, лживые, не способные к совместной работе, стоящие на низком нравственном уровне».

В оценке массы этот молодой пессимист врет, но его оценка вполне правильна по отношению к вашей массе, «механические граждане».

Все те «факты», о которых вы сообщаете мне, я знаю, читал о них в эмигрантской прессе. Эмигранты лгут тоже не очень грамотно, но все-таки они уже не всегда пишут столь изумительную ерунду, какую пишете вы.

«Предсказанный Иоанном Богословом антихрист явился, это — Ленин». «Старый строй — недостижимая звезда для современности». «Святое имя — Витте». «Большевики — немецкие шпионы, Горький, друг Ленина, тоже шпион».

Послушайте, — ну, как вам не стыдно? Ведь такие глупости писал Вл. Бурцев одиннадцать лет назад, а теперь даже слабоумные от старческой дряхлости эмигранты стыдятся писать такое.

«Бывшие поклонники из Нижнего и Сормова» пишут мне, что мною «владеют большевики, люди с темным прошлым, с тюрьмою назади», пишут и — прощаются: «Прощай, наш Горький». Ведь вот как опоздали проститься! Давно бы пора, граждане! Кстати: вашим я никогда не был. Большевики «владеют» мною уже лет 25. Отличаюсь я от них еще и тем, что, к сожалению моему, — в 17 г. переоценил революционное значение интеллигенции и ее «духовную культуру» и недооценил силу воли, смелость большевиков, силу классового сознания передовых рабочих. Об этой моей ошибке я уже говорил. Никто, граждане, не застрахован на всю жизнь от ошибок, вероятно, и некоторые из вас ошибаются в своем враждебном отношении к советской власти, к рабочему классу и в оценке текущей действительности.

Для тех граждан, которые спрашивают: почему я «продал

ся», «примазался» к большевикам, замечу: всякий человек, конечно, волен и должен говорить то, что думает, и всегда полезнее выразить свою глупость, чем носить ее в себе, как боль или тошноту. С глупостью высказанной, — как с кожной болезнью, — легче бороться, а когда она скрыта в мыслях, это уже болезнь «внутреннего органа», лечить ее трудней. И, наконец, высказанная глупость самому глупцу видна.

Отвечаю на вопрос: юношей, живя в Казани, Царицыне, Борисоглебске, Нижнем, я познакомился с революционерами народнического толка. Это было для меня случайностью счастливой, — впервые увидел я людей, жизненные интересы которых простирались дальше забот о личной сытости, об устройстве личной, спокойной жизни, людей, которые прекрасно, с полным знанием каторжной жизни трудового народа, говорили о необходимости и верили в возможность изменить эту жизнь.

И не только говорили, — делали. Железнодорожный рабочий, смазчик Михаил Ромась, уже отбывший десять лет суровой якутской ссылки, прикрываясь ненавистным ему делом лавочника, пытался поставить пропаганду среди крестьян Казанского и Симбирского Поволжья. Он говорил молодым пропагандистам Виктору Арефьеву и Павлу Ситникову:

«Когда беретесь за революционное дело, то уже не можно брезговать никаким тяжелым трудом и надо помнить: корень слова — дело».

Предо мною мелькали удивительные люди: Гусев, пропагандист среди саратовских сектантов, который прожил двадцать лет в ссылке где-то около Ташкента, высох там, полусгорел, питался какими-то порошками, но тотчас же по приезде в Нижний начал крепко ругаться, упрекая всех в том, что забыли о революционной работе. Высохший, как мощи, он, казалось, готов был рассыпаться в пыль, а говорил так, что, когда я слушал его, мне было стыдно за то, что я ничего не делаю для освобождения народа. Стало еще стыдней, когда этот человек уехал в Саратов, немедленно начал там свою работу и через семь месяцев, преданный кем-то, умер в тюрьме.

Такие люди, как Гусев, встречались, конечно, не часто, но они падали в болотце «томительно бедной жизни»; точно камни с неба, и я видел, что после них остаются среди людей два круга волнений: люди постарше, «бывшие» революционеры, конфузливо улыбаясь, разводили руками, а молодежь относилась к людям типа Гусева насмешливо, даже раздраженно. Кружок высланных в Нижний студентов Ярославского лицея восхищался «мужеством» Льва Тихомирова, бывшего члена

«Исполнительного комитета Народной Воли», ренегата, который написал книжку: «Почему я перестал быть революционером?»

Для меня старые революционеры, побывавшие в тюрьмах, ссылке, на каторге, являлись героями, полусвятыми; я смотрел на них, как на живое воплощение «правды-справедливости», как на людей, способных разрубить все туго завязанные узлы жизни.

В 91—92 гг. в Тифлисе я встретил особенно много людей, судившихся по процессам начала 80-х годов, отбывших каторгу и ссылку. И вот, на вечеринке, один из них, некто Маркозов, выслушав рассказ о холерном бунте в Астрахани, сказал, вздохнув:

«Очевидно, для управления народом все еще необходимы кнут и штык».

Я ждал, что бывшие «борцы за свободу народа» возразят ему, но — не дождался. На слова его, которые я часто слышал среди обывателей, никто не обратил внимания, как будто были сказаны слова самые обыкновенные, привычные слуху. Меня они сначала оглушили, а затем развили мой слух, сделали его более чутким. И вскоре меня уже не удивляли такие заявления бывших революционеров, как, например, заявление старика «нечаевца», человека исключительной образованности, переводчика Флобера и Леопарди.

«Друг мой», — сказал он, — «оставьте эти красные бредни, русский народ никогда не удовлетворится никакой иной формой правления, кроме самодержавной, деспотической».

Эти «мысли» я записывал, и в 97-м г. в Метехском замке Тифлиса жандармский офицер Конисский показал мне бумажку, на которой, между прочим, было написано:

«Когда я был таким, как вы, молокососом, я тоже хотел делать революцию, но, прожив три года в Мезени, вылечился».

— Чьи эти слова? — с явным удовольствием спросил Конисский.

Много слышал я таких слов, а в 1907 году в сборнике «Вехи» прочитал:

«Мы должны быть благодарны власти за то, что она штыками охраняет нас от ярости народной».

Как известно, «Вехи» выдумал бывший «марксист» Струве, человек беспризорный, кочевой, ныне он перекочевал от марксизма уже к монархизму. В 1901 году я наблюдал, как курсистки и студенты почти молились на него, он был тогда «вождем»

молодежи. Думаю, что эти воспоминания достаточно красноречивы. Заключу их словами одного знаменитого анархиста:

«В молодости все мы очень храбро размахиваем революционными дубинками, а под старость они бьют нас по головам».

Все это, не умаляя высокой оценки культурной работы, которую вела интеллигенция, заставило меня усомниться в ее «любви к народу» и в ее революционности.

Подлинную революционность я почувствовал именно в «большевиках», в статьях Ленина, в речах и в работе интеллигентов, которые шли за ним. К ним я и «примазался» еще в 1903 году. В партию — не входил, оставаясь «партизано», искренно и навсегда преданным великому делу рабочего класса, и в окончательной победе его над «старым миром» — не сомневаюсь.

Я знаю, граждане: все, что говорится мною здесь, — для вас не убедительно, знаю, что бесполезно указывать вам на огромные достижения советской власти на пути строительства рабочего государства. Понимаю, что другой на моем месте не стал бы отвечать на ваши грязненькие, визгливые письма. Но у меня есть свое отношение к людям, отношение, воспитанное моим опытом, моим знанием, как трудна жизнь, как много в людях животного, подлого, и знанием, что люди-то не очень виноваты в своих подлостях, ибо творят они их по внушению необходимости, по слабоволию, потому что строй жизни основан на жадности, зависти, на гнуснейшей жестокости человека к человеку. Угнетает, уродует людей проклятое прошлое и будет угнетать, будет уродовать до поры, пока мы не изменим самые основы жизни, ее экономику.

Если я бываю груб, если употребляю резкие слова, — это не значит, что я оскорблен или хочу оскорбить, это не значит, что я забываю о том, как несчастны люди, как трудно им жить, как мало виноваты они в том, что глупы и жадны. Я не зол, но ненавижу прошлое, и ненависть моя часто не находит достаточно ёмких, твердых слов. Я видел и вижу очень много мерзостей, но не очень люблю говорить о них. Не они меня интересуют, и не они, — на мой взгляд, — характерны для людей. Меня в юности глубоко задел за душу вопрос: как это случилось, как возможно, чтоб отвратительная наша жизнь создавала хороших людей? Нелегко и не по книжкам только изучал я его.

Я твердо знаю, что основное качество человека — стремление к лучшему. Качеством этим обладают и другие животные,

но человек развил его до степени основной своей силы, разумной силы. Это он создал и создает культуру. Умение находить, сравнивать, изучать полезное и вредное, красивое и уродливое вне себя и в самом себе, — вот основная сила человека. Она толкала его создавать все условия для дальнейшего развития его способностей, и она победит все, что мешает росту человека. Победит.

Вы, граждане, люди с органическим пороком, с каким-то темным пятном в мозгах. Это пятно обладает способностью стягивать в себя и затем отражать явления, факты и мысли только отрицательного характера. В вашем мозгу непрерывно происходит процесс гниения, разложения впечатлений. Это уродство возникло на почве, конечно, классовой психики, на почве паразитивного стремления к власти над людьми, к жизни за счет чужих соков, к личному покою, благоденствию, благосостоянию, вообще — к тому, что всегда было преступным и становится все более преступным в наши дни, когда трудовой народ понял свое право на свободный труд для себя. Вы — индивидуалисты, а история нуждается в сильных, гениальных индивидуумах для создания новых форм жизни, более достойных разумного человека, чем те формы, которые навязаны ему прошлым. Жизнь требует героев, паразиты уже отжили свой век.

Древний еврейский мудрец Гиллель очень хорошо сказал:

«Если я не за себя, то — кто же за меня? Но если только за себя, — зачем я?»

Это — самая лучшая заповедь из всех, которые навязывались людям. Я руководствовался ею. Вся работа моей жизни была «игрою на повышение», цель у меня всегда была и остается одна: повышение в людях воли к жизни, повышение активной ненависти к действительности, унаследованной нами от прошлого.

Людям необходима иная действительность, не та, в которой они привыкли жить. Я вижу, что процесс создания новой действительности у нас, в Союзе Советов, развивается с удивительной быстротой; вижу, как хорошо, творчески вливается в жизнь новая энергия, — энергия рабочего класса, и я верую в его победу.

Верую, потому что — знаю.

ЕЩЕ О МЕХАНИЧЕСКИХ ГРАЖДАНАХ

Судя по количеству откликов справа и слева, заметка «Механическим гражданам» имела успех «лекарства по недугу». «Механические граждане» рассердились, неистово ругаются, грозят мне «судом народа», а некоторые из них, заграничные, считая себя хитрецами, притворяются, будто бы они страшно обрадованы фактом бытия «механических граждан» в Союзе Советов. Один заграничный даже напечатал на эту тему статейку, озаглавив ее «Благая весть», хотя какая же благодать в том, что существуют люди, которые сами говорят о себе: «Да, вы правы, — мы безвольны, мы слабы, мы рабы от рождения, терпели татарское иго, терпели самодержавие, терпим большевиков», — как пишет мне некая дама, одновременно хвастаясь тем, что она «тоже сидела за народ». Не имею права сомневаться в том, что корреспондентка эта вполне искренно «сидела за народ», но не могу не напомнить ей, что очень многие «сидели» за него лишь потому, что надеялись сменить сидевших на шее народа и самим сесть на это место. И не только «сидели», а, как сказал Дон-Аминадо, поэт белоэмигрантов: «До изнеможения ходили в народ и обратно». Радость, вызванная тем, что «механические граждане» еще живы и скрипят, вполне естественна у людей, которые хотели бы видеть весь трудовой народ механически безвольно и безропотно исполняющим их волю.

Другой обрадованный пишет так: «Вспомните, что сказано у Ефрема Сирина, — писатель IV века, не марксист: «И возвеселится враг, егда узрит разрушение трудов своих рукою его, и насытит сердце свое горем твоим». Едва ли это сказано у Ефрема Сирина, но это знакомая цитата, помнится я ее читал в письмах Святогорца, и кажется мне, что из нее выпало одно слово о сердце — «злое» сердце. Человек этот убеждает меня сказать правду. С удовольствием, вот она: власть должна принадлежать трудящимся, и хотя это неприятно хищникам, бездельникам и всем, «иже с ними», это неизбежно будет.

Скептик убеждает меня: «Чего вы горячитесь? Все идет своим порядком, «рак пятится назад», «щука тянет в воду», хорошо зная, что она затем и существует, чтоб карась не дремал», а безграмотные ваши рабочие скоро очутятся у «разбитого корыта», так же, как у этого корыта оказалась вся наша интеллигенция-лебедь, который «рвется в небеса». Вот я тоже «горел любовью к народу...» Ох, не верю я цитатам и послови-

цам! Ну, как, например, можно повторять, что «черного кобеля не вымоешь добела», после того, как бывшие черносотенцы превратились в «белых», а розовые идеалисты густо почернели, видя, что возлюбленный ими «народ» решительно не желает жить механической жизнью раба. К тому же: горение есть окисление, а так как гниение тоже окисление, то многие, изгибая, думают, что они сгорают ярким и красивым огнем.

«От какой-то незаметной точки между революцией и культурой начинается трещина, — пишет «Скептик». — Начинается, ползет дальше, становится глубже и приводит к тому, что лозунг «культурной революции» служит источником «уклона вправо», а понятия «пролетарской революции», «диктатуры пролетариата» приобретают характер, враждебный культуре». О чем, о какой культуре идет здесь речь? О той, которая признает за меньшинством право воспитывать — в своих интересах — разум и волю большинства и бессмысленно эксплуатировать его энергию? О культуре «духа»? Чорт его возьми, этот «дух», если для роста его необходимо существование господ и рабов, необходимо угнетение человека, необходимы кровавые боины!

«Скептик», по его словам, смотрит на «действительность с высоты той башни, на которой человечеством зажжен маяк единой и вечной истины». Лично мне ничего не известно ни о месте, где стоит «башня», ни о «единой и вечной истине». Я думаю, что истины творятся только опытной наукой. Кто-то очень хорошо сказал, что «истина, это — орудие познания», а известно, что каждое орудие изнашивается. В наши дни наука опытная выработала новое орудие познания, новую истину: электрическую теорию материи, а наука о развитии человеческого общества установила, как истину, неизбежность классовой борьбы и необходимость для рабочего класса взять в свои руки политическую власть. Эта неизбежность и эта необходимость доказываются и оправдываются ужасающими преступлениями капиталистического строя. Ни один честный человек не может, не имеет права назвать разумной и культурной жизнь, в которой возможны такие факты, как война 1914 — 1918 гг. В годы этой войны было уничтожено несколько десятков миллионов рабочих и крестьян, разрушено только в одной Франции 300 тысяч домов, и только одна Германия истратила на уничтожение людей свыше 40 миллионов тонн металла.¹ Если б в 1913 году

¹ Недавно кто-то подсчитал, что на убийство каждого солдата империалистическая война тратила до пяти тонн металла. Вдумайтесь в этот факт, он отлично рисует «мудрость» капиталистического хозяйствования.

политическая власть была в руках рабочих и крестьян, — миллиарды рублей, истраченные капиталистами России на убийство своих и немецких рабочих людей, на разорение Восточной Пруссии, были бы истрачены так, как они тратятся теперь: на развитие сельского хозяйства, промышленности, транспорта, на культурное развитие трудового народа. Чего ради начата была эта гнуснейшая война? Ради интересов небольшой кучки тупоголовых миллионеров, ради удовлетворения их жадности, их ненасытного стремления к роскоши. И вот — ссора небольшой кучки хищников и паразитов приводит ко взаимному истреблению рабочих людей, одинаково несчастных во всех странах, людей, у которых всюду один и тот же враг — капиталист.

Разумеется, это всем понятно, это — «азбучные истины», но я не виноват в том, что их надобно напоминать. А напоминать их надо потому, что капиталисты снова хотят заработать на крови трудового народа, снова готовятся послать миллионы рабочих и крестьян на взаимное истребление. Эта новая война будет еще более кровавой и разрушительной. Снова будут превращать города в груды мусора, снова испортят, разорют, отравят трупами сотни и тысячи квадратных километров плодородной земли, вырубят и выжгут леса. А ведь все, что построено на земле, принадлежит тем, кто строил, а не тем, кто заплатил за работу построения деньгами, нажитыми на труде рабочих и крестьян. Все на земле создается их трудом, и главное несчастье мира, источник всех его страданий, преступлений и горя трудовых людей в том, что крестьяне и рабочие в массе своей все еще слепы, все еще не понимают по слепоте своей, что если они крепко, дружески объединятся, — им легко будет сбросить со своей шеи капиталистов, которые давно уже перестали быть людьми, а становятся все более хищными и кроваво-жадными животными.

Разумеется, все это я говорю не для «Скептика», а для той молодежи, которая в городе и деревне идет на смену старой гвардии большевиков, людей, которые приставили огромному телу рабочих и крестьян Союза Советов хорошую голову, партию.

«Скептик», это — «лебедь», черный лебедь, он «рвется в небеса». Он в сущности не столько «скептик», как романтик. Он — весь в чужих словах, среди них немало старинных, когда-то мудрых и до сего дня очень красивых слов. Но «мудрость» его внешняя: она наклеена на нем, как обрывки старых афиш на столбе или заборе. Он пищет: «Рабочие, которым вы

служите если не из выгоды, то по недоразумению, никогда не воссоздадут той духовной культуры, той красивой жизни, которую они разрушили». Он — пассивный романтик. Пассивный романтизм, это — романтизм усталых мещан, он всегда является на сцену жизни после бурных общественных трагедий и на смену активному романтизму, который, обычно, предшествует революциям. Пассивный романтизм является под ручку с богом, одним из главных козырей его политической игры. В нем есть некая лирическая и соблазняющая юность «красота», вернее, красивость словесных узоров, и он весьма похож на плесень, хотя плесень относится не к политике, а к микологии, науке о грибах. Но пассивный романтизм все-таки политика, — мы живем все еще в условиях классового общества, а в этих условиях, как известно, нет ничего, что было бы «вне политики».

Приятно-зелененькая плесень пассивного романтизма имеет целью своей реставрацию — проще говоря — ремонт личности, разрушенной в самом корне, раздвоенной в самой основе своего «я», даже тогда, когда эта личность столь грандиозна, как Лев Толстой. Пассивный романтизм полагает, что если вытолкнуть личность из сферы задач и вопросов социальных, погрузить и углубить ее в капризную игру ее чувствований и мыслей о себе самой, то этим самым в стороне от жизни личность обретет утраченную цельность, «внутреннюю гармонию». Но, отводя личность к себе самой, пассивный романтизм только углубляет процесс раздвоения и разрушения личности.

Наивно думать, что возможна гармоническая «красивая жизнь» при отвратительных и неустраненных условиях классового общества, при условии всеобщей анархической борьбы, при наличии зависти, жадности, подневольного и — часто — бессмысленного труда. Нелепо и бесстыдно думать, что кто-то, — кто бы он ни был, — имеет право строить себе уютное гнездышко для красивой личной жизни в те дни, когда социальная жизнь становится все более откровенно цинической, грязной, отравленной многообразными преступлениями против человека.

Мещанское содержание того пассивного романтизма, который сейчас постепенно, осторожно развивается в Союзе Советов, совершенно ясно. Романтизм этот ползет по двум параллельным путям: по одному — к самоуглублению личности в свой мирок, в свое микроскопическое «я», по другому — к идеализации труда серпа и плуга, к идеализации труда, который ставит целью себе возрождение и развитие дешевенькой, уют-

ленькой индивидуальной собственности. Тут — не только поэзия, но и соображения удобства, потому что на шее крестьянина безопаснее, удобней сидеть, чем на шее рабочего. Героический труд молота, который кует действительно новую, коллективную жизнь, органически чужд и даже враждебен пассивному романтизму мещан, любителей «красивой жизни» и «духовной культуры».

Один из «культурных» наших людей, раньше — когда это было в моде — причислявший себя к революционерам, а впоследствии черносотенец, сказал в минуту откровенности:

«В сущности, какая у нас духовная культура? У нас — кабацкая культура: цыганские песни, венгерские скрипки и вообще — кабацкий романтизм. Существует небольшая группа людей, которые о чем-то философствуют, но еврей Гершензон чувствует подлинную Русь лучше русского».

На мой взгляд, в этих словах есть значительная доля правды. О «кабацком романтизме» сказано хорошо, он — что-то специфически-русское. Чем сентиментальней «романтический» вой, тем оглушительнее действует он на людей ресторанной культуры. И невольно думаешь, что главным содержанием «красивой жизни», которую эти люди ныне оплакивают, наиболее вкусной духовной пищей их была именно пестренькая, слащавая грязिशка дорогих кабаков, грязिशка, которую люди эти сами же восторженно и творили. И, эмигрировав, они оказались наиболее способными к ресторанной деятельности, к песням с «тоской» и пляскам с удалью.

Романтизм людей этого типа еще ниже, ещё жалобнее романтизма моего нижегородского сокавартиранта Николая Пряхина, почтово-телеграфного чиновника. Сей рыжий юноша, скромный и всегда чисто вымытый, аккуратно одетый, посмотрелся потрясающих и бездарных драм Невежина, Шпажинского, вообразил себя безнадежно влюбленным в актрису и решил прервать свою рыженькую жизнь.

Он пожелал сделать это «красиво». Достал бутылку из-под шампанского «Клико», наполнил ее пивом, вынул из киота бумажные цветы, украсившие икону, разбросал их перед собой по столу, выпил стакан пива, выстрелил в правый висок свой из револьвера Лефюше и, ослепнув на оба глаза, остался жить.

Рассказывая об этом своем геройстве, он добавлял:

«Вот какая насмешка коварной судьбы».

И осторожно щупал палочкой землю вокруг себя, глядя прямо на солнце, невидимое ему.

Некоторые из «механических граждан» упрекают меня в том, что будто бы я искусственно подбираю цитаты из глупых писем, а мудрые «обхожу молчанием». Это — неверно, граждане! Я очень внимательно читаю все письма и усердно ищу в каждом «признаков объективной истины». Но — или ее нет, или я действительно так «плохо воспитан», что мне «истина химически несродна».

Вот предо мною огромное письмо — десять страниц не почтовой, а писчей бумаги, исписанной мелким почерком; на чтение такого письма нужно затратить по меньшей мере 20 минут. Оно подписано: «Сибиряки», значит — «коллективное». Это усиливает его значение и мое внимание к нему. Однако, речь его ведется от первого лица, — от «я», а не от «мы».

«Пишу вам совершенно честно, не в целях обрызгать рвотной слюной колоссальную, героическую работу СССР. Не знаю сам, кто я — механический гражданин или какой-то другой квалификации. Сейчас я на советской работе. Но подошел я к ней после отрицания ее».

Прочитал я это и подумал: «Наконец, что-то серьезное!» Но, увы! Далее следует знакомое и надоевшее:

«Народные массы шли за большевиками благодаря провокации в тылу Колчака таких героев, как пресловутый Анненков. Ему бы большевики должны поставить памятник, так как он и ему подобные завоевали Сибирь для большевизма. Эти мародеры клики Пуришкевича мечтали сразу свалить и б-ков и др. рев-партии, чтобы восстановить самодержавный сапог, и в этом духе работали, как только где-нибудь дорывались до власти».

Если допустить, что это «истина», так это будет истина только эсеровской фабрикации, а эсеры, кажется, даже и сами убедились, что они, хотя и обильно, а все-таки плохо фабрикуют «истину».

Далее «Сибиряки» сообщают, что «большевизм выполняет волю и желания Керзонов», затем идет критика советского строительства, переписанная довольно подробно из эмигрантской прессы, затем грустные размышления о судьбе интеллигенции, которая «в огромном большинстве своем против СССР не потому только, что она — интеллигенция — продажна и служит тому, кто больше заплатит, — это огульное обвинение — глупость, которую, конечно, понимают большевики, — а, очевидно, потому, что есть что-то в СССР, что никак не дает ей примириться с этим строем, хотя в конце концов совет-

ское правительство начинает платить интеллигенции сравнительно неплохо».

Это пишет интеллигент, точно указавший свою принадлежность к определенному политико-литературному органу. На мой взгляд, нехорошо он пишет. И едва ли советская интеллигенция скажет ему спасибо за эти — мягко говоря — неумные строки.

«Гибнет Россия по вине большевиков, — вот о чем вы должны писать, — рекомендует мне другой «печальник о горе народном». «Железа нехватает, угля нехватает», — кричит он.

Говорят, что в Европе железа осталось на 60 лет, угля — на 75 и что европейская промышленность очень встревожена этим. Мне кажется, что большевики не повинны в том, что капиталистические государства тратят сотни миллионов тонн угля и металла на броненосцы, пушки, снаряды, на самозащиту, и что, благодаря войнам, земля наша становится все более нищей. Это распыление драгоценного металла и сжигание топлива кучкой капиталистов-анархистов, в сущности, одно из самых отвратительных преступлений против трудового народа. Был у нас замечательный, но мало известный — потому, что был своеобразен, — мыслитель Н. Ф. Федоров. Среди множества его оригинальных домыслов и афоризмов есть такой:

«Свобода без власти над природой — то же, что освобождение крестьян без земли». Это, на мой взгляд, неоспоримо.

Капиталистический строй добивается власти над силами природы только для того, чтобы укрепить свою власть над источником живой силы, над физической силой трудового народа.

Рабоче-крестьянская власть Союза Советов ставит перед собой иную цель: переработать возможно большее количество физической силы рабочих и крестьян в разумную, интеллектуальную силу и влиянием этой силы ускорить процесс подчинения всех энергий природы интересам трудовой массы, освобождения ее от бессмысленного, каторжного труда на капиталистов. Разграблено железо, разграблен и сожжен черный уголь, во вред трудящимся тратится жидкий уголь — нефть — и белый — электричество, серый — торф, зеленый — дрова, солома, но остается еще много углей, пользоваться которыми капиталистический строй не научился: это — голубой уголь — ветер, синий уголь — морские приливы и отливы, красный уголь — энергия солнца. Все это — источники энергии, которых хватит на тысячелетия. Необходимо, чтобы пользование этими энергиями было изъято из-под власти хищников, которые рассматривают физическую силу рабочих тоже, как уголь

и сжигают ее для укрепления своей преступной деятельности, — эта деятельность преступна потому, что истощает сокровища земли — сжигает, распыляет их только ради укрепления своей власти над рабочими, крестьянами, а также над технической, научной и над всякой иной рабочей интеллигенцией.

Я вижу, что рабоче-крестьянская власть хорошо понимает все это, вижу, что она смело работает в этом направлении.

1928

О КРАСНОЙ АРМИИ

Одним из крупнейших и бесспорных достижений советской власти является организация Красной армии. Интересно было бы подсчитать, сколько грамотных людей дала деревне Красная армия за эти годы. Сколько из среды бойцов воспитано председателей волостных и сельских комитетов? Сколько бойцов ушло и уходит на рабфаки, в вузы, сколько их работает в красноармейской прессе, сколько создано из них высоко квалифицированных рабочих, и вообще: какова цифра культурных людей, воспитанных первой, за всю трагическую историю Европы, действительно народной армией, созданной не для нападения, а для самозащиты?

Когда я осматривал великолепный московский дом Красной армии, когда прислушивался в лагерях к обучению бойцов грамоте, смотрел на их занятия в поле, — память воскрешала мрачные картины рекрутских наборов старого времени, картины казарменной жизни солдат, грубость и жестокость учебы и весь этот дикий ужас фабрикации «пушечного мяса». Далеко ушла Красная армия от прошлого, и уже никогда, никому не позволят наши бойцы повернуть их назад, потому что всякий поворот назад был бы поворотом к их борьбе против себя, а не за себя, не за то, что завоевано отцами и старшими братьями. Вспомнилось также и о том, что в час, когда я свободно беседую с красными бойцами, — лагеря и казармы Европы наполнены крестьянами и рабочими, которых усердно готовят к позорному делу взаимного истребления, к новой бойне, которая будет еще более ужасной, чем бойня 14—18 годов, наградит мир новыми миллионами трупов, десятками тысяч изуродованных людей, тысячами обезумевших от страха, миллионами вдов и сирот. Снова станут разрушать города, деревни, вытаптывать поля, портить плодородную землю и всячески уничтожать плоды прекрасного человеческого труда, — уничтожать культуру.

Вспомнилось, что сейчас десятки и сотни тысяч рабочих на фабриках Европы делают пушки, ружья, взрывчатые вещества и ядовитые газы, — все это для того, чтоб убивать друг друга. Для кого, для чего необходимо взаимное истребление рабочим народом самого себя? Для нескольких десятков тысяч очень богатых и совершенно безответственных людей, которые «правят миром», т. е. — живут чужим трудом, чужой кровью, заражая трудовой народ — как вишн тифом — болезнями жадности, зависти и вражды.

Этой кучке морально тупых, выродившихся людей, которые, опираясь на безволие и слепоту рабочей массы, правят миром, советская власть предложила два плана разоружения. В первом плане говорилось о полном разоружении армии, предлагалось закрыть все фабрики, изготовляющие все необходимое для массового убийства людей, — убийства, которое, почему-то не считается преступлением. Если б это предложение было принято правительствами Европы, оно освободило бы миллиарды золота, которые затрачиваются на истребление рабочих людей, вооруженных друг против друга. Сотни миллиардов пошли бы на облегчение труда, на создание более легких условий жизни, на развитие культуры, на сельское хозяйство. Люди, командующие отвратительной действительностью, люди, создавшие эту тяжелую, позорную жизнь, полную непримиримых противоречий, вражды, злобы, преступлений, — люди эти, конечно, отказались разоружиться.

Отказались они и от второго предложения — разоружиться не вполне, а частично. Этим отказом они признали, что без войны, без массового убийства, они не могут существовать. Этим отказом они признали, что основой их власти служат сотни тысяч вооруженных рабочих и крестьян, физическая сила которых — единственный источник власти и богатства буржуазии. Она грабит рабочих людей и заставляет ограбленных ею защищать ее. Вот как просто основано господство буржуазии. Надо сказать, что те люди, которые, позволяя грабить себя, защищают грабителей с оружием в руках и не щадя себя, — тоже... простак. Вообще, — все изумительно просто, вполне понятно, непонятно только одно: почему трудовые массы народа так медленно понимают мерзость этой простоты?

Представьте себе такую сцену: пойман привычный убийца, его поймали добродушные люди и говорят ему:

«Брось нож, перестань убивать людей, не хорошо это».

«Не могу», — отвечает он. — «Если я перестану убивать, — мне жить нечем будет».

Этот простенький ответ и есть ответ правительств Европы на предложение советской власти, сделанное М. М. Литвиновым. И ответив так просто, ясно, буржуазия Европы усердно и непрерывно натачивает ножи против рабоче-крестьянской власти Союза Советов. Строительство новой жизни в Союзе Советов развивается в условиях трудных, а все-таки успешно, и успехи, достигнутые в разных областях труда, изумительны, если не забывать о всей сложности условий, в которых живет и работает наш трудовой народ. Нет сомнения в том, что успехи были бы еще более значительны, если б народ не был поставлен в необходимость тратить огромные средства на свою самозащиту, на армию своих бойцов. Враг жаден, хитер и богат, ему есть где и есть на что купить достаточное количество «пушечного мяса». Он может купить румын, поляков и — мало ли на земле слепых людей, которые еще не доросли до сознания своих действительных интересов! Наш трудовой народ должен это знать, но он может смотреть в будущее без страха, — защита у него прекрасна — не только потому, что у нее хорошие штыки, но, главное, потому, что ее вооружили непобедимой правдой, ее научили понимать бесчеловечную «простоту» капиталистического государства. Красная армия не только боевая сила, она — культурная сила. Она является мощной организацией, которая втягивает огромные массы трудового населения Союза Советов в общественную и государственную культурную работу. Она очень хорошо способствует росту культурной революции, внося в деревню грамотность, а культура это та сила, которая только одна может помочь Союзу Советов опередить капиталистические страны в деле развития своих производительных сил, в быстроте хозяйственного роста. Готовясь к обороне страны, Красная армия уже перешла в наступление на хозяйственную и политическую косность массы, на ее древние предрассудки и предубеждения.

Что это так — об этом красноречиво говорит факт отношения крестьянской молодежи к службе в армии. Едва ли где-либо возможно такое отношение к армии, как в Союзе Советов, где молодежь смотрит на армию, как на культурно-воспитательное учреждение. Мне известен ряд случаев, когда группы крестьянской молодежи призывного возраста настойчиво требовали зачисления в бойцы сверх комплекта. Это было в текущем

октябре. Никто не скажет, что это случалось и при старом порядке, когда рекрута шли в казармы с песней:

Во казармах жить тошнехонько,
Погибай наши головушки!

В Союзе Советов боец Красной армии воспитывается как строитель новой культуры, он не только защитник своего народа, но — во многом и все более — становится учителем его.

Люди, потерявшие возможность жить за счет чужой силы, стонут и кричат: Россия погибает! Но это они сами погибают, и страх пред неизбежной гибелью внушает им, что вместе с ними погибает 150 миллионов талантливого народа, который почти голыми руками все-таки успешно строит государство для себя.

Много еще осталось в этой великой и прекрасной стране «неограниченных возможностей» отвратительных пережитков проклятой, грязной, позорной старины, но в ней уже достигнуто самое главное: ее трудовой народ хорошо почувствовал несокрушимость силы знания и, почувствовав это, он — учится хорошо работать, по-новому жить. Школы, университеты, фабрики переполнены здоровой умной молодежью, и ее стремление учиться так велико, что хотя 70 тысяч юношей принуждены учиться по лекциям «Университета на дому», все-таки десятки тысяч остаются за дверями высших учебных заведений. Это — плохо, но — как все плохое — это временно. Красная армия тоже служит школой, культурно воспитывающей молодежь, и бойцы Красной армии хорошо понимают, что они не только защитники страны против внешнего врага, но и должны быть борцами против внутреннего врага — против старинной глупости, дрянных привычек, суеверий и — за новую культуру.

1928

О КУЛЬТУРЕ

Мне кажется, что для рабочего класса было бы полезно усвоить такой взгляд на культуру.

Все, что именуется культурой, возникло из инстинкта самозащиты и создано трудом человека в процессе его борьбы против мачехи-природы; культура — это результат стремления человека создать силами своей воли, своего разума — «вторую природу».

Первая природа — хаос неорганизованных, стихийных сил,

которые награждают людей землетрясениями, наводнениями, ураганами, засухами, нестерпимым зноем и таким же холодом. Первая природа бессмысленно тратит силы свои на создание болезнетворных микроорганизмов — бацилл, на создание вреднейших насекомых — комаров, мух, вшей, которые переносят в кровь человека яды тифа, лихорадок и т. д.; она создает бесчисленное количество вредных или бесполезных растений и трав, истощая на размножение паразитов здоровые соки, потребные для произрастания питающих человека злаков и плодов. Можно думать, что природа вообще не создавала полезных организму человека злаков, а к тем, которыми теперь питаемся мы, первобытные люди приучили свой организм постепенно, путем длительных страданий и гибели множества людей. На это намекает тот факт, что употребление в пищу картофеля на первых порах вызывало у европейцев мучительные заболевания, и это было свойственно не только одному картофелю. Между всей этой враждебной или бесполезной человеку паразитивной дрянью природа создала и его, но создала таким же зверем, как все другие звери.

Этот зверь оказался наиболее чувствительным к страданиям тела и потому развил в себе способность самозащиты быстрее, тоньше, разнообразнее, чем все другие звери. Инстинкт самозащиты научил его отличать среди растений и трав полезные ему злаки, плоды, лекарственные травы, приучать животных, одеваться в шкуры, жить в пещерах, выдумать оружие для охоты, самозащиты и каменные орудия для облегчения труда.

Вся и всякая мудрость слагается из маленьких очень простых истин, выработанных наблюдением, изучением. Но в беспощадной борьбе и в страхе за жизнь, за «свою индивидуальность» инстинкт самосохранения принудил человека «мудрствовать лукаво», и поэтому люди затемнили свет простых истин сором и пылью хитренческих слов. Отсюда возникает необходимость очищать истины от засорения, напоминая о том, как произошли все и всякие истины.

Человеческая культура — явление биологического порядка, она выражает, осмысливает, изоцирует волю человека к жизни, — слепую волю, которая свойственна всему живому: растениям, насекомым, птицам и зверям. Человек начал создавать свою культуру с той поры, когда он почувствовал себя более слабым животным, чем все другие звери. Ощущение этой слабости принудило его инстинкт самосохранения развиваться более быстро и успешно. Именно на почве инстинкта самозащиты у человека развивалась его ценнейшая способность — способ-

ность наблюдать. Этой способностью обладает и муравей, и ворона, и тигр, но человек, наблюдая, сравнивая, изощрил способность наблюдать до еще более ценной — до стремления к познанию всех явлений жизни. В дальнейшем познание достигло высоты точных наук, а в наше время оно уже постепенно превращается в инстинкт, в такую же биологическую, органическую особенность человека, как его членораздельная речь и его смех.

Раньше говорилось: «Любовь и голод правят миром» — под любовью подразумевалось стремление к продолжению рода, под голодом — голод физиологический, — но в наши дни мы уже имеем право говорить о третьем инстинкте — инстинкте познания, об интеллектуальном голоде.

Наблюдение по существу своему и результатам есть главное орудие и верный способ самозащиты человека в его борьбе с природой, главная основа его культурного роста.

Огонь — греет; было легко почувствовать его пользу, гораздо трудней — научиться добывать огонь. Человек научился делать это, заметив, что трение дерева о дерево тоже создает теплоту. Человек стал добывать огонь трением — прием, которым мы пользуемся до сего дня, зажигая спички. Как изобретен был светильник и далее масляная лампа? Человек свеживал тушу убитого им животного и, застигнутый темнотой ночи, воткнул кусок дерева в мясо, там, где было много жира. Человек заметил, что, втягивая в себя нагретый и растопленный жир, дерево горит ярче, сгорает медленней. С таким светильником человек прожил несколько тысячелетий и пользуется им даже теперь, когда уже овладел электричеством.

Человек изобрел лодку, наблюдая, как плывет по воде скорлупа ореха или птичьего яйца. Затем он достиг того, что по воде плавают огромные суда, построенные из железа и стали. Значение рычага, основу будущих машин, человек понял, видя, что корни дерева, которое вырвано ветром, поднимают куски земли и камни. Ткать человек научился у пауков, наблюдая за их работой. Весьма вероятно, что сшивать звериные кожи для защиты тела своего от холода человек научился у птиц, — некоторые из них шьют гнезда из листьев. Так открыто было все, чем ныне могуче вооружен человек.

Наука является основой культуры, главной силою, творящей «вторую природу», которая и есть — культура.

Религию и умозрительную философию — на мой взгляд — следует отнести к художественному творчеству, к искусству человека воплощать свой опыт, свои чувства и мечты в образы,

формулировать свои впечатления в мысли. В образе бога человек воплощал свои лучшие желания, свои мечты о всеведении, всемогуществе, свое стремление преодолеть стихийные силы первой природы, враждебной ему. Есть много оснований думать, что первобытные люди создавали богов «по образу и подобию» мастеров культуры: кузнецов — Вулкан, Тор — страпух — Геба, Фрейя — охотников, мореходов и т. д.

Рабочему классу должно быть особенно близко и понятно убеждение, что все на земле создается силами разума, воображения и воли человека и что иных сил, творящих культуру, — нет.

Из грубых кусков обожженной глины — кирпичей рабочий строит великолепные здания, «дворцы культуры», города. Из бесформенных кусков руды он создал и создает все, чего не было и нет в «первой природе», — карманные часы, железнодорожные мосты, хирургические инструменты, двигатели внутреннего сгорания, типографские машины и т. д., — разумом своим он одухотворяет железо и сталь.

Ученый, наблюдая, исследуя все существующее в первой природе, учит человека создавать вторую за счет сил первой, заботится о его здоровье, о продлении его жизни. Художник, наблюдая внутренний мир людей — психику — показывает человеку величие и низость его, силу его разума и силу его звериных свойств.

Три человека строят культуру: ученый, художник и рабочий. Передовой рабочий класс, каким является наш, советский, должен знать, что нет труда, который не имел бы культурного значения, что чем сильнее любовь к труду — тем выше культура и что к полной, всеобщей победе над старым миром он придет скорее, если хорошо поймет решающее значение науки, искусства, труда.

Мне кажется, что в таком понимании культуры заложены основы той, новой морали, которая должна вооружить рабочего на упорную борьбу против всего, что в нем, рабочем, живет как позорное наследие старого мира, — на борьбу против лени, пьянства, жестокости, против его стремленьишка поскорее устроить для себя спокойненькое, мешанское житьишко в ущерб великим, героическим задачам его класса.

О ПРОТИВОРЕЧИЯХ

В «Журнале для всех», в книжке за сентябрь 28 года, под заголовком «Вопросы культура и быта» т. Иосиф Сталин говорит:

«Чтобы строить — надо знать, надо овладеть наукой, надо учиться. Учиться упорно, терпеливо. Учиться у всех — и у врагов и у друзей, особенно — у врагов». «Пред нами стоит крепость — наука с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало».

Там же и под этим же заголовком т. Н. И. Бухарин говорит так: «Нашей эпохе нужен смелый, работающий, культурный, трудовой боец». «Рабочие могут выработать массу таких трудовых бойцов. Но для этого нужна систематическая, воинствующая проповедь культуры, труда, практические ее образцы, а не демагогическое попустительство, хвостизм, люмпенский или мещанский индивидуализм, подыгрывание под мелкобуржуазное отребье, которое еще, к сожалению, гнездится под черепами еще многих отсталых членов нашего класса».

Это отличные, верные мысли, и выражены они в достаточной мере четко. Но в той же книжке «Журнала для всех» в статье Н. Дольного приведена цитата из статьи А. Луначарского, напечатанной в «Комсомольской правде»:

«Нашим врагам создать переходные моменты от строительства социализма к повороту на новую Америку легче и безопаснее всего, прославляя труд, специальные знания и человека, умеющего завинтить гайку, как истинного строителя социализма».

Если один утверждает необходимость для рабочего класса овладеть всеми отраслями науки, а другой, зная, что наука не терпит дилетантов и требует строгой специализации, все-таки признает пропаганду специальных знаний хитрой уловкой врагов рабочего класса, это, конечно, противоречие.

Так же странно и разноречие в оценке труда: один требует «систематической, воинствующей проповеди труда», который, как известно, является единственной основой культуры, а другой «прославление труда» считает тоже уловкой врагов, которые стремятся «повернуть строительство социализма в сторону своих выгод — выгод хищников».

Я, конечно, уверен, что почтенные товарищи объяснят и примирят эту соблазнительную и вредную «неспетость» по вопросу величайшей важности и, смею сказать, по большому вопросу наших дней.

Цель предлагаемой читателю статьи — не полемика, которой так страстно любят заниматься у нас: вероятно, потому любят, что полемика дело весьма легкое, ибо не требует от человека ничего, кроме словесной бойкости, и возбуждается не столько искренним желанием выяснить, высветлить правду, сколько желанием полемиста — тоже совершенно искренним — «выявить свое индивидуальное лицо». Цель этой статьи — поговорить с человеком, «умеющим завинтить гайку».

Я этого человека — уважаю и люблю. Его предком был грек Архимед, который изобрел винт. Когда враги ворвались в город его и один из врагов пришел убить Архимеда, старый работник науки, уже неспособный к физической самозащите, сказал ему: — Не трогай моих чертежей.

Недавно мне пришлось обратить внимание одного из товарищей-литераторов на такой факт:

Люди изумительно красиво умеют жаловаться на то, что — «жить трудно». Уже в глубокой древности они придавали своим жалобам на жизнь прекраснейшие формы песен, сказок, легенд, поговорок, пословиц. То, что называется «фольклор», — словесное и устное творчество народа, возникшее задолго до изобретения письменности, — насквозь пропитано талантливейшими, неподражаемыми по красоте формы стонами и воплями. Но землю пахали люди — да и теперь еще пахут — таким бездарным, грубым, тяжелым орудием, какова соха. Пилу изобрели значительно позже того, как научились делать украшения — ожерелья, браслеты.

Некоторые племена Африки и теперь еще разрыхляют землю для посевов обожженным концом простой палки, но они же умеют вырезать из дерева замечательно выразительные фигурки идолов. Таких противоречий можно указать сотни.

Музеи по истории развития материальной культуры говорят о том, что люди очень рано, быстро и художественно научились делать вещи для самоукрашения и домашнего обихода — посуду, мебель и т. д., — но и инструменты и орудия труда улучшались медленно и неудачно. Создается такое впечатление, что искусством делать красивые вещи для забавы человек занимался всегда усердно и успешно, но о том, чтоб облегчить свой тяжелый труд, совершенствуя его орудия, он заботился мало и плохо. И когда об этом странном противоречии думаешь, человек встает перед тобою как существо удивительно талантливое, но столь же удивительно нелепое.

Противоречие это можно, конечно, объяснить тем, что труд всегда был «подневольным» и на «чужого дядю». Однако — вот русский рабочий народ получил свободу работать на себя. Возможно, что «получил» — уже не то слово и следует сказать: отцы завоевали детям свободу. Но — как бы там ни было, а свобода — налицо. Рабочий класс усердно строит для себя дворцы труда, дворцы культуры, общежития и все, на что он имеет законнейшее право, все, что должно удовлетворять его быстро растущие культурные потребности.

Но — почему рядом с этим газетка «Красный треугольник» кричит во всю силу правды, что качество галош — отвратительно?

Очень быстро научились играть на гармониках — пошлейший инструмент, кстати сказать! Так же быстро организовались сотни кружков любителей шахматной игры. Игра — крайне сложная, каждая партия пожирает хороший кусок времени. Конечно, нужно отдохнуть. Есть люди — предпочитающие отдыхать за чтением хороших книг.

Но — почему все фабзаводские газеты Иваново-Вознесенского округа в один голос кричат о плохом качестве товара, о хулиганстве, пьянстве, о грубом отношении к товарищам-женщинам? И как, чем объединяется такая утонченная игра, как шахматы, с грубостью, пьянством, с хулиганством? Я, конечно, понимаю, что шахматисты и хулиганы могут быть людьми различной высоты культуры. Но — не преждевременно ли заиграли мы в шахматы, на гармошках, в «подкидные дураки», и не следует ли игрокам более серьезно относиться к самим себе, а также к некультурной массе, среди которой мы играем?

С невероятной быстротой у нас разродились целые племена футболистов, филателистов, гармонистов, а грамотность этих племен печально слаба. И снова невольно думаешь о странном противоречии «художественных» наклонностей с необходимостью облегчить труд и улучшить продукцию его.

В самом деле, т. т., посмотрите, какая постыдная чепуха: рабочие — фабзаводские — газетки жалуются: галоши — плохи, ситец — плохой, стекло — плохое и т. д. Общая — «большая» — пресса солидно подтверждает: работают у нас плохо. Если б на неделю прекратить все и всякие жалобы, — наверное, эта небывалая «забастовка» сохранила бы государству не одну сотню тысяч пудов бумаги.

Кто жалуется? Как будто те же самые люди, которые скверно работают сами на себя. Кажется, — чего проще: если люди поняли, что они работают плохо, им немедленно следует начать

учиться работать хорошо. Но из года в год, изо дня в день по бумаге газет, «как волос по молоку», тянутся эти однообразные, скрипучие жалобы. Создается какая-то кисленькая, «жалобная» атмосфера, и, кажется, уже сложился особый тип «жалобного», охающего человека. А страна, хозяйство ее между тем все-таки растет, человек, «умеющий завинчивать гайки», неумоимо завинчивает их, и «деловые» люди Запада, Америки, наблюдая за работой этого человека, постепенно против желания своего начинают говорить:

— Да, эти большевики крепко стоят: пожалуй, надо прекратить попытки сбить их с ног!

Всюду, как видите, противоречия.

Кстати, Альбер Тома, человек, которого никто не заподозрит в симпатиях к стране Советов, ныне пишет:

«Необходимо правильно освещать положение в России. Никто уже не верит глупостям той части прессы, которая ежедневно предсказывает крах советского режима. Нужно давать объективную и достоверную информацию о русских делах».

Выше я поставил слово «художественных» в кавычки. Я это сделал потому, что, на мой взгляд, неоспоримая талантливость древних жалобщиков на трудную жизнь ныне иссякла, выродилась. Когда люди труда были рабами, трудились «на чужого дядю», «возили воду на воеводу», работали они не плохо, а жаловались — превосходно. А теперь, если верить газетам, — выходит так, что и работать стали хуже, и жалуются бездарно. Но в то, что работать стали вообще и всюду хуже, — в это я не могу верить и не верю. А, вот, что жаловаться стали сами на себя как-то неумно, бесполезно, некрасиво, это — правда.

В современных жалобах на трудность жизни слышится нечто как бы вынужденное, как будто людям приказали: жалуйтесь, ребята! Они и начали со всем усердием. Дело — легкое, не требует ни ума, ни таланта.

Мне кажется, что в современных жалобах на трудность жизни есть что-то «профессиональное» и совершенно нет той искренности, которая давала красоту и силу трудовым жалобам дореволюционного времени.

Но я, конечно, не буду отрицать, что в современных жалобах на жизнь очень много простейшей, грубой мещанской жадности. Люди хотят как можно скорее насытиться благами и радостями жизни, насладиться бездельем. Разумеется, это — вполне человеческая жажда, но я думаю, что в наши дни она

постыдна и опасна. Ведь в доме, не покрытом крышей, невозможно устроиться уютно. Да и фундамент дома недостаточно глубок и прочен.

Не отрицаю и того, что жизнь все еще тяжела, трудна. Но чтобы сделать ее легкой, есть только одно средство: коллективный разумный труд. И это — единственная форма труда, которая действительно может привести людей к свободе, счастью. Только разумный, настойчивый коллективный труд способен победить все трудности.

Это отнюдь не «игра слов». Эти слова — точный лозунг культурной революции. Культуру создал упорный, скромный, будничный труд маленьких великих людей, которые умели «завинтить гайку». Только таким трудом и может быть создана социалистическая культура, построено государство свободных рабочих и крестьян. Во все отрасли, во все процессы труда нужно внести ясное сознание неоспоримого факта: в стране Советов трудовой народ работает на себя и этой работой он дает урок и пример трудовому народу всего мира.

Это сознание силою своей облегчит всякий труд, все его формы, это сознание может сделать всякий труд наслаждением, веселой игрой, более полезной, более чудесной, чем все другие игры.

1929

О БЕЛОЭМИГРАНТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

(Послесловие к книге Д. Горбова)

И объективный тон и обоснованность суждений Д. А. Горбова лишает эмигрантов-литераторов возможности сказать, что несправедлива оценка, данная Горбовым их трудам во славу любимого ими русского народа.

Но если они ознакомятся с очерком Горбова, он, конечно, взбесит старых гуманистов, любителей народа, справедливости, истины, красоты, сотрудников «Освага», вдохновителей, сподвижников, а затем покорных слуг «интервентов» и русских генералов, которые, четыре года усердно разрушая хозяйство России, поливали ее кровью народа, излюбленного гуманистами. Жестокость, с которой русские генералы делали это, является — на мой взгляд — неизмеримо большей, чем жестокость иностранных интервентов, посланных обезумевшими от взаимной драки правительствами европейских капиталистов для укроще-

ния «безумства большевиков», а точнее говоря — для того, чтоб починить раны своей кожи — кожей, содранной с русского народа. Как известно, неблаговоспитанный и некультурный народ этот признал такую операцию излишней для себя, почувствовал в «безумстве большевиков» здоровый разум, выгнал из своей страны всех врагов и ныне успешно создает свою, действительную культуру. Эмигранты не хотят верить в это.

— Ничего не создает, а — погибает! — весьма единодушно говорят они. Кто это говорит?

Дмитрий Мережковский, известный боголюбец христианского толка, маленький человечек, литературная деятельность которого очень напоминает работу пишущей машинки: шрифт читается легко, но — бездушен и читать его скучно. Россию Мережковский именует «псицей», т. е. сукой. В 1902 г. он писал старику А. С. Суворину, выпрашивая у него денег на издание журнала: «Прибегаю к Вам, как Никодим ко Христу». Он знал, конечно, что редактор-издатель «Нового Времени» ни внешне, ни внутренне не похож на Христа. А когда Суворин помер, он сопровождал умершего посильной хулою, что повело к тому, что «Новое Время» опубликовало скверненькое письмишко Мережковского, а Виктор Буренин напечатал четверостишие:

На все спокойно мы глядим,
Однако — подивимся чуду:
Се — Мережковский Никодим
Преобразился вдруг в Иуду.

Тот же Мережковский в 15 или 16 г. напечатал в «Русском слове» статейку «Не святая Русь» и в конце статейки сболтнул: «Мы не с Толстым, мы с Горьким». Сболтнул он это из страха пред революцией, он вообще человек крайне трусливый. «Мы», — очевидно, «партия» Мережковских, — небольшая партия, человек пять-шесть.

Зинаида Гиппиус, христианка, человек замечательно талантливый и столь же замечательно злой. В 1901 году она в концертном зале Петербургского кредитного общества, выйдя на эстраду в белом платье, с крыльями за спиною, объявила публике:

Я хочу того, чего нет на свете,
Чего нет на свете.

Через двадцать лет ей захотелось «повесить» большевиков «в молчании», т. е. того, чего хотят все негодяи мира нашего. Так и написала:

Повесим их в молчании.

Как странно меняются вкусы!

Третьим в партии — Д. Философов, христианин, сын одной из замечательных русских женщин, друг профессионального террориста — т. е. убийцы — Бориса Савинкова и горячий защитник Каверды, убийцы П. Л. Войкова. Четвертый — Антон Карташев, христианин, профессор богословия. В прошлом году в одном из собраний парижских эмигрантов он истерически кричал, приглашая публику бить, резать, уничтожать «большевиков». В том же прошлом году чехо-словацкое правительство, по сообщению «Последних новостей», объявило, что ему необходим палач. Эту почтенную должность пожелало занять 17 кандидатов, один из них — профессор богословия. Не знаю, Карташев ли это, но считаю возможным — он.

Достойным кандидатом в палачи я считаю г. Мельгунова, христианина, человека с холоденькими глазками и автора очень лживой книги «Красный террор».

В предисловии к этой книге он сам заявил, что не может «взять ответственности за каждый факт, мною приводимый», но факты привел. Он знает, что «белый террор всегда был ужаснее красного», но обличает не белый, а красный. Знает, что «реставрация несла за собой всегда больше жертв, чем революция», но жаждет реставрации. Нет, какие странные вкусы у этих христиан, духовных вождей эмиграции!

Рядом с ними нужно поставить знаменитого черносотенца Маркова, тоже, конечно, христианина, человека с дубовой головой и замечательно невежественного. Если не ошибаюсь — это сын или племянник Евгения Маркова, автора романа «Черноземные поля», «Курские порубежники» и хорошей автобиографической книжки «Барчуки». Марков-второй, очевидно, явлен в мир как неоспоримое доказательство интеллектуального вырождения поместного дворянства.

Людей такого густопсового типа в эмиграции не мало, и с ними постепенно сливается Петр Струве, тоже знаменитость, «бывший» человек, которого когда-то называли Иоанном Крестителем всех наших возрождений. Он был трубадуром развития русской промышленности. Недавно один из деятелей этой промышленности Гукасов по-хозяйски грубо выгнал его из газеты, хотя Струве служил хозяину своему честно и усердно. За Струве следует П. Н. Милюков, профессор, историк культуры, один из организаторов «Комиссии по руководству домашним чтением», в прошлом неутомимый просветитель русского общества, «конституционалист-демократ», затем министр и вообще великий грешник. Ныне он организовал «Республиканское

демократическое объединение» и в № 2302 своей газеты 12/VII 1927 г. печатает:

«Не требуется, чтобы демос обладал знаниями, необходимыми для того, чтоб разбираться в сложных вопросах законодательства или был знаком с техникой управления».

«Не требуется» — напечатано курсивом и, очевидно, для успокоения «объединяемой негодницы». И, должно быть, ей же, негоднице, в угоду, он помещает в газете своей множество рассказов о сенсационных убийствах, а также пошлейшие «детективные» романы, которым, конечно, не нашлось бы места в «Речи». Так закончил карьеру свою «просветитель».

Далее — А. Ф. Керенский, — «Александр 4-й». Последний раз я видел этого человека в Зимнем дворце, кажется, в комнате Александра 2-го. Помню — он вызвал у меня впечатление юноши в квартире кокетки: юноша только что принес девственность свою в жертву природе, но уже чувствует себя опытным и удалым распутником. Теперь он пишет однообразно истерическим стилем передовые статьи, проклиная людей, которые не позволили ему усидеть на облюбованном месте. Не знаю, помогает ли теперь, но раньше ему помогал в этом занятии Виктор Чернов, человек, сделанный из одних цитат, причем не очень искусно. Он тоже обижен, ему тоже не дали посидеть на хорошем месте. В жизни его были два чрезвычайно удобных момента, которые открывали перед ним возможность уйти от политики и заняться каким-нибудь другим делом, более посильным для него — например, открыть небольшую торговлю дешевыми шляпами. Первый момент — разоблачение его друга и провокатора Азефа; второй — изгнание из Учредительного собрания. Но он почему-то пропустил оба и все еще кем-то политически руководит, все еще «вождь».

Затем следует назвать Далиных, Талиных, Данов и еще десятка два бывших людей и бывших социалистов, которых в свое время В. И. Ленин беспощадно трепал за уши. Вся перечисленная публика мучительно надоела друг другу, вся духовно обнищала, изъедена мелкой злостью. Год за годом, изо дня в день она упражняется в хуле и поношении большевиков, делая это уже далеко не так умело и даровито, как когда-то критиковала самодержавный строй, бюрократизм и ужасы русской жизни.

Всю ее тайно и явно объединяет только одно желание: чтоб исчезли большевики, а русский рабочий народ поклонился им, «страдающим между собою» за него, поклонился и попросил:

«Придите княжить и владеть нами».

Напрасное ожидание — не поклонится, не попросит!

Я перечислил этих людей для того, чтоб дать читателю представление, в какой атмосфере живет, какими людьми воспитывается эмигрантская молодежь и литераторы-эмигранты.

Следует упомянуть, что «блюстителем благочиния» в литературе эмигрантов служит критик-эстет Юрий Айхенвальд, работающий в газетке «Руль», кажется, самой злой и наиболее бесцеремонно лживой газете «фашистского» умонастроения. Айхенвальд поддерживает дух старых литераторов, т. е. надует их, уверяя, что они все еще зреют и цветут. Делает он это паточным языком, который напоминает довольно тщательный, но совершенно бездушный перевод с иностранного. Впрочем, иногда, он вставляет в однотонную, тусклую речь свою два-три ругательства по адресу «большевиков», но это не оживляет мертвеньких слов. Он хвалит литераторов, пасомых им, за такие «образы», как, например, «голосистый гвоздочек» и «Реомюр, с улыбкой играющий на повышение» и прочие штучки в этом духе: он внимательно следит за «направлением» литераторов. Недавно он прочитал в романе М. А. Осоргина «Сивцов вражек» умные и верные слова:

«Бездарен был бы народ, который, в момент решения векового спора, не сделал бы опыта полного сокрушения старых и ненавистных идолов, полного пересоздания быта, идеологий, экономических отношений и всего социального уклада. Я презирал бы народ, если бы он не сделал того, что сделал, — остановился бы на полпути и позволил ученым болтунам остричь Россию под английскую гребенку: парламент, вежливая полиция, причесанная ложь.»

Критик-эстет тотчас же предупредил автора, что «здесь для многих читателей «Сивцов вражек» образует непреодолимый ров:

«Может быть, не так еще непреодолим он в этом месте, где в своем стремлении к балансу автор не хочет видеть разницы между прошлым девизом, придуманным для солдат: «за веру, царя и отечество», и новым девизом, придуманным для красных солдат: «за социализм и советскую власть»: слова — одинаково «непонятные и ненужные». «Не вражек, не овраг, но ров», пишет он, и этим «но ров» еще раз утверждает мое мнение о плохом его знакомстве с духом русского языка. Он тоже гуманист, христианин, но, работая в человеконенавистнической газетке, не протестует, когда в ней печатаются негодаями «выражения горячего сочувствия горю» матери убийцы П. Л. Войкова и «преклонения пред чистой совестью и благородством» ее сына.

Так смердят все эти Лазари, которых уже не воскресит Хри-

стос, хотя они и притворяются верующими в его силу воскрешать мертвых.

Шесть лет я читаю прессу эмигрантов. Сначала читал, спрашивая себя с недоумением — наивным:

Неужели эти, разнообразно бездарные публицисты, те самые русские интеллигенты, которые учились и учили «меньшого брата» чувству «священной ненависти» к жизни, от корней до вершины отравленной лицемерием, злобой, ложью? Неужели это они восхищались работой таких разрушителей лжи, как мрачный Свифт, безжалостно глумливый Вольтер, чудовищно огромный Лев Толстой? Они учили детей своих любить изумительно выдуманный образ святого рыцаря из Ла-Манча?

Героями юности их были Спартак, Фра Дольчино, Уотт Тэйлор, Томас Мюнцер, Ян Гус и все те люди, которые пытались из крови и плоти своей создать свободу, никогда не жившую на земле, но совершенно необходимую людям.

Любимыми песнями их молодости были песни разбойников, романтические песни протеста, баллады о Разине, гневные стихи Некрасова; казалось, что истинной религией их был «социальный романтизм».

Ныне все это больше не звучит, онемели души. Очевидно, «материалисты» большевики правы, говоря, что в столкновении с беспощадной действительностью идеология легко уступает место самой злейшей классовой зоопсихологии.

Нигде условия жизни не подвергались столь резкой и все-сторонней критике, как в среде русской интеллигенции. Нигде не расточалось столько похвал святым и грешным разрушителям жизни — Христу, Байрону, Ницше и всем, кто вносил в жизнь «не мир, но меч». Русская интеллигенция считала и называла сама себя «передовой интеллигенцией Европы», она была максимадьно революционна по настроению.

Трудно понять — куда, на что так быстро израсходована вся эта сила: тщательно накопленные знания мучений народа, его попытки свергнуть иго тирании, запас ненависти к жизни, искажающей всех людей, жажда справедливости и «любовь к народу» — любовь, в которой интеллигенты объяснялись друг другу устно и печатно, громко, публично и нескромно.

Я никогда не изъяснялся в «любви к народу», я просто знал и знаю, что для русского крестьянина необходимо создать условия, в которых он быстро научился бы жить и работать более разумно, условия, которые позволили бы ему развить всю силу его талантливости. Но я искренно верил, что есть люди, которые действительно «любят» народ, — обладают каким-то сверх-

естественным чувством, которого у меня нет. Когданибудь я расскажу, как революционная интеллигенция вытравила из меня эту веру. Но в 17 г. все-таки мне было очень горестно и больно наблюдать, когда обезумевший народ серой лавиной покатился с войны в деревню и поднялась над землей его широкая, возмущенная — наконец — рожа, больно было видеть, как эта рожа реализмом и анархизмом своим тотчас спугнула «любовь» интеллигенции, соловья души ее. Упорхнул соловей в кусты забвения, а на место его сел черный ворон мещанской мудрости.

И сразу вся сила критического отношения к жизни, вся сила беспощадной, истинной и активной революционности оказались в обладании «большевиков».

Я не забыл свою позицию в те дни, помню, что, когда В. А. Базаров, тоже большевик, именовал в печати товарищей своих «головотяпами», это не очень обижало меня за них, хотя в их среде было много людей, которых я искренно любил и уважал. Я был уверен, что «народ» сметет большевиков вместе со всей иной социалистической интеллигенцией, а главное — вместе с организованными рабочими. Тогда единственная сила, способная спасти страну от анархии и европеизировать Россию, погибла бы. Благодаря нечеловеческой энергии Владимира Ленина и его товарищей этого не случилось.

Но случилось, что почти вся «революционная» интеллигенция отказалась от участия в деле революции и даже от культурной работы, еще более необходимой в дни бурь, чем в «мирное» время, — если таковое вообще существует на земле. А поскольку культурная работа продолжалась, она почти всегда — я хорошо знаю это — принимала характер враждебный тем людям, которые взяли власть. Я часто видел, что это — вражда по привычке, по традиции, потому что люди умеют «враждовать» только словесно, а кроме этого — ничему не научились.

Разумеется, я знаю, что все-таки нашлось немало интеллигентов, которые остались на своих местах, честно и упрямо продолжая свою работу в условиях голода, холода, враждебной подозрительности и бессмысленных издевательств со стороны околоточных и жандармов новой власти — со стороны «меньшого брата», в котором враждебное отношение к интеллигенции воспитывал не один Акимов-Махновец, — как вы знаете, в этом повинны более крупные люди.

Интеллигенты, оставшиеся в России, и по сей день продолжают там свою героическую работу. Это не они пишут в газеты эмигрантов письма «из России», «из Москвы», «из провинции», — письма, которые так неумело и бездарно сочиняются,

очевидно где-то вне пределов России. Я лично знаю, что в некоторых случаях слова «из Москвы» должны бы читаться «из-под Берлина».

Наивное недоумение, которое возбуждала у меня эмигрантская пресса, превратилась за время болезни Ленина в отвращение к ней.

Прожив слишком полвека на сей земле, я много видел глупостей и о многих читал. Но я не помню ничего подобного той мерзкой травле, тому бешеному хрюканью, тому потоку лжи и клеветы, который хлынул из среды «культурных» эмигрантов, вызванный болезнью и смертью человека, надорвавшегося в работе для возрождения России, разрушенной глупейшим самодержавием, позорнейшей войной и диким хулиганством бездарнейших генералов, которые «спасали Россию», разрушая города, избивая народ, «любимый» вами.

Бесстыдство, цинизм и лживость прессы эмигрантов вообще не с чем сравнить, разве только с ее лицемерием. Я не поклонник литературных приемов тех публицистов, которые не различают свободу мнения от бесшабашности выражений, и если в этой статье я тоже выражаюсь резко, так это объясняется отнюдь не моим желанием подражать хулиганам эмигрантской прессы, а лишь тем, что я не имею слов более точных для того, чтобы включить в них мое презрение и отвращение.

Совершеннейшее бесстыдство говорить о «кровожадности» большевиков при жизни устроителей четырехлетней всемирной бойни народов. при жизни всех тех господ, которые ныне столь усердно душат и режут людей, заботясь «о мире всего мира».

Гнуснейшее лицемерие кричать только о жестокости красных, умалчивая о тех фактах садической расправы с красными, о которых так хвастливо рассказывают белые в своих мемуарах. Почему бы иногда не перепечатать в своих газетах такой, например, поучительный рассказ Денисова из «Свободных мыслей»:

«У освободителя Кубани, ген. Покровского, зарубившего в Майкопе (осень 1918 года) две тысячи пленных, с тех пор не взявшего вообще ни одного пленного, — глубокие черные глаза, мягкие, пристальные, лучащиеся глаза ребенка или мечтательной женщины. «Ну, чем вас еще развлечь, — говорит он лениво разводя руками. — Посмотрите, разве, мой альбом с Камышинскими видами...» Протягивает розового атласа с уголками альбомчик, объемистый, удлиненный. На первой странице карточка: небольшой домик с георгиевским флагом командующего

на крыше, перед домиком сидит генерал с адъютантами, перед домом висят четверо... На другой странице — на обрывистом берегу Волги качаются двое. У всех на рукавах значки красных офицеров... На третьей странице — площадь — висят штатские. Адъютант объясняет: «Взяли в плен несколько убежденных. Говорили генералу так и так, что делать? — попались пленные. — Он отвечает: «Голова! Идейных-то и надо вешать. Не идейного выпорол, дал водки и погнал драться. А с идейным что сделаешь?..» На четвертой странице — просто дерево, на нем что-то висит... «Природа требует человека, — мягко улыбается генерал одними глазами. — Я, как Пуссен, не выношу мертвой природы...» Все мы смеемся и идем в соседний вагон ужинать. После шампанского два молодых армянина (балалайка и мандолина) долго играют цыганские романсы и народные песни».

Таких рассказов много, и я очень рекомендую их вниманию г. Мельгунова, он мог бы сделать из них еще одну книгу.

Как странно легко забыты такие, казалось бы, памятные и гоучительные акты жестокости, каковы 9-е января в Петербурге, 13-е в Риге, истребление латышей генералом Бекманом и остзейскими баронами, расправы Ренненкампа и Меллер-Закомельского с сибиряками, расправа с грузинами и все прочие кровавые подвиги «усмирителей» 1906 — 7 годов; еврейские погромы, массовые убийства рабочих на Лене, в Златоусте и — всюду, Орловская и другие каторжные тюрьмы, Амурская колесная дорога и бесчисленное количество других кровавых уроков, данных самодержавной властью русскому народу, и без того склонному к жестокости, как я утверждаю. В утешение народопоклонникам могу сказать, что русский человек и в жестокости исключительно талантлив. В этой форме талантливости я не могу отказать даже и вам, господа, хотя ваша жестокость выражается пока только на словах. Но я думаю, что если бы... много вы перережете людей!

Само собою разумеется, что я не имею желания оправдывать чью-либо жестокость. Но — надо же признать неоспоримым тот факт, что ни один из народов Европы не обучался в таком страшном университете крови, пыток, циничнейших массовых убийств так наглядно и заботливо, как обучали этому русский народ. Известно, что начиная с 1905 года русские матросы испытывали невероятные мучения. Известно, как невыносимо тяжела была жизнь русского солдата и как нещадно, сладостра-

стно пороли мужика. Русский народ стал неприятно для вас красен потому, что его с головы до ног облили его же кровью.

Меня хотят уверить, что все это зверство прошло бесследно, и народ, будто бы, сохранил какую-то добрую, мягкую, особенную русскую душу, которая не чувствует, не помнит боли, оскорбления, чужда мести и все прощает.

Но Осоргин прав: ведь эта душа была бы поистине мертвой душой! На счастье будущей, великолепной России такой души в ней больше нет, если даже и признать, что она когда-то была. Теперь полумертвый сон ее нарушен, она возмущена, возмущается и, постепенно проявляя свою волю к жизни, все более умнеет, крепнет.

Проявляет она свою волю не ласково, не великодушно, жутковато. Все-таки это еще не здоровая душа, она слишком хорошо помнит недавнее, страшное, боится возврата его, она отравлена ядом мести. Согласитесь, что она имеет право ненавидеть и у нее есть за что мстить. И в сущности кровавая русская революция была значительно менее кровава, чем следовало ждать. Она была бы еще менее кровавой, если бы вы, господа, вели себя скромно, более сообразно с вашими талантами и способностями, не путались в авантюры генералов, не вызывали интервенцию. Она развивалась бы спокойней и успешней, если бы вы умели забывать ошибки смело действующих людей, «неудобства», испытанные вами, и обиды, нанесенные лично вам. Но ни забыть, ни понять вы не способны, по малодушию вашему. В сущности вы — так же тупо мстительны, как и темное русское крестьянство, одетое в армяки, свитки, шинели солдат и бушлаты моряков. По крайней мере на словах вы такое же зверье, но, разумеется, более жалкое.

Мне рассказывали, что после убийства Урицкого один матрос, расстреливая каких-то, быть может, ни в чем неповинных людей, командовал:

«По недоям — пальба взводом».

После этого он сошел с ума.

Мм. Гл! Я — не садист, будучи вынужден сказать вам то, что говорю, я не испытываю наслаждения причинять людям боль, наслаждения, которое чувствуется в каждом слове ваших газет, направленном против России и большевиков.

Мне кажется, что все вы тоже сошли с ума, но не от ужаса казней, вызванных чувством мести, как сошел с ума этот несчастный матрос, нет, вы обезумели от злобы, от мелкой злобы честолюбивых людей, потерявших навсегда свое место в жизни.

Люди столь же самолюбивые, как и бездарные, вы так же

самонадеянны, как и бессильны. Бессилие ваше — факт истории, факт неоспоримый, бессилию этому не помогли ни белые генералы, ни «интервенция». Вспомните, как легко генералы заставили вас служить их простейшим, явно бандитским целям.

С той поры основным чувством, руководящим вами до сего дня, является только чувство личного оскорбления. Место этому чувству есть: вы действительно играли значительную роль в процессе развития русской культуры, вы были достаточно энергичными рядовыми работниками ее. Но эта работа еще не оправдывает вашего самомнения и не может оправдать вашей дикой злобы к тем людям, которые не побоялись взять власть и ныне правят Россией. Правят — хотя вы употребляете все усилия, чтоб не видеть успехов советской власти и не верить в них.

Да, в России правят жестоко, но ведь это страна, где каждый околоточный чувствовал себя Иваном Грозным и каждый интеллигент — вершителем судеб мира. Константин Леонтьев и Нечаев родственны по духу, также как Достоевский и Победоносцев, а это — очень русские люди.

Вам, призывавшим против русского народа «двенадцать языков», не следовало бы говорить о жестокости. Особенно теперь, когда вы совершенно обезумели от злости, как видно из вашего позорного отношения к работе и смерти Ленина, человека, имя которого навсегда останется гордостью России и всего мира, человека, о котором величайший идеалист наших дней, прекрасная душа, Ромен Роллан сказал:

«Ленин — самый великий человек нашего века и самый бескорыстный».

Ленин на века останется в истории России, а вы, измученные бездельем, злобой и тоской, скоро ляжете в ваши могилы. И — пора сделать это, чтоб избежать возможности еще раз переменить фронт и вехи. Ибо — хотя вы сегодня враждуете с большевиками, но — разве можно сказать, чьим лакеем будет завтра сегодняшний «порядочный» русский человек? Вы сами знаете, как легко и просто люди вашего стана переходят в стан ваших врагов. И, вероятно, вы не ошибаетесь, подозревая многих ваших друзей в своекорыстных мотивах их ренегатства.

Вы уже скоро уйдете из мира, где никому, кроме вас, не нужна, да и для вас, вероятно, мучительна ваша гнилая злость. Большевики останутся. Отступая от цели своей и снова подвигаясь к ней, работая в атмосфере непонимания, клеветы, лжи, звериного воя и хрюканья, они все-таки идут вперед и поднимают за собой русское крестьянство. Дети ваши уйдут от вас

к ним. Незаметно для себя вы учите детей понимать ваше бессилие и постепенно внушаете им презрение к отцам, моральным банкротам.

Но, — представьте себе, что большевики ушли и вот перед вами свободный путь в Россию. Подумайте же остатком совести: что теперь могли бы вы принести с собой русскому народу? Ведь у вас ничего нет за душой, да уже нет и «народа», который вы всегда плохо знали и уже совершенно не знаете теперь. Лично я уверен, что вы только увеличили бы в России число — остаток — нищих духом и количество извращенных.

Вы совершенно напрасно говорите о любви к России, о гуманизме и прочем в этом духе. Продолжая — по привычке, механически — считать себя гуманистами, вы еще помните, что, например, юдофобство — пакость, но о латыше и вообще об «иноплеменнике» вы говорите тоном антисемитов о евреях. Кто поверит вашему гуманизму, читая и чувствуя, с каким сладострастием отмечаете вы ошибки и неудачи России и как искренно огорчают вас успехи ее?

Что бы вы ни говорили о большевиках, но ими взято на себя бремя воистину грандиозной тяжести, поставлена к разрешению задача нечеловечески трудная, ибо эта задача сводится к осуществлению всего, о чем мечтали мудрейшие и наиболее искренно человеколюбивые люди мира.

Среди этих людей вам нет места. Ваша игра проиграна. Это была жестокая и кровавая игра. Повторяю: вы напрасно говорите о гуманизме. Ваша злость — собака слепого — сама обличает позорное уродство вашей нетерпимости.

Никто в Европе не жаловался на жизнь так громко, как русская интеллигенция. Вся она была прикована к различным тачкам на каторге капиталистической государственности, омертвевшей, гниющей, отравляющей людей. Учителя ее Гоголь, Достоевский, Толстой справедливо утверждали, что жизнь отвратительна своею ложью, лицемерием, животностью, циническим эгоизмом.

Жизнь становится все более отвратительна обнаженным цинизмом своим. Человеку нечем дышать в атмосфере ненависти, злобы, мести. Атмосфера, все сгущаясь, грозит разразиться последней бурей, которая разрушит и сметет все культурные достижения человечества; против этой возможности работает только Россия. Союз Социалистических Советов идеологически организует трудящихся всей земли.

Выпутаться из цепкой паутины уродливых взаимоотношений классов, партий, групп, — нельзя иначе, как разорвав всю паутину сразу.

Именно в России начато необходимейшее «дело нашего века», совершается попытка переместить жизнь с трех китов — глупости, зависти, жадности — на основы разума, справедливости, красоты. Эта работа возбуждает искреннее внимание и симпатии всех честных людей мира, возбуждает мысль миллионов людей. У «бывших героев» эта работа явно будит только злобу. Я сказал — явно, потому что уверен: тайно они не чужды зависти к большевикам. Ведь, вот, — живут люди, работают и будут жить и твердо уверены, что кроме них никакая иная власть в России невозможна.

Психология каторжников им совершенно чужда, фетишистическое отношение к цепям и тачкам государственности — чуждо. Они презрительно не считаются с «судьбами истории», хотя, на словах, будто бы и признают ее законы. Но на деле они ведут себя по мужицки просто, будучи уверены:

«Не нам судьба судья, а мы судьбе хозяева».

Эмигранты нередко упрекают большевиков в том, что они «искажают Маркса», не «по Марксу» живут. Это, разумеется, не совсем так, но что — Маркс. Они еще грешнее, они и «по Дарвину» жить не хотят, дерзновенно стремясь уничтожить борьбу за существование между людьми, чтоб перенести всю массу сил, поглощаемую этой потерявшей смысл борьбою, на борьбу человека с природой, ради подчинения ее стихийных энергий разумным интересам человечества.

А зарубежные интеллигенты изнывают в тоске и бездельи, быстро изживая остатки сил и сожалея, в сущности, об одном: о тех «милых сердцу вечерах», когда, сидя за самоваром, они упражнялись в красноречии на темы о тирании самодержавия, о любви к народу и о неудобном устройстве вселенной в ее целом.

И возможно, что если б сам Прометей, похитив еще какой-то новый огонь, освещающий тайны жизни, явился к ним и помешал чай пить, — так они бы и Прометея прокляли.

1928

О ЗАЙМЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Один из журналистов спросил меня: как я отношусь к займу индустриализации народного хозяйства?

Мне кажется, что подписка на этот заем — прямая обязанность каждого мало-мальски сознательного гражданина Союза Советов. Ведь, ясно, что для того, чтобы создать свободное и справедливое социалистическое государство рабочих, необходимо вооружиться совершеннейшей техникой, необходимо построить сеть заводов и фабрик, которые дали бы населению страны все, в чем оно нуждается. Население само и должно дать денег на производство всего, что ему необходимо. Капиталисты Европы на это дело денег не дадут. Им кажется, что русский рабочий народ истощает в труде восстановления промышленности в своей стране последние свои силы. Они не знают, как велик запас этих сил и как талантлив народ, который они хотели бы экономически поработить, также как в старину им удалось поработить индусов и китайцев.

Наш крестьянин и рабочий не может попасть в тяжкий плен европейского капитала, наши труженики города и деревни уже понимают, что денежные излишки необходимо отдавать в заем государству — для того, чтобы оно тратило эти излишки для дальнейшего развития народного хозяйства в интересах трудящихся. У советской власти нет других интересов, кроме интересов трудового народа. Это единственная в мире действительно народная власть, и она действительно стремится создать для трудящихся более легкие условия жизни, создать справедливое, социалистическое государство. Что трудовой народ наш понимает цель своей власти, об этом говорит тот факт, что народ охотно отдает свои сбережения на развитие государственного хозяйства. Всякий, кто участвует в займе — участвует в деле укрепления свободы, завоеванной народом ценою своей крови.

Вот что я могу сказать по поводу займа индустриализации. Я говорю это не как политик, а как гражданин своей страны, как человек, для которого счастье его родного народа — его счастье и радость, как человек, который всею жизнью своей доказал и доказывает, что «воля и труд — все перетрут».

Владимир Ильич Ленин так хорошо знал историю прошлого, что мог и умел смотреть на настоящее из будущего. Это не выдуманно мною «для красного словца», это утверждается всей работой его, всеми статьями, особенно после Октября. Неизбежность и близость Октябрьской победы рабочих и крестьян он предвидел уже в 1907 г. на Лондонском съезде. Он вообще, как никто до него, умел предвидеть то, что должно быть. Он умел и мог делать это, мне кажется, потому, что по-

ловиною великой души своей жил в будущем, железная, но гибкая логика его показывала ему отдаленное будущее в формах совершенно конкретных, реальных. Этим, на мой взгляд, и объясняется его изумительная стойкость в отношении к действительности, которая никогда не смущала его — как бы она ни была трудна и сложна, — никогда не колебала его твердой веры в то, что наступит момент, когда рабочий класс и крестьянство должны быть и будут хозяевами во всем мире.

Буржуазные философы, инстинктивно чувствуя враждебность знания для старого, привычного им «порядка», любили и любят показывать непримиримость разума и веры. Владимир Ленин был верующим человеком, он непоколебимо верил, потому что хорошо знал. Его силою была поражающая нас ясность его разума. Обширнейшие знания, которыми он насытил свой разум, вооружили его способностью пророчески видеть все, что может и должно дать сегодня завтрашнему дню. Сегодняшняя действительность была для него только материалом для построения будущего и, повторяю, никогда ничем не пугала его. Он видел, чувствовал вокруг себя тысячи творцов новой истории, — передовые отряды рабочего класса, воспитанные его мыслью, его верой и способные вести за собою всю рабочую массу, способные вырвать из земли крепко вросшее в нее бедняцкое крестьянство, поставить его на широкий свободный путь к социалистической культуре. До Владимира Ленина трудовой народ наш и всего мира не имел вождя.

Каждый рядовой боец армии Ленина должен усвоить знания и веру своего вождя. Усвоить это — значит вооружиться непоколебимой, победоносной силой. Насколько эта сила усвоена — она уже дала и дает изумительные факты творчества, смело и мощно закладывая фундамент первого в мире рабоче-крестьянского социалистического государства, успешно воспитывая во всем мире товарищей и соратников себе.

Воспитывает ли? На этот вопрос отвечает нам все растущая ненависть капиталистов всего мира к Союзу Социалистических Советов, учителю рабочих всей земли.

Хозяева страны Советов, рабочие и крестьяне уже двенадцать лет живут в напряженном состоянии самообороны против внешних и внутренних врагов, против хищников, паразитов и подлецов всех систем. Живут в борьбе со своею собственной некультурностью и малограмотностью, с дрянными, крепко вросшими в плоть и кровь бытовыми навыками, которые они

унаследовали от буржуазии, которыми заразил их проклятый, рабский, старый мир.

При всех этих и многих иных невероятно тяжелых условиях, при непрерывных помехах спокойному строительству своего государства, рабочий класс и передовое крестьянство все-таки достигло в работе своей невиданных, небывалых успехов. Это — неоспоримое свидетельство творческой силы рабоче-крестьянской массы, свидетельство богатейших, неисчерпаемых запасов ее энергии.

Мне кажется, что энергия рабочей массы еще более повысилась бы и дала еще более поразительные результаты, если бы каждый из нас глубже усвоил, чего требует от человека, от каждой единицы необходимость самозащиты нашего государства, необходимость «социалистического отношения к хозяйственному переустройству нашей страны».

Самозащита рабоче-крестьянской массы от врагов извне и изнутри требует, прежде всего, крепкого сознания каждым человеком, что именно рабочие и крестьяне — единственные законные хозяева Союза Советов и что это — навсегда!

Требует сознания, что хозяйство наше, в его существующих технических формах, все еще не может вполне удовлетворить всех потребностей рабочих и крестьян и что хотя вина в этом объясняется нашим нищенским прошлым, но частью лежит она на самих же рабочих и крестьянах, на их неправильном понимании значения труда, который преодолевает все препятствия по пути к новой жизни. Только труд и только знания могут преодолеть их.

Нужно знать, что чем дальше, тем более будут развиваться потребности 160-ти миллионного населения нашей страны и что рост этих потребностей есть, в существе своем, рост культуры, рост силы и власти рабоче-крестьянского массива, хозяина страны, учителя трудового мира. Но вместе с этим нужно понимать, что истинная, новая культура, которую должен создать, которую уже создает передовой, сознательный рабочий и крестьянин — не должна и не может выражаться в одиноличном, индивидуальном накоплении потребных человеку вещей, а — в освобождении человека от власти излишка вещей.

Буржуазная культура погибает именно от излишка вещей, от пресыщения ими. От пресыщения вещами исчезает вкус к жизни и воля к жизни.

Нам, разумеется, преждевременно говорить об излишках вещей, у нас еще не хватает необходимого. Но уже следует говорить о возрождении мещанской страсти к накоплению ме-

точей, без которых можно обойтись, о жадности к мелочам, к «уютному», пошленькому житию, не совсем уместному и даже смешному в стране, окруженной врагами, существующей в состоянии самообороны.

Самооборона, это прежде всего накопление точного знания действительности, вооружение разума, воли и логически вытекающая отсюда необходимость усиленного вооружения страны нашей индустрией.

Каждая новая фабрика, новый завод, новый колхоз, новая коммуна, это — более или менее мощный кусок гранита в ту непоколебимую стену, которой рабочий и крестьянин должен скружить и окружает свое государство от нападения врагов. Только накопление индустриального богатства в масштабе государственном может удовлетворить полностью все потребности единые. Только индустрия и вместе с нею механизация крестьянского хозяйства укрепит наши силы, нашу самооборону против врагов, — укрепит так, что никто из них не решится, не посмеет поднять подлую и жадную руку свою на государство наше.

Надобно крепко понять, что каждый час, каждый день труда — наш выигрыш в той борьбе, которую мы ведем против старого мира, каждый рубль, который мы вносим в хозяйство страны, это — маленький шаг к победе.

На социалистическое соревнование, введенное нами в работу строительства новой жизни, враги ответили нам разбойничьим налетом на Дальнем Востоке.

Мы отвечаем ускоренной подпиской на заем индустриализации. Этот заем, не говоря о его мощном экономическом значении, указывает на политический рост рабочих и крестьян. Этот ответ разбойникам — прекрасный и умный ответ действительных хозяев страны. Он убедительно и неоспоримо говорит о том, что жив и велик дух Владимира Ленина и что рабоче-крестьянская масса все более глубоко осваивает его.

1928

ДЕНЬ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Чем глубже и шире охватит рабоче-крестьянскую массу сознание необходимости для нее совершеннейшего технического вооружения страны Социалистических Советов, — тем скорее будет выполнен боевой завет Владимира Ильича Ленина: «до-

гнать и перегнать» индустрию капиталистов Европы и Америки.

На этом поле битвы «догнать» уже значит — победить, а «перегнать» значит — уничтожить.

Чем лучше, ревностнее, честнее будут работать наши фабрики и заводы, — тем все более легкой будет жизнь рабочих, светлее, культурнее «быт», богаче наша страна, быстрее будет расти уверенность рабочего в своей, все побеждающей силе, — в силе своего труда, который был, есть и всегда будет единственной основой культуры.

Рядом и вместе с этим крестьянство, вооружаемое машинами, быстро поймет явные выгоды коллективизации, по новому, более разумно, отнесется к своему труду, своим полям, повысит урожай, освободится от каторжной работы и от тех бытовых пережитков, которые затрудняют культурный рост деревни.

Разоружить зоологический крестьянский индивидуализм можно только вооружив крестьян машинами, — трудом рабочих рук, рабочего разума.

Ленинская идея социалистического соревнования — одна из крупнейших идей этого человека, действительного вождя всей мировой массы трудового народа. Как все его идеи она — проста. Она требует только одного: усилить напряжение труда рабочих на самих себя, на *свое* государство, где только они — хозяева, работать честнее, лучше, чем они работали на капиталистов.

Социалистическое соревнование требует также решительной и быстрой перемены к лучшему небрежнейшего и постыдного отношения к рабочим-изобретателям. Если подсчитать всю ту пользу, которую уже принесло изобретательство рабочих рабоче-крестьянскому государству, т. е. самой же массе трудящихся, — мы получим ослепительную цифру в миллионах рублей. Мы увидим, что вместе с работниками науки наши изобретатели, развивая и совершенствуя науку и технику, успешно освобождают Страну Советов, т. е. ее рабочих и крестьян, от зависимости иностранного капитала, от необходимости ввозить к нам из-за границы продукты иностранных промышленников.

Факты отвратительного, казенного, бюрократического отношения к изобретателям всем известны. Им не должно быть места в стране, организующей социалистическое соревнование, в стране, где простой низовой рабочий маляр выдвигает такую прекрасную идею, как «День индустриализации»,

день, которому следует придать значение ежегодного праздника.

Мы слишком дешево ценим такие факты, как выступление маляра Слободчикова, а, ведь, они говорят нам о действительном преображении рабочего, который, еще не так давно, — в массе своей — был покорным и немым рабом бесчеловечных владык.

Я знаю, помню, что мы не веруем в «героев» и не от них ждем «освобождения». Но я вижу, что в наш мир пришли иные, новые герои, — герои иного характера, иных целей. Этих героев родит и выдвигает трудовая масса, и они не требуют преклонения себе. Но надобно знать и помнить, что необходимо внимание к их работе. Посылая их далеко вперед себя как пионеров индустрии, как разведчиков путей к социализму, рабочая армия, партия и советская власть должны создавать для них атмосферу сочувствия к ним, к их труду. Это — в интересах рабочего класса и советской власти, не понимать этого — преступно.

Добьемся мы освобождения
Своею собственной рукой!

Так! Но — наши герои труда и науки, это — пальцы могучей руки рабочего класса.

1929

О ПИОНЕРАХ

Мне кажется, что рабочий класс, диктатор и хозяин страны социалистических Советов, не совсем ясно понимает глубочайшее социально-политическое значение пионерства.

Неловко напоминать о том, что в нашей действительности пионеры являются наиболее здоровыми людьми. Они не знают грязных ужасов прошлого в той мере, как это знали и пережили отцы. Они не испытали психических потрясений, испытанных комсомолом, их старшими братьями, в годы гражданской войны. Они живут уже в среде впечатлений и влияний во многом новых, — живут в эпоху быстрой индустриализации страны, в эпоху, когда деревня постепенно переходит к формам коллективного труда. Они чужды проклятой привычки взрослых отравляться водкой и табаком. Они сексуально и психически более сдержаны, чем их старшие братья. Наконец, они видят, что партия, — это мощная, организующая

сила. Все это — неоспоримо так. Все это заставляет нас признать, что дети-пионеры должны быть действительно новыми людьми и что таковы они и есть.

В другом месте, в журнале «Наши достижения», я кратко и наспех отметил работу пионеров в деревне. Это — мелкая культурная работа, но она имеет большое значение не только по своим результатам, не только потому, что подростки своими силами уже вносят в косность индивидуалистической деревни кое-что весьма значительное, но и потому, что в их работе ясно видима новая психика — психика коллективистов.

Вообще о пионерах можно сказать много хорошего, но об этом мало говорят. Наши публицисты пишут обо всем и очень щедро, не жалея слов. [Разумеется, следует писать обо всем, в том числе о детях, о пионерах. Но папаша у нас пишет так, как будто они убеждены, что им суждено жить вечно и что будущее тоже принадлежит им. Это ошибка. Будущее принадлежит детям — таков «закон природы». Разрешите напомнить, что пионеры, это — смена, это — резерв, это — законнейшие наследники всего, что сделано и делается. Социалистическое государство не может быть осуществлено, если дети не будут социалистами. Надеюсь, это не нуждается в доказательствах.

Выше сказано: (дети не знают грязных ужасов прошлого, но — не знают в той мере, как это знали и пережили отцы. Не следует забывать, что подавляющее большинство отцов и матерей все-таки еще остаются людьми прошлого и носят в себе все ядовитые заразы его, воспитанные тысячелетиями зоологического, звериного индивидуализма. Не следует забывать, что революционно-культурные силы наши работают в густом и тесном окружении злейшего мешанства, которое все еще не теряет надежды «возвратиться на блевотину свою», надежды на возрождение старого мира, во всей его гнусной прелесть.

Не нужно закрывать глаза на то, что многие носители культурно-революционных сил, утомленные сверхчеловеческой, колоссальной работой, или разочарованные несоответствием желаний с достижениями, или соблазняясь «уютной жизнью», вареньем на патоке, игрою в «подкидные дураки» и прочими игри沃ствами, погружаются вплоть по уши в тину мешанского болота.

Разумеется, люди устают, — это тоже закон их природы. Очень печально, что отцы устают, но еще печальнее, что дети видят это. Случается, что утомленный папаша на вопрос дочери-пионерки отвечает слишком понятно:

«Поди ты к чорту вместе с Китаем и Чемберленом! Я еще не жрал, а ты...»

«Жрать» — естественная обязанность человека-отца. Но отсюда как будто следует, что воспитывать дочь — не его дело, а дело какой-то другой силы.

Дети видят, что отцы устают и от усталости сердятся. Причины усталости не всегда объясняются так, как следовало объяснить эту, конечно, вполне законную причину.

Мамаша, утомленная борьбой с плохо работающим примусом, отвечает сыну-пионеру на вопрос, что будет делать какая-то Соня или Сима, дочь «лишенца»: «Прибавят жалованья отцу, — мы ее в прислуги возьмем».

Это — «быт». Пионеры, живя в условиях такого «быта», должны иметь весьма крепкую «зарядку» от социализма. Только при наличии такой зарядки они могут воспитаться социалистами. Тут возникает вопрос о том, в какой степени «вожатые» способны дать столь крепкую «зарядку», чтобы она могла противостоять зоологическим внушениям «быта»? Это — вопрос для меня не ясный.

Дети живут при наличии «нэпа». Они видят, что существуют госторговля, кооператив и «частник». Видят, что детям частника как будто легче живется. Это действует на психику не очень хорошо.

Недавно мне рассказали такой факт: десятилетний пионер заметил, что на линии железной дороги лопнула рельса. Мальчик немедленно побежал на станцию и сообщил о своем открытии. Ему не поверили, он долго, волнуясь до слез, убеждал, что говорит правду, и, наконец, убедил. Пошли проверить его слова: рельса действительно лопнула. Этот мальчик предупредил катастрофу, которая, вероятно, повлекла бы за собою несколько смертей. Он избавил государство от крупного убытка.

Отец десятилетнего советского гражданина — кустарь, портной и, кажется, потому, что он кустарь, он — «лишенец». И вот он озабоченно спрашивает отца: «А примут меня в школу учиться? Ведь ты не член профсоюза. Примут?» Не знаю, как ответил ему отец, но он мог ответить: «Не примут». И если отец ответил отрицательно — это должно вызвать у ребенка мысль, что он должен терпеть наказание за грехи отца, а от этой мысли — прямой путь в сторону, где толпятся, не зная куда девать себя, дети лишенцев. Предо мною лежит письмо, подписанное «группа обездоленных детей». Письмо это говорит так:

«Т. Горький! Начало учебного года. Мы — дети, окончив-

шие 7-летку, мечтаем попасть в профшколы, чтобы учиться, это так естественно, так необходимо для нас, необходимо для общества, государства, но, увы, мы — дети бывших людей. И нам двери закрыты везде и всюду: и в школу, на службу и на работу, мы за бортом жизни. Почему? Да потому, что нас зачал, родил чужой элемент для советской власти. Жаль, что мы не могли выбрать родителей и тем самым приобрести право на дальнейшее существование. Учиться не дают возможности, служить не пускают, работать не принимают, землю для обработки не дают. Что делать? Как существовать?!

«Вы присматриваетесь к жизни, а к этому вопросу, к вопросу страдающей детской души вы слышали что-нибудь или нет, или закрываете глаза и не находите в себе гражданского мужества писать об этом вопросе? При царском режиме вы выявляли все язвы общества, а теперь вы закрываете глаза и не хотите видеть несправедливое бичевание ни в чем неповинных детей. Жить так дальше нельзя, это мучение нестерпимо, это — садизм. Таких детей надо уничтожать, родителей — кастрировать. Ведь мы никакого преступления не совершили — зачем же так жестоко нас карать? Проклят час, когда нас родили.

Группа обездоленных детей.

Помогите как-нибудь нам, дорогой! Нам, обездоленным детям!»

На мой взгляд, «группа обездоленных» совершенно права: дети не повинны в том, что они дети «бывших людей». Из этих обездоленных детей искусственно фабрикуются «недовольные», говоря мягким словом. Дети этого рода неизбежно и очень тесно соприкасаются с пионерами. Совершенно ясно, что они не могут действовать на пионеров в смысле, желательном для советской власти.

Дети живут в годы, когда в деревне начинается свой Октябрь, начинается и принимает все более острые формы. Кулак, видя рост колхозов, совхозов, коммун, все более ожесточается и зверски защищает свое «бытие» хищника. Дети знают, что кулаки, заперев общественника в избе, подожгли избу, знают, что в другом случае, когда из окна горящей избы хотел выпрыгнуть мальчик, ему разрубили череп топором. Это тоже не может не «действовать на психику» пионера. Вообще, положение пионерства в деревне очень тяжело, а именно в деревне-то пионеры особенно необходимы, и там их работа особенно значительна.

К сказанному можно бы прибавить еще много не менее мрачных фактов действительности. Невольно вспоминаются стихи:

И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером.
Дураков не убавим в России,
А на умных — тоску наведем.

Это хорошие стихи, старые, Некрасова. Однако я думаю, что дураки у нас не очень глупы и способны серьезно подумать о положении пионерства, умным же эти стихи внушат не «тоску», а сознание необходимости принять какие-то решительные меры для облегчения крайне трудной позиции детей-общественников и для подъема их энергии.

Я непоколебимо убежден, что «все минется, одна правда останется». Партия, рабочий класс, советская власть весьма крепко и успешно строят эту правду в городах и в деревне. Рабочий класс и солидарная с ним советская общественность не могут оставить пионерство в том положении, в каком оно находится. Я верю, что будет сделано все для того, чтобы пионеры перестали быть пасынками государства рабочих.

Мудрые люди, пожалуй, укажут, что мой стоицизм противоречит моему скептицизму. Для меня эти две мирооценки — или два мироощущения — родственны и нераздельны, как свет и тень. Я думаю, что это крепкое родство уверенности и сомнения — характернейшая и хорошая особенность советской действительности, в которой люди делают то, чего до них никто еще не решался, не смел делать, и, работая сверх сил, всемерно и всесторонне подвергают работу свою зоркой, ожесточенной критике.

Этого никогда и нигде не было. В этом наша сила. Этой силы хватит и для того, чтобы изменить коренным образом недостаточно внимательное отношение к детям.

1929

ОТВЕТ

Эта статья — посильный мой ответ на письма, присланные мне различными лицами за истекший год. Ответить на каждое письмо я не имею физической возможности. Не отвечаю — и не буду отвечать — на письма антисемитов, контрреволюционеров и вообще негодяев. На мой взгляд, ответа заслуживают только те молодые люди, которые вследствие культурной ма-

лограмотности и кожного раздражения, вызванного у них толчками и шипками неустроенного быта, предъявляют к текущей действительности слишком повышенные требования, удовлетворить которые она еще не может.

Думаю, что они — люди неплохие, но жажда жизни непременно «хорошей» и обязательно «для себя» ослепляет их, и они не видят, не понимают, что исторический процесс, который развивается в Союзе Советов, быстро развивается именно в направлении благоустройства «хорошей жизни». Но если мои корреспонденты останутся на той зыбкой, болотистой почве малограмотного, безответственного, индивидуалистического «критицизма», на которой они стоят, рискуя увязнуть по уши, если они не найдут в себе силы воли сойти с этой мертвой точки, — думаю, что «хорошая» жизнь обойдет их, что она вообще — не для них.

Жизнь наша была бы легче, отношения между людьми — лучше, если бы люди знали и помнили, что в мире нет другой творческой силы, кроме сил человеческого разума, человеческой воли. Представление о том, что вне человека существуют иные, разумные силы, возникло из первобытного хаоса природы тогда, когда разум был ничтожно вооружен опытом и поэтому сам ничтожен. В ту пору, если камень оторвался от горы и покатился вниз, человек не понимал, какой силой камень приведен в движение, ему казалось, что все виды и формы движения возбуждаются на земле и над землей силами, понять которые ему не дано. Испуганный одними явлениями природы, обласканный другими, он обоготворил все, чего не понимал, обоготворил даже и смерть — силу, прекращающую всякое, видимое глазом, движение.

Некоторые из моих корреспондентов философствуют на тему о «главном»: о любви и смерти, особенно беспокоит их смерть, «поставленная поперек дороги всему живому».

Я весьма близко знал десятка два неглупых людей, которым казалось, что размышления о смерти делают их еще умнее. Различные настроения вызывали они у меня, но скажу откровенно, что наиболее безобидным для философов было сожаление о времени, которое они бесплодно тратили на попытки осветить ночную тьму искрами, которые сыплются из глаз при ударе лбом о каменную стену.

Мне кажется, что «страсть к работе умозрительной», направленная в эту сторону, притупляет «познавательную способность» и отводит «умозрителя» в темный угол, где юный фило-

соф неожиданно для себя умозаключает: «Кончил писать, и кажется, что это написано не мною, комсомольцем, марксистом, а чорт знаем кем».

Я думаю, что философствовать следует не «умозрительно», а осмотрительно, не по книжкам, а опираясь на факты непосредственного опыта, оперируя богатейшим материалом действительности, в которой развивается «великое дело нашего века», — строится «новый мир». При чем следует знать и помнить, что действительность эта отнимает сроки, предназначенные историей для нее, и что в области «философической» весьма многое предусмотрительно заготовлено именно для того, чтоб затруднить развитие «великого дела нашего века».

Если юные люди начнут думать о том, что через полсотни лет им нужно будет удалиться с земли в землю, «в тьму и холод мирового пространства», или «куда-то», — как пишут они, — это значит, что люди уже отходят от жизни. А так как жизнь — ревнива, бездельникам — не мирволит, то юноши не должны обижаться, если она проводит их в дебри метафизики подзатыльниками. Жизнь, несмотря на внешние уродства ее, созданные пороками людей, биологически здорова, полнокровна, она требует сильных, смелых, способных оплодотворить ее, а рукоблудов и языкоблудов беспощадно отметаает прочь.

Мне кажется, что из всех философских «систем оценки взаимоотношений человека и мира» самая лучшая и верная та, которой еще нет, но которая строится. Какова она будет — не знаю, и гадать об этом — не мое дело.

О «любви» не стану говорить. Однако, замечу, что в области половых отношений молодежь допускает — на мой взгляд — такую упрощенность, за которую упрощенцам придется, со временем, заплатить очень дорого. Искренне желаю, чтобы сроки суровой расплаты за грубость и срамоту упрощенности наступили возможно скорее.

Кстати — о собаках. У собак весьма полезно учиться чувству дружбы к человеку, но во всем остальном люди не должны бы подражать своим четвероногим друзьям.

Как все явления нашего мира, — смерть есть факт, подлежащий изучению. Наука все более пристально и неутомимо изучает этот факт. Изучать, значит — овладевать.

У смерти есть свои заслуги перед жизнью, — она уничтожает все изработанное, отжившее, бесплодно обременяющее

землю. Укажут, что смерть не щадит детей, силу, которая еще не развилась, и часто убивает взрослых, которые еще не успели изработать силы свои. Передко люди, прекрасно одаренные, социально ценные, умирают в молодости, а пошляки и болваны живут до глубокой старости, попугаи — до ста лет и более. Все это — так. Но эти печальные факты объясняются вовсе не «слепой, стихийной, непобедимой силой смерти», а нездоровыми и гнусными условиями социально-экономического характера. Причиной преждевременной смерти людей социально-ценных служит обыкновенно физическое переутомление, а оно является результатом хищнического, «хозяйского» отношения к человеку только как к рабочей силе, которую надобно «использовать» скорее, чтоб ее не использовал другой хозяин. Известно, что десятки тысяч рабочих и служащих преждевременно изнашиваются и погибают от цинически подлой и — весьма часто — бессмысленной, напряженной эксплуатации их сил.

Люди умирают от холеры, тифа, малярии, туберкулеза, чумы и т. д. Но ведь не обязательно, чтоб в «культурных государствах» существовали микробы, возбуждающие эти болезни. Не обязательно, чтоб вокруг великолепных городов существовали плотные кольца грязных окраин, где дома набиты людьми, как выгребные ямы мусором. Роскошные гостиницы не так социально важны, как важны хорошие больницы. Очень неловко повторять азбучные истины, но, видимо, это необходимо делать в интересах малограмотных людей.

Сторонникам и защитникам «культурной» власти капиталистов приходится убеждать самих себя в том, что если вошь кусает задницу, так в этом виновата не вошь и не задница, а — «закон природы». Нет, виновата именно мещанская задница, привыкшая сидеть спокойно, удобно и на мягком, — ведь это ею созданы и охраняются условия, допускающие существование вшей, блох, микробов, нищеты, грязи, безграмотности, суеверий, предрассудков и всего, чем болеет мир трудовой бедноты, непрерывно работающей для удобства мещанской задницы.

Но вот в Союзе Советов лишь только начали улучшать социальные условия воспитания детей и охраны материнства, а уже детская смертность немедленно понизилась и все понижается. А здоровье рабочих становится прочнее благодаря системе отпусков, «домам отдыха» и т. д.

Известно, что «культурные государства» великодушно не щадят средств на производство ружей, пушек, танков, аэро-

планов, взрывчатых веществ, ядовитых газов и всего, что предназначается для массового истребления людей. Стоимость человекоубийства все возрастает, поглощая тысячи тонн золота, добытого рабочими, собранного в форме налогов с людей, которые за это будут расстреляны, взорваны, отравлены, потоплены в морях.

Фабриканты пушек, пулеметов, динамита, иприта и прочих прелестных вещей, назначенных для массового убийства, готовятся к будущей международной войне так же усердно, — но, разумеется, более солидно и обдуманно, — как средневековые бароны Европы, решив ограбить богатый Восток, готовились к завоеванию Иерусалима, к «освобождению гроба господня». Разница та, что для современных «рыцарей без страха и упрека» Иерусалим помещается на тех улицах городов, где сосредоточены банки, а «гроб господень» — в сейфах.

Вот — работа на смерть, вот куда должны направить свое внимание и свое тяготение к философии молодые люди, чрезмерно чувствительные к неудобствам жизни в Союзе Советов, — к неудобствам жизни, которая только-что начинает строиться в новых формах. Мне кажется, что чувствительность к личным неудобствам, обидам, несчастьям у многих юношей развита слишком болезненно. Это — плохой признак, это признак слабо развитой жизнеспособности. Жизнь требует людей сильных и выносливых.

А смерть не так вредна тем, что она убивает не доживших до полной затраты сил на дело жизни, — здесь люди могут ограничить силу и работу ее, если они будут более внимательно и бережно относиться друг к другу, если начнут более щедро тратить средства на охрану здоровья, на гигиену, санитарию, на изучение причин болезней. Наука победила оспу, холеру, дифтерит, чуму, — эпидемические заболевания, от которых преждевременно погибали десятки тысяч людей. Медики становятся все более опытными и удачливыми борцами против смерти.

Смерть вредна тем, что, внушая людям страх перед нею, вынуждает некоторых тратить ценные силы свои на «умозрительное» философское исследование «тайны смерти». Но философия даже горчишника не выдумала, а горчишник и касторовое масло в деле борьбы против смерти значительно полезнее философии Шопенгауэра или Э. Гартмана.

Смерть вредна тем, что из страха перед нею воображение людей создало богов, «потусторонний мир» и такие бездарные

выдумки, как рай и ад. Но мы давно уже достигли того, что «смертные» люди наши — горные инженеры, шахтеры, кузнецы — искуснее подземного бога Вулкана, а электротехники — могущественнее и полезнее для жизни, чем Юпитер, бывший владыка молний и громов.

«Потусторонний мир» находится в темной области наших эмоций, которые все еще не очень сильно отличаются от эмоций первобытного человека, потому что страх смерти главенствует над ними вместе с хаотической работой «инстинкта продолжения рода», безрассудная деятельность которого тоже возбуждается страхом смерти. Если же «потусторонний мир» существует где-то во вселенной, мы его, наверное, откроем, установив сначала междупланетное сообщение в нашей солнечной системе, а затем сообщение между мирами. Но — с этим можно не торопиться, сначала позаботимся благоустроить жизнь на земле.

Надо ли говорить о том, что «рай» — очень глупая выдумка жрецов и «отцов церкви», выдумка, назначение которой заплатить людям за адовы мучения на земле мыльным пузырем надежды на отдых в другом месте? Кроме этого, рассчитывается, что мечта о райском благополучии в небесах несколько затемнит и даже погасит в глазах бедняков соблазнительно-радужный блеск жизни богатых на земле.

Смерть вредна тем, что на страхе перед нею основаны религии. В начале сознательной жизни первобытных людей, когда религиозное творчество было их попыткой организовать хаос явлений природы и воплотило эти явления в образ человекоподобных богов, — это народное творчество, не заключая в себе ничего устрашающего, имело определенно социально-полезное значение, способствовало развитию мысли, фантазии, воображения и до сей поры не утратило своей ценности, как «художественного» творчества.

Жрецы и церковники, уничтожив религиозное творчество как искусство, создали из религиозных представлений народа бездарные и устрашающие системы морали. Этим они надолго задержали свободное развитие мысли, миропознания, фантазии, воображения.

Особенно пагубное влияние на рост культуры имело христианство, наполнившее мир демонами, в которых оно превратило древних, созданных человеком человекоподобных богов. Оно же создало десятки тысяч невежественных монахов, которые, в страхе перед силою демонов, проповедывали людям отречение от мира, заражали их мрачными суевериями, а тех,

чья мысль противоборствовала изуверскому аскетизму и уродующему гнету церкви, признавали плененными демонами, еретиками, колдунами, ведьмами и жгли их живыми на кострах. Ни одна из религий, кроме христианства, не додумалась до установления «святой инквизиции», которая, действуя на протяжении почти семисот лет, сожгла на кострах не одну сотню тысяч «еретиков» и «ведьм» и несколько сот тысяч подвергла менее тяжким карам. Несмотря на прославленный «гуманизм» христианства, инквизиция была уничтожена Наполеоном Бонапарте в Испании только в 1800 г., а в Италии — в 1808 г., но и после этого ее пробовали восстановить. Изуверская, беспощадная борьба христианской церкви против науки, — самое позорное явление в истории Европы, — еще и до наших дней не освещена с достаточной полнотой и ясностью. Моральное одичание культурных людей, привитое им церковью, всего лучше видно на таком факте: в годы империалистической бойни христиане-немцы молились: «Боже, накажи Англию!» О том же и тому же богу молились англичане, французы, русские, молились «богу любви» о помощи в деле человекоубийства.

Надеюсь, что на вопросы некоторых моих корреспондентов о «ценности», о «необходимости» религии, о «религии, как основе житейской морали» и, наконец, как «утешении», я ответил достаточно определенно. Что касается «утешения», так я уверен, что наиболее полно утешает человека его разумный труд.

Вообще же все в нашем мире очень просто, все задачи и тайны разрешаются только трудом и творчеством человека, его волею и силой его разума.

И все осложняется, затемняется только «лукавым мудрствованием» умников, которые хотят оправдать позорную действительность и примирить людей с нею.

Нам пора признать, что, кроме разума человека, иных разумных сил в мире не существует, что наш, земной, мир и все наши представления о вселенной организованы, организуются только нашим разумом. Вне его воздействия существуют: движение ледников, ураганы, землетрясения, засухи, непроходимые болота, дремучие леса, бесплодные пустыни, звери, змеи, паразиты, — вне человека существует только хаос и безграничное пространство, наполненное хаосом звезд, хаосом, куда разум человека, его инстинкт познания внес и вносит стройный порядок так же успешно, как строит он порядок на своей земле, осушая болота, орошая пустыни, прорезывая горы дорогами,

истребляя хищных зверей и паразитов, хозяйственно «упорядочивая» свой земной шар.

Возможно, что мы тоже не так понимаем сущность сил природы, но мы уже не подчиняемся им, а властвуем над ними, и они покорно служат им. Если это не может «утешить» пессимистов, их может утешить уже только логический и практический вывод из их чувства недоверия к силам культуры, из их отвращения к жизни. История культуры говорит нам, что знания, которые выработаны трудом людей, накоплены наукой, все растут, становятся глубже, шире, острее и служат опорой для дальнейшего бесконечного развития наших познавательных способностей и творческих сил. Отсюда следует, что для быстрого и успешного роста культуры мы должны хорошо знать ее историю.

Люди, на письма которых я отвечаю, плохо знают прошлое или совсем не знают его, или же не хотят знать, — последнее определенно указывает на крайнюю степень упадка воли к жизни. Люди, которые заявляют, что «в прошлом человеку жилось легче и свободней», что «Толстой прав, отрицая культуру», что «книжность создает только гордость», что «Гоголь начал самокритикой, а пришел все-таки к богу», — все это люди ненормальные, нездоровые, с моей точки зрения. Количество таких людей как будто растет, хотя это кажется, может быть, только потому, что их жалобы становятся болезненнее и громче. Все эти жалобы говорят о судорожном припадке индивидуализма, и все они очень удачно оформлены в письме одного крестьянина или мещанина из г. Нижнедевицка: «в колхозах, вижу, нет свободы моей свободной душе, и лучше уйду в бродяги, чем туда».

«Свободной души» у этого человека нет и никогда не могло быть, потому что человек издревле живет в борьбе против человека, а не за человека и против природы. Это не новая и очень простая мысль, но кажущаяся наивность некоторых мыслей говорит о их крепкой правдивости. Человек, живущий в постоянном напряжении всех сил и способностей для самообороны от людей, не может быть внутренне свободен так, как должен быть свободен. Социальные условия, которые отводят человеку только три позиции: угнетателя, угнетенного или примирителя непримиримых — такие условия необходимо уничтожить.

Подлежит уничтожению все, что так или иначе, в форме

препятствий физических со стороны природы и классовой структуры государства или насилий «идейных», — напр., насилие церкви, — все, что затрудняет свободное развитие сил, способностей людей, развитие процесса культуры, должно быть уничтожено. Дело это успешно начато рабочим классом, именно этим началом и вызываются к жизни агонические судороги индивидуализма.

Нельзя отрицать, что индивидуальная деятельность давала и дает блестящие результаты в различных областях науки, техники, искусства, давала и даст в тех случаях, когда эта деятельность совершенно совпадала, совпадает с направлением «традиций», вкусов, интересов командующего класса — буржуазии.

Но каждый раз, когда личность шла против интересов, навыков, мысли, «традиции» всемирного мещанства, она не находила себе места в среде его, — «личность» изгоняли, сажали в тюрьмы, сжигали на кострах. Участь Сократа и Галилея постигла десятки и сотни индивидуальностей, которые пытались поколебать устойчивые основы быта и мысли. В этом тонении на людей неугодливых, а потому — неугодных, мировое мещанство с полной откровенностью обнаруживало всю глубину отвратительного двоедушия, совершенно необходимого ему как прием самозащиты и укрепления своей власти над миром.

Известно, что мещанство по существу своих мыслей, чувствований глубоко индивидуалистично. Оно и не может быть иным, потому что индивидуализм его создан «священным институтом частной собственности», коренной основой мещанского общества. Вся и всякая философия мещанства имеет целью своей укрепление и оправдание этой основы, как единственной, которая будто бы ведет людей по пути «к братству, равенству, свободе», к «мирному сотрудничеству классов».

Лживость этой философии убедительно обнаружена учением Маркса, доказана такими фактами, как общеевропейская война 1914—1918 гг., как фашизм, допущенный и допускаемый недостаточной организованностью рабочего класса Европы, сильно отравленного мещанскими влияниями.

Двоедушие и лживость мещанского индивидуализма совершенно ясны в его отношении к личности. Мещанство вообще задерживает и уродует нормальное развитие индивидуальных сил и способностей. Рост личности в классовом государстве ограничен сложной системой гнета национальных и классовых интересов, системой религиозно-философских и «правовых» идей. Эта система преследует цель развития в человеке

свойств «общественного животного», но достигает противоположного: большинство людей она воспитывает действительно домашними животными меньшинства, а меньшинству эмоционально сильных личностей облегчает пути и приемы угнетения большинства.

Активность сильных проявляется главным образом в процессе хищнического накопления капитала, т. е. в грабеже узаконенном, затем в преступлениях против общества, преследуемых законом, т. е. в мелком воровстве, бандитизме, убийствах и, наконец, в половой разнузданности, — она дает широкий выход энергии в тех случаях, когда энергия не находит иного применения, не поглощается иной тратой ее.

У людей, менее сильных, давление сложной системы классового гнета, действуя на их эмоции, на «подсознательное», вызывает недоумение и страх перед жизнью, заставляя их думать так же, как думал первобытный наш предок, создатель всех богов и религий, заставляет думать, что вне человека существуют враждебные ему и неодолимые «силы фактов». Преклонение пред фактом делает человека пассивным.

У других раздраженные противоречиями жизни эмоции задерживают, затемняют рост сознания, но это не мешает таким людям думать, что их «сознание уже опередило процесс бытия», — такое умонастроение еще более углубляет раскол человека с действительностью, делает его анархистом и позволяет ему говорить злые нелепости:

«С пятнадцати лет жизнь играет со мною, как кошка мышью, и теперь я ненавижу всех обучающих людей, я умнее их и очень жалею, что защищал их на фронтах с винтовкой, не щадя себя».

Это — крик человека, уже одичавшего в бесплодной борьбе «за себя».

Капиталистический, классовый строй государства делит людей на угнетающих, угнетенных и примирителей непримиримого, — это так давно и неоспоримо доказано, что напоминать об этом излишне. Однако, приходится напоминать, потому что многие молодые люди, торопясь занять в жизни удобное для них место, должно быть, не понимают, что торопливость эта возвращает их к прошлому — в трагический цирк, на арене которого так отвратительно, так цинично бушует капиталистическая действительность, в цирк, где гуманисты и примирители играют роль лирических клоунов.

Знаменитый математик Эйнштейн признан учеными всего мира человеком гениальным, надо думать, что он понимает современную действительность. И вот он напечатал в английской газете «Sunday Dispatch» статью, в которой, между прочим, есть такая оценка большевизма:

«Большевизм — изумительный эксперимент. Не исключена возможность, что социальная революция направится в сторону коммунизма. Большевистский опыт заслуживал, чтобы его про- извели».

Основное течение новой истории направлено против индивидуализма за преобразование жизни на коллективных, социалистических началах. Это не «выдумка большевиков», это естественный логический результат развития общечеловеческой культуры. «Большевики» рождены историей, они «законные» ее дети, она создала, воспитала их и выдвинула на первое место, как организаторов и вождей рабоче-крестьянской массы.

Прошрое достаточно убедительно показало нам, что зоологический, животный индивидуализм — основа мелкого частного хозяйства — послужил и служит отравленной, гнилой почвой для развития паразитов и хищников, озверевших от безумной страсти к наживе, способных ради пользы своей уничтожать десятки миллионов рабочих и крестьян на войне и ежедневно уничтожающих десятки тысяч непосильной работой, недоеда- нием, голодом, болезнями.

Созданная гением Владимира Ильича и энергией его това- рищей партия — мозг рабочего класса — взялась за работу небывалой колоссальной трудности: она строит социалистиче- ское общество действительно равных людей.

Условия, в которых она повела и ведет свою работу, та- ковы:

живой материал, талантливый по природе своей, но мало- грамотный или вовсе безграмотный, глубоко некультурный, глубоко анархизированный самодержавием Романовых и урод- ливо некультурным русским капитализмом;

крестьянство, — 85 проц. населения страны, — веками при- ученное «на обухе рожь молотить», «лаптем щи хлебать», за- давленное нищенским бытом, каторжной работой, суеверное, пьяное, окончательно разоренное войной империалистической и гражданской войной, крестьянство, которое даже и теперь, после десяти лет революционного влияния города, сохранило в большинстве своем психологию мелкого собственника, пси- хологию слепого крота;

многоглаголивая, на протяжении сотни лет решавшая во-

просы «социальной этики», безвольная интеллигенция, которая встретила Октябрь пассивным саботажем, активным сопротивлением с оружием в руках и частью продолжает до сего дня «словом и делом» бороться против советской власти, сознательно и бессознательно вредительствуя;

мелкое мещанство множества провинциальных городов, армия покорнейших холопов капитала, армия мародеров, привыкших жульнически обирать рабочих и крестьян;

нищенски оборудованные фабрики и заводы, к тому же полуразрушенные гражданской войной; полное отсутствие машиностроительных фабрик;

зависимость от иностранного капитала при неисчислимом обилии сырья, которое капиталисты, в стремлении скорее нажить миллионы, не утились обрабатывать, а предпочитали грабить и разбазаривать народное достояние;

огромнейшая страна с ничтожным количеством железных дорог, со взорванными мостами, разбитым подвижным составом, не связанная шоссейными дорогами.

Сверх всего этого — активная, неутомимая и подленькая ненависть мировой буржуазии.

Это — далеко неполный перечень тяжелого наследства, которое досталось рабочему классу и его партии.

Кроме того, еще существуют люди, которым вчера жилось настолько спокойно и уютно, что культурные достижения сего дня возбуждают в том их органе, который они называют «душой» — только лисью или волчью вражду. Им было бы приятней, если бы новая действительность была процентов на сто хуже, чем она есть, потому что для них — «чем лучше — тем хуже». И есть люди, так хорошо отшлифованные прошлым, что факты настоящего скользят по коже их языка, не задевая ни ума, ни сердца.

Наконец, нужно прибавить сюда весьма солидное количество глупцов, лентяев, «рвачей», двоедушных «друзей пролетариата» и много других паразитов его.

В тесном окружении таких условий, таких людей, на почве, заболоченной древней тиной, грязью, гнилью, советская власть развила работу, успешность которой очевидна, неоспорима, изумительна.

«Жизнь наша становится все больше жестокой», сообщают мне «Двое», формируя этими словами жалобы многих. Это говорят люди, плохо знающие прошлое, но это — возможно, потому что партия обязана действовать и действует со всей решительностью, необходимой для вождя армии, окруженной

врагами, — вождя, твердо уверенного, что бойцы армии в силах разбить врага.

По какой-то странной случайности большинство мнений, упреков и жалоб моих корреспондентов — малограмотно. Объяснить малограмотность молодостью едва ли можно: пионеры — моложе, но их социальная грамотность, как будто, эмоционально выше грамотности людей возраста за 20 лет. Иногда кажется, что тот или иной жалобщик нарочно «валяет дурака». Например:

«Рабочие должны изжить классовую психологию прежде всего в самих себе».

Иными словами: рабочий класс должен идеологически разоружиться. Это настолько глупо, что даже не удивляет. Примечательно, что ни один из корреспондентов не пишет о необходимости для рабочего класса изжить мещанские навыки и вкусы, отказаться от мещанской психологии, все еще свойственной ему.

Весьма часто жалуются на то, что не находят для себя места в вузах. «Нас не пускают учиться», — пишут они.

Это — не совсем верно. Вернее, что дети рабочих тоже далеко не все имеют возможность попасть в вузы, а — необходимо, чтоб они учились все. Необходимость эта оправдывается опасностью, что дети других классов, пройдя вузы, вступят в жизнь «интеллигентами», а затем, по примеру дедов и отцов, займутся «добрым делом» примирения непримиримостей, начнут решать вопросы «социальной этики» и вообще «предадутся мечтам» о том, как хорошо было бы, если б люди стали «умными, добрыми». Это в лучшем случае, но ведь может быть и гораздо хуже. Корреспондентам моим следовало бы понять, что они живут в годы войны и что лицемерно, глупо требовать «милосердия» на поле битвы, во время боя.

Человек, наверное, будет идеально хорош тогда, когда в мире не останется ни одного раба, ни одного побежденного, но для того, чтоб не было побежденных и рабов, — нужно беспоощадно драться против людей, которые привыкли жить трудом рабов.

В том, что люди должны быть добрыми, кроткими, — людей убеждали в течение двух тысячелетий и более. Проповедь гуманизма давно уже обнаружила свою полнейшую бесплодность. В конце XIX века христиане культурной Европы с наибольшим восторгом встретили Фридриха Ницше, который ис-

крепко ненавидел всякую гуманность, как проявление слабости командующего класса.

«Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю», — сказано в Евангелии. Марк Твен нашел, что это сказано по адресу английских капиталистов, они действительно «наследили» кроваво и тяжело во всех странах света. Нет, лучше не будем говорить о гуманизме при наличии капитализма, который заботливо подготавливает новую всемирную бойню. К тому же «война рождает героев», а «герои украшают человечество». Да, чудесно украсили человечество рожденные войною 14—18 гг. подлинные герои ее, спекулянты всех наций — «шибера», «нувориши», «акулы». Люди эти, высосав из крови рабочих, крестьян огромные богатства и продолжая весьма спокойно править силой и волей рабочих масс, организуют для большего укрепления власти своей — «фашизм», старую, средневековую форму гнета над людьми труда, а рабочий класс «гуманно» терпит все это, рискуя быть временно отодвинутым в кровавый мрак средневековья.

Если б мои корреспонденты и вообще советские граждане проснулись однажды утром убежденными, что дело рабочего класса есть действительно «величайшее дело нашего века», если б они могли объективно оценить все то, что уже построено волею рабочих Союза Советов, и все, что строится, — граждане почувствовали бы себя более здоровыми людьми. Вероятно, это дало бы им силу работать «не за страх, а за совесть».

Но убеждения вырабатываются не во сне, а суровой явью. Эта явь будет относиться все менее благосклонно к людям, которые не видят, не чувствуют в жизни ничего, кроме самих себя, не умеют наблюдать, не хотят учиться и, совершенно не зная прошлого, не могут понять высокой ценности настоящего, не чувствуют, что основной смысл творчества рабочего класса, лучшая, наиболее разумная и здоровая энергия его направлены — в конце концов — именно к полному освобождению человека.

Карл Маркс свел все «истины» к одной конкретной правде, которую должен осуществить рабочий класс — новая историческая сила. Карл Маркс сказал:

«Высшее существо для человека — сам человек, следовательно: необходимо уничтожить все отношения, все условия, в которых человек является приниженным, поработанным, презренным существом».

О МЕЩАНСТВЕ

Мещанин — существо, ограниченное тесным кругом издавна выработанных навыков, мыслей и, в границах этого круга, мыслящее автоматически. Влияние семьи, школы, церкви, «гуманитарной» литературы, влияние всего, что есть «дух законов» и «традиции» буржуазии, создает в мозгах мещан несложный аппарат, подобный механизму часов, пружину, которая приводит в движение колесики мещанских идей, приводит в движение силу тяготения мещанина к покою. Все молитвы мещан могут быть сведены без ущерба их красноречию к двум словам: «господи, помилуй!»

Как требование к государству, к обществу и в несколько развернутой форме молитва эта звучит так: «оставьте меня в покое, дайте мне жить, как я хочу».

Пресса ежедневно напоминает и внушает мещанину, что если он — англичанин, так это значит, что лучший человек на земле, если — француз, то и в этом случае — он лучший человек, если он — немец, русский — все равно: именно он — лучший человек мира.

А в общем, этот лучший гражданин «культурного» мира совершенно похож на того дикаря, который будучи спрошен миссионером: «Чего ты хочешь?» — ответил: «Очень мало работать, очень мало думать, очень много кушать». Мещанин, это — патологический случай, когда крепко усвоенная человеком техника мышления прекращает рост его мысли. Бывают случаи, что мещанин благодаря насилию событий усваивает идеи, чуждые ему, но они становятся для него источником страданий, как, например, кожные болезни или же камни в почках, в печени. В этих случаях он весьма часто начинает лечиться «болеутоляющими» средствами: религией, пессимизмом, алкоголем, распутством, хулиганством и т. д.

Чтобы все это не показалось голословным, возьмем пример: одиннадцать лет тому назад, по воле возмущившихся русских рабочих и крестьян, было прекращено четырехлетнее массовое истребление народа, устроенное владьками Европы для увеличения своих барышей. Мещане весьма серьезно и физически и хозяйственно пострадали от преступной и кровавой игры банкиров и политических авантюристов. Что же внесли эти страдания в «духовную» жизнь мещан, как изменили они автоматизм мещанского мышления?

Ничего не внесли, и нисколько не изменили привычную механическую работу выхолощенной мысли. Мещанство осталось

убежденным в том, что религия — основа морали, и что без религии государство не может существовать, хотя совершенно ясно, что буржуазное государство — аморально, основано на воровстве, грабеже, на цинической эксплуатации трудового народа. Во время войны они считали вполне естественным призывать в помощь мерзкому делу взаимных убийств своего бога, который заповедал им — «не убивай» и «возлюби ближнего твоего, как самого себя».

После войны «гуманизм» мещан остался таким же «человеколюбием» на словах и вне действительности, каким он был до войны; он еще способен немножко покричать в защиту личности, но вполне равнодушен к страданиям и угнетениям масс. И вообще страшный урок войны совершенно не изменил психику мещанства, также как не изменил он привычек комаров, лягушек, тараканов.

Капиталистические государства Европы деятельно готовятся к новой войне. Военспецы единогласно утверждают, что новая война будет по преимуществу химической, и что ее разрушение, ее ужасы неизмеримо превзойдут ужасы и разрушения войны 14—18 годов. В итальянской газете «Маттино» от 15 января писатель по военным вопросам и, кажется, генерал Дуэ рассказывает со слов адмирала Браветта: «Генерал-инженер Бурлоен рассчитал, что, применяя аэропланы, достаточно 500 тонн газа фосгена, чтобы десять тысяч гектаров, т. е. площадь, занимаемая Парижем, была совершенно отравлена в полчаса». Полковник Блох говорит: «Бомба в 500 кило фосгена, проникнув в дом, убьет всех его жителей. Взорвавшись, такая бомба образует облако в 100 000 куб. м, и оно будет иметь мгновенно поражающее действие. Если взять улицу в 30 метров ширины и 100 метров длиною, она будет отравлена от мостовой на 35 метров вверх. В случае благоприятного (!) ветра будут отравлены на протяжении километра все незаконопаченные дома». Генерал Фрие, начальник химического снабжения армии САСШ, заявляет: «Бомба в 450 кило люизита сделает необитаемыми десять кварталов Нью-Йорка, а сотни тонн этого прелестного продукта отравят все живое, воду и пищу во всем Нью-Йорке больше, чем на неделю». Лорд Нальсбург 11 июля в палате лордов сообщил, что 40 тонн арсена убили бы все население Лондона. «Разрабатываются также и способы химической войны. Ищут быстро размножающегося микроба и сыворотку против него. Таким образом, зараженный народ должен будет просить сыворотку для лечения, а изобретатели сыво-

ротки, заразившие его, поставят свои условия народу, который они заразили, например, чумой».

Европейская пресса нередко сообщает такие и подобные сведения о будущей войне. Европейское мещанство, конечно, читает эти статьи и должно бы понять, что ведь газами-то будут отравлять его детей, жен, стариков.

Если бы на одной из площадей Лондона, Парижа, Берлина небольшая группа воров, бандитов стала бы публично обсуждать вопросы о том, какой квартал и как лучше ограбить, мещанство, вероятно, попыталось бы так или иначе помешать скромным намерениям этих «социально-опасных» граждан. Но несравнимо более разрушительным намерениям людей, несравнимо более преступных и социально-опасных, которые публично обсуждают проекты поголовного истребления десятков и миллионов людей, — этим намерениям мещанство не мешает.

Не будем говорить о «гуманизме». Казалось бы, что инстинкт собственников и чувство самосохранения должны вызывать у мещан тревогу, страх; казалось бы, что органическое тяготение мещанина к покою должно заставить его кричать: «Не хочу войны!» Но он не кричит.

Когда советская власть предложила правительствам Европы проект немедленного разоружения, а затем разоружения в четырехлетний срок, — мещанство как будто не слышало этих предложений. Оно, разумеется, слышало, но автоматизм его мысли, ограниченной и подавленной традициями, заставил его отнестись к этому простому, ясному и в полном смысле понятия гуманному предложению как к несбыточному, фантастическому.

Также несбыточным и фантастическим мещанство видело многое, например: пароход Фультона, электрическую лампочку Яблочкина и бесчисленное количество различных завоеваний свободного, дерзкого разума, той силы, которая творит культуру, обогащает жизнь.

Основной лозунг мещанина: «Так было — так будет». Звуки этих слов напоминают механическое качание маятника. Мещанство действительно вырождается. Оно, как рыба, «загнило с головы».

Фантастической, недостижимой считает мещанство и цель, которую поставили перед собою революционно мыслящие рабочие и крестьяне Союза Советов: создать трудовое государство, свободное от хищников и паразитов.

Советская пресса, усердно выметая вековой «сор из избы»

на улицу, снабжает мещан обильными запасами «духовной пищи», и мещанин, питаясь гнилыми отбросами, оживает, ухмыляется, подмигивает единомышленнику, нашептывает: «Не удается. Наша правда верх берет».

Они могут радоваться: ведь это они насорили и продолжают сорить всякой дрянью: могут гордиться: хлам, гниль, грязь и все, что рабоче-крестьянская власть обязана выметать железной метлой, это действительно — их, мещанская «правда», это — продукты их векового творчества.

Несмотря на веру в милость божью и на уверенность в райских прелестях «потустороннего бытия», несмотря на весь свой фальшивенький словесный «идеализм», мещанин — сугубый «материалист» и прежде всего заботится о земном, экономическом благополучии: «Очень много кушать, очень мало работать, очень мало думать». Поэтому он шепчет, бормочет, стоит: «Сахару стало меньше, яиц стало меньше, масла стало меньше...»

Он, конечно, забыл о том, что всего вообще стало меньше еще в 16-м году, и это почти все «пищевое довольствие» исчезло в годы, когда белые генералы и «духовные вожли» мещанства, стремясь «спасти» Россию, истребляли ее рабочий народ и разрушали его хозяйство. Мещанству как будто неизвестно, что, например, поход Наполеона на Москву был детской забавой в сравнении с походами Корниловых, Деникиных, Колчаков, Врангелей и др. озверевших патриотов, которых вдохновляли высоко-культурные «патриоты собственных поместий» и различные «идеалисты» частной собственности. Того факта, что разрушенное семилетней войной хозяйство страны восстанавливается в объеме более широком, и в формах, технически более совершенных, чем оно было до 14 года, — этого мещанин не хочет видеть. Равнодушный ко всему, что не задевает лично его, замкнутый в круг привычных оценок, он шипит: «Было больше... Стало меньше». И еще крепче закрывает он глаза на тот факт, что в Союзе Советов быстро растет количество разумных людей, культурных работников, выдвигаемых рабоче-крестьянской массой. Это явление всячески невыгодно для него и, разумеется, враждебно ему.

Русский мещанин издревле воспитывался в недоверии к разуму и даже во вражде к нему. Об этом усердно заботилась церковь и этому, отчасти, способствовала литература. Начиная с «Переписки» Гоголя и до наших дней, мы среди крупнейших писателей русских не много найдем людей, которые ценили бы творческую силу разума по его действительно грандиозным за-

слугам перед человечеством. Л. Н. Толстой еще в 1851 г. писал в «Дневнике»: «Сознание — величайшее зло, которое может постигнуть человека». Позднее, в письме к Арсеньевой, он заявил: «Ум, слишком большой, противен». Вся его моральная философия пронизана этим убеждением, отразилось оно и в его колоссальной работе художника. Достоевский тоже враждовал с разумом, гениально и ехидно раскрывая перед людьми сокрушительные силы вразумного, силы инстинктов. Для Леонида Андреева мысль была врагом человека, причем он понимал ее как «начало чувственное», как особый вид эмоции. Один из талантливейших современных писателей влагает в уста героя своего такие слова: «Мысль — вот источник страдания. Того, кто истребит мысль, человечество вознесет в памяти своей».

Разумеется, автор не отвечает за чувства, мысли и действия своих героев, если автор не подсказывает, не навязывает героям свои чувства и мысли, как это делал, например, Л. Андреев, а объективно изображает логическую неизбежность развития этих чувств и мыслей, как это умели делать Стендаль, Бальзак, Флобер. Здесь речь идет не о том или ином авторе, а о весьма существенном факте: враждебное отношение к мысли выражается в то время, когда подлинно и глубоко революционная мысль, организуя волю нового класса, осваивает бытие как разумное деяние, как труд и творчество, как процесс, цель которого — перестроить всю культуру, всю жизнь на основах коллективизма. И вот, рядом с этим процессом, отчетливо выясняется течение, враждебное разуму. Нередко в книгах, написанных тоном почтения, даже симпатии к революции, чувствуешь, может быть невольное и бессознательное, стремление писателя понизить роль мысли, показать ее бессилие против «сверхразумного» или «подсознательного». Если это делается хорошо, это — поучительно и, значит, полезно. Но, видимо, существует какой-то закон, по силе которого огромное большинство книг пишется плохо. В этих книгах, благодаря технической слабости делателей их, особенно легко заметно влияние мещанства: тут оно вырабатывает «из нутра» своего тоже яловитый газ, хотя и не сильно действующий, но все-таки способный отравлять, особенно молодежь.

Есть немало книг, читая которые вспоминаешь старинный анекдот: лысый спросил длинноволосого: «Почему вы отращивали такие пышные волосы?» — «У меня под ними череп тоже голый».

Ответ не очень остроумный, но правдивый. Есть люди, ко-

торые обрастают грубой шерстью революционных фраз не потому, что хотят прикрыть внешнюю оголенность черепов своих, а чтобы скрыть иногда от самих себя пустоту своих душ. Весьма вероятно, что именно о книгах таких людей пишет один рабкор из Донбасса:

«Развернешь книгу, прочитаешь десятка два страничек — скучно. Слова — наши, а ядра нет в них. У меня такие книжки — пыль вдали, колокольчик звенит, Александр Захарыч едет. Был у нас, в Липецком уезде, становой пристав, Александр Захарыч, добряк, пьяница: выпьет с нами, молодежью, в городки поиграет, а потом еще выпьет и начнет царя ругать, да и нас: «Чортовы души, бунтовали бы скорей, а так — ни то, ни се, живешь в тревоге». Конституции ему хотелось, говорил, что при ней и царю легче бы жилось».

Я привел эту выдержку из письма не потому, что она показывает интересную и образную игру мысли одного из людей рабочей массы, а для того, чтобы указать: массовый человек уже начинает очень тонко чувствовать недостаток искренности в книге. Конечно, это не новость, но не мешает напомнить об этом еще раз. Да, мещанство растет, оперяется, и все чаще получаешь письма, в которых люди жалуются:

«Жить в атмосфере победно наступающего мещанства — тягостно»; это пишет беспартийная, старая литераторша, она — не первая из среды беспартийных чувствует, что мещанин весьма сильно портит атмосферу. Другой корреспондент, тоже беспартийный, забавно ворчит: «Гимн сочинили, просят пожалеть «торговку частную», такая пошлость».

Постепенно мещанство обзаводится своей литературой, которая «героизирует» мещанина. Это делается очень просто: автор берет ничтожнейшего Акакия Акакиевича из «Шинели» Гоголя, снабжает его психологией Ивана Ильича или героя «Мысли» Л. Андреева и, поместив такого искусственного человечка в современную обстановку, как будто создает новый характер. Мещанин читает и наслаждается: «Вот какие у меня могут быть «глубокие переживания». Уже десятки раз воскрес в новых книгах старый знакомый Макар Девушкин и множество прочих «униженных и оскорбленных», но страдающих не столько по Достоевскому, сколько потому, что: «патоки мало, жиу мало, масла мало».

Все чаще появляется в современной литературе излюбленная мещанством «неповторяемая личность» — человек, который жаждет абсолютной свободы и выявления своего я и не хочет иметь никакого отношения к действительности, презира-

смой им. Прочитав книжку о герое, сделанном из материала наших великих мастеров слова, современный мещанин впадает в некий священный восторг перед самим собою и пишет кому-нибудь письмо, изображая себя так:

«Весь мой жизненный путь индивидуален, неповторяем, неподражаем, ведь больше никто в мире и в жизни не повторит его, этого пути, этих этапов, как и до меня никто не проделал».

И еще хорошо, если этот троекратный «непо...» выразит восторг перед самим собою только в письме: иногда он пишет целую книгу, в которой можно найти такие откровения:

«...Мое творчество было для меня выше опьянения от вина, сильнее любви, слаще сна».

Не смущаясь сомнительной грамотностью этой фразы, он продолжает:

«Я не могу уверять скептиков, которые считают художника обыкновенным человеком, в том, что в минуты опьянения «творчеством» я становился выше обыкновенного человека и все знал. О, если б я был законодатель, я написал бы такую статью закона, которая давала бы преимущественные права художнику мчаться в поездах и аэропланах, чтоб острым глазом пронизать пространство земли».

Автор не способен заметить, как смешно и наивно столь сильно выраженное стремление к мимолетности и верхоглядству его нелепого героя, к которому он, автор, относится положительно. Критика тоже не замечает этого, авторы уже почитают себя «аристократами духа», великодушные издатели думают, что все это очень хорошо, и предлагают читателю все больше и больше словесной соломы, а критики, поглощенные междуусобной бранью и выпрямлением идеологической линии, плохо видят, как в литературу лезет «стопроцентный» мещанин.

Хотя ложь еще живет, но совершенствуется только правда. Ложь укрепились на тех позициях, которые созданы ею давным-давно, она не развивается, не становится хитрее и все более, очевидно, обнаруживает свою хиленькую пошлость. Вот уже прошло лет 50, а буржуазная мысль не создала никаких новых «систем социальной философии», — систем, которые с достаточной для буржуазии убедительностью утверждали бы, что именно она, буржуазия, создана природою, богом, историей для власти над миром. После отчаянной и неудачной попытки Ф. Ницше доказать, что жизнь — бессмысленна, ложь — необходима и в том, что «человек человеку — волк» ничего про-

тивоестественного, ничего позорного нет, книга Шпенглера «Закат Европы» и книги, подобные этой, откровенно рассказали об интеллектуальном и волевом истощении буржуазии и установили факт механичности, инертности ее движения по пути к окончательному вырождению. Доказательств этого факта много и помимо указанных в «Закате Европы». В западноевропейской литературе все более определенными становятся влияния, раньше совершенно чуждые ей, например: Толстого, Достоевского и осмеянного Ибсена. Его «Нора», «Женщина с моря» и другие женщины все чаще становятся героинями романов и драм Англии, Франции и Германии, а это свидетельствует о том, что «основа государства» — крепкая буржуазная семья — расшатывается. Все чаще литераторы Запада изображают свободную женщину, которая смело разрывает мещанские традиции ради самостоятельной жизни. Это — «эмансипация» не на словах, а на деле: женщина становится во главе крупных торговых учреждений, идет в журналистику, в политику, в спекулятивные авантюры. В Германии доктор философии Элеонора Кюн проповедует «гинекократию» — власть женщин. А рядом с этим растет половое распутство, однополая «любовь» почти признана естественным явлением, издаются журналы, пропагандирующие ее, легально существуют клубы и рестораны «гомосексуалистов», возрастает преступность среди крупной буржуазии, растут и самоубийства в ее среде. Обо всем этом буржуазная пресса равнодушно сообщает почти каждый день. И так же, как это начинается среди нашего мещанства, западноевропейские писатели сочиняют своих героев из материала таких художников и мудрецов, каковы Стендаль, Бальзак и др., кто давно и прекрасно видел ложь буржуазной действительности. Следует отметить рост критического отношения к современным условиям социального быта, рост особенно быстрый у литераторов САСШ.

Правда растет и совершенствуется, как правда науки, быстро ведущая людей труда к власти над силами природы, и как правда сознания трудовыми массами их социального первенства, сознания их права на политическую власть. Против этих двух творческих сил, которые в ближайшем будущем Союза Советов должны слиться в одну, — против этой силы древняя социальная ложь ничего не может выдвинуть, ничем не может оборониться, кроме пушек и ядовитых газов, последнее надо понимать, как таковые и как «идеологию» мещанства.

Идеология и мораль мещан направлены к тому, чтобы возможно туго и крепко связать волю и разум человека, направлен-

ные в сторону коллективизма. У нас эта мораль разрушается, исчезает; очень грубый и болезненный процесс: человеку приходится бороться против среды и против себя самого. Отсюда возникает печальное, но, видимо, неизбежное явление: у людей одной цели, товарищей по работе на будущее заметны небрежность в отношениях друг к другу, черствость, недооценка взаимных достоинств и злостное, слишком торопливое подчеркивание недостатков. Коллективисты по убеждениям часто действуют слишком индивидуалистически в личных отношениях к товарищам, а особенно к женщинам. Это, разумеется, от мещанства, это — его болезненное наследство. Но человек не в силах переродиться за десять лет и выработать в этот срок новую мораль, новые «правила поведения».

Однако, мне кажется, что уже и теперь пора бы начать выработку био-социальной гигиены, которая, может быть, и станет основанием новой морали. Началом этого процесса должно быть сознательное стремление к более тесному и дружескому единству людей, пред которыми стоит грандиознейшая задача — перевоспитать несколько десятков миллионов мелких хозяйчиков в культурных работников, в сознательных строителей нового государства. Надо ли говорить о том, что дело критики, публицистики — заняться именно развитием этой гигиены, делом очеловечения людей, борьбою против возрождения отравляющей мещанской «идеологии», против героизации «униженных и оскорбленных» мещан?

Героем наших дней является человек из «массы», черно-рабочий культуры, рядовой партиец, рабселькор, военкор, избач, выдвиженец, сельский учитель, молодой врач и агроном, работающие в деревне, крестьянин-«опытник» и активист, рабочий-изобретатель, вообще — человек массы! На массу, на воспитание в ней таких героев и должно быть обращено главное внимание.

Об этом даже несколько неловко напоминать, но, мне кажется, следует напомнить. У нас издается тысяча, а, может быть, и более журналов, количество их все растет, между ними есть немало параллельных по материалу и задачам. В огромном большинстве эти журналы недоступны пониманию массового читателя, для которого до сего дня все еще не написана совершенно необходимая «История гражданской войны» и не менее необходимая «История развития сословий в России». Пора бы ознакомить массового читателя с ходом развития науки и техники.

На тощеньких брошюрках нельзя уже воспитывать людей:

они относятся к брошюркам пренебрежительно, требуют «толстую книгу, посolidнее». Журналов для массового читателя мало. То, что дают «Рабочая» и «Крестьянская» газеты, на мой взгляд, отлично, но следует идти дальше. Для деревни необходим журнал, который знакомил бы ее с бытом современного Запада, с жизнью его буржуазии, освещал бы рядом с этим и быт трудящихся. Массе нужно очень много. Я утверждаю, что ей дают книг слишком мало. Ей не нужна сладкая пища литературного красноречия, ей необходим сытный хлеб ясно и четко сказанной правды о жизни современного мира, о борьбе трудового народа за лучшее будущее во всех странах.

Товарищ Жига, организуя «очеркизм», доказывает этим, что он хорошо понял потребность массового читателя в знаниях о жизни в Союзе Советов. Вероятно, «механические граждане» не упустят случая упрекнуть меня в том, что я «против свободы слова, личности» и других священных традиций. Да, я против свободы, начиная с той черты, за которой свобода превращается в разнузданность, а, как известно, превращение это начинается там, где человек, теряя сознание своей действительной социально-культурной ценности, дает широкий простор скрытому в нем древнему индивидуализму мещанина и кричит: «Я такой прелестный, оригинальный, неповторяемый, а жить мне по воле моей не дают». И еще хорошо, если он только кричит, потому что, когда он начинает действовать по воле своей, так в одну сторону он становится контрреволюционером, а в другую — хулиганом, что почти равноценно — подло и вредно.

Товарищам, наверное, не понравится указание мое на обилие премудрых советских журналов, не доступных массам и, я думаю, довольно убыточных. Ну, что ж делать? Факт болезненного бумажного ожирения замечен не мною одним, и не первый я говорю о том, что масса обслуживается литературой недостаточно умело и успешно. Я помню:

Дай, Гиз, побольше нам журналов:
Плоды читателей они, —

но не кажется мне, что журналы наши в достаточной степени считаются с уровнем понимания массового читателя и способны оплодотворить его знаниями в той мере, как следовало бы.

А вот полемику они плодят весьма успешно, но, даже будучи сравнительно грамотным человеком, не всегда понимаешь: в чем дело? Почему товарищ Z полемизирует с товарищем X, как с врагом? Откуда у обоих этот странный и неуместный тон

личного озлобления, и почему они так яростно поливают друг друга кипятком самолюбия?

Почему пред лицом врагов необходимо демонстрировать разноречия даже терминологического характера в форме, которая обнаруживает у полемистов явный недостаток уважения друг к другу, а, вместе с этим, и недостаток культуры.

Предо мною ряд книг на темы о литературных расприх. Старые марксисты, полемизируя с буржуазной критикой, разоблачая ее тенденции, умели делать это в тоне спокойном, отчего их статьи весьма много выигрывали в силе убедительности. Нельзя сказать, чтоб молодые критики следовали этому примеру, «выпрямляя идеологическую линию» друг друга, — линию, которая в основе своей обладает качеством совершенной прямоты и ясности. В задоре своем молодая критика упускает из виду, что многословное красноречие ее часто затемняет «основную линию», и что полемика ее тоже мало доступна пониманию массы молодежи, особенно провинциальной. Все чаще слышишь жалобы на «непонятность», «спутанность», «противоречия» литературной критики.

«Они там в Москве разговаривают по-семейному, будто, кроме них, никого на свете нет», — пишет с Урала «начинающий» литератор. Другой иронизирует: «Каждый утверждает, что он — самый правоверный марксист; получается, что все правоверны, о чем же спорить?»

Таких заявлений немало. Одно из них особенно характерно: «Для нас, рабкоров, трудно разбираться в десятках статей, нам бы дали какой-нибудь Вадемэкум вроде «Азбуки» Бухарина по основным вопросам литературной истории, тогда нам легче будет разобраться в противоречиях субъективных».

Не будет ли практичнее и полезнее, если критики начнут разрешать групповые разноречия и мелкие споры на конференциях, а не на страницах журналов, где так часты и всегда неуместны статьи, написанные «в состоянии запальчивости и раздражения»? Мне кажется, что созыв небольших конференций критиков и писателей для товарищеских бесед по вопросам литературы вообще диктуется «духом времени».

1929

О ЖЕНЩИНЕ

Странно, что до сей поры у нас никто еще не догадался написать книгу об отношении церкви к женщине, а ведь жен-

щинам давно следовало бы знать, чем они обязаны религии и церкви, особенно — «православной» христианской.

Известно, что все религии установили взгляд на женщину более или менее отрицательный, некоторые даже определенно враждебный. За 2700 лет до нашей эпохи греческий поэт Гезиод в книге «Теогония», то есть учение о происхождении богов, сказал: «смертным мужам зло: — женщин дал Зевес», в поэме «Труды и дни» он называет женщину «красивым злом» и «горем для людей». В молитвеннике евреев есть краткая и выразительная, но явно не лестная для женщин молитва: «Благодарю тебя, господи, за то, что ты не создал меня женщиной». Церковная легенда о создании женщины из ребра мужчины, злобные стихи библейских пророков о женщинах, легенды арабов, индусов и бесчисленные образцы всяких иных наветов на женщину — все это свидетельствует о единодушном стремлении жрецов всех религий социально унижить женщину. Взгляды на нее как виновницу изгнания мужчины из рая, как на «сосуд греховный» и «соблазн мира» из церкви переходят в быт. На бесчисленных пословицах и поговорках, которые шельмуют женщину, советуют относиться к ней с недоверием, бить ее — совершенно неоспоримо отражено влияние церкви: «женою и Адам из рая изгнан», «жена и Олоферну голову отсекла», «жену содержи в страхе, наказывать не скупись», — советует Ефрем Сирин, а быт переносит это на свой язык: «Бей жену чаще, любить будет слаще». Кирилл Иерусалимский внушает: «Речению женскому не верь много» — «Баба говорит — бредит, кто ей поверит» — отзывается быт. «Бабий промысел — лживый помысел». Бесконечную цепь таких и подобных пословиц заключает характерное звено: «Жена да муж — змея да уж».

Христианская церковь две тысячи лет служила источником, из которого черпались оправдания правового и экономического ограничения женщин. «Пред богом все люди равны» — учит церковь в лице апостола Павла, и она же учит: «Не муж создан для жены, но жена для мужа». «Жена да боится мужа». Такими и подобными поучениями совершенно определенно утверждается, что жена, женщина — существо не равное мужчине, «человек второго сорта». Это не мешает женщинам, поклонницам Евангелия, признавать его самой мудрой и «человечной» книгой, хотя вся его мудрость сводится только к попыткам внушить людям, что земная жизнь со всеми ее муками не что иное, как предварительная подготовка человека к вечному блаженству на небесах, куда человек может попасть при условии,

если он будет кроток, терпелив подобно камню и послушен законам церкви. В общем учение это утверждает, что бедный и голодный должен считать тяжелое — легким, а горькое — сладким.

По словам Септимия Тертуллиана, христианского писателя, который жил в конце второго века, христиане должны «удовлетворить» Христа «святым позором веры за преступный позор идолопоклонства». Странные в устах церковного писателя слова о позоре веры совершенно оправданы изуверской деятельностью христианской церкви, ее беспощадной борьбой против критической мысли, против науки, жесточайшим преследованием и массовым истреблением «инаковерующих», кострами, на которых она живыми сжигала «еретиков» и «ведьм» — женщин, душевнобольных, а чаще таких, которые обладали исключительными способностями и отказывались думать о делах жизни так, как повелевали церковники. «Не убий» — проповедывала церковь и освящала междоусобные войны христиан, войны, которые начинались в целях грабежа и в нарушение заповеди «не укради». Сама богатая, церковь всегда служила только интересам богатых, сама, будучи рабовладельцей, она никогда не протестовала против рабства. Все это более или менее понятно: церковь — классовое учреждение, она была «сводом законов» класса эксплуататоров чужого труда, она служила целям своего класса и за страх, и за совесть. Гораздо труднее понять ее враждебное отношение к женщине, ее политику социального унижения женщин. Можно думать, что жрецы дохристианской эпохи были профессионально заинтересованы в том, чтобы изображать женщину воплощением всяческих зол и грехов, — этим они преграждали ей путь к легкому и выгодному труду, к служению богу во храмах. Возможно, что не только в целях обогащения, но именно в целях социального унижения женщины, некоторые из языческих культов установили и церковную проституцию.

Но одними этими причинами невозможно объяснить болезненное озлобление христианской церкви против женщин. Если к этим причинам прибавить чувство мести за безбрачие, на которое осудила церковь Христова своих священников и епископов, — это тоже не вполне объяснит вражду попов к женщине, — вражда эта возникла до установления безбрачия римской церковью, а «православным» «белым» попам и не запрещено жениться, запрещено только «черному» духовенству, монахам.

Конечно, следует вспомнить, что «любовь и голод правят миром». Инстинкт продолжения рода, соединяя мужчину и жен-

дну, еще более осложнял невыносимо тяжкие условия трудовой жизни. Вышеупомянутый Гезиод жаловался, что «женщина не соучастница в трудах, а соучастница в растрате имущества». Наша русская поговорка говорит: «Жена вытасит из дома горшком — больше, чем муж мешком». Можно привести тысячи таких жалоб, выраженных в стихах пророков, проповедях, поговорках, сказках, анекдотах. Но — все они доказали бы одно и то же: они придуманы людьми, у которых было имущество, был дом и можно было из дома что-то вытасить.

Тут, как везде, очевидно, выявляет свое влияние фактор экономический, тут как будто подчеркивается некоторое противоречие между мужчиной-хозяином и женщиной — его домоправительницей, его фаложницей, социально бесправной. Противоречие это видимо в различном отношении мужчины и женщины к священному делу накопления имущества. Возможно, что женщина, рабыня мужа, не чувствовала себя так глубоко рабыней собственности, как это чувствовал ее владыка, женщине мешало углубиться в дело накопления собственности именно ее бесправие, и к этому зверскому делу она была равнодушной своего властелина. Возможно, что в большинстве своем женщины и до наших дней сохранили это равнодушие.

Но, чтобы чувствовать себя прочнее в доме и на постели владыки своего, чтоб удержаться там возможно долгое время, до старости его, когда ему нужна уже не любовница, а больничная сиделка, женщина должна усердно заботиться о теле своем, всячески сохранять его красоту, свежесть, силу, всячески украшать и тело свое, и окружение его. Это стоит дорого и становится все дороже. Недавно один американец, миллионер, пошутил:

«Мы не боимся коммунистов, жены разорят нас гораздо раньше, чем это успеют сделать рабочие», — не плохая шутка.

Церковь, не чуждая страсти к накоплению имущества, преследуя свою цель укрепить «духовную» власть над верующими в бога, всегда и весьма азартно обличала пристрастие женщин к роскоши, что, впрочем, не мешало попам и кардиналам римской церкви окружать себя роскошью безумной, как не мешало и «православным» епископам, митрополитам, архимандритам жить богато и владеть рабами. Но и естественным стремлением женщин к роскоши невозможно вполне объяснить злобу церковников. Тут есть что-то поистине болезненно-изуверское. Нельзя же назвать здоровой проповедь аскетизма, «умерщвления плоти» — проповедь церковниками, рабами бога — борьбы против инстинкта жизни, созданной — по их учению — тем же самым богом.

Инстинкт размножения церковь назвала «блудом», проповедывала в прикрытой форме скопчество, а рождение ребенка признала делом поганым, потому что роженицам запрещалось посещать церковь в продолжение шести недель после родов, — роженица могла войти во храм только после того, как поп прочитает над нею «очистительную молитву».

Отрицательное и враждебное отношение к женщине действительно и непрерывно внушалось церковью мужчине на протяжении двух десятков веков; оно весьма глубоко проникло в сознание мужчины и приобрело у него силу почти инстинкта. Влияние религиозного «женофобства» совершенно ясно в книгах тех «ученых», которые время от времени пытаются доказать миру, что женщина — «по природе своей» существо «духовно ограниченное» и не может быть признано человеком, равным мужчине. Практический вывод из этой «теории» очень прост: женщина должна быть ограничена в правовом и политическом отношениях. Ее и «ограничили». Она была лишена права распоряжаться личной своей судьбой, не могла получать образования, равного с мужчиной, не могла распоряжаться наследственным имуществом своим без разрешения мужа. Был введен в быт, в практику жизни, еще целый ряд унижительных для женщины ограничений, которые задерживали нормальное развитие ее сил и способностей. Освященная церковью «власть отцов», устраивая, по соображениям экономики, браки, не равные по возрасту жениха и невесты, способствовали вырождению своего же класса, пополняя убыль худосочными дегенератами.

Нет никакого сомнения в том, если б женщину не уродовали, стесняя искусственно круг ее интересов, возлагая на нее только обязанности наложницы, матери, домоправительницы и отталкивая от широкой общественной, культурно-политической работы, — скорость развития культуры была бы вдвое более быстрой, потому что творческой энергии было бы вдвое больше. Но буржуазное общество и государство не заинтересовано в том, чтоб развитие культуры шло быстрее. Буржуазия предпочла бы остановиться на том, чего она уже достигла, эксплуатируя труд пролетариата, хищнически истощая его силы. Ей живется достаточно удобно, и если она все-таки двигается вперед, так двигает ее, как известно, анархическое беззаконие конкуренции и возбуждаемый конкуренцией рост промышленной техники. Это невольное механическое движение мало имеет общего с ростом подлинной культуры. Наоборот, культурный тип буржуа сильно понизился с той высоты, которой он достиг в XIX веке. Это понижение особенно заметно стало после им-

периалистической войны, которая, значительно увеличив количество хищников, циников и грабителей, не создаст, как мы видим, иных «духовных вождей», кроме «фашистов».

«Законы семейных и социальных отношений оставались и остаются неизменными в течение тысячелетий и не могут быть поколеблены никакими теориями».

В этой фразе заключена вся «философия» буржуазии. В различных словосочетаниях эта нищенская мысль упрямо повторялась тысячи раз «мудрецами» всех стран и эпох. Ежедневно она повторяется газетами и журналами Европы, Америки. Если эту «теорию» приходится вспоминать так часто и настойчиво, — значит, в действительности что-то противоречит этой теории, и нужно вбивать ее в головы, как вбивают костыль в шпалу. Костыль крепок и толст, но не вечен и все-таки поддается разрушающему влиянию времени. Действительность вполне реальна, но еще не истина, она — только сырой и грубый материал для созидания будущей всечеловеческой истины. Буржуазия очень хотела бы утвердить данную действительность навсегда в тех формах, в какие она сложилась; фашизм работает как раз в этом направлении. Но «действие вызывает противодействие», и — мощно растет сознание рабочим классом культурного значения свободного труда, разрешающего всю путаницу жизни, и растет сознание рабочим классом его права на власть. Буржуазным мудрецам, журналистам, дворовым и комнатным собачкам буржуазии нужно очень громко выть о неизбежности семейного начала и лаять на врагов хозяина, на людей, которые вообще не верят в неизбежность чего-либо на земле.

Необходимо признать, что буржуазное общество воспитало женщину как пониженный тип человека. Эти слова не могут и не должны оскорблять «слабый пол», — речь идет об одном из преступлений буржуазии, об искажении ею здоровых, биологических основ бытия. Нельзя отрицать, что забитая церковниками женщина принимала бессознательное участие в процессе этого искажения. Но в наши дни как будто наступил момент мести, тоже бессознательной — «семейному началу» — мести со стороны женщин.

Было уже сказано, что страсть к роскоши и «супружеская неверность» женщины обличались с древнейших времен церковной литературой. Светская литература тоже издавна следовала по пути церкви, но, порицая женщину, как причину вся-

ческих драм и трагедий, весьма охотно и умело изображала ее, как источник наслаждения. Один из арабских поэтов эпохи до Магомета сказал:

«Земной рай в книгах мудрости, на хребте коня и на груди женщины». У него, как видите, женщина, по ее способности утешать мужчину, поставлена на третье место.

Литераторы-европейцы отводили женщине, как приятной забаве, первое место, и, кажется, женщины гордились этой сомнительной честью. Начиная со второй половины XIX века романтическое восхищение женщиной, «источником наслаждения», и преклонение перед ее «таинственной сущностью» заметно начинает уступать место критицизму реалистов и более или менее резко выраженному недовольству ее поведением в семье и обществе. Известно, что у нас в России это было вызвано стремлением женщин к самообразованию и участием их наравне с мужчинами в революционной работе. Вслед за русскими «нигилистками» первые пошли на общественную работу и на завоевание самостоятельности англичанки, за что немедленно были награждены ироническим прозвищем — «синие чулки». Немки и француженки, выделяя из среды своей талантливых представительниц в область литературы и политики, не очень торопились последовать примеру русских и англичанок.

Но, видимо, было что-то новое и неприятное среди всех вообще женщин европейской буржуазии, и потребовалось поставить их на определенное им церковью место — на место людей «второго сорта». В Швейцарии некий профессор, имя которого я забыл, напечатал в середине 90-х гг. весьма толстую книгу и в ней доказал, что женщина, как биологическая особь, во всех отношениях ниже мужчины и хуже его. В то же время объявил войну женщинам Фридрих Ницше, человек, который хотел реставрировать несколько ожиревший «дух нации». Вильгельм Второй должен был напомнить с высоты своего трона, что у немецкой женщины только три обязанности пред ее страной: дети, кухня, церковь. Было и еще много сделано различных попыток доказать женщине, что она — «человек второго сорта». Наиболее резким выражением буржуазной «женофобии» следует признать напечатанную в 1902 г. в Австрии книгу Отто Вейнингера «Пол и характер».

Все эти явления, взятые вместе, говорят о том, что в «недрах» европейской буржуазии возникла какая-то тревога. Позднее эту тревогу отчасти объяснило движение английских «суфражисток» — женщин, которые требовали права участвовать в политической жизни страны наравне с мужчинами. Отчасти.

Но более широкое объяснение взрыва «женофобии» и возникновения тревоги в сердце буржуазии, мне кажется, дал П. Ф. Федоров, малоизвестный писатель, автор «Философии общего дела», человек, которого Лев Толстой и Ф. Достоевский считали «гениальным мыслителем».

В статье, написанной им по поводу Парижской выставки 1889 г. — выставки, устроенной в ознаменование столетия французской революции, он указал, что «буржуазный строй не может сам и явно выразить то начало, которому он служит, тот идеал, которым он живет и движется». По мнению Федорова, идеал этот был разоблачен в России.

Наша местная всероссийская мануфактурно-художественная выставка 1862 г. была близка к истине, она почти открыла, кому служило и служит то общество, выражением которого была всемирная выставка 1889 г., открыла это, поставив при входе на выставку изображение женщины (или лучше — дамы, барыни, гетеры, — будет ли это наследница Евы, Елены, Пандоры, Европы, Аспазии...) в наряде, поднесенном ей промышленностью всей России из материй, признанных, вероятно, наилучшими из всех, представленных на выставку, — изображение женщины, созерцающей себя в зеркале и, кажется, сознающей свое центральное положение в мире (конечно, европейском только), сознающей себя конечною причиной цивилизации и культуры.

Далее Н. Ф. Федоров приходит к заключению, что основа хозяйственной жизни буржуазии — гипертрофированный, то есть болезненно преувеличенный, доведенный до высокого напряжения половой инстинкт, — и что жизнь — «царство женщин», вестерсоннее выражение их «господства не тяжелого, но губительного». ¹ Церковное происхождение этой идеи совершенно ясно, однако на этот раз в нее включена значительная доля «дурной истины».

В 1901 г. в деревне Кучук-Кой жил туберкулезный учитель Доброклонский или Доброхотский: меня познакомил с ним А. П. Чехов, сказав, что учитель «тоже пишет, но — безнадежен». Учитель оказался автором рукописи «Бесплодный труд». В ней он сделал подсчет фабрик, которые работали исключительно для того, чтоб одеть, украсить и вообще обслужить потребности женщин. Рукопись была посвящена Н. Н. Златовратскому, написана очень тяжелым языком и снабжена оглушительными цифрами. Помню, что большинство цифр автор взял из отчетов таможенного ведомства и, кажется, книги, изданной С. Витте «Промышленное развитие России». Мне по-

¹ Цитирую по брошюре Н. А. Сетницкого «Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова».

казалось, что этот рукописный труд создан под влиянием Л. Н. Толстого, отражает идеи «народничества» и вполне соответствует своему титулу — действительно «бесплоден». Автор был человек больной не только физически, но зараженный манией величия и как будто религиозным бредом, к тому же он считал себя оскорбленным В. Гольцевым, редактором «Русской мысли». Гольцев, прочитав рукопись, советовал ему «не срамиться и уничтожить ее». Впоследствии, когда я ознакомился с первым томом «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова, я вспомнил о «Бесплодном труде».

Никто не станет отрицать, что производство предметов роскоши, потребляемых женщинами буржуазных классов, растет с быстротою плесени или травы на кладбище. Может быть и не «поэтому», но все же рядом с этим растет и «критическое», даже враждебное отношение художественной литературы к женщине, как жене и матери, как второй по ее значению «главе дома». Особенно заметно это в современной английской литературе — литературе страны, которая еще недавно гордилась «незыблемостью семейных традиций». Все чаще появляются книги, изображающие процесс распада «семьи, опоры государства», процесс вымирания и крушения несокрушимых Форсайтов, мастерски изображенный Джоном Гелсуорти в его «Саге о Форсайтах», Гексли в его романе «Сквозь разные стекла», в книге Майкла Арлена «Зеленая шляпа» и в ряде других книг.

Из этих книг выносишь совершенно определенное впечатление: если исключить количественно незначительную и социально невлиятельную часть женщин, которая ведет «общественную работу», то есть вместе с мужьями старается укреплять расшатанный в основе своей «добрый старый порядок» — если исключить эту часть женщин, вся остальная масса представительниц буржуазной семьи весьма усердно способствует разрушению «доброго, старого порядка».

Она «как бы инстинктивно» мстит за свое прошлое, за то, что церковь и государство воспитывали ее как «человека второго сорта», человека только для наслаждения его телом и, вот, воспитали в человеке этом безразличное отношение к судьбам своей страны, к жизни. А жизнь, становясь все более сложной для понимания буржуазии, все более понятной для сознания эксплуатируемых масс, угрожает неизбежной и трагической катастрофой «доброму, старому порядку». Аллан Картхиль в книге «Почему англичане потеряли Индию» указывает на одну из главных причин этой катастрофы: «Индус окончательно убедился в совершенной нравственной пустоте западной цивили-

зации», — здесь, может быть, нужно заменить слово, «западной» словом «английской», а «нравственную пустоту» необходимо заменить словом «бессилие».

Известно, что скептическое отношение индусов к английской цивилизации усиливает безработицу в Англии. Тот же Картхиль, между прочим, говорит:

«Подобно тому, как человек не является рабом ни бога ни короля, он не является и рабом какого-нибудь божественного и неизменного закона». Говорить так, это уже значит сдавать старые, когда-то крепкие позиции. Индусы, наверное, с великим удовольствием читают книгу одного из англо-индийских администраторов.

Распад семьи отмечает, конечно, не одна английская литература, а литература всей Европы.

После войны 1914—1918 гг. этот процесс, должно быть, стал особенно заметен. Показания литературы солидно и все более обильно подтверждаются широким развитием гомосексуализма, лесбианства и уголовной хроники, — ростом преступлений на почве ревности, истязанием детей, возрастающим количеством аборт, разводов и прочими явлениями гнилого распада семьи, общества.

Разумеется, классовый инстинкт буржуазной женщины жив и действует во всех тех случаях, когда она ощущает противодействие ее эгоизму, ее привычкам и удобствам со стороны класса, идущего на смену ее классу. Но классовый свой консерватизм она выражает менее резко и «от случая к случаю», а ее «нигилизм», ее безразличие к действительности, жажда роскоши и чувственных наслаждений выражаются ею непрерывно. Это не может не ускорять процесса гниения буржуазии. К сожалению, гнилые процессы могут заражать и заражают здоровых людей, и еще более жаль, что пролетариат Европы не достаточно считается с этой возможностью заражения болезнями буржуазии.

«Кто любит поучение — любит знание, а кто ненавидит обличение, тот — невежда».

Это сказано Соломоном, который был царем и пророком, но, должно быть, предвидел необходимость и пользу самокритики в Союзе Советов.

Женщинам Союза Советов, особенно крестьянкам, следует весьма серьезно подумать о своем отношении к религии и церкви. Мучительнейшей тяжестью жизни своей они тоже «ведь» обязаны «божественным» законам церкви, которые она тысячелетия внушала женщинам, — необходимость рабского подчи-

нения. Церковь смотрела на женщину как на рабу, а безбожник поэт Некрасов говорил:

Три тяжкие доли имеет судьба.

И первая доля — с рабом повенчаться,

Вторая — быть матерью сына раба,

А третья — до гроба рабу покоряться.

Когда Некрасов говорил это, он имел в виду крепостное право, но и после отмены крепостного права крестьянин остался рабом своего нищенского хозяйства, рабом частной собственности, основы всех несчастий, всего зла и горя нашей жизни. В этом частном хозяйстве крестьянина жена его с незапамятных времен несла и несет на плечах своих каторжный труд, преждевременно истощающий ее силы. Она одновременно прачка и скотница, хлебопек и нянька, пряха и швея, огородница и стряпуха, водонос и банщица, — трудно пересчитать все ее «домашние обязанности», которые низводят ее, человека, на степень домашнего животного, которое ценится дешевле лошади, хотя лошадь работает неизмеримо меньше, чем женщина-крестьянка.

Но вот сейчас пред нею широко открыта возможность освободиться от вечной каторги, возможность стать таким же человеком «первого сорта», каким привыкли считать себя мужчины. Ей следует понять, что частная собственность — цепь, которая сковала ее свободу, бесполезно истощает ее силы, не дает развиваться ее разуму, ее способностям — «гасит душу», как писала мне одна крестьянка. Ей надобно понять, что если она сама считает или чувствует себя глупее мужчины, так это именно потому, что церковь и буржуазное государство «гасили ее душу», потому что никто не заботился о том, чтоб она была умнее мужчины. Было выгодно обратное.

От каторжной жизни спасет женщину только социализм, коллективный труд. Рабоче-крестьянская власть успешно начала перестраивать жизнь на коллективных началах. Дело это крайне трудное — нужно заставить десятки миллионов людей понять, что жить старым порядком для них невыгодно и бессмысленно, что свободный человеческий разум вполне обеспечивает возможность легкой, богатой, интересной жизни. Дело это трудное: люди веками приучены жить по-звериному, каждый сам за себя, только для себя и все еще плохо понимают, как это можно жить иным порядком?

Плохо понимают, но уже создают этот новый порядок; страна Советов быстро вооружается фабриками, машинами, изо дня в день богатеет и уже через несколько лет не будет нуждаться

ни в чем. Все, что создается у нас, создается для всех, а не для некоторых избранных, как в других странах. В эту работу, которая освобождает людей от рабства, женщина должна вложить все свои силы, всю душу. И ей особенно хорошо надобно понять, что церковь — древний, неутомимый и жесточайший враг ее.

1930

О СОЛИТЕРЕ

Чем более решительно рабочий класс «ломает хребет» все-союзному мещанину, тем более пронзительно и жалобно попискивает мещанин, чувствуя, что окончательная гибель приближается к нему все быстрее.

Ему мерещится, что в его лице «погибает весь русский народ». Опыненный болезненным самомнением, он как пьяный воображает, что шатается не сам, а земля под ним. Он привык считать себя «солью земли» и знает, что «почва, лишенная солей, неплодородна». Он «не считает возможным культуру будущего без свободного участия индивидуального начала» — без его, мещанина, участия в качестве «соли».

Но — солей много, они состоят из кислот, и некоторые соли, перенасыщая почву, делают ее бесплодной; такая кислая почва называется солонцами, солончаками.

Как «соль», мещанство весьма много «насолило» рабочему и крестьянину, выступив против них после Октября на стороне помещиков, фабрикантов, банкиров, авантюристов и бандитов. Оно продолжает «солить» рабочему классу и советской власти до сего дня, о чем свидетельствуют контрреволюционные заговоры, бесчисленные акты вредительства, подлая работа политиканствующих белоэмигрантов, гаденькие предательства бывших лакеев рабоче-крестьянской власти: Беседовских, Соломонов, Дмитриевских и всех прочих, кому современем даже дети плюнут в глаза.

Солей много, и есть — солитер, паразит; он не имеет ничего общего с солями, кроме некоторого звукового родства. Солитер — по-французски единственный, — это ленточный глист, он живет в кишечной полости человека, питаясь его соками, состоит из массы отдельных, слабо связанных между собою члеников и достигает длины трех, четырех метров. Если выгнать из кишек 99 члеников, но оставить только одну головку, — солитер снова чудовищно разрастается. Медицина

установила, что влияние солитера на слабых людей выражается головокружениями и общим упадком сил.

Мещанство, как целое, чрезвычайно похоже на солитер: оно тоже паразит, тоже существует, питаясь чужими соками, тоже обладает паразитической способностью быстрого размножения.

Основное свойство каждого отдельного мещанина — его убеждение в том, что он — «единственный, неповторимый», и поэтому он считает себя «женихом на всех свадьбах и покойником на всех похоронах». Он требует от государства тщательного ухода за ним, «гуманного» отношения к нему, требует полной свободы выражения его ощущений и свободы питания чужими соками. В огромном большинстве племя мещан — племя потребителей, как производитель мещанин вносит в жизнь разнообразнейшие жалобы на «судьбу» и всяческий словесный мусор.

Сам он — гуманист и доказывает это всюду, где может, даже в «Поваренной книге для молодых хозяек». Он учит их:

«Испорченное мясо можно употребить с пользой, — нужно вымочить его в уксусе, круто посолить и отдать на обед при-слуге».

Он — существо глубокомысленное и дальнозоркое; в 1929 г. он публично рассуждает где-нибудь в Праге, в Париже:

«Мы не можем вполне определенно ответить на вопрос, как отразится экономическое равенство на дальнейшем росте культуры. Не следует забывать, что культура развивалась силой давления нужды, стремлением к материальному благополучию. Не исчезнет ли это стремление, когда благополучие — идеал материалистов — будет достигнуто?»

Он — религиозен, в 1927 г. он пишет:

«Первородный грех вошел в мир через женщину. Сатана отравил праматерь Еву своим нечистым дыханием и сделал ее орудием размножения и блуда: злая похоть, половое разжжение, вошла в человеческое естество и определила образ его бытия, начиная от зачатия — «яко в беззакониях зачат бых и во гресех роди мя матерь моя» — и до неизбежной смерти». Это выписано из книги бывшего марксиста, а ныне протоиерея С. Булгакова «Друг жениха». В книге этой проповедуется нечто среднее между гомосексуализмом и скопчеством.

Наверное это изуверское размышление одного из «единственных» о женщине как источнике «блуда» и греха, приятно будет прочитать автору письма ко мне от 10/IV текущего года; он по поводу статьи моей «О женщине» спрашивает:

«Неужели вы в самом деле думаете, что религия отжила свой век?»

Нет, как орудие порабощения трудового народа, религия еще существует и, как таковое орудие, все еще играет свою позорную, злую и бесчеловечную роль. Особенно ясно обнаружился смысл религии в 14—18 годах, когда мещанство Европы и России, католическое, лютеранское, православное умоляло бога своего принять решительные меры к поголовному уничтожению католиков, лютеран и «православных» христиан. О даровании этой радикальной милости молились епископы всех церквей, не чувствуя стыда за иднотизм молитв своих, не сознавая бесчеловечия этих молений.

Один из наших советских «единственных» недавно прислал мне длинное и возмущенное послание, в котором спрашивает: «Предприняв издание еще одного ненужного журнала «Наши достижения», о каких достижениях хотите вы поведать миру?» И кричит: «Тракторы, электрификация, а у мужиков лаптей нет... Самостоятельному хозяину пришел конец!»

В этих пламенных словах вполне точно и удачно выражена политическая программа закоснелого мещанина: ему нужна свобода для того, чтоб помочь «самостоятельному хозяину», «обуть в лапти мужика», чему совершенно определено мешает советская власть с ее тракторами, электрификацией страны, с ее широкой культурно-революционной работой. Это и есть программа всех «Сву» и «Сво», для которых экономическое равенство, бесклассовое государство — гибель.

Корреспондент мой сообщает, что «старая интеллигенция держится в стороне от революции». Это — ложь. Корреспондент знает, что «старая интеллигенция» не «держится в стороне», а шла против революции, поддерживая идейно и физически бывших хозяев страны, врагов рабочих и крестьян, что она в качестве вредителей и по сей день работает на врагов советской власти. Лучшая, наиболее энергичная и талантливая часть интеллигенции самоотверженно и честно работает в стране Союза Советов и в партии коммунистов. В лице работников науки и техники она идет с рабочим классом и за 12 лет сделала такую огромную работу, какой при бездарном и малограмотном режиме самодержавия не сделала бы и в 50 лет. Те достижения науки и техники, которыми Союз Советов может гордиться перед всем буржуазным миром и которые уже страшат этот мир, быстро обогащая нашу страну, развивая ее промышленность, — эти достижения возможны стали только при данном строе, при диктатуре рабочего класса, который пони-

мает значение науки и техники и широко ассигнует средства на изыскания науки и опыты ее, на организацию научно-исследовательских институтов и экспедиций.

Я отлично знаю, когда у мещанина болит зуб, а вырвать его не хватает храбрости, в этом случае для мещанина вся вселенная — ад, и его, страдальца, ничем не успокоишь. Разумеется, у меня нет ни малейшего желания утешать мещан, обиженных своим собственным ничтожеством.

Если ему указать, что в диком и голодном Дагестане до Октября было 90 школ, которыми пытались руссифицировать горные племена и поэтому все были уничтожены горцами в 18 г., а вот теперь те же самые горцы имеют 483 школы и все еще строят новые, — разве это успокоит смертельную боль голодных зубов «единственного»?

Он уже забыл о том, что самодержавие Романовых искусственно и при деятельной помощи церкви задерживало умственное развитие крестьян, и он не хочет ничего знать о современных школах крестьянской молодежи, о сотнях тысяч крестьян в средних школах, в техникумах, агроинститутах, вузах, о культурно-воспитательной работе Красной армии, о работе «университета на дому».

А давно ли «кухаркиных детей» не пускали в гимназии, а идеолог и вдохновитель самодержавия, организатор церковно-приходских школ безграмотности Победоносцев цинически откровенно говорил, что «безграмотным народом легче управлять».

Если «единственному» сообщат, что найден способ делать бумагу из водорослей рек и озер, что этот способ сохранит стране огромное количество леса, сократит процесс обработки сырья в фабрикат до получаса вместо 17 часов и, по предварительному подсчету, даст нашей стране 100 млн. экономии в год, — разве это прекратит волчий вой мещанина? Это — усилит вой.

Революция вызвала к жизни тысячи изобретателей-рабочих, изобретения этих героев и фанатиков труда обогатили и непрерывно обогащают страну, — но разве это может обрадовать человека, который привык, чтобы все прибыли ложились ему в карман и за пазуху?

Ему можно бы указать на то, как энергия рабочего класса успешно перевоспитывает индивидуалиста-крестьянина в коллективиста и коммуниста, но ведь это как раз один из главнейших фактов, которые разжигают ненависть мещанства к рабочему классу.

Мещанин, как «единственный» и «неповторимый», отлично понимает психологию крестьянина, идолопоклонника частной собственности, и все еще надеется, что массу мужика не сдвинешь с той почвы, в которую она вращалась веками и вросла по сердцу. Мы знаем, что многовековое, хищническое хозяйствование «единственных», их грабительское отношение к земле и сокровищам ее глубоко въелись в плоть трудовых масс, а особенно в плоть крестьян. Они все еще с трудом понимают, что причина их рабства и невежества лежит в частной собственности и что почти каждый из них бесплодно убивает свои силы на защиту своей нищенской каторжной жизни, работая, в сущности, против себя самого. Но голова-то мужика все-таки над землей, она поглощает около двух миллионов экземпляров «Крестьянской газеты», а со всеми приложениями к этой замечательной газете, с бесчисленным количеством книг и брошюр, которые умело учат его жить и работать по-новому, по-человечески, а не по-древнему-мужицкому обычаю, — крестьянская литература исчисляется, вероятно, в сумме около 100 миллионов экземпляров.

Мы уже можем сказать, что нет страны, где крестьянство читало бы так много и жадно, как оно читает в Союзе Советов.

Чего, каких результатов достигает эта масса литературы? Крестьянство становится культурнее, отрицать этот факт может только слепое отчаяние погибающих.

Крестьянство уже выделило и непрерывно выделяет из своей среды тысячи культурных работников на земле, агрономов, техников, врачей, учителей, литераторов, новую крепкую «соль земли», и она не «на здоровье» мещанину, а в погибель ему, и весь этот процесс культурного роста деревни не что иное, как процесс изгнания солитера из организма рабоче-крестьянского государства. Что может сказать паразиту Северный морской путь, Турксиб, электрификация, индустриализация страны, открытие грандиозных запасов удобрения — Хибинские апатиты, калийные соли Соликамска, нефть Урала и Северного края, орошение Туркестана, расширение хлопководства, новые культуры волокнистых растений, успешные опыты рисосеяния в Астраханской области, в Уссурийском крае, вообще вся, почти сказочная по размаху, работа советской власти?

Миллиарды рублей вырабатывает крестьянин и рабочий, но все эти рубли не попадут в карман «хозяев», а возвращаются трудящимся: идут на вооружение страны машинами, на постройку фабрик, заводов, железных и грунтовых дорог, на расширение транспортных средств, на воспитание миллионов детей рабочих и крестьян.

Но — лирико-истерический глист питит:

«Тов. Горький! Застрелился Маяковский — почему? Вы должны об этом заявить. История не простит вам молчание ваше».

«Единственный» И. П.! Маяковский сам объяснил, почему он решил умереть. Он объяснил это достаточно определенно. От любви умирают издавна и весьма часто. Вероятно, это делают для того, чтоб причинить неприятность возлюбленной.

Лично я думаю, что взгляд на самоубийство, как на социальную драму, нуждается в проверке и некотором ограничении. Самоубийство только тогда социальная драма, когда его вызвали безработица, голод. А затем, каждый человек имеет право умереть раньше срока, назначенного природой его организму, если он чувствует, что смертельно устал, знает, что неизлечимо болен и болезнь унижает его человеческое достоинство, если он утратил работоспособность, а в работе для него был заключен весь смысл жизни и все наслаждения ее. По последнему мотиву ушел из жизни один из знаменитых ученых, гигиенист Петтенкофер, он покончил с собой 83 лет.

Весьма талантливый автор книги «Пол и характер» пессимист Отто Вейнингер застрелился 23 лет, после веселой пирушки, которую он устроил для своих друзей.

Мне известен случай самоубийства, мотивы которого тоже вполне почтенны: года три тому назад в Херсоне застрелился некто, оставив такое объяснение своего поступка:

«Я — человек определенной среды и заражен всеми ее особенностями. Заражение неизлечимо, и это вызвало у меня ненависть к своей среде. Работать? Пробовал, но не умею, воспитан так чтоб сидеть на чужой шее, но не считаю это удобным для себя. Революция открыла мне глаза на людей моего сословия. Оно, должно быть, изжилося и родит только бессильных уродов, как я. Вы знаете меня, поймете, что я не каюсь, не проклинаю, я просто признал, что осужден на смерть вполне справедливо и выгоняю себя из жизни даже без горечи».

Это был человек действительно никчемный, дегенеративный, хотя с зачатками многих талантов, но, как видите, с отвращением к паразитизму.

Говоря о солитере, я имею в виду молодых людей, у которых «единственный» вызывает головокружение и упадок сил.

Не будучи медиком, я считаю себя достаточно осведомленным о работе, мешанства, как паразита в организме нашего государства. Для этого есть кое-какие удобные условия.

Хотя в тесном окружении мещанства быстро растет и кристаллизуется, выделяясь из рабоче-крестьянской массы, новая и действительно плодотворная «соль земли», химически не сродная, не соединенная с мещанством, органически враждебная ему, — но она развивается в условиях непрерывной работы, напряженной борьбы.

Некоторая часть этой новой силы прошла сквозь огонь и кровь гражданской войны и приступила к великому и трудному делу строительства социалистического общества с надорванными нервами. Ее право на усталость естественно и неоспоримо.

Затем, те дети, которые в 1920 году имели 10—15 лет отроду, знают прошлое только по книжкам и заряжены недостаточно сильной ненавистью к нему, презрением к мещанству. Они живут тоже в условиях не легких, но несравнимо лучших, чем те, в которых жили их отцы. Требования этих детей к жизни значительно повышены, и хотя экономическое развитие страны идет быстро, оно все-таки еще не может удовлетворить всех запросов молодежи. Мы живем «на стройке». На людей усталых, на людей с повышенной жадой «хорошей жизни» мещанство действует разлагающе.

Поэтому весьма часто слышишь, что дети орлов питают точно курицыны дети и котята львов ведут себя поросятами.

Господин 17 лет лирически поет:

«Хочется какой-то очень большой и красивой жизни, а жизнь, знаете, такая маленькая, неинтересная, мрачной вереницей серых дней ползет неизвестно куда и зачем».

Господин 19 лет истерически кричит:

«Не я для жизни, а жизнь для меня. Мой дед, мой отец работали государству, я имею право спокойно учиться и требовать, чтоб меня не гоняли на общественную работу».

«Единственный» слышит все это и, тихонько поддакивая курицыным детям, торжествуя думает:

«Нашего полку прибыло!»

Лирикам и истерикам я уже неоднократно отвечаю, что они обращаются с жалобами и за утешениями не по адресу, — меня стоны и вопли кандидатов в паразиты не трогают, и визгу их я сочувственно не откликнусь. Я отвечаю только на те письма, в которых сквозь визг слышу искреннее недоумение невежд или же чувствую зачитанность глупостями.

Если вы, молодые люди, действительно хотите «большой красивой жизни» — делайте ее, идите рука об руку работать с теми, кто героически строит небывалое, грандиозное. В жизни

накопилось огромное количество прекрасной, практической работы по обогащению нашей земли, по освобождению людей из позорного плена предрассудков, предубеждений, суеверий. Все, что было сделано в прошлом общепольного для человечества, — все это только начало работы, только первые камни фундамента, на котором ныне начали строить новый мир наши коммунисты, рабочие и крестьяне.

Это надобно понять и почувствовать юношам, пустоватым головам которых кружатся под влиянием «единственного».

Юнцы, корреспондирующие мне, живут где-то в густой атмосфере мещанства. С храбростью невежд они оценивают жизнь человечества — явление, быть может, исключительное во вселенной, во всем космосе — как «мрачную вереницу серых дней». Это прежде всего смешит, и лишь потом чувствуешь, что это может быть пагубным для юнцов, которые остаются слепыми и глухими, живя в начале мировой революции, в сокрушительном грохоте разрушения старого мира, в годы строительства первого на земле социалистического бесклассового общества и государства равных, в атмосфере пламенного энтузиазма, в свирепом, зверином сопротивлении всему новому со стороны древнего человека, осужденного историей на смерть.

Милейшие юноши! В интересах ваших искренно желаю, чтоб жизнь хорошенько взрела вас, чтоб вы почувствовали на коже вашей ее тяжелую, шершавую руку, — руку великой беспощадной учительницы, которую мы, люди, сами же насыщаем разумом и волей. Также искренно желаю вам понять, что жалобы бесполезны, и серьезно подумать о бесстыдстве жалоб, именно о бесстыдстве, и о том еще, что жалобы не совпадают с той «гордой внутренней независимостью», о которой вы пишете мне. Что значит эта ваша «независимость»? Она — только неспособность задерживать и формировать «впечатления бытия», она — просто пустота.

Крик о «властных правах личности», о необходимости для нее свободы, издревле сотрясая воздух, не очищал атмосферу всеобщей, зверской вражды, в коей люди жили и задыхались, а все гуще отравлял ее испарениями животного эгоизма, самолюбия, самомнения, славолубия.

Личность кричит главнейше потому, что, чувствуя свою двуличность, хотела бы прикрыть криком этот порок от себя самой и от других. Не двуличной она не может быть до поры, пока не искоренит в себе наросты религии, национализма и прочих предрассудков, внушенных ей классовой структурой капиталистического государства. А до той поры, пока она не освобо-

дится от этих болезней — ее будут точить, разлагать, разрушать черви зависти, жадности, мелких страстишек и всякой грязной дряни. Ее идеальное личико будет платонически обращено в сторону прекрасных идей, реальная же и неприглядная рожа — к практическому житейскому делу самообмана и обмана ближних словом и делом.

Так «двуликим Янусом» личность и «пребудет в веках», если не поймет, не почувствует, что путь к внутренней свободе и гармонии лежит сквозь и через разрушение всего, во что она явно или тайно верует, что и служит причиной ее раздвоенности, ее рабства и преклонения пред позорной действительностью, служит помехой развития ее сил и способностей. Просто «человек», — это еще очень мало.

История требует, чтоб явился Новый Человек, свободный от расовых, национальных, классовых предрассудков.

Возможен ли такой человек? Рабочий класс уже создает его. Употребите все ваши силы, все дни вашей жизни на это создание идеального человека, и вы создадите его из самих себя.

1930

О ПРЕДАТЕЛЯХ

Когда хотят объяснить явление слишком оригинальное — сравнивают его с чем-нибудь более обычным и понятным, ищут «анalogии». Но предатель, это — настолько своеобразное отвлеченное создание природы классового государства, что сравнить предателя не с кем и не с чем. Я думаю, что даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы.

Из числа предателей особенно прославлен Евно Азеф, член Центрального комитета и руководитель «Боевой организации» партии социалистов-революционеров, личный друг Виктора Чернова, Бориса Савинкова и других столпов партии, которая отвела в своей истории такую грандиозную роль личности Иуды Азефа. Как большинство героев, он оказался «дутым», а в сущности был чудовищно «простой человек». Он сам отлично понимал изумительную простоту своей натуры и сам в записке, поданной им президенту полиции г. Берлина, протестовал против приписанного ему друзьями по партии «ореола великого вождя». Можно думать, что он протестовал не только по мотивам самозащиты, а искренно. Из брошюры Б. Николаевского «Конец Азефа», изданной Гизом в 1926 г., можно убедиться, что мое мнение об искренности Азефа имеет солидное основание.

Еще в 1893 г. Азеф сознательно и обдуманно избрал пре-

дательство как профессию, наметил себе работу провокатора, как «путь жизни», «средство к жизни», и неуклонно шел этим путем до поры, пока не оступился. Оступился, пошатнулся, но — не упал, а, отскочив в сторону от полиции и от революции, уютно и спокойно лег на пышное мещанское ложе, рядом с «роскошной женщиной», одной из великокняжеских проституток; она в 1904 году утешала «боевую жизнь» Кирилла Романова «на полях Манчжурии» в его поезде. Кирилл Романов — это тот самый, который ныне, находясь в эмиграции, самовольно назвался, кажется, императором или возложил на себя другой какой-то громкий чин. С кафешантанной «роскошной женщиной» Азеф познакомился еще в бытность членом ЦК партии.

Он был жирный, толстогубый, сентиментальный. В письмах к своей возлюбленной он именовал себя «твой единственный зайчик», «твой папочка». Он чувствительно писал ей: «Как хотел бы я иметь тебя здесь, чтоб купаться вместе». «Ты одна из всех людей близка мне, так близка, что я не ощущаю между нами никакой разницы; где — ты, где — я — я не знаю, и это не фраза».

Думаю, что тут можно верить Иуде, — здесь он говорит действительно «не фразу», хотя казалось бы и трудно не ощущать «никакой разницы» между собой и проституткой после долголетней дружбы с Виктором Черновым и другими членами ЦК партии. Но — и среди мещан встречаются натуры не менее глубокие, чем любая помойная яма.

Благополучно отскочив от друзей-революционеров и друзей-полицейских, Азеф начал жить той «красивой жизнью», которая так характерна для идеально воспитанных мещан от простого лавочника до министров и князей. Он играл в карты и на бирже, покупал своей возлюбленной бриллианты и серебряные сервизы, ездил с нею на морские купанья, путешествовал и вообще — жил счастливо. Деньги у него были, — партийные средства он расходовал бесконтрольно, полиция платила ему за повешенных — щедро.

В 1915 г. полиция Берлина посадила Азефа в тюрьму; там он читал сочинения анархиста Макса Штирнера «Единственный и его собственность», книгу, которую можно назвать евангелием мещанского индивидуализма; читал Ламброзо «Гений и безумие», роман Арцыбашева «Санин», но больше, чем книгами, «занимался биржевыми выкладками». «Роскошная женщина» отмечает, что он «вообще не любил читать». Сидя в тюрьме, он вспомнил, что для удобства мещан создан, между прочим, бог, и в письмах к «роскошной» писал: «Бог должен дать мне силы. С божьей помощью я все перенесу».

Впрочем, возможно, что он всю жизнь веровал в бога; пожалуй, этого требовала некоторая сложность его позиции и работы: необходимо было убедить себя в том, что над революционерами и полицейскими, честными и подлецами, существует некто третий, кому одинаково безразличны и те, и другие. Бог создан вовсе не для того, чтоб возвеличить людей, а чтоб уравнивать всех людей в сознании их ничтожества пред ним. Именно для этой цели утверждалось «огнем и мечом» бытие бога «великими отцами церкви», инквизиторами, диктаторами, именно ради этой цели утверждают бытие божие современные нам боголюбцы из человеконенавистников.

Но можно думать, что Азеф, профессиональный Иуда, не чувствовал никакого различия между революционерами и полицейскими: одни убивали губернаторов и министров, другие убивали сотни честной, героически настроенной молодежи. В обоих лагерях Иуда имел друзей, они верили в его необыкновенные способности организатора убийств, и вот он, для того чтоб заработать на «красивую жизнь», предавал и продавал справа налево, слева направо. Двусторонняя работа эта не требовала никаких прикрытий идеологией, теорией, никаких самооправданий. Азеф не оправдывался, он просто говорил налево:

«Чего вы хотите? Я же помогал вам убивать ваших врагов». И то же самое он говорил друзьям направо. Художник, человек профессионально склонный к вымыслам, может изобразить Азефа, как некую мрачную и даже трагическую индивидуальность, которая уверовала в дело предательства как в свое историческое назначение, уверовала из чувства ненависти к людям, из мстительного желания уничтожить людей, кто бы они ни были. В мире гниющего мещанства все возможно, возможно и такое отношение к людям, к жизни — отношение отчаявшихся.

Вот недавно сотрудник «Нее Фрейе Прессе» познакомился в Бухаресте с представителями небольшой секты, ведущей усиленную пропаганду и пользующейся известным успехом среди некоторых слоев населения. Называют себя сектанты «христианами». Учение секты необычайно характерно для нашей эпохи.

Возникла секта «христиан» в Северной Америке. Там она насчитывает несколько тысяч приверженцев. Общины «христиан» есть в Лондоне и в Париже. Учение секты изложено в следующей печатной программе на французском языке:

Мы должны стремиться к тому, чтобы человечество вымерло. То, что мы называем жизнью, есть иллюзия, и наше высшее стремление должно быть направлено к тому, чтобы умереть. Наша первая обязанность поэтому — содействовать вымиранию человечества. Член

секты не живет половой жизнью и должен, по возможности, стремиться к тому, чтобы и у других граждан также не было детей. Мы должны есть возможно меньше. Чем меньше мы будем есть и чем хуже мы будем жить, тем скорее приблизимся к смерти. Дни, которые мы вынуждены провести до смерти, следует посвящать молитве. Надо громким голосом читать Библию и петь псалмы. «Христиане» не курят и не пьют алкоголя. Они не встречаются с людьми, ведут уединенную жизнь и готовятся к смерти.

Сотрудник венской газеты беседовал с одной из руководительниц секты, Еленой Клотц, и она ему сказала:

Мы дошли до конца вещей. Нам кажется, что все откровения и все учения о спасении человечества напрасны. Социализм, вегетарианство, натурализм и прочие панацеи для спасения человечества бессмысленны и вздорны. Ничего не принесет и фашизм. Мы знаем, что в наше время многие неверующие опять обратились к религии. Но и это ни к чему. Все — иллюзия и обман. Мы убеждены, что людям никогда ничего не удастся. Людям надо исчезнуть. Самоубийство не может быть решением вопроса, потому что массовые самоубийства связаны с потрясениями и рождают волю к жизни у живых. Нет, надо медленно вымирать, так чтобы земля превратилась в пустыню, и исчез на ней род людской.

Но эта философия смертельно больных не для Евно Азефа, прозванного «великим провокатором» совершенно напрасно и для соблазна ему подобных. Художнику тоже нечего делать с таким скверным материалом, ибо материал для искусства непоправимо испорчен откровенными показаниями «роскошной женщины» о конце его жизни. В фигуре Иуды Азефа заметно некоторое сходство с быком: на бойнях их обязанность — заманивать товарищей быков под обух бойца. В конце концов Евно Азеф типичный, даже весьма упрощенный мещанин, и, как всякий член этого племени полулюдей, он обладал способностью предавать и продавать все и всех ради личного уюта. Талантливейший карикатурист «Симплициссимуса» Олаф Гульбрансон написал совершенно точный портрет Азефа: толстое, толстогубое лицо, маленькие равнодушные глазки свиньи. К этому жирному лицу следует прибавить бесцветный, ворчливый голос и манеру говорить всегда куда-то вниз, под стол, под ноги себе.

«Все — относительно», мерзости — тоже. Азеф работал в сфере сравнительно узкой, в масштабе небольшом. Когда Леонида Андреева спросили: что он думает о деле Азефа? — писатель ответил: «Ничего не понимаю, какое-то семейное дело».

Современные предатели — Беседовские, Дмитриевские и прочие — работают в масштабе значительно более широком, они предают не единицы, не группы, они пытаются предать рабочий класс. Разумеется, их намерения не могут дать каких-либо особенно ощутительных результатов, кроме того, что временно и ненадолго, может быть, оживят издыхающие надежды белой эмиграции. Беседовских я, конечно, не сравниваю с таким, интеллектуально тупым, малограмотным и всячески ограниченным субъектом, каким был Иуда Азеф, — они гораздо ничтожнее его, и еще более мерзостны. Они, конечно, людишки значительно изощренного интеллекта, обладают хорошо развитым умением лгать и, когда нужно, не плохо умеют притворяться искренними друзьями «народа». Все они — типы из той группы интеллигенции, которая имеет свою «историю» — историю судорожного качания справа налево и обратно, историю периодических отказов «от полувековой традиции разночинцев-интеллигентов и прежде всего отказа от служения угнетенным классам — в общественной жизни, отказа от императива долга жизни личной» — как формулировал сущность «истории» ренегатов В. В. Воровский.

Недавно один из предателей, Дмитриевский, напечатал свою «исповедь» и в ней признал, что: «мы — рабы; нам нужны учителя, вожди, пророки». Это — верно. Они охотно ползут за любым вождем, ожидая от каждого из них всегда одного и того же: может быть вождь расширит пределы «мещанского счастья» в условиях капиталистического строя.

В начале 80-х годов, после разгрома народовольцев полицией при помощи Дегаевых, они, «бывшие революционеры», «поумнев», начали проповедывать отказ от революционной деятельности в пользу личного нравственного совершенствования, которое «одно только и может изменить общественный строй». После революции 1905/6 гг. они в сборнике «Вехи» и во главе с Петром Струве, бывшим марксистом — теперь он стал монархистом, но, верный себе, остался все тем же болтуном, каким был всю жизнь — начали петь славу и осанну «мудрому мещанству Европы» и тоже проповедывали нравственное совершенствование, возврат к религии, к церкви.

В наши дни, когда «бывшим людям» стало совершенно ясно, что рабоче-крестьянская власть вовсе не намерена расширять границы мещанского счастья, а совершенно серьезно решила строить социалистическое государство и нимало не сомневается, что примеру ее последует пролетариат всех стран, — в наши

дни «бывшие люди» снова заговорили об «истине Библии» и о том, что

Истина откровения заключается не в защищенных угрозами и насилием мертвых законах, а в божественном произволе человека, созданного по образу и подобию божьему, но к этой высшей свободе надо прорваться в «последней и величайшей борьбе» (Плотин), и прежде всего надо с себя стряхнуть чары и наводнение паукообразных построенной философии, чтобы увидеть «самое значительное», выйти к истокам знания. Науки строят и должны строить на основании прочнее гранита, но метафизические истины добываются в том мире божественного произвола, где господь «повесил землю на ничем» (Кн. Иова). В этом царстве божественного произвола существующее становится несуществующим, и эмпирическая истина, добываемая нами здесь, на отдели времени, на потребу дня, не становится вечной, непреложной истиной — необходимостью. Но в землю обетованную может прийти лишь тот, кто идет без оглядки, не ощущая почвы под ногами, не зная куда, не ведая зачем.

Как видите — очень старая песня и постесня она не талантливо. Говоря, что в «обетованную землю», т. е. к мещанскому счастью, надо идти «без оглядки», «не зная куда, не ведая зачем», они, разумеется, лгут. Они всегда отлично знают, «куда и зачем» надобно ползти, они поняли это тотчас же после Октября, когда саботировали правительство рабочих, когда пошли на службу Деникиным, Колчакам, Врангелям и различным бандитам, которые разорили хозяйство страны; знали они, «куда и зачем», когда после победы рабочего класса тихонько заползали в его партию и на службу Советов, — заползали для того, чтобы шпионить на утеху политиканствующим эмигрантам и всячески вредительствовать в пользу бывших хозяев.

Крайне характерно то, что во всех наиболее крупных случаях ренегаты, перевертени прикрывались одними и теми же словами о «личном нравственном совершенствовании», о необходимости возврата к религии, в церковь. Это особенно характерно именно в наши дни, когда только глухой и слепой не видят, что церковь совершенно явно и цинично обнажила свою подлейшую классовую сущность, свою рабскую и лакейскую зависимость от банкиров и фабрикантов; в таком совершенстве она, кажется, никогда еще не оголяла свое «тайное тайных».

Изумительно не брезгливы «бывшие люди», изумительно слаба их память. Давно ли они «искренно и пламенно» возмущались епископами церкви Христовой, которые отлучали от нее христианина Льва Толстого, и вот слышу, что теперь они уже благоговейно целуют руку епископа, как это сделал публично один из литераторов-эмигрантов. Так же, как после 1906 г., когда Анатолий Каменский сочинял откровенно порнографи-

ческие рассказы, стихотворец Рославлев возвеличил Иуду, Михаил Ардыбашев в романе «Санин» восхвалил и прославил усовершенствованного, самодовлеющего мерзавца, а Петр Струве в «Русской мысли» печатал «Православную теодицею» и в сборнике «Вехи» пел аллилуйю и осанну европейскому мещанину, — так же и послеоктябрьская эмиграция утратила способность ощущать хотя бы звуковое различие между аллилуйей и гонорреей.

Вот она теперь встречает «третью эмиграцию», мелких жуликов, с таким же восторгом, как будто в помощь ее ничтожеству приехали бандиты из Чикаго. Кажется, только Иосиф Гессен, редактор до смешного наглой и озлобленной газетки, почувствовал, что Беседовский врет и, указав, что в книге его «много неясного, недоговоренного», требует подробно объяснить, во что Беседовский —

верил, на что надеялся, и что заставило его сжечь то, чему поклонялся, и поклониться тому, что сжигал.

Объяснений вовсе не требуется. Беседовский сам откровенно рассказал о себе:

Сын буржуа, торговца готовым платьем, б. заядлый анархист, оборонец, а потом кадет и правый эсер, к моменту большевистского переворота стал уже левым эсером,

затем пролез на службу рабочему классу, а ныне сделался предателем рабочего класса. Здесь можно и мне цитировать Библию: «Возвратился пес на блевотину свою». Иосиф Гессен — одна из наиболее дряхлых и комических фигур, которые сидят «на реках Вавилонских» в плену собственной подлости. Пишет он совсем как Иеремия:

Увы, не одно английское правительство дружит сейчас с красной Москвой, скорбно пишет он. Европа не умеет и не хочет защищаться против большевиков. Неумение себя отстаивать, ослабление чувства самосохранения, может быть, даже сознания права на самоотстаивание — не этим ли страдает Европа и в отношениях с большевиками и к своим колониям и к себе самой? И не представляются ли жалкими призывы к объединению Европы для защиты кошельков против американской таможенной политики, — после того как сама она себя разгромила, призвав и американцев, и японцев, и индусов и негров; после того, как «сама устроила у себя исторический «кавардак», из которого не сумеет и при лучших обстоятельствах выпутаться в течение десятилетий».

Хорошо пишет Гессен. Но не верится, что он поможет Европе. В газетке его маленький предатель Дмитриевский напе-

чтал свою «Исповедь», — сочинение весьма глупое. Часть его посвящена мне. Цитирую:

... Был один человек. Мы идеализировали его, как могли. Мы забывали: какой среды этот человек. Ему писали письма со всех сторон — немые рабы писали ему. Писали из глубины души, слезами и кровью, рассказывали про свою жизнь — и просили откликнуться, дать совет, как быть. Наше время — время догмы. Нам нужны учителя, вожди, пророки. Кто иной, как не он, мог позволить себе выступить в защиту того, что, казалось, он защищал всю жизнь — в защиту человеческой личности? И он ответил. Мы недоумевали, когда читали его статьи. Самым грубым, самым безжалостным образом он оттолкнул руки, протягивающиеся к нему, и плюнул в раскрывшиеся перед ним души. С тех пор его для нас не существует. Мы проклинали его.

Вот человек, совершенно лишенный чувства юмора! «Прокляли»! Ну, как можно писать, а тем более печатать такие пошлости: «проклинали»? Нужно быть очень глупым или американцем типа Брайяна или епископом для того, чтоб в XX веке кого-то проклинять. Характерно аристократическое: «Мы забывали, какой среды этот человек». Правильно в этой жалкой чепухе то, что лет 30 тому назад я писал о «бывших людях», но я не защищал, а только показывал их. Теперь мне снова приходится писать о «бывших людях» в лице Беседовских, Дмитриевских и др., эти, конечно, вреднее тех, о которых писал я за 30 лет до сего дня. Правильно и то, что «бывшие люди» последнего выпуска писали мне слезные письма, но не верно, что они просили меня дать совет им; нет, это они, — те из них, которые наиболее циничны и малограмотны, — давали мне кое-какие советы: среди этих советчиков были и такие, которых — при условии непосредственной физической близости к ним — я бы избил. Перескочив на «кладбище непогребенных» к «бывшим людям», маленькие, но гнусные предатели естественно хотят заслужить необходимое для них внимание и одобрение со стороны бело-эмигрантских «политиков от нечего делать», «политиков», которые вот уже десять лет бездарно и скучно изощряются во лжи и клевете на рабочий народ Союза Советов и на вождей его. Раздавленные историей, озлобленные тем, что жизнь в России отлично идет и без их участия в ней, еще более озлобляясь тем, что даже капиталисты Европы и Америки признают — «скрепя сердце» — неоспоримые успехи государственного строительства в стране Советов, — дряхлые эмигранты конечно рады послушать болтовню ябедников и лгунов «третьей эмиграции». Но — слушая — уже не верят. Это чувствуется: не верят.

По инерции, по привычке они все еще в своих газетках убеждают друг друга: скоро, скоро русский «народ» позовет нас! Вот придет сорок тысяч послов от него и они скажут нам, как в старину варягам:

«Трудом рабочих и крестьян земля наша стала еще богаче и обильней, пожалуйте княжить и владеть ею».

И тогда — грезится им — они пожалуют в качестве прислуги грабителей, ибо порядок в доме делает прислуга, а порядок в буржуазном государстве — т. е. всесторонний и узаконенный грабеж — обслуживается и оправдывается той самой интеллигенцией, которая всегда проповедывала «нравственное усовершенствование» и устанавливала догмы религии, нации, класса.

Но все это «мечты и грезы». Никто не придет и никуда не позовет. А действительность безрадостна и безнадежна. Недавно один из них, человек, который выздоровел от «интеллигентности», работая на заводах, изобразил эту действительность в таких словах: «Как живем? Плохо. Переругались все, ненавидим друг друга, никто никому не верит. Очень трудно молодежи, родину она почти не знает, язык забывает. А старая эмиграция все настойчивее поет европейской буржуазии гимны свои: «Меня, несчастную, торговку частную, ты пожалей». Гимн этот называется «Бублики», американцы уже состряпали из него фокстрот. Буржуазия, конечно, глуха и нема, ей самой туго живется».

1930

ОБ УМНИКАХ

Существует ли глупость, как «дар природы»?

Я уверен, что — не существует и что даже кретины, идиоты создаются не природой, а тою биологией, которая обусловлена «бытом», социологией.

Некоторые умники утверждают, что глупость — качество, которым природа одаряет человека со дня его рождения и на всю жизнь, что она как бы сознательно стремится ограничить домыслы разума и работу воображения людей.

Фантазию эту выдумали в глубокой древности наши мохнатые предки, запуганные враждебным человеку буйством стихийных сил природы — землетрясениями, наводнениями, ураганами, сменами холода — зноем и прочими безобразиями слепого силача. В дальнейшем из этих страхов умники создали богов.

Глупость — уродство разума, воспитанное и воспитываемое искусственно посредством давления на разум религией, церковью, — самым тяжелым орудием из всех, которыми буржуазное государство вооружено для укрощения рабочих масс. Это — неопровержимо, и я ни мало не сожалею о том, что по этому поводу никто из умников не в силах сказать «нового слова».

Глупый человек совершенно необходим для «красивой жизни» буржуазии. Он тем хорош, что крайне удобен для эксплуатации его физической силы. Именно на почве глупости рабочих масс коренится власть всемирного мещанства. Буржуазная система воспитания масс — система фабрикация дураков.

Нашим советским, грамотным людям эти неоспоримые истины — надеюсь — хорошо известны. Они знают, какими приемами буржуазные государства воспитывают, утверждают и охраняют глупость. Благодаря смелой инициативе В. И. Ленина и большевиков, авангарда рабочего класса, благодаря работе компартии и трудам рабоче-крестьянской власти в Союзе Советов древняя глупость довольно быстро исчезает. Пробужденное этой работой в трудовом народе растет сознание своего значения, своего права на власть. Творческая энергия масс все более резко и наглядно заявляет о себе, как о силе, совершенно способной перестроить всю жизнь, начиная с ее основ. Тринадцать лет этой мужественной и успешной работы поколебали и все более явно колеблют древние устои мещанского благополучия, прочно цементированного кровью и потом трудового народа. Весь мир трудящихся, прислушиваясь к шуму строительства новой жизни в Союзе Советов, откликается грозным эхом и постепенно организуется для того, чтоб вступить в решительный бой за свою свободу.

Цель этого фельетона побеседовать о глупости умников.

Умник, это прежде всего — интеллектуалист. Основная его черта: у него, как у датского принца Гамлета, «румянец воли побледнел под гнетом размышлений». Так же, как принц Гамлет, он — сирота; мамаша его — история — живет в связи с капиталистом, а вотчим, хотя и негодай, но — поощряет искусства, эксплуатирует науки и притворяется культурным животным.

Умник считает себя мастером культуры, «духовным рычагом» ее, «солью земли» и т. д. в этом роде, вообще же он видит себя «неповторяемой индивидуальностью». Он не «просто человек», а воплощение мировой мудрости, так сказать, — пуп мудрости мира. «В минуту жизни трудную», когда действительность выдавливает из него некоторое количество сиротской ис-

кренности, он именует себя «каторжником, прикованным к тачке истории», — как выразился один бывший «спартаковец». А другой, бывший социал-демократ, сказал: «Буржуазия насилует рабочих, рабочие — насилуют нас, интеллигентов». Советские журналисты, вообще варвары, как и все население Союза Советов, — иногда называют умников — сводниками. Сводничество — позорное занятие, суть его в том, что сводник подкладывает на постели богатых старичков и старушек молодых девиц и парней. Конечно, деятельность вождей европейской социал-демократии весьма совпадает с этим родом занятий, но... Тут, наверное, умники нашли бы какое-нибудь «но», а у меня — нет охоты искать его. Да и мир, вся действительность, строится сурово логически на «да» и «нет», а «но», по закону логики, является «исключенным третьим».

Умник — человек убежденный, что самое лучшее кресло, — то, в котором он привык сидеть. Поэтому он настаивает, чтобы все люди сидели в креслах любимой им формы. Рассматривая все события с точки зрения удобства своих ягодиц, умник, конечно, не может одобрить все то, что сотрясает старую мебель, в которой покоятся его уважаемые ягодицы.

Например: русские помещики времен крепостного права любили сидеть в вольтеровских креслах, затем интеллигентам из дворян полюбилась мягкая мебель идеалиста Шеллинга, посидели на Фурье, на Молюшотте и Фогте, пересели в нигилизм, понравился Спенсер, особенно потому, что он, между прочим, сказал: «Из свинцовых инстинктов не сделаешь золотого поведения», — прелестный этот афоризм разрешал не беспокоиться о некоторых социальных бессмыслицах, подлостях и трагедиях. Но и Спенсер оказался неудобным; пересаживаясь все более часто, посидели на Марксе — жестко! Попробовали подложить под Маркса Бернштейна, — не вышло! Сели в Нитцше, затем в Бергсона, я пропускаю целый ряд испробованной мебели, теперь умники сидят чорт знает в чем, и многие — в эмиграции. Этот процесс все более частых прыжков с места на место именуется «историей духовной жизни русской интеллигенции».

В эмиграции умники сочиняют «Эскизы научно-религиозного мировоззрения», «Евангелия божественной справедливости», «Жития святых», «О православном почитании предтечи» и вообще усердно занимаются столярно-философским ремеслом, изготовляя нечто для спокойного сидения.

В эмигрантской прессе можно читать такие умалишенные рассуждения:

Говорят, что абиссинские православные священники танцуют при совершении литургии. Очевидно, в душе эфиопов — тех эфиопов, которых так уважал Гомер, что всегда говорил о них: «достопочтенные эфиопские мужи», — очевидно, в этой душе православие нашло другое отражение, чем в нашей русской душе.

Недавно знакомая русская девушка, получившая воспитание в католическом французском монастыре, жаловалась своей матери:

— У них ужасно неудобно купаться: ванну приходится брать всегда в рубашке.

— Почему?

— Вот и я спрашиваю — почему? Ведь в ванне я сижу одна, дверь заперта на ключ. А они говорят:

— Как одна? А ангел-хранитель? Ведь он всегда при тебе!

Эта детская очаровательная наивность католического монастыря мне ужасно понравилась. Но разве это похоже на наше представление об ангеле-хранителе?

Это пишет бывший беллетрист, видный сотрудник эсеровской газеты в 1905 г. О, трагическая тяжесть ягодич!

Оставим шутки, хотя это очень трудно. Я только что прочитал отличнейшую книгу т. С. Б. Урицкого «В развернутое социалистическое наступление», прочитал и — мне очень весело.

В старину существовала группа людей — канцеляристы. Слово «канцеляристы» — составлено из слов: «кане ч'е л'ария» — собака на воздухе, т. е. у дверей, у ворот дома. Канцеляриста называли: «чернильная душа». Умник не совсем похож на канцеляриста, душа у него книжная. Но он живет тоже как бы где-то за воротами действительности и смотрит на нее из подворотни.

Умник прочитал, вероятно, не менее 16 тысяч книг по разным вопросам, и этот полумеханический труд усвоения чужих мыслей развил в нем уродливо преувеличенное мнение о силе и широте своего разума. Разумеется, я не стану отрицать за мешком права гордиться количеством зерна, которое насыщено в него. Но часто замечаешь, что чем шире объем знаний умника, — тем судорожнее и длинней кривая его колебаний.

Известны случаи, когда умник, отыскивая под себя удобное сиденье и двигаясь задом наперед, доходит от марксизма до православного мракобесия и попадает из большевиков в церковные старосты.

Некоторые умники полагают, что именно в частой смене верований наиболее полно выявляется свобода мысли. В конце-концов книги, как будто, не просвещают, а ослепляют умника, и частное хозяйство его души редко бывает благоустроенным.

Книги для него — источник противоречий, которые волнуют и терзают его гораздо сильнее, чем грозы, бури и ураганы со-

циальной действительности. Действительность требует, чтоб книги отражали ее рост и ход, но, становясь более бурной, насыщаясь энергией нового класса, его творчеством, она не очень церемонно считается с книгами, в которых отражен ее вчерашний день. А умник хочет, чтоб действительность слушалась книг. Недавно один — из Ленинграда — совершенно серьезно написал мне:

«Мы живем сейчас одной только политикой, но ведь политика есть только тактика государственного управления, государственной деятельности, за что и ответили перед лицом Революции царские министры и все занимавшие командные высоты. Чего же нам не хватает? У нас нет «быта». Отчего? От того, что быт есть следствие миросозерцания и этого миросозерцания у нас нет».

«Оригинальность» этой мысли не исключительна; нет, это — весьма типическое «выявление» взгляда на жизнь из подворотни. Книгу умник ценит, книге он верит. Но если ему сказать, что в массах рабочих и крестьян Союза Советов спрос на книгу растет с невероятной быстротой, что в 1927 г. напечатано было 462 миллиона листов, а в 1930 уже 1365 миллионов — это не обрадует умника. Он скажет: «Издаются не те книги, они не достаточно объективны, и пишут их еретики, потому что материализм — учение еретическое и антикультурное».

Умник крепко убежден, что без его мудрого участия в делах мира, мир — погибнет, но участвовать он способен только посредством языкоблудия. Он вполне уверен, что все знает и все для него совершенно ясно. Книжность убила в нем чувство скромности и осторожность суждений, свойственную людям, которые, активно участвуя в строении жизни, относятся к ней внимательно и серьезно. Он пишет откуда-нибудь, например, из Праги:

«Я хорошо знаю, что положение в России дошло до высшей точки неблагополучия». На самом деле, он ничего не знает, потому что не хочет видеть того, что необходимо знать. Он совершенно не чувствует той высоты, до которой активизм рабочего класса и передового крестьянства поднял Союз Советов. О жизни 160 миллионов народа он судит, как о жизни населения маленького уездного городка. С храбростью бесстыдника он утверждает: «непрерывка провалилась», не желая знать, что 66% рабочих втянулись в непрерывную неделю и что это — факт огромнейшего политико-экономического значения и факт, революционизирующий быт.

«Пятилетка неосуществима», — каркает он, хотя должен

бы знать, что по инициативе рабочих пятилетка сокращена до четырех лет. Он вообще не хочет считаться с тем, что в Союзе Советов работает неведомая ему, умнику, энергия, которой он никогда, нигде не наблюдал, — свободная энергия рабочих и крестьян, которые все более ясно сознают, что они — единственные правомочные хозяева своей страны, что они работают на себя и что работать надобно самоабвенно, мужественно, с полным напряжением сил.

Только силою этого сознания можно объяснить тот, казалось бы, невероятный факт, что нефтяная и торфяная промышленности выполнили уже 83 и 96% того, что предполагалось выполнить в 1932/33 г., а это значит, что здесь пятилетний план осуществляется рабочими в $2\frac{1}{2}$ года. Выполнение пятилетнего плана по машиностроению достигло уже 70%, а это значит, что план машиностроения будет выполнен не в 5, а в 3 года, так же как и план по электропромышленности.

О чем это говорит? О могучем запасе энергии рабочего класса. А о том, что крестьянин больше не хочет быть рабом земли, зависимым от капризов природы, говорит тот факт, что у нас 22% крестьянских хозяйств объединено в колхозы, а это объясняется только тем, что древний каторжник земли сознает необходимость борьбы с природой посредством машин, посредством помощи земле удобрениями, — посредством новейших культурных и научных приемов.

И не может быть сомнения в том, что колхозы будут расти, крестьянин умеет сопоставить факты и сделать из них выводы, а факты таковы: «Колхоз «Красный партизан» подсчитал, что на хозяйство каждого колхозника приходится при распределении урожая не менее 700 руб. Единоличник и мечтать не может о такой сумме».

Энергия рабочих и крестьян растет с поразительной быстротой, чего не отрицают даже неглупые капиталисты, хотя рост этой энергии угрожает им некоторыми неприятностями. Но умник стоит на своем, так как его немножко обидели, — ему нехватает яиц, масла к завтраку и сидеть ему неудобно. «Не могу же я представить, что малограмотный рабочий, алкоголик и лентяй, безграмотный, забытый мужик способен успешно состязаться с капиталистом. Мы знаем свою страну, знаем характер ее живой силы и знаем, что П. Б. Струве прав: рабочий класс, как творческая сила, может существовать только в условиях капиталистического государства».

Мудрость — ошеломляющая! Не знаю, где, когда писал Струве столь изумительно о рабочем классе, и писал ли он так

или это его перебрали мои корреспонденты «Честные русские».

Осведомленность «честных русских» умников, по глубине ее, равна их мудрости. Мне кажется, в этой мудрости есть уже нечто психо-патологическое. Очень странно, что, говоря о «живой силе», о рабочем и мужике, умники забыли о «бабе», — новой «живой силе», очень живой и тоже весьма энергичной.

Помутнение разума умников принимает самые разнообразные и курьезные формы. Так, например, одному из них было сообщено о чрезвычайно успешном развитии субтропических культур в республиках Грузии и Абхазии, а также о том, что чайные плантации Черноморья, — 250 десятин дореволюционного времени, ныне, в 1930 г., занимают 20 000 гектаров. Он ответил вопросом: «Что же вы — с Китаем конкурировать будете?» Только. А он — грамотный человек, ученый, спед ботаник!

Умники любят хвастаться любовью к «народу», своими заботами о нем, любят вспоминать о том, как они страдали, когда «народ» страдал под тяжестью бездарной, беспощадной власти помещиков и капиталистов. Но вот рабочие и крестьяне уничтожили эту власть, и, сами хозяева своей земли, строят в ней новую государственную систему, учат делу социалистического строительства весь мир трудящихся. Казалось бы, что теперь «печальники о горе народном» должны отказаться от бесплодного ремесла горюнов и печальников, могут сидеть спокойно, любуясь мощной самодеятельностью трудового народа, его свободным творчеством во всех областях физического и умственного труда. Казалось бы, что теперь умники могут хором спеть:

«Ныне отпускаеши раба твоего, владыка» и — для окончательного успокоения своего — позаботиться о могилах. Пора!

Однако, культурные успехи и достижения «народа» невидимы для них. Они заняты иезуитски тщательным подсчетом всяческих недостатков, ошибок, «прорывов», — всем, что дает им «самокритика» рабочих и крестьян и что, в существе своем, является не столько «драмой власти», как поощрением энергии, воспитанием самодеятельности масс, — воспитанием в трудовой массе сознания ее государственной ответственности за все ее недостатки, пороки, ошибки, за небрежность и за торопливость. Все это им непонятно, чуждо, они интересуются другим.

Они пишут: «Арестован благороднейший Иван Иванович, которого мы знаем...»

Издали они смотрят в подворотню и щели ворот новой истории, которую создает власть, воля рабочих, крестьян, смо-

трят и все знают. Я думаю, что они не плохо знают только одно — то, что родственные им по «духу» умники стремятся, в меру слабых сил своих, к реставрации мещанства, к восстановлению буржуазного строя. И, вероятно, они чувствуют, что чем решительнее рабоче-крестьянская власть переходит в социалистическое наступление, тем разнообразнее выявляет себя злоба погибающего мещанина. Эта злоба создает свою атмосферу: естественно, что некоторые умники отравляются ею, и тогда приходится, не считаясь с их благородством, лишать их возможности свободы действий словом и делом.

Мне известны совершенно точные слова одного умника, слова, искренность которых не возбуждает сомнений. Когда его спросили, почему он «вовлекся во вредительство», он объяснил:

При капиталистическом строе мы являлись в известной степени обер-офицерами капитала, если можно так выразиться. Именно через нас капитал осуществлял свойственную и неизбежную при капитализме эксплуатацию рабочих, а это в свою очередь порождало уже известную идеологию, которая резко отделяла от нас рабочих, противопоставляла нас им.

На этом красноречивом заявлении человека, родственного по «духу» умникам, можно кончить.

1930

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Дорогой Алексей Максимович!

Мысль написать небольшое письмо пришла мне под впечатлением от чтения вашей статьи «О солитере».

У меня составилось такое впечатление из других ваших статей в «Правде», да и из этой, что вы постоянно «бомбардируетесь» письмами тех, кто личное, в сущности ничтожное, горе стремится выдать за мировую скорбь, пустую слезу за жемчужину исстрадавшегося сердца, кто внутреннюю пустоту принимает за пустоту жизни, кто гибель надежды личного благополучия и счастья считает гибелью счастливой жизни вообще, кто, чувствуя, что он — тонет, и что иссыхает насиженное теплое болотце его ограниченного мира, — думает, что погибает не он, а весь необъятный мир. Чувствуя, что дни его сочтены, он, этот солитер, начинает кричать, визжать, брюзжать, и этот визг, буквально, слышится повсюду.

Немудрено, что эти отчаянные вопли долетают и до вас, надеясь на «теплое сердечное слово».

Пишут ли вам те из миллионов, которые пробудились и поднимаются к жизни? Думаю, что, конечно, пишут, но вряд ли многие. Вряд ли многие потому, что эти люди гораздо более беспощадны в критике, чем откровенны в радости; более самоуверенны в деле, чем расточительны в слове. А между тем, если знаменитый наш сатирик тосковал о своем читателе, то тем более близкая и тесная связь между читателем и писателем необходима в наше время.

Вот почему я решил отозваться несколькими словами о журнале «Наши достижения» и думаю, не сочтете вы это за желание оказать приятное одолжение для вас, одолжение, в котором вы не нуждаетесь.

«Предприняв издание еще одного *ненужного* журнала...» — так, кажется, пишет солитер, и это совершенно понятно, ибо для солитера ненужным является все то, что изгоняет его из организма, что очищает организм от паразитов, словом, всякий подлинно-полезный медикамент. А журнал «Наши достижения» — великолепный медикамент и он нужен, очень нужен! Нужен потому, что не все еще отравлены паразиты, не все залечены раны на здоровом и крепком теле. Это — во-первых. Во-вторых, журнал нужен и для иной цели.

Человек в наши дни должен быть (и становится) настолько большим, чтобы видеть всю страну, чтобы жить жизнью всего нашего необъятного Союза, а между тем мы все еще остаемся в своих углах, видим одни и те же улицы и лица, одни и те же стены и крыши, видим постоянно один и тот же горизонт. А когда мир суживается до такой стены, то непомерно сильно вырастает свое «я», возвышаясь до царственного положения. Чтобы каждый отказался думать, что «земля вертится вокруг него», и что солнце опускается на его поле, чтобы перестал он чувствовать и считать себя «солью земли», для этого необходимо раздвинуть мир, в котором он живет, разорвать узкий горизонт видимого ему мира, усилить его глаза и уши, удлинить руки и ноги, увеличить мозг, т. е. сделать его *постоянным* жителем гораздо более широкого коллектива, оторвав его от мерзкой скорлупы, и возвысить человека до осознания величественной силы физической и умственной деятельности подлинного коллектива.

Теперь нужно сделать доступным человеку сравнивать свои лишения с лишениями многих, свою нужду с нуждой всех, свои достижения с достижениями всего Союза. Нельзя отдаться пас-

сивному ожиданию прихода «всеспасающей техники», нельзя потому, что и техника, в конце концов, застывший труд, нельзя и потому, что просвещение и культура представляют рычаг огромного значения, чтобы поддерживать среди всех строителей нового общества (строющих в различных неимоверно отдаленных уголках) постоянную жажду к деятельности, необходимо каждому из строителей предоставить жить и радоваться достижениями трудящихся всей страны. И вот эту роль для нас выполняет редактируемый вами журнал.

Живу я, А. М., в Перми. Вы были в этом городе и помните, может быть, этот богатый мещанством городок. Теперь, конечно, многое изменилось: открыты химический, ветеринарный, сельско-хозяйственный институты, преобразованы в институты б. педагогический и медицинский факультеты. Вырос огромный завод «Уралсепаратор», открыт трамвай, вблизи от города строится гигантский бумажный завод, так же недалеко Урал-нефть и т. д. Словом, культурная и хозяйственная жизнь изменилась, но все же как она далека по темпу от жизни таких, допустим, бурно-развивающихся городов, как Ново-сибирск, Харьков, Иванов, Москва и даже Свердловск!

Живя в этом довольно тихом городке, конечно, нуждаешься постоянно в знакомстве с гигантским строительством страны, чтобы вжиться, вчувствоваться в этот невиданный рост и зажечь себя новым порывом к работе. Правда, многое пишется в газетах и других журналах, но в них, справедливо, уделяется большее внимание недостаткам, прорывам, как теперь говорят, чем достижениям и успехам. Между тем, вряд ли можно переоценить значение пропаганды успехов социалистического строительства. Этому большому делу служат «Наши достижения» и такой же прекрасный журнал «СССР на стройке».

Сегодня утром мы с товарищем порядочно расстроились. Конечно, известно вам, что с питанием (да и с промтоварами) сейчас не вполне благополучно, особенно в провинциальных городах. Так вот, сегодня мы не могли нигде позавтракать до 12 часов: 2 столовых были закрыты, а в третьей ужасная очередь, купить съестного было негде. Конечно, другие голодают и больше, но люди-то мы молодые, нетерпеливые. Жрать хочется чертовски, небось при самом большом энтузиазме поползут по мозгам, точно черви после дождя, «всякие такие» мысли. Надо их чем-то ущемить, задуть, отравить. И тут мало одной физической пищи, необходим и умственно-«лекарственный напиток». И вот зашел я после обеда в городскую библиотеку, посмотрел, прочитал многие журналы и между ними «Наши

достижения», и невольно стало обидно и стыдно за утрепные, нудные мысли, такими пустяшными, маленькими показались они по сравнению с величием «Сельмашстроев», «Тракторостроев», «Днепростроев», и неисчислимых других «строев».

Сегодня — у меня выходной день, я решил пойти к пристани. Прежнюю жизнь пристаней я скорей знаю по вашим описаниям, но недавнюю все же несколько помню. И вот там, где были бесчисленные лавчонки фруктовые и продуктовые, — теперь пусто, купить — ни чорта! Меня охватило чувство нашей нужды и бедности. Но взглянул на строящееся рядом с замечательным Любимовским домом на берегу Камы огромное бетонное здание, дымящие — вверх Мотивилиху и вниз — «Уралсепаратор», и у меня изменилось настроение. «Нет, — подумал я, — наша бедность есть живой свидетель того, что мы богатеем». Все дело заключается в том, чтобы содержание коллектива сделать содержанием своего «я», его закон своим законом, его рост собственным ростом, радость и достижения коллектива радостью и достижениями своими. Это оказывается, — я откровенно сознаюсь, А. М., — трудным делом и для нас, для молодых. Иногда это вызывает не легкую внутреннюю борьбу, но без борьбы жизнь — ничто, да, собственно, и нет жизни. Необходимо видеть плоды своих усилий, результаты далеких устремлений, близкую достижимость цели, убеждаться самому в достижимости этой цели, чтобы она не была неосознанной туманностью будущего, а яркой путеводной звездой. И вот эту задачу выполняет с успехом ваш журнал. Постоянно показывая достижения социалистического строительства, приближая их к нам в отдаленные уголки, освещая увлекательно их исторический смысл, журнал учит жить и восторгаться грядущим. Желаю вам доброго здоровья и успешной дальнейшей работы. Один из многих, студент-выдвиженец, по происхождению крестьянин, по воспитанию — детдомовец.

24—VII—30.

Мы публикуем это письмо потому, что автор его — один из миллионов, которые «пробудились и поднимаются к жизни». Несомненно, он прошел весьма трудный путь, прежде чем достиг университета. Лет двадцать тому назад он до университета не дошел бы, хотя он, кажется, человек стойкий. Но в то не «доброе», не очень «старое» и все-таки уже далекое от нас время погибали именно стойкие, мужественные. Пути к университетам были закрыты для них. И тот факт, что в наши дни в

университет можно попасть из детдома, из «колонии беспризорных», из трудовой колонии людей, бывших «социально опасными» и «правонарушителями», этот факт — одно из крупнейших достижений Октябрьской революции.

Автор письма — человек скромный, он не подписал своего имени — автор письма спрашивает: пишут ли мне «те из миллионов, которые пробудились и поднимаются к жизни»? Да, я очень много получаю писем от бодрых и скромных маленьких «великих» людей, которые неустойчивой работой своею создали атмосферу, понуждающую людей «подниматься к жизни». Писем этих так много, что публиковать их невозможно, да и нет нужды: авторы этих писем хорошо знают свои цели, задачи и пути к разрешению их. Но они плохо знают общие итоги их работы и мало знают о том, как глубоко проникает их работа, как действует на некоторых людей создаваемая ими атмосфера героического труда. А студент правильно говорит: «Человек в наши дни должен быть настолько большим, чтоб видеть всю страну, чтоб жить жизнью всего нашего Союза» и, — скажу еще раз, — как он, работая, воспитывает таких же мужественных героев труда, каков сам.

У меня есть другие письма, в которых говорится именно об этом; со временем я соберу и опубликую их, а сейчас приведу выдержки из двух, трех. Вот что, например, пишет человек с Турксиба:

И случилось так, что я, лишенец, обиженный человек, понял здесь, среди этих разношерстных людей единого духа, как велико и захватывает наслаждение узнавать жизнь и участвовать в переустройстве ее. Сонного меня ночью заносило песком, до чортиков напугала змея, потел, как в бане, вообще «хватил горячего до слез», а вместе с потом выпарились из меня все мои обиды и половеский мой аристократизм. И уж по правде скажу, обидно было мне видеть, что полудиккий киргиз, башкир работают с таким увлечением, которого я сначала-то не только не чувствовал, а и не понимал даже. Теперь, когда прошел эту школу, чувствую себя вполне на своем месте.

А вот — другой голос из Северного края, из Карелии:

Сурово здесь, зимою жутко было. Да и насчет хлеба не богато. Стишки писать бросил, повернуло на прозу, проза тоже не удастся, всё не те слова идут под перо. К тому же понимаю, что в литературу меня тянуло как к легкому труду, а тут легкого-то труда — нет, не найдешь. Пришлось действовать, как все. А тут один зав. хороший парень, говорит: «Ты что все под нос себе читаешь? Ты бы вслух. Да безграмотность ликвидировал бы». Впригн я в это дело и понравилось мне, вижу, что могу быть неплохим учителем. Трудновато после работы учительствовать, но ученики под-

держивают, интересно с ними. Вопросов у них накопилось столько, что мне самому надобно учиться, а книг нет.

И еще пример того, как наша действительность «поднимает людей к жизни». Автор этого письма говорит о себе так:

Я был частым посетителем домзаков. Видел, как мои товарищи по тюрьме уничтожали книги на карты и курево. Я также принимал участие в этом, не понимая, что сим поступком совершаю более тяжелое преступление, чем на воле. Читал плохо, по складам, и никогда не хватало прочитать книгу до конца.

Но, наконец, в руки его попала книга, которую он прочитал «до конца» и «узнал из нее, что всякому поступку людей жизнь готовит возмездие».

Он не только выучился свободно читать и «заразился страстью к чтению», но — сам картежник, — «стал ярым противником тех, которые уничтожали книгу, превращая эту драгоценность в карты, страшное, социальное зло».

Человек этот ныне работает в далекой Сибирской тайге, на терпентинных промыслах, сам учится, учит других и даже пробует писать, прислал рукопись в журнал «Литературная учеба».

Это — особенно показательное письмо. Оно говорит, что даже из тюрьмы, откуда, в былое время, человек не находил выхода на широкую дорогу общественно-полезного труда, — у нас он легко, при желании, выходит на эту дорогу. Приведенный мною факт не исключителен. Под Москвою, в Болшеве, организована трудкоммуна, где отлично работают несколько сотен бывших тюремных и соловецких жителей, вырабатывая высокую трудовую квалификацию, получая до 150 руб. в месяц. Там у них отлично оборудован трикотажный цех, обувной, деревообделочный, построена фабрика коньков, прекрасное общежитие для одиночек и семейных. Многие из них после рабочего дня посещают вечерние курсы.

Мы очень мало знаем об этих исключительно удачных опытах воспитания бывших «правонарушителей» и «социально-опасных», а у нас таких трудкоммун, как болшевская, — не одна. И есть немало трудколоний, где маленькие «беспризорники» и воришки тоже превращаются в квалифицированных рабочих, учеников агроинститутов, студентов.

О чем говорит все это? О том, как глубоко проникает влияние свободного труда даже «на дно жизни». Я думаю, никогда еще в мире, за всю его историю, труд не обнаруживал так ярко и убедительно своей сказочной силы, преобразующей людей и жизнь, как обнаруживает он эту силу в наши дни, у нас, в государстве рабочих и крестьян. Разумеется, это — не на радость

людям, которые не могут представить себе жизнь иначе, как процесс порабощения и эксплуатации большинства меньшинством. Рабовладельцев не может радовать рост сознания рабочими и крестьянами своего права на власть, рост сознания ими силы труда, разрешающей все загадки жизни, единственной силы, которая способна в корне изменить позорные условия.

Капиталисты Европы и Америки очень хорошо понимают, чем грозит их «красивой жизни» суровая и трудная работа строителей нового, социалистического государства и — естественна дикая, но бессильная ненависть капиталистов к Союзу Советов. Ненависть эта растет вместе с ростом наших достижений в деле организации новых форм жизни, растет ненависть, но растет и бессилие ее.

Торгаш — ненавидит, но — он, прежде всего, торгаш, и, ненавидя врагов своих, он вооружает их, снабжая машинами и всем, что все более обеспечивает победу той великой идеи, которую осуществляет рабочий класс Союза Социалистических Советов. На этом примере лучше всего виден анархический индивидуализм мира капиталистов.

В письме студента самое ценное — его сознание, что «без борьбы — нет жизни», и правильны его слова: «Необходимо постоянно видеть плоды своих усилий, результаты далеких устремлений... близкую достижимость цели... чтоб она была яркой, путеводной звездой».

Это — правильно. Каждому рабочему и крестьянину, каждому активному борцу за лучшее будущее — гораздо легче будет жить и работать, если перед ним встанет картина грандиозных завоеваний его класса, если он из месяца в месяц, из года в год будет следить за ростом коллективного труда всей массы рабочих и крестьян, за успехами и достижениями во всех областях труда.

Учат, воспитывают факты, всегда — факты, идеи сопутствуют, а не предшествуют фактам. «Прорывы» на разных фронтах, вызываемые недостаточно ясным сознанием единичного государственного значения труда, неизжитый мелочный индивидуализм, стремление поскорее, поудобнее устроить свою личную жизнь, привитые прошлым пороки: пьянство, лень, отсутствие сознания ответственности пред своим классом, коллективом, — все это есть. Но здесь необходимо помнить, что мы живем не в сумерках прошлого, а ярким днем. Все пятна и тени отлично видим. Ежедневная наша пресса беспощадно освещает их, и яркость света делает тени, может быть, темнее, чем они есть на самом деле.

Но — они есть. Это постыдно и этого не должно быть. Этого и не будет. Чем шире, быстрее станет расти поток творческой энергии передовых отрядов рабочих и крестьян, тем решительнее, беспощадней будет он отбрасывать в сторону от себя всех, кто по мотивам мещанского индивидуализма не найдет возможным влить свои силы в общее бурное течение творческой энергии рабочего класса и его великой цели.

Как смотрит на «преступника» буржуазное государство? На этот вопрос отвечает одна из газет С. Ш. Америки. Она рассказывает:

«Была прослежена жизнь 510 человек, выпущенных из Массачузетской тюрьмы в период 1921 и 1922 гг. Результат оказался поразительный — 80 проц. бывших преступников почти немедленно же возобновили прежний образ жизни.

Как выяснили исследователи, половина всех этих пятисот преступников покинули родительский дом раньше, чем им исполнилось 14 лет, лишь 80 человек из всех состояли когда-либо членами кружков или религиозных обществ, остальные же были предоставлены самим себе и обществу таких же, как они, бездомных бродяг.

В некоторых случаях тюрьма действительно несколько изменила характер преступников и хотя они остались попрежнему бродягами, бездельниками и пьяницами, но уже не прежними глазами глядят на свой образ жизни.

Но в общем массачузетская анкета подтверждает старый вывод — тюрьма для молодых преступников является настоящим «университетом» преступности.

1930

ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, — ЕГО ИСТРЕБЛЯЮТ

Организованная учением Маркса и Ленина энергия передовых отрядов рабочих и крестьян ведет за собою массу трудового народа Союза Советов к цели, смысл которой выражается в трех простых словах: создать новый мир. В Союзе Советов даже дети-пионеры понимают, что для создания нового мира, новых условий жизни необходимо: сделать невозможным скопление в руках и карманах единиц огромных богатств, которые всюду выжимаются и всегда выжимались из крови и пота рабочих, крестьян; уничтожить деление людей на классы, уничто-

жить всякую возможность эксплуатации меньшинством трудовой и творческой энергии большинства; разоблачить ядовитую ложь религиозных и национальных предрассудков, которые разъединяют людей, делая их непонятными, чужими друг другу; вытравить из жизни трудящихся все воспитанные вековым рабством дикие и грязные бытовые навыки; уничтожить все, что, затрудняя в трудовом народе рост сознания единства его жизненных интересов, позволяет капиталистам создавать человеческие бойни, посылая миллионы трудящихся на войну друг против друга, — на войны, основная цель которых всегда одна: укрепление права капиталистов на грабеж, укрепление их бессмысленной жажды наживы, их власти над трудящимися.

В конечном счете это значит: создать для всех людей и для каждой единицы свободные условия развития своих сил и способностей, создать равную для всех возможность достижения той высоты, до которой поднимаются, излишне затрачивая множество энергии, только исключительные, так называемые «великие люди».

Это — фантазия, романтика? Нет, это — реальность. Фантазией, романтикой называют это движение массы к строительству нового мира враги рабочих и крестьян, люди, которые, — как недавно писала мне «Русская женщина», — представляют «тонкий слой образованных и европейски мыслящих» и которые, — как пишет она, — убеждены, что:

«Разум — достояние немногих, нельзя искать разума в массах». «Культура — создание немногих, высокоодаренных людей».

В этих словах «Русская женщина» грубо, но правильно выразила весь смысл и всю нищету буржуазной идеологии, выразила все, что буржуазная мысль может противопоставить духовному возрождению пролетарских масс. Духовное возрождение пролетариата во всем мире — неоспоримая действительность. Рабочий класс в Союзе Советов, идя впереди пролетариев всех стран, прекрасно утверждает эту новую действительность. Он поставил перед собой грандиозную задачу, и его концентрированная энергия успешно разрешает ее. Трудности решения — огромны, но, когда хочешь, — можешь! За 13 лет своей диктатуры рабочий класс, почти безоружный, разутый, раздетый, голодный, выпхвyrнул из своей страны богато вооруженные капиталистами Европы белые армии, выпхвyrнул войска интервентов.

13 лет работая над строительством своего государства с небольшим количеством честных, искренно преданных ему специалистов, прослоенных множеством гнусных предателей, кото-

2
рые отвратительно компрометируют и своих товарищей, и даже самую науку, работая в атмосфере ненависти мировой буржуазии, в змеином шипении «механических граждан», которые злобно подмечают все мелкие ошибки, недостатки, пороки, работая в условиях, о тяжести и ужасе которых он и сам еще не имеет ясного представления. — в этих адских условиях он развил совершенно изумительное напряжение подлинно революционной и чудотворной энергии.

Только героическое мужество рабочих и партии, выражающей его разум — разум революционной массы, может создавать при всех данных отрицательных условиях такие подвиги, как, например, то, что по плану на 1929—30 гг. рабочие должны были поднять промышленность на 22%, а подняли на 28%; колхозы должны были дать 20 миллионов гектаров, а мы имеем уже 36! Вместе с тем, затрачивая силы свои на строительство индустрии, руководя реорганизацией деревни, рабочий класс и крестьянство непрерывно выделяют из массы своей сотни даровитых выдвиженцев, ударников, рабкоров, писателей, изобретателей и вообще — новую, свою интеллектуальную силу.

Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, — против нас все, что отжило сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдастся, — его истребляют.

Извне против творческой работы Союза Советов — европейский капитал. Он тоже отжил свой срок и обречен на гибель. Но он все еще хочет и все еще имеет силы сопротивляться неизбежному. Он связан с теми предателями, которые вредительствуют внутри Союза, и они, в меру своей подлости, помогают его намерениям разбойника.

Пуанкаре, один из видных организаторов европейской бойни 1914—18 гг., прозванный «Пуанкаре-война», человек, который едва не погубил игру капиталистов Франции, бывший социалист Бриан, знаменитый алкоголик лорд Биркенхед и прочие искренние лакеи капитала готовят благословляемое главой христианской церкви разбойничье нападение на Союз Советов.

Мы живем в условиях непрерывной войны со всей буржуазией мира. Это обязывает рабочий класс деятельно готовиться к самообороне, к защите всего, что уже создано им для себя и

в поучение пролетариям всех стран в течение 13 лет героической самоотверженной работы строительства нового мира.

Рабочий класс и крестьянство должны вооружаться, помня, что уже один раз могучая сила Красной армии победоносно выдержала натиск мирового капитализма, будучи безоружной, голодной, разутой, раздетой и руководимой своими товарищами, не очень знакомыми с хитростью военных действий. Теперь у нас есть Красная армия, армия бойцов, каждый из которых хорошо знает, за что он будет драться.

И если, окончательно обезумев от страха перед неизбежным будущим, капиталисты Европы все-таки дерзнут послать против нас своих рабочих и крестьян, необходимо, чтобы их встретил такой удар словом и делом по глупым головам, который превратился бы в последний удар по башке капитала и сбросил его в могилу, вполне своевременно вырытую для него историей.

1930

К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ

В Москве Верховный суд рабочих и крестьян Союза Социалистических Советов судит людей, которые организовали контрреволюционный заговор против рабоче-крестьянской власти.

Пролетарии всех стран, а особенно вы, рабочие Франции и Англии, должны понять смысл этого заговора и его значение для вас, потому что и вам, со временем, придется иметь дело с такими же изменниками и предателями, каких судят в Москве. Эти люди, специалисты по технике, ученые, лакеи капиталистов, изгнанных из России, уличены и сознались в целом ряде гнуснейших преступлений против рабочих. Они, пользуясь своими знаниями и доверием советской власти, вредили всеми способами делу строительства рабочими своего государства равных.

Они затрудняли развитие промышленности в Союзе Советов, портили все, что можно испортить, бессмысленно тратили средства и силы трудового народа, стараясь всячески вредить росту и развитию хозяйства страны, они искусственно создавали в стране Советов пищевой голод. Все преступное и подлое, что они делали, делалось ими для того, чтобы расстроить работу советской власти по развитию хозяйства Союза Советов, создать в Союзе хаос, возбудить недовольство советской властью в массах народа, особенно крестьянства. Делалось это ими по соглашению и под руководством тех русских капиталистов, которые эмигрировали из России, приютились в Европе, — больше всего

в Париже, — и которые хотят восстановить свою власть над рабочим классом и крестьянством Союза Советов.

Разумеется, что русские фабриканты и банкиры не рассчитывают вернуться в Россию, вооруженные только своими кулаками и карманами.

Дело всех капиталистов — одинаково во всем мире, дело это — циничская эксплуатация труда рабочих. Поэтому естественно, что русские капиталисты нашли среди капиталистов Франции и Англии полное сочувствие своим преступным целям. «Пуанкаре-война», Бриан, Черчилль, Болдуин и прочие авантюристы на службе капитала охотно пошли навстречу целям русских хищников и мошенников. Вместе с теми вредителями, которых в Москве судит Верховный суд народа, ими выработан план военного вторжения в Союз Советов — план интервенции. Гнусная и разрушительная работа вредителей в Союзе Советов была затеяна для того, чтоб облегчить армиям интервентов разбойничье нападение на Союз Советов в 1930—31 году.

Предполагалось спровоцировать советскую власть на войну против рабочих и крестьян Польши и Румынии, а рабочим и крестьянам Франции, Англии выступить для защиты этих стран, уже экономически поработанных капиталом крупных организаций хищников.

Война капиталистам выгодна, они торгуют оружием и хорошо наживаются на крови рабочих. Они не остановятся перед ужасами новой войны, хотя знают, что ужас ее превзойдет все то, что было в 1914—18 гг. Капиталисты не пожалеют истребить еще десятка два, три миллионов рабочих и крестьян. Дело всех капиталистов во всем мире одинаково.

Дело рабочих и крестьян тоже одинаково во всем мире: рабочие и крестьяне должны освободить себя от власти капитала, от нищеты и вымирания.

Рабочие! Вам давно пора понять, что источник всего зла и горя, всех несчастий и уродств жизни, источник этот — жадность ничтожного меньшинства людей, которые одичали, обезумели от жажды накопления денег и беззаконно, бессмысленно командуют жизнью трудового большинства, растрачивая его силы, истребляя сокровища земли, которые принадлежат вам. Вспомните, что за четыре года империалистической войны потоплены были в морях миллионы тонн металла, добытого и обработанного вами, сожжены миллионы тонн угля, добытого вами, уничтожено неисчислимое количество кожи, тканей и всевозможных продуктов вашего труда. Истребляются сокровища, которые принадлежат вам, вашим детям, но, истребляя эти сокро-

вища, разоряя вас, уничтожая миллионы ваших отцов и братьев по крови и по классу, капиталисты наживают жир и золото.

Сотни тысяч рабочих строят суда, которые будут потоплены, делают пушки, пулеметы, ружья, которые послужат в конце-концов, чтоб убивать вас. Вы тоже, конечно, будете убивать рабочих и крестьян, ни в чем не виноватых пред вами, так же как невиновны и вы перед ними. И это взаимное отсутствие виновности делает преступление войны еще более безумным и преступным. Вооружая капиталистов, вы работаете против себя, ваш труд на войну — самоубийство. Вас хотят послать против рабочих и крестьян Советского Союза, которые показывают вам, как хорошо можно жить и работать без хозяев.

Буржуазная печать ежедневно лжет и клеветает на Союз Советов, выдумывая различные глупости и ужасы; она делает это для того чтобы вызвать у вас недоверие к успехам рабочих Союза, чтобы настроить вас враждебно к Союзу Советов, родине действенного социализма.

Сама она отлично знает, как велики успехи рабочего строительства в Союзе Советов, как они велики, несмотря на организованное вредительство продажных душ. И она отлично понимает, чем грозят эти успехи мировому капитализму. Но буржуазная пресса — послушное орудие буржуазии, буржуазные журналисты купленные люди, они не могут говорить правду, а если бы захотели сказать ее, хозяева газет вышвырнут журналистов на улицу, так же как фабриканты вышвыривают вас.

Капиталисты знают, что если рабочие Союза Советов достигнут своей цели, — а она уже близка, — вы тоже последуете примеру трудового народа советских республик. Вам внушают вражду к рабоче-крестьянской власти Союза Советов из жадности, потому что Страна Советов — огромный рынок и земля страны сказочно богата; вам внушают вражду к ней из страха, потому что рабочие и крестьяне Союза быстро и неумолимо роют могилу капитализму. Капиталисты хотят, чтобы вы пошли на смерть ради торжества их власти и ради обогащения их.

В Союзе Советов даже дети-пионеры уже знают, что всякая война — кроме войны рабочих против хозяев, — есть безумнейшее преступление рабочих разных стран друг против друга.

Народ Союза Советов не хочет войны, но вы должны знать, что он не боится ее и готов к ней.

Вы уже знаете, что 12 лет назад рабочие и крестьяне Союза Советов отказались драться против вас и почти безоружные, голодные, полуодетые разбили армии офицеров, которыми командовали ученые генералы и которых отлично вооружили капита-

листы Франции и Англии. Теперь Союз Советов имеет хорошо вооруженную армию, каждый боец который прекрасно знает, что он будет драться за свою свободу, за свободу страны, где он полноправный хозяин и где нет хозяев, кроме рабочих и крестьян. Вы будете драться за интересы, враждебные вам, за интересы капиталистов, которые торгуют вашей плотью и кровью. Они продают друг другу из страны в страну оружие, сработанное вами, и возможно, что вас будут убивать именно из тех пушек и ружей, которые сделаны вашими руками и проданы вашими хозяевами вашим — будто бы — «врагам». Понятно ли вам поразительное безумие вашего пассивного отношения к той кровавой игре против вас, которую снова затевают ваши хозяева, небольшая банда разбойников, приученных жить грабежом вашего тяжелого труда?

Они вооружились для войны еще более ужасной, чем война 1914—18 гг. Они снова хотят уничтожить, искалечить миллионы людей.

Хотите ли вы этого? Вы в силах не допустить войны. Вы и все люди, которые еще способны понять бессмысленность и преступность новой общеевропейской войны, можете ударить по рукам авантюристов. У вас для этого есть все средства.

В частности вы, рабочие Франции и Англии, должны бы потребовать от своих правительств, чтобы они выгнали вон русских эмигрантов и капиталистов, которые хотели бы продать рабочих и крестьян Союза Советов вашим капиталистам.

Это требование должно быть внушено вам не только классовым чувством солидарности пролетариата всех стран, но и простым чувством самозащиты против чужих вам людей, которые, подкупая ваших хозяев и министров обещаниями поделиться с ними добычей бандитов, провоцируют новую бойню, которая уничтожит не один миллион ваших жизней.

Протестовать против этой бойни должны женщины: матери, жены, сестры и невесты, должны бы протестовать и те интеллигенты «гуманисты», которые недавно протестовали против наказания, не зная, как гнусно было преступление.

1930

ГУМАНИСТАМ

«Интернациональный союз писателей-демократов» в лице генерального секретаря его г. Люсьена Кинэ почтил меня приглашением сотрудничать в литературном органе союза. Цель

союза — «сближение литераторов-демократов», в его президиуме — Ромэн Роллан и Эптон Синклер — люди, которых я весьма уважаю. Но вместе с ними в президиуме профессор Альберт Эйнштейн, а в комитете — г. Генрих Манн. Эти двое, вместе со многими другими гуманистами, недавно подписали протест немецкой «Лиги защиты прав человека» против казни 48 преступников, организаторов пищевого голода в Союзе Советов.

Я совершенно уверен, что в числе прав человека нет прав на преступление, а особенно на преступление против трудового народа. Неописуемая гнусность действий 48-ми мне хорошо известна, я знаю, что они делали нечто гораздо более преступное и грязное, чем то, что делалось хозяевами боен Чикаго и описано Э. Синклером в его книге «Джунгли». Организаторы пищевого голода, возбудив справедливый гнев трудового народа, против которого они составили свой подлый заговор, были казнены по единодушному требованию рабочих. Я считаю эту казнь вполне законной. Это — суд народа, который, живя и работая в тяжелых условиях, отказывая себе во всем и не щадя своих сил мужественно и успешно стремится создать трудовое государство, свободное от хищников и паразитов, а также и от людей, гуманизм которых в сущности служит прикрытием хищничеству и паразитизму.

Ясно, что моя оценка казни 48-ми резко расходится с оценкой «Лиги защиты прав человека». А так как гг. А. Эйнштейн и Г. Манн согласны с оценкой «Лиги», то само собой разумеется, что какое-либо мое с ними «сближение» невозможно, и поэтому я отказываюсь от сотрудничества в органе «Интернационального Союза писателей-демократов».

За истекшие три года мне было сделано и еще несколько приглашений участия в органах демократов «гуманистов». На эти приглашения я не отвечал, — попробую исправить мою невежливость. Мой ответ я адресую Р. Роллану, Э. Синклеру, Б. Шоу, Г. Уэллсу, чьи имена упомянуты в письме г. Люсьена Кинэ и чье мнение не безразлично для меня, я думаю, что именно им должен я объяснить мое отношение к интеллигентам, которые избрали гуманизм своей профессией.

После Девятого Января 1905 года гг. гуманисты Европы, возмущенные массовым убийством рабочих на улицах Петербурга, дали Николаю Романову титул Кровавого, вполне заслуженный им и до этого преступления. Но они не протестовали против банкиров Франции, которые, снабдив кровавого царя деньгами, помогли ему истребить на виселицах, на каторге, в тюрьмах еще несколько тысяч наиболее ценных русских людей. Времени для

протеста было вполне достаточно, террор царя длился три года. В 1910 г. я с Вильгельмом Оствальд, Рихардом Демель, Фрэнком Эден и Эптон Синклером участвовал в организации международной интеллигенции, организация эта ставила целью своей тоже «сближение» гуманистов Европы. В 1914 г. Вильгельм Оствальд и Рихард Демель одни из первых подписали кровожадное воззвание против Англии. В том же году значительная часть русских писателей, ученых, — все гуманисты! — сочинили и опубликовали нечто отвратительно-крикливое против немцев, но не против самого факта войны. Это было сделано именно теми интеллигентами, которые ныне, живя в Берлине и Париже, бездарно и глупо клеветают на рабоче-крестьянскую власть Союза Советов, отравляют грязной ложью мозги европейских гуманистов, проповедуют идею интервенции в Союз, т. е. пытаются внушить необходимость новой мировой войны. На этот раз они, так горячо протестовавшие против «немецких зверств», желали бы видеть немецкие и всякие «зверства» в стране, которая была их отечеством, против народа, который они считали «родным», своим.

Нахожу нужным сказать, что я никогда не подписывал протестов против немецких или каких-либо иных военных зверств. Я знаю, что война, — сплошное зверство и что на войне люди, ни в чем неповинные друг перед другом, истребляют друг друга, будучи насильно поставлены в состояние самообороны. Я знаю, что войны организуются капиталистами в целях утвердить порядок, который делает обычными ежедневные зверства «мирного» времени, в целях личного обогащения, а не в интересах наций, нация — это трудовой народ, его экономические интересы — интернациональны; я знаю, что капитализм — заразная болезнь народов. Я отрицаю право на существование такого порядка, который делает неизбежной необходимость войн между капиталистами, войн, которые ведутся силами трудового народа и уничтожают его. Против войны, этого изумительно подлого и бессмысленного дела, защитники прав человека не протестуют. Советский проект полного и всеобщего разоружения, внесенный т. Максимом Литвиновым в Лигу наций, гуманисты не поддерживали.

В 1918 г. французы, англичане, американцы, раздавив Германию, организовали разбойничий набег на истощенную войной Россию, набег в целях обратить Россию в свою колонию и грабить ее, как они грабят Германию. Гуманисты не обратили внимания на этот факт, возвращавший «культурную» Европу ко временам Кортеса и Пизарро.

«Защитники прав человека» не услышали, как французский генерал Франше д'Эсперре внушал своим солдатам в Одессе:

— «Русские — варвары и негодяи! Не церемоньтесь с ними, расстреливайте их, начиная с мужика, кончая самым высшим представителем».

Но эти изумительные вопли дикаря слышали те русские гуманисты, которые и тогда стояли рядом с ним, и теперь готовы помочь всякому идиоту, способному по приказанию своих капиталистов резать и расстреливать трудовой народ Союза Советов.

Не правда ли, гуманисты — очень странный народ? Их немало не возмущают события в Индии, Китае, в Африке и Палестине, не возмущаются они и у себя дома, равнодушные к росту зоологических инстинктов национализма, антисемитизма, ксенофобии, равнодушные к тем драмам и трагедиям, которые почти ежедневно разыгрываются в старых, облитых кровью зданиях буржуазных государств. Они не пробуют протестовать против темных делишек г. Раймонда Пуанкаре, человечка, который едва не погубил Францию, а ныне усердно проектирует новую бойню рабочих и крестьян. Плохо свидетельствует о разуме и здравии буржуазных государств тот факт, что судьбами их управляют столь ничтожные люди, как Пуанкаре и подобные ему.

Да, в современном мире очень много работы для гуманистов. Можно бы указать главе католической церкви, что проповедь крестового похода в XX веке это, в лучшем случае, юмор мизантропа, т. е. человеконенавистника, и что такая проповедь не имеет решительно ничего общего с «интересами культуры», о которых любят говорить гуманисты. Можно бы спросить отца христианской церкви, неужели ему нравится та позиция, в которой очутились он и возглавляемая им церковь в 1914—1918 гг., когда христиане умерщвляли друг друга сотнями тысяч? Но во всем мире гуманистов и защитников «прав человека» почему-то интересует только одна точка, та, на которой расположен Союз Социалистических Советов.

В высшей степени странно, что они, люди грамотные, находят возможным и удобным верить пошленькой сказке о том, что в Союзе Советов единоличная диктатура, тогда как очевидно, что диктаторствует там концентрированная энергия многомиллионной массы рабочих и крестьян, энергия, организованная гением Владимира Ленина и силою разума его учеников, его друзей. Цель этой диктатуры воспитать во всей массе населения Союза Советов сознание его своего права на творчество новых форм и условий культурной жизни, на строительство социали-

стического общества равных. Цель эта поставлена не «произволом фанатиков и варваров», как утверждают люди, которых ненависть заставляет притворяться неведомыми и кретинами, — эта цель поставлена волею истории, она неоспоримо доказывает, что индивидуализм как основа развития культуры выдохся, отжил свой век. Употребляется ли ради развития сознания человека насилие над ним? Я говорю — да! Еще не было момента, когда бы оно не употреблялось ради достижения этой цели. Культура есть организованное разумом насилие над зоологическим инстинктом людей. В школах Европы секут детей именно для того, чтоб сделать из них покорных слуг семьи и общества, — таких же хранителей «культурных традиций», каковы их родители. Я очень рекомендую педагогам Европы сечь детей за проявление инстинкта собственности, а также внушать детям сознание их права сечь родителей за страсть к накоплению денег путем грабежа, легализованного ими же, — родителями.

В массе рабочих Союза Советов действуют предатели, изменники, шпионы бывших «хозяев страны», хозяев, которые хотели бы восстановить свои владельческие права — вполне естественно, что рабоче-крестьянская власть бьет своих врагов как вошь. Этих бывших хозяев и бывших людей поддерживают капиталисты Европы, ее паразиты; поддерживают в надежде удовлетворить свою болезненную и безумную жажду наживы. Рабочие и крестьяне Союза Советов успешно строят свое государство в условиях зоологической ненависти к ним со стороны буржуазии всего мира, класса, уже выродившегося, изжившего свою энергию, не способного к творчеству культуры, действующего уже только по силе инерции.

Чего же хочет этот класс дегенератов? Он хочет еще немножко посидеть на чужой шее, пожить чужим трудом. Немножко. Он сам не рассчитывает на длительное существование. Один из его покорных слуг — Густав Эрве, заманивая немецких капиталистов на «сближение» с французскими, откровенно выболтал в газете «Виктуар» скромные намерения своих хозяев. Он говорил:

«Германия порвала бы свои связи с Москвой и, являясь вместе с Польшей барьером против русского большевизма, приняла бы участие во всех мероприятиях экономического порядка в интересах защиты цивилизации от коммунистического варварства. Крушение большевизма в России, восстановление в ней капиталистического режима — и это надо запомнить — означает 20, 30, 40 и 50 лет обеспеченной работы для американской и европейской промышленности».

Как видите, капиталисты хотят действительно немного: не менее 20, не более 50 лет привычно спокойной, сытой, бесцветной, разнузданной и безответственной жизни. И вот ради того, чтобы обеспечить себе «благоденственное житие», они снова готовятся послать в бой миллионы своих рабочих и крестьян и своих колониальных рабов против страны с населением в 150 милл. и армией, в которой каждый боец хорошо знает, за что он будет драться. За свою историю буржуазия не выражала своего бесчеловечия в такой откровенно-цинической и подлой форме!

Но в чем же дело? Почему за последние два года буржуазия Европы особенно непристойно и цинично обнажает свою бесчеловечную сущность? На этот вопрос дает совершенно ясный ответ бывший консервативный депутат Артур Гопкинсон в английском журнале «Эмпайр Ревью». Он пишет «с подкупающей искренностью»:

Что я хочу собственно подчеркнуть для сведения читателя — это, что глупо притворяться, будто пятилетний план не удался. Это факт, что во многих областях план уже превышен. Я стараюсь всеми силами предостеречь читателя от ошибки, которую может породить предположение, что пятилетка потерпит неудачу, потому что в действительности она уже достигает того обширного успеха, который превращает его в угрозу всему цивилизованному миру.

Гопкинсон с ужасом рисует перспективу превращения СССР в независимое от мирового капитализма государство. С пеной у рта он призывает к войне против СССР. Он заканчивает статью следующим решительным предупреждением:

Серп и молот может в будущем означать для Европы то же, что полумесяц означал в прошлом. Это, может быть, верно, что «кто поднял меч, от меча и погибнет».

Но история последующих пятидесяти лет покажет, что тот, кто не поднял меча, погибнет более позорной смертью.

Этот бывший человек умнее Густава Эрве. Он ничего не говорит о «варварстве коммунизма», ибо, очевидно, понимает, что коммунизм и варварство — несовместимы. Он не кричит, как другие идиоты, о «гибели культуры», разрушаемой коммунизмом. Его волчий вой и вызван страхом, что *Союз Советов превращается в государство, независимое от мирового капитализма.*

Вот что, гг. гуманисты, вызывает ужас собственников и вот где причина ненависти к Союзу Советов, причина клеветы на рабоче-крестьянскую власть, быт, на его народ, изумительная энергия которого начинает эпоху нового и уже общечеловечес-

кто возрождения, господа гуманисты! Разрешите поставить наивный вопрос:

Почему вы не протестуете против такого государственного порядка, который разрешает ничтожному количественно и разрушенному морально меньшинству распоряжаться жизнью большинства, отравлять его своими пороками, держать в условиях нищеты и невежества, ставить на поля битвы миллионные нации для взаимного истребления, бессмысленно тратить на вооружение огромные количества металла и других сокровищ земли, сокровищ, которые принадлежат трудовому народу и должны обеспечивать его будущее?

Не кажется ли вам, что этот бессмысленный порядок служит препятствием росту действительной, общечеловеческой культуры, о которой вы платонически мечтаете?

1930

«НАРОД ДОЛЖЕН ЗНАТЬ СВОЮ ИСТОРИЮ»!

Слова эти нередко повторялись либеральными «просветителями народа» задолго до Октябрьской революции: этими словами выражалось желание русской буржуазной интеллигенции вооружить трудовой народ знанием его прошлого и вызвать в нем активно-отрицательное отношение к самодержавному строю царей Романовых, которые не решались разделить «полноту своей власти» с помещиками, фабрикантами и банкирами. В государствах Западной Европы капиталисты давно уже отобрали власть у королей и являлись полными хозяевами земли и жизни народа; само собой разумеется, что они захватили власть руками того же народа. Что выиграли рабочие и крестьяне от этого перехода власти из одних рук в другие, из рук королей и дворянства в руки банкиров и фабрикантов? На этот вопрос отвечает действительность наших дней: страсть к наживе превратилась у капиталистов Европы в бессмысленную, механическую привычку, жестокое выжимание трудовой энергии рабочих привело капитализм к небывалому экономическому кризису, свыше тридцати миллионов рабочих выброшены на улицу и голодают, а капиталисты, пользуясь беззащитностью людей труда, понижают заработную плату тех, которые еще имеют работу.

«Народ должен знать свою историю». До Октябрьской революции рабоче-крестьянская масса не могла знать свою историю по той простейшей причине, что рабочие и крестьяне были

почти сплошь безграмотны или малограмотны. Но если б даже эта причина вдруг, каким-то чудом, была уничтожена, — все-таки трудовой народ не узнал бы подлинной исторической правды о своем прошлом. Он не узнал бы ее не только потому, что знание правды было строго запрещено царской цензурой и что кроме цензуры существовал специальный департамент полиции и охранные отделения, которые ревниво следили, чтоб правда не просачивалась в гущу класса трудящихся, но и потому еще, что знание настоящей правды было невыгодно, опасно для помещиков, фабрикантов, банкиров. Истинная, неоспоримая правда истории сводится к тому, что вся жизнь рабочих и крестьян есть не что иное, как борьба людей безоружных, малограмотных, бесправных против людей, вооруженных всеми знаниями, которые выработала наука, и обладающих всеми правами для грабежа чужого труда.

«Народ должен знать свою историю». Что рассказала бы ему правдивая история его прошлой жизни?

Он знал бы ее из рассказа, что его разум, его воля не участвовали в процессе истории, а весь он, вся его масса служила материалом для его же закрепощения своекорыстной и бесчеловечной воле капиталистов. Узнал бы, что изредка, в разных странах, у него нехватало сил терпеть каторжную жизнь бесправного раба, и тогда из среды его, из его плоти, вырастали организаторы его гнева и мести, появлялся итальянец Фра-Дольчино, немец Фома Мюнцер, чех Иван Гус, появлялись русские: Иван Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачев. Судьба всех этих восстаний была одинакова: войска церкви, королей, царей — те же крестьяне, хорошо вооруженные холопы бояр и дворян, — гасили восстания кровью своих братьев, вождей убивали палачи, а те побежденные, которые оставались в живых, снова попадали во власть бояр, дворян, королей, царей.

История рассказала бы им, как полуграмотные попы обучали трудовой народ терпению и покорности «властям, поставленным от бога», как мужиков загоняли в монахи и силой их строили монастыри, увеличивая число «мирских захребетников», создавая государство, в котором мужик работал сошкой, а захребетник его — ложкой. Укрепляя силу и влияние свое на безграмотный народ, церковь создавала нехитрые фокусы, названные ею «чудесами», создавала из бояр «святых» угодников божиих, — все это делалось в угоду властям. Основная задача всех церквей была одна и та же: внушать бедным холопам, что для них нет счастья на земле, оно уготовано для них на небесах, и что каторжный труд на чужого дядю — дело богоугод-

ное. Мужика «во святые» не допускали, но заниматься грешным делом кулачества и мироедства не мешали ему. Большому зверю выгодно, если маленький — жирен, жирного приятнее сожрать. Наиболее ловкие и хитрые единицы трудового народа, выбиваясь из темной, каторжной, нищенской жизни, присоединялись к тем, кто сидел на шее трудящихся, и тоже садились на эту выносливую шею.

Старая, тяжелая история рабочих и крестьян рассказана с предельной простотой и краткостью в книге т. М. Н. Покровского — в книге, которую каждый грамотный человек должен прочитать не один раз. В ней он увидит подлинную и печальную правду: все эксплуататоры трудового народа, все враги его выходили из его же среды, из его плоти во всем мире вырос могучий класс богачей, капиталистов, тех, которых изгнал из России рабочий народ, и тех, кто в Западной Европе, в Америке — всюду на земле — доживает свой век. В этой книге отлично рассказано, как кровавая борьба классов привела народ Союза советов к победе, к началу новой истории, которую энергично и успешно создают у нас рабочие и крестьяне, социалисты-большевики суровой школы Владимира Ленина, вождя пролетариев всех стран.

В Октябре 1917 года у нас положено начало новой истории. Каждый грамотный рабочий и крестьянин должен знать ее, потому что она строится именно на этой извечной правде, которая, всегда привлекая к себе трудовой народ всего мира, нередко зажигала в нем огонь желания осуществить ее, построить жизнь на ее основе. Это — единственная правда, сила которой может изменить к лучшему все условия жизни рабочих и крестьян. Первый, кто неопровержимо доказал, что старая история человечества дожила до последних лет и что настало время для создания новой истории — истории полного освобождения трудового народа из жестокого плена богачей, — человек этот был Карл Маркс.

Он и за ним гениальный последователь его Владимир Ленин твердо и навсегда установили простую и ясную истину: до той поры, пока будут существовать условия, которые позволяют одному человеку жить на счет труда десятков, сотен тысяч людей, — жизнь трудового народа, пролетариата города и деревни, не может быть изменена к лучшему. Изменить каторжные условия труда и недостойные людей формы общественной жизни, построенной на жадности, зависти, на непрерывной борьбе, бессмысленно истощающей трудовую энергию рабочего народа, —

изменить эти позорные условия может только рабочий класс. Для этого он должен взять в свои руки политическую власть, а также всю землю и все, что она производит и дает посредством приложения к ней разумного, планомерного человеческого труда, — все полезное людям, что скрыто в ее недрах, все срудия производства: инструменты, машины, фабрики, пароходы, паровозы и вообще все, что создано и создается трудом рабочих, а служит для укрепления над ними бессмысленной и безответственной власти капиталистов.

Известно, что все социалисты приняли это за истину, но большинство из них утвердилось на том, что такое решительное изменение основных условий жизни трудового народа возможно только путем тихого и мирного сглаживания противоречий между капиталом и трудом, путем постепенной, медленной «эволюции». Отсюда ясно, что большинство социалистов II Интернационала — не революционеры и ничем не отличаются от просвещенных либералов, которые, соглашаясь «в принципе» с необходимостью изменения форм общественной жизни, на практике преследуют свои личные интересы, интересы людей, желающих командовать жизнью рабочего класса. Эти социалисты так часто предавали рабочий класс, что о них можно бы не говорить, если бы они не были способны на дальнейшие измены и предательства.

Владимир Ленин, человек огромного и ясного ума, решительный и строгий революционер, в 1903 году непреклонно заявил, что основная задача искреннего социалиста — развивать классовое чувство пролетариата деревни и города до сознания необходимости организации вооруженного восстания против помещиков и фабрикантов в целях захвата политической власти.

Его учение привилось, организовало классовое сознание рабочих, создало партию прекрасных бойцов и обеспечило пролетариату победу над врагами. В стране Союзов социалистических советов нет иных хозяев, кроме рабочих и крестьян, все ее богатства принадлежат только им.

В Союзе советов начато и успешно развивается строительство первого в мире государства социалистического. Трудно выкорчевать из жизни навыки, предрассудки и суеверия, воспитанные в людях веками, но этот процесс выветривания наследий старой, мрачной истории развивается с должной быстротой, и уже мы имеем право сказать, что в Союзе советов нет такого угла, куда бы не проник революционный дух новой истории.

Он будет действовать еще более решительно и успешно,

если пред массой рабочих и крестьян широко развернуть грандиозную и трагическую картину начала новой истории. Начало это — гражданская война 1918—1921 гг., небывалое по силе выражение воли рабочих и крестьян, историческая картина бесчисленных боев голого, голодного, почти безоружного пролетариата с армиями офицеров и буржуазной молодежи, с прекрасно вооруженными армиями, которые защищали власть помещиков, фабрикантов, банкиров. Этими армиями командовали ученые генералы, им помогали капиталисты всей Европы.

История гражданской войны — история победы великой правды, воплощенной в рабочем классе. Эту историю должен знать каждый боец на культурно-революционном фронте, каждый строитель нового мира.

Над созданием такой книги по истории гражданской войны начали работать гг. Ворошилов, Бубнов, Гамарник, Покровский и другие специалисты военного дела и, конечно, специалисты-историки. Это будет книга, доступная пониманию даже не очень грамотного человека. Чтобы сделать ее легко читаемой, к обработке военного материала будут привлечены наши лучшие художники слова. — те из них, кто побывал на фронтах гражданской войны, вооруженный винтовкой или пером.

Эта «История» необходима не только старым бойцам, которые теперь, неустомимо работая на стройке социализма, побеждают сопротивление материалов древней человеческой костности, неверие людей в свои силы, не только для того, чтобы они гордо вспомнили свои битвы и победы. Она нужна молодежи нашей для того, чтоб молодежь узнала героизм своих отцов и умела понять, кто дрался за свою избу и корову, кто за свободу рабочего класса, за социализм. Она необходима для миллионов пролетариата всех стран, миллионов, от которых уже недалеки дни великих битв. Эта книга должна быть яркой летописью героизма и вдохновлять на героизм.

В то же время она будет действительной и правдивой историей всех зверств и разрушений, нанесенных нашей стране ее бывшими хозяевами, она должна показать всю мерзость ненависти хищников, которым сломали лапы и выбили клыки. Она покажет, как подло фабриканты и помещики разрушали хозяйство народа своей страны. Она убедит добродушных и мягкосердечных, что капиталист уже не человек, а существо, в котором безумная жажда наживы выела все мало-мальски человеческое. Эта «История» должна быть книгой итога всей крови, пролитой капиталистами ради того, чтобы только сохранить для себя привычные условия удобной, красивой и насквозь подлой

жизни двуногих зверей, воспитанных на пожирании чужой силы.

Это будет книга нашей правды, которая явилась в старый мир, чтоб преобразить его и воскресить к новой жизни.

1930

О СТАРИЧКАХ

На анкету в первой книжке «За рубежом» редакция получила ряд поучительных и серьезных ответов; ответил и «слушающий, внепартийный социалист 60 с половиной лет».

Ответил он не на вопросы анкеты, а, так сказать, перешагнув через них. Прежде всего он указал, что «в проспекте журнала было обещано правдивое освещение как отечественной, так и заграничной жизни». Здесь он — ошибся: в проспекте ни слова не сказано о том, что журнал намерен освещать «отечественную жизнь», проспект, согласно с титулом журнала, определенно говорит об освещении жизни «За рубежом». Ошибку эту можно объяснить слабостью «внепартийного» зрения старичка — пороком, неизлечимым в его возрасте.

В дальнейшем эта ошибка весьма определенно разоблачает старичкову «сущность» — он, оказывается «гуманист», старичок-то! Он упрекает нас в том, что на страницах нашего журнала ничего не говорится о «партийной чистке», которую старичок именует «бесполезной пыткой», бесполезной, потому что — по его словам — «без нравственных дефектов не найти человека».

Здесь уместно отметить, что «гуманитарный» взгляд на дефективного человека имеет в наших условиях политически весьма серьезное практическое значение: в откровенных показаниях «вредителей» многократно и убедительно говорится о полезности для дела государственного вредительства людей с «дефектами», «нравственно неустойчивых», «не лояльных», «административно непригодных», «настроенных антисоветски» и вообще — негодников. Именно таких людей и вышвыривает из партии чистка, которую старичок называет «бесполезной», да еще и «пыткой», признавая, должно быть, что существуют пытки полезные.

Далее гуманный старичок очень правильно, хотя и не очень грамотно пишет: «Такого распродетаривания (?), какое раскулачивание производится в СССР, нет нигде в подлунном мире».

Да, нигде — кроме Советского Союза — в подлунном мире рабочий класс еще не приступил к той необходимой работе, ко-

торая успешно начата у нас, но мы совершенно уверены, что вся масса трудящихся неизбежно последует хорошему примеру. Смысл примера прост и ясен: нужно поставить в иные условия и перевоспитать из рабов земли в хозяев ее — крестьянство, поработанную стихийными силами природы пассивную массу, которая веками эксплуатировалась и, на протяжении веков, непрерывно выделяла из своей среды жесточайших эксплуататоров; иными словами: нужно уничтожить почву, на которой развились все ужасы капитализма. Гаммельрат, сотрудник немецкой католической газеты «Новый народ», недавно написал об этой гигантской работе так: — «*Это — концентрированная энергия, сокрушающая старый и создающая новый мир.* 7 млн. крестьянских хозяйств, 20 млн. деревенских жителей перешли в колхозы. Опора всего колхозного движения деревенская беднота. Именно здесь — в колхозном движении — далеко превзойдены цифры, предусмотренные пятилеткой. . . Советская печать не расписывает достижения, а подгоняет. Когда она говорит о трудностях и прорывах, то это должно вызывать в нас не злобное торжество, а удивление, так как и в этом проявляется все та же неудержимая энергия, подгоняющая вперед. В этой молодой, ненасытной энергии — решающее. Россия все более становится независимой от остального мира. Это стоит, ей больших жертв, но эти жертвы приносятся. Пятилетка представляет собою всю мировую политику ближайших десятилетий».

Это говорит чужой человек, да еще и католик, член той церкви, глава которой объявил нечто вроде крестового похода против страны и народа «внепартийного социалиста». Но гуманного старичка не интересует процесс возрождения его народа, и грандиозная работа «концентрированной энергии» рабочего класса в его отечестве. Он сообщает нам, что больных «кулаков завертывают по три человека в рогожу и на дровнях отправляют»... должно быть, в больницу.

Автор этих строк имеет некоторое представление о том, как плетут рогожи, и сомневается в том, что есть рогожи размера необходимого для упаковки трех человек в одну. Это, разумеется, мелочь, — рогожи, но такие мелочи весьма и всегда характерны для «внепартийных» обличителей и правдолюбков. Утверждая свою правду, правдолюб никогда не стесняется солгать. В заключение своего письма гуманный старичок взывает о «выполнении обещания о правдивом и беспристрастном освещении жизни». Редакция может только повторить сказанное выше: она ставит целью своей освещение жизни «За рубежом». Ее цель показать читателям, что Европа, Америка и вообще зарубежная

жизнь вовсе не протекает в условиях очаровательного благополучия, в нежной и взаимной любви фабрикантов и рабочих, помещиков и крестьян, служащих и хозяев, вообще — в мирном благоденствии и неугасимой радости. Редакция охотно будет освещать положительные явления зарубежной жизни в областях науки, техники, искусства. Редакция хорошо видит, что пока ей еще не удастся делать свое дело с должной полнотой и в формах, достаточно совершенных.

Но редакция не обещает гуманному старичку беспристрастия в освещении бытовых и политических условий за рубежом. Беспристрастие — это бесстрастие. Мы — люди страстные, мы страстно ненавидим и мы будем пристрастны — с тем нас и берите! Внепартийные, да и партийные старички, в возрасте от 18 до 70 лет и выше, могут вполне удовлетворить свою жажду правды из нашей ежедневной прессы, где правда советской действительности освещается страстно и беспощадно. Мы знаем, что эта страстная беспощадность обличения лентяев, саботажников, шкурников, халтурщиков, дураков, пошляков и прочих уродов омолаживает старичков всех возрастов; знаем что они, читая о неполадках и ошибках, о глупостях и подлостях, ликуют и пляшут на краю своих могил. Но мы знаем также, что наши достижения неизмеримо значительнее наших недостатков и что основное, величайшее достижение — это именно «концентрированная энергия», способная творить чудеса.

Возраст свой старичок значительно сократил, ему не 60½ лет, он гораздо старше, он даже чудовищно стар. Он не одинок и как «тип» относится к племени тех старичков, о которых в 1583 г. неаполитанец Джиордано Бруно писал:

«Что за мир и согласие предлагают они бедным народам? Не хотят ли, не мечтают ли, что весь мир согласившись с их злым и надменнейшим невежеством, успокоит их лукавую совесть, тогда как сами они не хотят подчиниться справедливому учению?»

За эти и многие другие слова в таком духе, написанные Бруно в его книгах «Изгнание торжествующего зверя» и «О героическом восторге», старички держали Джиордано Бруно семь лет в тюрьме, а затем сожгли его живым на костре. И один из старичков кардинал Гаспар Шопп проводил Бруно такими словами:

«Так он был сожжен, погибнув жалкой смертью, думаю — теперь отправился в другие миры, что сам навывдумывал себе, рассказать там, как расправляются римляне с нечестивцами».

Как видите — за четыреста лет до наших дней старички

были такими же изуверами и пакостниками, каковы они и по сей день. И так же как кардинал Шопп радовался убийству Джордано Бруно, современные нам старички ликуют по поводу убийства Жореса, Либкнехта, Розы Люксембург, Сакко и Ванцетти и множества других людей «героического восторга».

Чудовищное долголетие старичков факт не только печальный, но и отвратительный, он говорит о том, как застоялась, омертвела жизнь, создавшая «старичков», как медленно изменяется «психика личности». Но вместе с этим этот факт говорит о том, что личность становится все более ничтожной, все менее «влияющей и на ход истории». Этот процесс таяния личности отлично изображен европейской литературой; она, в целом, дает яркий комментарий к истории роста, развития, а затем — истощения энергии буржуазного класса.

Художники слова создали ряд монументальных фигур лицемеров, ханжей, изуверов, фанатиков «наживы» и прочих столпов буржуазного мира. В наши дни все эти столпы измельчали до размеров какого-нибудь Бриана, Чемберлена и подобных им мастеров по ремонту курятника — буржуазного государства тож. Наши литературоведы сделали бы солидное и педагогически необходимое для молодежи дело, написав ряд биографий литературных типов. Это были бы весьма интересные историйки вырождения личности. Очень удобно взять, например, тип Оливера Кромвеля и проследить на ряде фигур, ему подобных, снижение этого типа до миниатюрной фигурки Александра Керенского.

Бывшие «великие люди» — предки по крови нынешним старичкам, это неоспоримо. Но это нимало не увеличивает фигуру и значение нашего старичка, а только показывает, как микроскопически съезжались «великие».

Наш старичок, — пустяковый человек, однако он тоже типичен. Его основное качество — нежная любовь к самому себе, к «вечным истинам», которые он вычитал из различных евангелий, и к «проклятым вопросам», которые не разрешаются словами. Вот, например, старичок 26 лет, он пишет: «Что такое я, сидящий здесь, которому суждено, подобно всему живому, быть мертвым?»

Вот в какую форму отлилась ныне красивая фраза Екклесиаста! И как всё, более или менее удачно, искажается бездельниками и блудословами, которым, в конце концов, интереснее всего в мире — своя собственная мозоль. Один из них буквально так и пишет: «Университеты, институты строим, а простую мозоль не выучились лечить». Другой божественно-величаво

собщает: «Действительность расходилась со мной, не понимала меня». Нет, вы представьте, до чего безжалостно ведет себя эта капризная действительность! *Вырождается личность мещанина, вырождается его мысль, засоренная чепухой, отравленная грязеньким бытом. Ловкий стяжатель, ростовщик, раб наживы и, в прошлом, строитель железной клетки государства мещанин стал — карликом.*

Но хотя он мелок, он все-таки вреден, как вредна пыль, вредны испарения болот и газы органического вещества, которое гниет. В воздухе, которым мы дышим, не мало ядовитых примесей. Это очень вредно, с этим необходимо бороться «не покладая рук». Необходимо написать историю культуры как историю разложения личности, как изображение пути ее к смерти и как историю возникновения новой личности, которая организуется в огне «концентрированной энергии» строителей нового мира.

1930

ПИСЬМО РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «БУДУЩАЯ СИБИРЬ»

С большой радостью узнал, что в Иркутске затевается издание журнала «Будущая Сибирь».

Это — совершенно необходимое и своевременное дело, тем более своевременное, что оно несколько запоздало, как вообще у нас опаздывает родиться и развиваться областная литература — организатор культурно-революционного сознания трудовых масс.

Такое опоздание особенно странно для Сибири, огромной, чудовищно богатой страны, земля которой как будто все охотнее открывает перед нами неисчерпаемые сокровища ее недр, колоссальные массивы лесов, неизмеримые запасы энергии ее мощных рек. Вероятно, нет страны, которая за время до Октябрьской революции изучалась бы так мало, как Сибирь, особенно — Восточная.

Теперь следя, — насколько это возможно для меня, — за работами геологов, испытываешь чувство, похожее на благодарность близорукости хищников старого времени, хищников, которые, жадно хватая все, что было близко к их цепким рукам, оставили нетронутыми ценности, лежащие подальше и глубже.

Поражая воображение своей грандиозностью, развертываются сказочные картины будущего Сибири, которые создаст

укрошенная и освоенная рабочей энергией людей стихийная сила Ангары и Великий Северный путь сквозь Сибирь, путь, который свяжет ее с тремя океанами.

Индустриализация Западной и Восточной Сибири, это — одна из тех великих хозяйственных задач, которые быстро ведут нас к разрешению основной задачи: к организации всего хозяйства нашей страны в формах социализма, а затем — неизбежно — к полному экономическому и духовному раскрепощению всей массы рабочих мира и каждой отдельной личности.]

Мы начали эпоху, которая совершенно исключает старинное расчленение траты человеческой энергии на великие и малые дела. Перед лицом той основной задачи, разрешить которую повелевает нам история — т. е. сумма условий, нами же вызванных к жизни, — перед лицом этой задачи нет мелких дел. Что восхваляли у нас и до сего дня восхваляют в Европе, Америке, как «великое дело»? Войну и наживу, — удачно организованный, но бессмысленный грабеж рабочей силы.

Кого буржуазия считала и считает великими? Генерала, который умел истребить наибольшее количество солдат и разрушить наибольшее количество хозяйств, банкира, способного собрать в своих руках наибольшее количество денежных знаков, фабриканта, купца, Креза и подобных им организаторов производства орудий производства истребления людей, вероучителя, способного талантливо затемнить разум.

Малым делом считалось — и считается — филантропия, кормление бедных крошками со стола богатых; в это кормление включалась и «культурно-просветительная» деятельность буржуазии, деятельность, направленная на «умиротворение страстей», на угашение попыток критически настроенного ума разобраться в позорных противоречиях действительности.

Наш герой теперь — рабочий «ударник», тот, кто ставит «мировые рекорды» успешности труда, как это было отмечено американцами на Днепрострое. Наш герой — «простой» человек, который в тяжелых условиях неутомимо и мужественно строит свое, рабочее государство равных — строит, разрушая все козни врагов, преодолевая все препятствия.

В нашей действительности, насквозь пропитанной борьбой против старины и строительством нового мира, — в нашей действительности нет мелких дел, — все дела равно велики.

Чтоб убедиться в этом, мы должны смотреть на всю нашу будничную работу с высоты основной задачи, а эта задача, как сказано, — создание образцового социалистического общества

людей, раскрепощенных извне и изнутри. Уже теперь рабочие Европы и Америки, демонстрируя свою силу, кричат на улицах: «Наше отечество — Союз Советов». Это значит, что они хорошо видят, куда надобно идти и что надо делать для того, чтобы трудовое человечество слилось в единое товарищеское целое.

Именно с высоты этой задачи я смотрю на дело издания журнала «Будущая Сибирь», и для меня это — великое культурно-революционное дело.

Совершенно правильно ставит редакция перед журналом задачи краеведения, этнографии. Это необходимо в стране, где рассеяно около 30 племен, люди, которых до Октябрьской революции не считали за людей и у которых не было прав, кроме одного — права постепенно вымирать. Нужно, чтобы они почувствовали и поняли, что перед ними другой мир, не тот, который отрицал их, в котором они жили слепо и немо, и что этот новый мир требует их участия в строительстве. Теперь, когда они начинают учиться свободно говорить, их голоса скорее и ясней донесутся до соседей еще слепых и немых. В нашей действительности понятие «равенство» должно быть полноценным, а не таким пустым, как опустошили его Франция и другие буржуазные государства Европы, Америки.

Сердечно приветствую вас, товарищи, желаю успеха в работе и верю в успех.

Сибиряки — народ крепкий, привыкли жить с комарами и, вероятно, мало обращают внимания на камариные укусы будничной действительности — на мелочи, которые создают среди людей настроения, недостойные эпохи, а часто и вредные делу, во всяком случае — затрудняющие дружную, товарищескую работу.

Привет!

1930

ПИСЬМО СЕЛЬКОРУ-КОЛХОЗНИКУ

Хорошее письмо написали мне Вы, т. Фомин!

Вот так просто, ясно, «не мудрствуя лукаво», будет думать, говорить и писать каждый крестьянин, каждый рабочий, когда они освоят простые, но великие мысли Владимира Ильича Ленина и его верных учеников, — мысли, которые вводятся, крепятся в жизнь мужественным трудом людей подобных Вам, т. Фомин, таких людей можно именовать «ударниками на полях».

Особенно крепко звучат Ваши слова:

Трудно бывает в деревне, кулачье и его сподручники много мешают работать, оттягивают бедноту от колхозов, от сдачи хлеба государству и т. д., но мы знаем, что добьемся своего, не только у нас, но и за границей, а тяжести и трудности, переживаемые нами, будем вспоминать даже с недоверием к ним. Да, трудно бывает, а все-таки надо сказать: дело идет быстро, бедняки понимают нас, большевиков.

Хорошо сказано, товарищи! И надобно думать, что чем дальше, тем лучше будут понимать бедняки простую, ясную правду Ленина, — правда эта сама просится в голову и в сердце.

Тысячелетия крестьянская беднота каторжно работала на мелких и крупных собственниках земли, тысячелетиями привыкла она видеть, что сытая кулацкая жизнь строится на рабском труде, что один человек только тогда сытно живет, когда на него работает десяток людей. Видела беднота, как, сидя на хребте ее, высасывая пот и кровь деревни, растет, жиреет — кулак-миroeд, как становится он лавочником и трактирщиком, помещиком и фабрикантом, видела, как он, разоряя бедноту, втягивает все больше людей в батрацкую работу на него, — видела она все это, чувствовала беспомощность свою, и в нее вросло убеждение, что иначе — не может быть, что такой порядок жизни установлен навеки, и нет сил, способных изменить его в пользу бедноты. Церковь поддерживала, укрепляла это убеждение, внушая, что труды и страдания земной жизни, работа на богатых, обеспечивают людям вечное блаженство, будто бы на небесах, и, за небольшие деньги, таскала изработавшихся до смерти бедняков на погосты, в могилы.

Многим беднякам ясно было, что единоличное, частное хозяйство на земле — петля для них, видели они, что именно в деревне на почве мелкого хозяйства непрерывно растет, плетет крепкую паутину враг их, богатый мужик, кулак-миroeд, видели, что деревня воспитывает грабителей чужого труда, эксплуататоров, буржуев, и в душу большинства крестьян глубоко вросло желание во что бы то ни стало превратиться тоже в кулаков.

Вы, товарищи, знаете, конечно, что кулацкая психика — «душа» — свойственна и беднякам.

Обвинять их за это — нельзя, другого выхода из темной, нищенской, каторжной жизни они не видели, и никто не указывал им, что, покамест существует частная собственность на

землю, — огромное большинство крестьянства осуждено жить нищими, безграмотными, безвольными рабами богатеев.

Но вот в мире трудового народа, в рабоче-крестьянском мире вспыхнула и ярким огнем горит великая и простая мысль Ленина: бедняки, поймите, что мелкое частное хозяйство — главная преграда экономическому и всякому равенству людей! Коллективизируйтесь, сбросьте с плеч своих тяжкую власть земли над вами, вооружайтесь машинами, вооружайтесь наукой, учитесь извлекать из земли хлеба в сто раз больше, чем она давала вам.

Вы были рабами природы и земли — становитесь подлинными хозяевами ее, воспитывайте детей ваших агрономами, врачами, инженерами, учителями, пусть они освоят науку и освободят вас от тысячелетней темной, полуголодной, уродливой жизни. Давайте больше хлеба, он вернется к вам в виде машин, обуви, одежды, хороших домов вместо душных изб, хороших школ и ясель для детей, хороших дорог, — хлеб ваш вернется к вам сторицей и на счастье ваше, для того, чтоб богатели все люди, все крестьянство, а не сотни, не тысячи кулаков. Не будет этого, значит — будет то, что было, т. е. у одного человека — три коровы, а у другого — три воробья на дворе, да и тем клевать нечего.

Кулаки и подкулачники пишут мне, ругаясь: при царе — все было: и гвоздь и сапог, и конь и платок.

Было — все, да не для всех, а рабоче-крестьянская власть ставит перед собой огромнейшую задачу: сделать так, чтоб у каждого человека из 162 миллионов населения Союза Советов было все, что необходимо для легкой, здоровой, разумной жизни, чтоб люди не рвали друг другу горло за кусок хлеба, чтоб каждый крестьянин и рабочий чувствовал себя хозяином своей страны и бесчисленных сокровищ ее.

Возможно ли это? Это уже делается с таким успехом, что даже европейские буржуи, которые еще недавно хвастались могучим развитием своей промышленности, теперь, наблюдая, как рабочие на фабриках и заводах осуществляют пятилетку в четыре года, — затосковали буржуи и говорят, пишут: если пятилетка осуществится — Союз Советов и народ его станет независимым от нашей промышленности, не будет нуждаться в наших товарах.

Никогда еще, нигде в мире рабочие не работали так самоотверженно, как они работают у нас, спеша вооружить крестьянство всем, в чем оно нуждается и многим таким, чего у крестьян никогда еще не было в руках.

Социалистическое соревнование рабочих, ударничество, самозакрепление рабочих на фабриках и заводах до конца пятилетки, и многое другое утверждает полную уверенность, что благодаря героической работе на фабриках и заводах — жизнь в деревне и работа на полях все легче, что товары скоро потекут в деревню широкою волной. Глупо не верить, что при таком напряжении трудовой энергии, которая развита и развивается рабочей массой, город не в силах будет хорошо обустроить, одеть, вооружить машинами деревню.

Рабочие и крестьяне партийцы все глубже чувствуют и понимают свою задачу хозяев страны, — свою обязанность облегчить крестьянству жизнь, увеличить добычу хлеба, расширить скотоводство, плодоводство. Рабочие, красноармейцы, комсомол, даже ребята-пионеры ведут огромную работу развития производительных сил земли, беднота, организованная в колхозы, тоже начинает понимать глубочайшее, государственное значение своей работы на земле. Победим, т. Фомин!

Недавно я видел 300 человек ударников, они ехали на тепловозе, построенном ими, из Ленинграда в Одессу и остановились на трое суток в Неаполе, недалеко от того города, где я живу. Я провел с ними эти трое суток, видел, как они подавали заявления о вступлении в партию, — большие праздничные дни пережил я, дорогой товарищ! Хорош у нас рабочий народ! Века мордовали его, топтали ногами лицо его, били нагайками, морили в тюрьмах, в сибирской ссылке, расстреливали тысячами, — все он вынес, все вытерпел и вот — встал на ноги, сбросил с плеч своих паразитов, хищников и — хозяйствует, работая неустанно, мужественно, живя в темноте, — в тяжелых условиях живя все еще!

Большой народ, великая энергия горит в нем, освещая весь трудовой мир планеты нашей.

Ну, ладно, написал я достаточно и, надеюсь, не скучно.

Крепко жму Вашу руку, товарищ Фомин! Передайте мой пламенный привет товарищам по работе.

1930

ПИСЬМО СЕРПУХОВСКИМ РАБФАКОВЦАМ

Товарищи! Получил ваше письмо и, разумеется, обрадован вашими успехами, — горячо поздравляю вас!

Вы представить себе не можете, какой заряд радости и гордости дают такие письма, как ваше, какую жажду работы

возбуждают эти, не редкие, письма у меня, человека, который живет в атмосфере совершенно иных, резко противоположных впечатлений.

Вот, вы сообщаете, что в маленьком уездном городе за два года рядом с вашим рабфаком «выросли еще 5 учебных заведений: медфак, текстильный техникум, педагогический техникум, строительный техникум и сельскохозяйственный техникум. А в этом году вырос новый боец за техническую грамотность рабочего — учебный комбинат, охватывающий своей сетью различных курсов и вечерних университетов до 1500 чел.

Что же у нас получается? Получается то, что все способные учиться — учатся».

Это, товарищи, небывалый рост интеллектуальных творческих сил страны Союза Советов, и вы имеете право утверждать, что никогда, за всю историю человечества не было такой быстроты и силы развития потенциальной энергии трудовых масс, такого мощного процесса превращения ее в энергию кинетическую, актуальную, творческую.

А что наблюдаю, что вижу я здесь?

Не так давно газеты Германии убеждали молодежь свою не стремиться в университеты, потому что страна страдает от избытка «ученых», от перепроизводства интеллигенции. Под этой якобы заботой о безработных скрыто сознание опасности, что избыток интеллигенции пойдет на службу пролетариата, в партию коммунистов. Но буржуазией сознается не только эта, так сказать, «частная» опасность, — буржуазия все более ясно ощущает общий упадок своих сил, истощение энергии, поглощенной веками безумной погони за наживой, веками хищнической эксплуатации рабочих и крестьян.

Буржуазия Европы, чувствуя, что стремительный поток истории охватил и несет ее к окончательной гибели, начинает говорить вообще о том, что «чрезмерное развитие науки не может облегчить жизнь человечества», что она «механизует человека», «убивает личность» и что «спасение человечества в религиозном возрождении». Под «человечеством» конечно понимается только буржуазия.

Что все это — так, об этом говорит некий граф Кайзерлинг, философствующий фельетонист, которого немецкое мещанство считает почти гением. Лстом он прочитал в Берлине несколько лекций, в которых доказывал, что «индустриализация превращает людей в муравьев», что жизнь приняла «патологический», болезненный характер и что спасения от этой болезни надо искать в Испании и Южно-Американских республиках, где

еще сохранилось «человеческое тепло» — под «теплом» граф подразумевает религию, которая в Испании, как известно, носила и все еще носит особенно изуверский характер.¹

Южно-Американские республики привлекли внимание графа, вероятно, потому, что там среди буржуазной интеллигенции существует вызванное тем же страхом гибели течение, подобное «народничеству» в 60-70 гг. XIX столетия. Суть этого течения такова: обитатели городов, ремесленники и рабочие вырождаются под гнетом культуры, и спастись от вырождения можно только за пределами города, отдав себя во «власть земли».

Один из южно-американских писателей Уго Васт рекомендует «обрезать крылья воображения, полюбить глубину и простоту простых вещей». Мы прекрасно знаем, что значит «простые вещи» в быте деревни: женщина в положении рабочего скота, безграмотность, суеверие, пьянство — как единственное удовольствие, «снохачество», сифилис, каторжный труд на земле, нищета и вымирание.

Еще дальше, чем граф Кайзерлинг и Уго Васт, идет бывший премьер-министр Франции Кайо. Он прямо говорит: «Если человек хочет существовать, он должен заковать в цепи нового Прометея — науку».

Всё это, товарищи, явные признаки одичания буржуазии, — сдичания от страха перед гибелью. Признаков таких можно указать десятки и сотни.

Все эти панические, старые церковные мысли воскресают, распространяются как плесень и конечно не могут не влиять на массы мещанства, способствуя процессу его «загнивания с головы» и убыстряя этот процесс.

Отнюдь не преувеличивая силы факта, мы можем сказать, что в деле организации и накопления рабочей творческой энергии уже опередили буржуазию Европы.

В темную многомиллионную массу нашего крестьянства мы ежегодно выпускаем тысячи молодежи, которая отлично сознает значение науки, ее руководящую роль, сознает, что для полного уничтожения тьмы и горя жизни необходим именно Прометеев огонь науки.

И не с неба, как Прометеем, добывается вами этот огонь, а вы зажигаете его в себе, живя и работая над собой в условиях не легких, но не теряя мужества и все более глубоко чувствуя радость познания.

¹ У нас недавно издана «Федерацией» хорошая книжка Льва Никулина «Письма об Испании».

Горячий мой привет вам, товарищи, и поздравляю вас с тринадцатым годом новой жизни, с третьим годом пятилетки, великой и трудной задачей, которую вы призваны разрешить и разрешите.

1931

ПИСЬМО ЗОЛОТОРАЗВЕДЧИКОВ

Товарищ Горький!

Надеемся, вы не разобидитесь, что называем вас товарищем, а не господином. У вас, ведь, в Италии не как у нас в СССР — всё еще господа. А я, право, никак не могу даже набраться духу, чтобы серьезно выразить — господин!

Цель нашего письма сообщить вам, что работаем мы в золотопромышленности на Алдане, находимся в настоящее время — в лесу, в тайге. Кругом нас на десятки километров нет никакого жилья, за исключением, что — по магистрали — живут рабочие, очищая путь от снега, чтобы можно было пробегать автомашине, а еще позапрошлый год по этому месту не только на машине, но и на лошадях было трудно ездить, в летнее — только верхом, — на телеге не проедешь; вот как жизнь продвигается, как быстро человек побеждает препятствия природы! И вот, значит, мы только со стороны магистрали и можем встретить людей, а во все три стороны тянется на сотни километров непрерывная, пустынная тайга; живем мы 6 человек, срубили хибарку, домик, настлали пол, потолок, на потолок, вместо крыши, земли навалили, тепло! В окнах, вместо стекол, белое полотно натянули; окна наши в длину 60 сант. и в ширину 60 сант.

Работа наша — золото ищем. Нас государственный золотопромышленный трест послал в разведку, ключи и речки разведывать, ищем новые залежи золотой россыпи. Конечно, нас всех по разведке работает много. Большая команда. И, вот, после работы, ночью, сидя в нашем домике, читали твою книжку, разбирая ее как могли; и тебя расценивали, сидя за столиком, который состоит из двух чурбаков, поставленных на попу, а к ним прибита поперечная палочка, а на эту палочку вытесанные из толстого леса наложены доски, другие концы прибиты к стене, — не плохой стол. Сидя, дорогой товарищ, вот за этим столом, спорили: — одни говорят, что вы не ответите нам на письмо, другие спорят: Максим Горький — не бюрократ, не-

смотря на то, что за границей живет и что очень занятой человек.

Сообщаем: золото будет у нас в линиях. Наверное говорим, порода хороша идет, в этой породе золото бывает, хотя мы горняки то, что называется «без году неделя», но все же — понимаем! У нас, ведь, в СССР, выдвигают на службу и рабочих, я, вот, рабочий — выдвинут на службу смотрителем. Отдаю отчет, пишу табели и шурфовочные журналы. Все это у нас упрощено: рабочих в моем распоряжении 4 человека, которые и работают на двух линиях по 2 человека. Работа заключается в том, вот приехали, скажем, в какой-нибудь ключ или какую-нибудь речку и — давай работать! Пересекаем всю речку поперек и пробиваем шурфы, такие ямы, 1 м 80 см на 1 м 40 см и углубляемся в землю все ниже и ниже до тех пор, пока не найдем почвы или не дойдем до скалы, дальше ее уже не пойдешь! Вот насколько долина широка, мы от борта до борта закладываем шурфы через каждые 20 метров один от другого; если золото найдется, то между этих шурфов еще бьются шурфы доглубительные, тогда уже будет шурф от шурфа 10 метров, даже меньше. Для тебя наверно не понятно? Бьются скважины машинами Кэйстон и Импаэр, между Кэйстоном и Импаэром разница большая, 1-й паровой, а второй — мускульный.

Живем! Норма продуктов у нас большая, всего хватает; хлеба и крупы еще остается, мяса дают нам 30 фунтов в месяц, масла сливочного 2 фунта, сахару пять ф. в месяц, хлеб хороший — полубелый, живем, в общем, хорошо. Несмотря на то, что новенькие в работе, но хорошо работают ребята, вот у меня из деревни 2 парня, нанялись, работают, оба молодые, по 21 году, не работали еще в никакой работе, но, представь себе, дело подвигается — лучше некуда!

Начальство у нас есть, но — не такое, какое у вас в Италии; у нас: что инженер, что техник, что я — маленький служащий, что рабочий — все равно, т. е. не все равны по чину, а в обхождении — равны. Все обращаемся друг ко другу как братья, никто никого не ругает, по вечерам шутим, читаем, а утром строго выполняем всяк свою работу.

Вот «мамка» у нас и та спорит, что вы не напишете письмо нам — таежникам. «Мамка» — это местное приискательное название, «мамка» — значит стряпка что-ли, что для нас готовит пищу и стирает белье. Для всех она является мамкой, для кого готовит.

С помарками написали — извиняй.

Так вот у нас просьба к тебе большая: порекомендуй нам

какую читать литературу, чтобы хорошо понимать писательский язык и что надо читать, чтоб, хорошо владея русским языком и зная орфографию, сделаться писателем, какую литературу выписать надо, чтобы она развивала мозг. Вот, будь добр сообщи нам об этом. писать можешь доплатным письмом, мы люди не бедные, сбереженные деньги лежат, выпивать мы не пьем, не заразились этим, не как старые приискатели.

Забыли еще сообщить тебе: у нас имеется 2 пары оленей, на них — лес подвозим к линии для пожаров; нередко здесь встречаются места вечной мерзлоты; никогда не оттаивает земля, а перерыть ее надо, и вот в таких местах кладем пожоги, чтобы оттаять мерзлоту. Один олень кривой у нас, но очень сильный, хорошо возит! Шахматы райком нам послал, книг, а когда кончим работу все сдадим обратно и книги и шахматы, а потом опять пошлют работать на новом месте, там все опять будет.

Ну — всего хорошего, мы немножко заболтались, выдернули у вас ценное время.

Еще раз просим об ответе.

Шатунов, Новгородцев, Чернов, Валуев, Коноплин.

27—ХН—1930

Павлу Матвееву Шатунову с товарищами и
«Мамкой».

Сердечный привет вам, товарищи тасжники!

Прочитал ваше письмо и стало на душе и весело и грустно. Весело, — потому что нередко такие дружеские письма, как ваше, пишут мне рабочие люди, строители нового мира, — пишут со всей земли и даже из под земли Союза Советов, — из шахт Донбасса, — ну, а если многие пишут — стало быть я рабочим людям нужен, чем-то полезен для них, и это, конечно, радует, силу для работы дает.

Грустно — потому, что не успеваешь всем ответить, не хватает времени и потому еще, что вот получил ваше письмо и очень захотелось прыгнуть к вам, в тайгу, шурфы с вами бить, костры разводить, товарищески побеседовать, — работать я люблю, костры разводить — тоже люблю. А уж не прыгнешь! 63 года, и хотя работоспособность не падает заметно, ну, а, все-таки, одолевают кое-какие стариковские немощи, да и время не такое, чтобы «прыгать», время становится все строже, требует к себе напряженного внимания, возлагает на советского писателя обязанность смотреть «в оба глаза».

Успехи социалистического строительства и пятилетки, рост социалистического соревнования, развитие ударничества, развитие колхозов и многое другое, творимое рабочим классом и партией, все это, убивая надежды наших врагов на то, что у рабочего класса не хватит сил кончить начатое ими великое дело создания своего, трудового государства, — все это, убивая надежды врагов, возбуждает у них отчаяние и страх пред неистощимой рабочей силой Союза Советов. Понимают и чувствуют, что могучий рост рабоче-крестьянского государства грозит им неизбежным уничтожением, гибелью. Со страха, с отчаяния они давно-бы уже бросились на нас с пулеметами, танками, авиопланами, ядовитыми газами, но их бессмысленная и бесчеловеческая жадность к наживе создала такое положение, что, вот, сейчас, в Европе и Америке около тридцати миллионов рабочих не имеют работы, а поставить все эти миллионы под ружье, да послать против нас — дело очень рискованное, — вполне возможно, что ружья и пулеметы начнут стрелять не туда, куда хочется капиталистам. В Нью-Йорке — главном городе Соединенных Штатов Северной Америки и в других городах, там безработные, голодные рабочие десятками тысяч выходят на улицы, громят магазины, — небывалое явление в этой стране миллиардеров, стране, которая еще недавно так хвасталась своим богатством и, действительно, обладает огромным запасом золота и хлеба. В Америке даже жгут пшеницу в топках паровозов, потому что ее некуда, некому продать.

Во всем мире хлеб, золото, железо, нефть, уголь и все сокровища земли находятся в руках капиталистов, а у рабочих — нет ничего, кроме права или умирать с голода или уничтожить хозяев. Капиталисты силами рабочих и крестьян накопили столько товаров, что вот уже рабочим нечего делать. Это называется «экономический кризис» и очень трудно понять как вывернутся, да и вывернутся ли капиталисты из этой петли.

У нас, в государстве рабочих и крестьян, безработных нет, государству уже не хватает рабочих рук для строительства промышленности и новых форм жизни. У нас нет карманов, в которые бы прятались деньги, заработанные крестьянином или рабочим, — каждый заработанный рубль идет на покупку машин для колхозных полей, фабрик, заводов, для строительства рабочих поселков, переустройства старых городов, строения новых.

Каждый грамм золота, которое вы, товарищи, добудете в тайге не легким трудом — пойдет на облегчение жизни рабочих и крестьян, единственных хозяев страны, на строительство

таких ловцов стихийной энергии природы, как Днепрострой, Ангарострой и т. д.

В государствах, где хозяйничают капиталисты, огромные количества народных денег тратятся на вооружение, на содержание церквей, попов, монахов, на хвастовство богатством, на грубую и глупую роскошь, у нас не хватает еще много необходимого, но все, что ежедневно делается на всех заводах и фабриках Союза Советов, делается рабочими для крестьян и для самих себя. В лесах и на полях, под землею и на морях — всюду неистощимая рабочая сила быстро создает запасы хлеба, мяса, рыбы, платья, топлива, строительных материалов и уже близок год, когда каждый гражданин Союза Советов будет иметь все необходимое ему в избытке.

Вы, шестеро, заброшенные в глухую тайгу Сибири, должны знать об этом колоссальном, непрерывном труде рабочих и крестьян, которые поставили пред собою прекрасную цель: сделать всех людей экономически равными, здоровыми, грамотными — культурными людьми. Я посылаю вам журнал, который, по мере сил, следит за развитием труда и творчества в нашей стране, за ростом ее промышленности и сельского хозяйства, за построением первого в мире государства рабочих.

В странах капиталистов человек, научившись грамоте, начитавшись книг, т. е. накопив знаний, так же, как накапливают деньги — хвастается своей образованностью, точно купец — богатством. Вы, героические рабочие люди Союза Советов, накапливая знания, обязаны делиться ими с тем, кто знает меньше вас, — это ваш товарищеский долг. Итак — учитесь, учите, а я всегда готов помочь вам всем, чем могу. Спасибо за хорошее письмо.

А «мамка»-то ошиблась, — я ответил! Пусть она за эту ошибку поплатится, — накормит вас особенно вкусным обедом. Вероятно у вас ружья есть, дичь бьете? Вот, настреляйте рябчиков, а она вам нажарит их.

Хорошо бы, товарищи, пообедать с вами!

Ну — ладно! Сердечный привет всем. Из Москвы вам вышлют книги, одна — «Борель» Петрова — рассказывает как раз о восстановлении золотого прииска.

Крепко жму ваши лапы.

23—I—31.

Сейчас получены вечерние газеты, — во Франции снова проворовались министры, а еще не кончено расследование во-

ровства их предшественников, проворовашихся в прошлом году. Быстро гниют!

О ДЕТЯХ

Вот какое письмо недавно прислала мне одна дивчина с Украины:

А, слушайте, Горький, чи ви вмієте сердитися і лаятися як на своїх дітей, рассердитесь так и бьете їх як мене біє дід та батько? Коли приїдете до нас у Союз так може будете у Києві так це од нас ближче, тільки сто верст, так я отпрошусь у батька у Київ будьто на богомілля и може як небудь побачу вас.

Скажете: яки гадкі и низькі люди, як був я бідний тоді не дивились на мене, а тепер кажуть, що хочь бы дали побачити, так мене ще тоді на світі не було, як ви були бідні.

Не знаю, сколько лет Ганне, но — не сладко живется ей с «батьком и дідом»! Наверное, такое же горькое житишко внушило тринадцатилетней девице из Вятской губернии такое послание:

Дедушка Горький, я вас попрошу ответить на вопрос; я спору с подружками и ребятами, что значит избавиться? Я говорю, это значит уйти из избы совсем из деревенской жизни, чтобы жить по другому. И все смеются, что я выдумываю, учитель тоже смеется. Он старик это ему можно простить, а когда свои смеются очень обидно. В деревне жить скучно, пионеров у нас четыре и ничего нельзя делать. Пионеров не любят.

О той же скучной жизни, в которой «ничего нельзя делать», писал мне деткор Андриюша. К сожалению, первое письмо его я потерял, но помню, что в письме этом Андриюша жаловался: отец запрещает читать книги, бьет, довел до того, что Андриюша бежал из дома, но был пойман и жестоко избит. В письме он меня спрашивал: что же ему делать? Он хочет учиться, хочет «работать полезную работу». И сообщил, что если его будут бить, он «подожжет избу», а сам «убежит в беспризорники». Я написал письмо ему, не советую избу поджигать, но если уж другого выхода нет у него, — пусть бежит в Москву. Написал и отцу его. Но на отца письмо мое не подействовало, как это видно из следующего письма Андриюши.

Здравствуйте М. Горький!

— Пишет вам Андриюша. Небойсь вы меня знаете, я вам послал уже несколько писем и во всех письмах писал о беспризорных.

Теперь я не думаю о беспризорных, я уже удрал от отца и матери с своего дома. Сейчас я нахожусь в детском колхозе «Гигант», о кото-

ром вы может быть читали в газетах. Колхоз этот находится от нашего дома за 800 верст, если не больше.

Но теперь послушайте, как я попал в колхоз. Я хотел учиться — мать и отец меня не пускали, били за это и за то, что я был деткором. На отца я и на мать не жалился. Я знал, что мне хуже будет. Я все время дружил с нашим учителем. Он мне давал разные советы. Но мне стало плохо и я решил удрать из дома куда-либо, впрочем в «Дружные ребята» рассказал я учителю.

Учитель мне не советовал, но впрочем дал три рубля, да я у отца уворовал три рубля.

Пошел на станцию, прошу детский билет до Москвы, мне не дают — говорят: ты удираешь из дома. Тогда я беру билет до г. Нозыбкова, подыскиваю там знакомых, они мне берут детский билет до Москвы. Едем, проверяют билеты. Задают мне вопрос, сколько лет? Отвечаю десять. Говорят: пойдем в ОГПУ! Я начал плакать, притворяюсь ребенком.

В ОГПУ не идут. Я веселюсь, но конечно никто не замечает. Дружу с беспризорными, но потом расстаюсь, — вижу из меня жулик выйдет. Отлучаюсь от беспризорных, еду к редактору «Дружные ребята» — я у нее жил когда приезжал на съезд деткоров. Екатор. Евг. хочет отправить домой. Сердиться начинаю я и плакать про себя. Живу в Москве больше месяца, но потом редакция направляет в детский колхоз.

ЖИЗНЬ В ДЕТСКОМ КОЛХОЗЕ

Когда я приехал в колхоз, ребята меня боялись, сторонились, но через неделю привыкли ко мне и стали жить со мной дружно и весело. В Ш. К. М. в бывшем имении Гончарова меня принимают в пятый класс хотя январь на дворе. Учителя боятся меня. Не спрашивают, считают меня незнающим. Но вот пришла удобная минута. Нам задают писать сочинения. Пишем. Начинаем читать. Самое лучшее сочинение это мое. Стали уж меня учителя спрашивать. Отвечаю. Идет зачет за первое полугодие. Сдаю. Становлюсь можно сказать примерным учеником нашей группы. Выбирают правление, меня в кандидаты.

О НАШЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

У нас восемь га земли, две лошади, одна корова, четыре поросята. Скоро получим 24 кролика, 10 кур и др.

Одно плохо нет библиотеки колхозной, может быть вы пришлете почитать чего-либо. Мы ждем.

Андрей.

Из этого письма видно, что мальчик немножко хвастается своими успехами, но успехи его подтвердили мне преподаватели школы К. М. Мне кажется, что мальчуган мог бы похвастаться и тем, что он — «избавился», преодолел силу того физического сращения с собственностью, которое очень рано и особенно глубоко развивается в детях крестьян.

Недавно в одной из эмигрантских газет был опубликован такой факт:

Во Франции на ферму Буалоу Пу, возле Пуатьера, зашел бродяга, попросивший у хозяйки разрешения переночевать на сеновале.

На утро случайный гость, желая отблагодарить за стол и приют, предложил свою помощь в работе на огороде. Услуга его была охотно принята, а затем, утомленный жарой, бродяга забрался на кухню и принялся распивать бутылку вина, стоявшую на столе. Это увидел 6-летний¹ сын фермера и стал порицать бродягу. Тот, не обратив внимания на мальчика, рассмеялся и продолжал пить. Тогда разыгралась неожиданная и быстрая драма. Мальчик выбежал в соседнюю комнату, снял со стены висевшую там винтовку, сам ее зарядил и, тихо подкравшись к двери, почти в упор выстрелил в бродягу. Пуля попала в сердце, и гость был убит наповал.

Малолетний убийца настолько сохранил хладнокровие, что стал уверять родителей и прибежавших рабочих, что гость покончил с собой. Только позже он рассказал жандармам всю правду.

Как видите, это гораздо серьезнее кражи трех рублей и намерения поджечь избу родителя для того, чтоб выбежать туда, где можно научиться «работать полезную работу».

Одно из неоспоримых и прекрасных достижений Октября — мальчишки и девочки, которые уже инстинктивно чувствуют, что «большая глупость жить, как жили наши батьки, когда теперь показывается, как можно лучше жить». Это — слова из письма двенадцатилетнего человека, который сильно пострадал за то, что пытался внушить отцу и дяде: если корову подкармливать картофелем, она даст более обильный удой. Отец не поверил ему, тогда молодой новатор начал красть картофель у дяди и тайно подкармливал корову. Удой стал действительно лучше, но дядя застиг новатора «на месте преступления» и побил его. Такие маленькие драмы, должно быть, становятся все более частыми в деревне, где противоречия «отцов и детей» все более решительно обостряются и должны обостряться. Дети отлично растут.

Вот еще письмо восемнадцати школьников первой ступени:

Дорогой т. Горький!

Большое спасибо за тетради и учебники, которые вы нам прислали. Мы тоже посылаем вам в подарок облигацию 3-го займа индустриализации, которую купили на деньги, вырученные от продажи утильсырья. А еще посылаем свою карточку, это мы снимались на своей школьной выставке на праздник урожая и коллективизации. Тол. Горький! У нас есть к вам большая просьба: для детей сирот и бедняков мы решили при школе открыть столовую (т. к. за последнее

¹ Очевидно — опечатка и надобно читать: 9-ти; 6-ти лет мальчик винтовку не поднимет.

время ребята стали бросать учиться, за неимением питания дома). Не имея средств и поддержки со стороны местных организаций нашего района, мы обращаемся к вам с просьбой: помогите нам в нашем деле, пришлите хоть немного денег. Тов. Горький! Мы знаем, что попрошайничать не хорошо, но мы обращаемся к вам как к товарищу и надеемся, что вы не откажете в нашей просьбе.

Пришлите нам свою карточку и нарисуйте домик, в котором вы живете.

Мы хотели было вместо облигации послать вам коньки, да вспомнили, что зимы в Италии не бывает.

С тов. приветом! Ученики Ляховской Шк. 1 ст.

Вот какие умные и хорошие чертенята!

Один из таких — сибиряк, иркутянин — пишет «маленько о нашей школе»:

Я думаю — вам известно о дореволюционной школе. Новая школа совсем не то, в ней мы можем смело затронуть любой интересующий вопрос.

А с другого края Союза — с юга — маленький корреспондент сообщает:

Учит нас старушка слабого здоровья и смешно чихает, очки падают даже. Зато все знает как московский профессор, об чем ни спроси рассказывает на большой палец. Читала нам твое письмо и здорово рассказывала. Ты сам напиши нам, дедушка, мы твои книжки читаем.

Кстати, профессор А. Цингер сообщает:

Современный школьник проявляет гораздо более уважения к книге, чем это было раньше.

А вот еще корреспонденты, эти живут «на севере, в трех километрах от Белого моря». Они шлют мне «радостный привет», желают «всего наилучшего, а главное здоровья и успеха в весьма полезной для трудящихся работе». Сообщают:

Есть у нас и пионер-отряд, но не всех детей родители отпускают, так как некоторые твердо держатся за религию.

Есть и такие письма:

4 Дорогой дедушка Горький!

Посылаем мы потихоньку от папы с ним вместе снятым карточку. Он то не дает, а мне очень хотелось себя тебе послать. Как бы мы хотели тебя живым посмотреть, а не только на карточке. Смотри, живи дольше, да напиши нам в школу какую-нибудь книжечку. Приезжай к нам в гости, вот был бы праздник. Будем ждать. Вава и Аркаша Царьковы.

Очень много пишут мне ребята. Разумеется, я горжусь этим и нахожу, что имею право гордиться. Уверен, что я не один ли-

тератор в Союзе Советов, что и другие пользуются не меньшим вниманием детей.

Но еще более крепко уверен, что в буржуазных странах нет писателей, которые пользовались бы таким вниманием и симпатией детей, каким награждают нас, советских писателей, наши советские ребята. Да, там нет таких писателей и не может быть, ибо там нет еще детей, рожденных социалистической революцией. Там еще невозможны дети, которые писали бы так:

Дорогой дедушка!

Мы, представители делегации первого всесоюзного съезда детководов, пришли в редакцию журнала «Наши достижения» для того, чтобы познакомиться с работой журнала и получить опыт старших товарищей.

Ознакомившись с работой, мы даем обещание ответственному редактору, нашему почетному пионеру, о том, что мы будем снабжать журнал материалом о нашем участии в строительстве при выполнении пятилетки в четыре года.

В капиталистических странах дети несколько иного типа. Вот, напр., парижская газета эмигрантов «Последние новости» сообщает в номере от 9-го сентября из Нью-Йорка:

Четверо мальчиков из Патерсона (Штат Нью-Джерси) явились в свою школу к началу учебного года знаменитостями. Мальчики установили новый велосипедный рекорд, покрыв в течение 1285 ч. расстояние в 9581 миль. Все это время они безостановочно посменно кружили вокруг своего дома, отсчитывая день и ночь милью за милью. Возможно, что «герои» сделали бы еще больше, если бы родители их не настояли на том, чтобы они бросили ерду за день до начала учебного года ради отдыха.

А в июне та же газета напечатала о таком удивительном мальчике:

В витринах книжных магазинов появилась новая книга в пестрой обложке: «Жизнь президента Гувера».

Автору этой книги недавно исполнилось 11 лет, зовут его Вильям Марч.

В предисловии молодой биограф президента сообщает о мотивах, побудивших его «стать писателем». Он слышал, что некоторые писатели зарабатывают большие деньги. А так как Вильям Марч тоже нуждается в деньгах и хочет разбогатеть, то он взял перо в руки. Заключительная фраза предисловия приводит практических янки в восхищение. «Я прошу гг. книгопродавцев продать как можно больше экземпляров этой книги и тем самым помочь мне составить капитал».

Особенное внимание в книге уделено... женщинам. Одиннадцатилетний биограф наивно рассказывает о встрече Гувера с его будущей женой в стенах Станфордского университета, об их романе и свадьбе. Весь рассказ пересыпан замечаниями общего характера о женской коварности, о роли мужчины в браке и т. д. Книга имеет большой успех.

Я — не сторонник телесных наказаний, но не стал бы протестовать, если б этого сочинителя высекли. Мне кажется, что гораздо естественнее, когда мальчик сочиняет вот так:

Здравствуйте! Научите меня сочинять книгами. Я уже написал несколько сочинений: Меня зовут Гунар. Мне скоро будет 9 лет. И скажите неужели когда вы пишете книгу не про себя залезаете в дом и слушаете и пишете? Вообще расскажите мне про то как пишут книгу не про себя.

Теперь я даю свой самый последний рассказ.

МАЯКОВСКИЙ

Один раз ко мне прибегает мой товарищ Эдя. Это было 14 апр. 1930 г. Он говорит. Маяковский застрелился увезли в больницу. Карета помощи.

На другой день в газ. «Раб. Моск.» мы прочли: «Тело Маяковского находится в клубе ФОСП. Москва улица Воровского д. 52».

Мы конечно пошли.

— Пришли.

— Смотрим.

— Много народу.

— Встали в очередь.

— Наконец пришли в зал. Смотрим.

— Нос красный А в боку у ног Маяковского стоит комсомолец на почетном карауле, а у бока стоит художник и лепит Маяковского. Конец.

Это — курьезно, но это вполне нормальное творчество мальчика восьми лет. И можно быть вполне уверенным, что, дожив до 11 лет, такой мальчик не станет рассуждать о «коварстве женщин, о роли мужчины в браке и т. д.». Вероятно, он найдет место для своих сочинений на страницах журнала и газеты «Дружные ребята».

Наши ребята весьма сильно тяготеют к литературной работе, и очень хорошо, что у них есть свой журнал, своя газета, — место, где они учатся говорить о жизни, изображать жизнь. Недавно «Крестьянская газета» издала маленький сборничек «Мы живем в Гиганте». Этот сборник организовал Всеволод Лебедев, автор талантливо написанной книжки «Полярное солнце».

В сборнике этом ребята рассказывают в стихах и прозе о том, как они живут в «Гиганте». Приведу несколько строк из предисловия Лебедева к этой книжке, заслуживающей серьезного внимания.

Писалась она ученикам двух школ в селе Елани: школы первой ступени и ШКМ. Елань — крупное село в Ирбитском округе. Население в этих местах сплошь земледельцы. Писавшие эту книгу, ребята 12—17-летнего возраста, помнят гражданскую войну. Детство

раннее им пришлось провести в тяжелых условиях бедности, батрачества. У многих отцы — инвалиды войны. Начинать работу в сельском хозяйстве ребятам приходилось с шести-семи лет. И часто не в родной семье, а в найме у кулака. И ребята хорошо запомнили гнет хозяина. После изгнания белых из края — партизанской войны крестьяне с колчаковцами — наиболее активные хозяева стали объединяться в коммуны.

Вывозили из деревень старенькие избышки, из последних сил ставили на пустых, далеких от одиноличных хозяйств местах новые дома — и появлялась коммуна.

Население коммун было готово навсегда распрощаться с прошлым: скот, орудия сдавались в общее хозяйство. Устроили общестенную столовую. Детей стали держать не в семьях, а на площадках и в яслях.

Для хозяйства нужен трактор. У коммуны было мало сил приобрести трактор. Существовали коммуны далеко одна от другой и искали общего руководства.

В 1929 г. съезд коммун и артелей трех районов — Еланского, Байкаловского и Знаменского — постановил организоваться в один колхоз с центром в селе Краснополянском.

Так возник Краснополянский район сплошной коллективизации.

В нем еще много единоличных хозяев. В то время как объединенный колхоз достает тракторы для всех артелей и коммун, выписывает агрономов, чтобы наладить одно организованное огромное хозяйство, в отдельных углах «Гиганта» — хозяева пахут старыми плугами, не решаются пока войти в колхоз и думают, что крестьянское имущество в «Гиганте» пойдет на ветер.

Крестьянин цепляется за свое отдельное хозяйство потому, что оно у него наследственное от отцов — он к нему привык; потому что в «Гиганте» мало еще людей, которые могут рассказать ему о силе нового хозяйства.

Ребята приехали учиться в Еланскую ШКМ из бедняцких хозяйств, из коммун. Они видели в своем хозяйстве борьбу коммунаров с кулачеством и воспитывались на этой борьбе.

Живут ребята не богато — в общежитиях, питаются из общего котла продуктами, которые посылают им колхозы. Учебников у них мало, а книг для чтения почти совсем нет.

Ребята, только приехавшие от хозяйств, везде слышавшие о предстоящем подъеме сельского хозяйства и всей культуры, желали узнать и слушали о чужих странах, о Москве, о строительстве заводов. Приехавшего товарища спросили, живы ли тт. Пушкин и Тургенев.

Кроме имен Ленина, Сталина, Калинина, им приходилось слышать и их имена, но читать приходилось мало. У некоторых ребят есть вырванные места из книжек — по ним они заучивают писателей.

Учителя в «Гиганте» из Москвы все-таки приезжали: открыли две ШКМ, школу колхозного ученичества и высшее учебное заведение — крестьянский университет, куда съехалось учиться 150 взрослых колхозников.

Одного учителя этого университета, молодого т. Гончарова, одна девочка приняла за писателя Гончарова, который сочинил романы «Обрыв» и «Обломов» и давно умер.

У ребят нет точного представления о том, что делается в Москве,

и живы ли те люди, о которых им приходилось читать и слышать, но они знают, что все, что писалось и делалось в Москве и других городах, должно стать их достоянием, пойти на пользу коммуны.

Ясно, что ребята ждут полного изменения, требуют от учителей научить их новой жизни.

Я видел, как в коммуну «Путеводная звезда» пришел подросток-батрак, уволенный хозяином.

Коммуна ничего о нем не знала. Он не был родственником коммунарам, но каждый батрак здесь — свой. Подростка накормили в столовой и дали ему угол в общем доме. Он начал жить со всеми. Для него сделали больше — его отправили учиться в село. Одним парнем в общежитии детей коммунаров прибавилось.

Так попадают дети в коммуны: один с отцом, другой — бросив отца, третий уходит от хозяйина — со старой деревенской жизнью у них все связи порваны. Бывают случаи, когда дети уговаривают родителей идти в колхоз, иначе угрожают уйти из семьи. В этой книге ребята написали об упорных стариках, отказывающихся от всякого родства, для того, чтобы жить вне колхоза, по-старинке, о старухах, живущих сказками. Трактор для них — «кончина мира», «антихристова печать». В «Гиганте» большинство церквей закрыто самим населением. Они превращены в клубы, и население не вспоминает о церковных службах. Воскресение упразднено.

Начали писать книгу ученики ШКМ.

В этом предисловии особенно высокую цену имеют, конечно, слова: «Дети уговаривают родителей идти в колхоз, иначе угрожают уйти из семьи». Лично я делаю из этих слов такой вывод: дети начинают оправдывать и утверждать в титуле Союз Социалистических Советов, понятие: — социалистических.

А — дальше мне кажется, что нам пора создать специальный орган, который рассказывал бы всесоюзным отцам и матерям, как думают и работают дети на всем пространстве необъятного Союза.

Древняя поговорка «Яйца курицу не учат», очевидно, потеряла свой затхлый, консервативный смысл. И — во-первых: «Все возникает из яйца», а, во-вторых, речь идет о цыплятах, среди которых многие вышли из орлиных гнезд, а большинство воспитано суровой рукой самой жизни. Воспитано жизнью и принимает активное участие в деле строительства нового мира. Доказательств этого участия — много, отмечу одно из них: к весне 30-го, т. е. 13-го года революции — сельскохозяйственная лаборатория «Бедноты» и центральная детская с.-х. станция выпустила программу массовой опытнической работы пионеров, школьников, юных опытников, юных изобретателей в области сельского хозяйства: программа эта организует разнообразную работу детей в различных пунктах Союза Советов, работу по химизации сельского хозяйства, по новым культурам, простейшим агроприемам, огородничеству, садоводству, борьбе с

растительными и другими паразитами. Пионер-отрядам разосланы лабораторией «Бедноты» материалы для 21 500 опытов. Лаборатория

ставит своей задачей развернуть «зеленое изобретательство» (жизнь еще не выдвинула нового, более удачного термина — слова, определяющего весь глубокий смысл этого) в Советском Союзе в таких же размерах, как развернуто изобретательство на фабриках и заводах.

Мы верим, что из пионеров и школьников, юных опытников, Советская страна получит десятки, а может быть и сотни Мичуринных, Дунинных, Бербанков, которые дадут человечеству не только новые приемы возделывания с.-х. культур, стимулирующих урожайность, но и изобретут новые культуры и сорта растений. Они произведут революцию на полях, садах и огородах.

Это не единственный факт привлечения детей к широкой, активной работе культурно-революционного характера. И следует отметить, что инициаторами непосредственного участия в делах жизни являются сами дети.

Как правило — отцы вообще плохо знают своих детей, но у нас они знают кажется несколько лучше, чем в государствах буржуазных. Лучше, но не в той степени, как следовало бы знать. И поэтому я еще раз повторяю: необходимо издание органа, который рассказывал бы отцам о работе детей.

Разумеется, и в буржуазных государствах дети принимают посильное участие в делах жизни, — в делах отцов.

— Летом в Англии, в Норфольке, во время избирательной агитации двухлетняя дочь консерватора Кука, верхом на шотландском пони, появилась в рыночные дни на площадях, при чем на попоне ее маленького коня было написано: «Выбирайте папу».

— Из Канзаса сообщают, что Джек Ричардс, 14 л., просидел на суку в течение 140 часов, и отец его и мать никак не могли стащить сына с дерева. Несколько десятков мальчиков и девочек сейчас следуют его примеру, и некоторые рассчитывают побить установленный Ричардсом рекорд. Родителям этих «спортсменов» ничего не остается, как стоять под деревьями и поддерживать их мужество.

— В Нью-Джерси четыре мальчика едут посменно на одном и том же велосипеде вот уже в течение девяти суток и заявляют, что будут продолжать это занятие до тех пор, пока у велосипеда не сотрутся шины.

— Взрослые не отстают от малолетних. Четверо молодых людей из Сан-Луи отправились в Нью-Йорк на автомобиле задом наперед и рассчитывают покрыть все расстояние в 26 дней.

Этими странными рекордами заразились, кажется, даже звери в зоологическом саду. По крайней мере, газеты отмечают, что одна из обезьян вот уже три дня, как висит на дереве на хвосте.

После биржевого краха в Нью-Йорке, семилетний мистер сказал своему отцу:

— Если ты застрелишься, как это сделал мистер Г. Р., то дай мне сто долларов, чтобы я мог начать свое дело.

Я мог бы привести десятка три таких анекдотических фактов, извлеченных мною из эмигрантских газет, но думаю, что этого не следует делать. О своих детях эмигранты пишут с грустью.

Вот, например, обстановка русского приюта для девочек:

На стенах — карточки: покойный государь (с портрета Серова); вел. кн. Павел Александрович; княгиня Палей. Тут же девичье задумчивое лицо кн. Ирины Павловны. Посредине круглая серебряная рама с датами 1841—1866. Император Александр II со своими детьми; главные моменты его царствования; Петербург, Кавказ, Севастополь, — и рядом с блеском двора — сермяжные толпы слушают манифест.

Кажется — «все в порядке», но по-русски девочки говорят так:

— Знаете, она умерла, ее похоронили, и вдруг она оживела.

Между собой дети предпочитают говорить по-французски: «по-русски все трудно и непонятно». Очень распространены французские иллюстрированные журналы. Часто можно слышать такие фразы: «Я — пси!», «ты — дешеше ву», «дай сюкр сильвупле» и т. д. Грамотно писать по-русски уже не умеет почти никто.

«Скажите, пожалуйста», спрашивала на днях взро́блая девушка, без акцента говорящая по-русски, «мне нужно написать: «а теперь» — правда — после а твердый знак?»

— Смешно все как-то по-русски, вот такое распространенное имя Сюзанна, а по-русски так называют мужчин!

— Откуда ты это взяла?

— А как же, какой-то Сюзанн недавно спас русского царя?

«Сюзанн» это известный оперный герой Иван Сусанин.

— Какой, по-вашему, смысл жизни? — спрашивали они.

— А по-вашему?

— Ох, разное. У нас некоторые говорят: надо жить для семьи, выйти замуж, детей воспитывать. А есть еще — для бога и чтобы добрые дела делать... А я думаю, ничего этого нет, и надо жить для себя, для своего удовольствия...

В девочках смесь житейской опытности и полного неумения разобраться в прочитанном, — констатирует автор-эмигрант.

Но это не так интересно и поучительно, как напр. отношение к детям в Англии.

18-го июля в Лондоне:

В палате общин произошел вчера крупный скандал, небывалый в летописях этого учреждения. Заседание началось с того, что один из депутатов спросил министра внутр. дел, правда ли, что девятилетний мальчик был наказан по приговору суда четырьмя ударами плетки? Министр внутр. дел ответил на этот вопрос утвердительно, но отказался критиковать действия суда.

По знаменитым романам Диккенса нам известно, как воспитывались английские школьники. Диккенс умер в 1870 г. С той поры прошло 60 лет. Но вот известный сотрудник либеральных «Русских ведомостей», а ныне яростный враг наш Шкловский-Дионео, сообщил в парижской газете эмигрантов следующее:

В Бромлее — маленьком сонном городке, в 25 минутах езды по железной дороге от станции «Виктория» в Лондоне, в полицейском суде разбирается дело поднятое обществом покровительства детям. Ответчиком является содержательница «высшей школы для мальчиков и девочек» г-жа Гильда Фири. В школе этой 11 пансионеров в возрасте от восьми до пяти лет были больны серьезной кожной болезнью на голове (должно быть, парша. М. Г.). Родители детей, отданных в школу-пансион г-жи Фири, — провинциальные адвокаты, доктора и клерки. Это люди с маленькими доходами, старающиеся всеми силами сохранить «респектабельность». Один из параграфов кодекса «респектабельности» требует, чтобы дети учились в закрытой школе. В результате явилась г-жа Фири. Она основала закрытую школу в помещении, которое люди с маленькими доходами могут показать знакомым с гордостью: «Вот где учатся наши дети». Школа помещается в большом, красивом доме, окруженном парком. Дом принадлежал прежде сквайру, которому теперь помещение это не по карману. Но директрисе есть на чем выгадать. «Выгадывание» происходит за счет питания и учения детей. В 1930 г. вполне воскрешают обычаи, описанные Диккенсом. Дети в «высшей» школе г-жи Фири плохо одеты и вечно полуголодные, зато отлично одета и очень сыта директриса. В великолепном помещении школы нет врача, потому что врачу больше года не платят и он не посещает школы. Тяжело заболевшие дети лежат без всякой помощи. «Директрисе» некогда, — она отправляется на скачки. И больные, маленькие дети в возрасте от 8—5 лет остаются одни, неумытые, полуголодные. Почему же, однако, в закрытой школе живут такие маленькие дети, когда им еще надо быть дома? А потому, что дети «мешают» дома матерям, желающим «жить». Скромные жены провинциальных врачей и адвокатов так же желают танцевать, как и богатые женщины в Лондоне. Дело г-жи Фири свидетельствует не только о том, что диккенсовская «Академия Скирса» еще жива, но и о том, что существует еще много родителей, которые из-за «респектабельности» или из-за других причин отдадут детей в эти «академии».

Очевидно мелкое мещанство окончательно решило жить по принципу «хоть день, да наш». Это — принцип людей разочарованных в возможности длительного и прочного существования. «Семья» для них уже перестала быть «основой» государства.

Тот же Дионео, но уже в замечательно пошлой газете «Сегодня» напечатал фельетон о диком обычае английских школ, о бычае, называемом «фэччинч».

Что такое — «фэччинч»? Каждый мальчик, поступающий в английскую закрытую среднюю школу, на известный срок попадает

в распоряжение «монитора», т. е. мальчика, занимающего первое место в классе не по успехам в науках. «Фэч» исполняет поручения «монитора», приносит ему чай и бегают у него на посылах. И если поручение «монитора» не исполнено быстро и точно, «Фэча» бьют. Через год новичок сам становится «стариком», в школе, и тогда он в свою очередь муштрует новичка.

Телесные наказания в более смягченном виде удержались почти во всех английских школах как средних, так и низших. Изредка это кончается трагедией и тогда происшествия подобного рода имеют отражения в суде. Родители привлекают к суду учителя, выпоровшего их мальчика. Жалуются родители обыкновенно не вообще на систему телесного наказания, а только на чрезмерную суровость наказания. И хотя я могу назвать несколько судебных процессов о «порке» в школах, я не припоминаю случая, когда судья выступил бы против системы порки в школах. Обыкновенно приговор кончается против родителей, хотя иногда суд признает, что наказание было несколько «сурово».

Система «фэччинча» тоже составляет старинный английский обычай, который ревниво охраняется в школах. Когда возникает в печати шум — назначается следственная комиссия, всесторонне исследующая систему «фэччинча», причем выясняется следующее: среди свидетелей, дающих показания, некоторые абсолютно против «фэччинча». Они приводят поразительные примеры грубого издевательства над новичками, но на ряду с этим выступают другие свидетели, показания которых склоняются к тому, что «фэччинча» очень хорошая система, необходимая для образования характера.

В Нельсоне (в графстве Ланкашир) присяжные и судьи обсуждали самоубийство 14-летнего мальчика Джеффри Ферхерста, сына пастора. В Англии, как, вероятно, читателям известно, деревенские священники принадлежат обыкновенно к высшему классу. Обыкновенно такой священник — младший сын лорда. Получает он в год 1800—2000 фунт. стерл. Джеффри Ферхерст был в пасхальном отпуске дома. В школе он учился не только хорошо, но даже блестяще. И вот наступил канун того дня, когда мальчик должен был уехать из дома в закрытую школу. В этой школе мальчик учился только с сентября 1929 г. Он был весел все время, когда был дома, распрощался накануне отъезда с матерью и с отцом и ушел к себе в комнату. Когда мать заглянула в 11 часов вечера к мальчику, она нашла его уже мертвым. Он повесился.

— Он был самый счастливый мальчик, — показал на суде его отец. — Я могу привести сотню свидетелей, которые подтвердят это. Где только был Джеффри, гремел смех. Все, что он делал, сопровождалось весельем. Мальчик всегда был в самом жизнерадостном настроении, и меньше всего можно было думать, что он кончит самоубийством.

Свидетель объяснил, что смерть мальчика была вызвана только нежеланием возвращаться в школу и отвращением его к системе «фэччинча».

Каждый новичок по этой системе обязан был выполнить 20 приказаний монитора (т. е. старшего ученика) в неделю, приказания отдавались в категорической форме. «Фэччинча» заключалось в прислуживании «монитору». «Фэч», т. е. новичок, обязан был послушно бежать по зову монитора и исполнять разные поручения его. Если

«фэч» недостаточно быстро исполнял, что ему приказал монитор, то его били. «Фэч» обязан был, между прочим, приносить монитору чай, поджаривать для него тартинки и проч. Покойный Джеффри не мог исполнять достаточно проворно приказы монитора, так как учился очень серьезно и усиленно готовился к предстоящим экзаменам в июле. Некоторые «мониторы» были очень грубы с новичками. Таков был мальчик, «командовавший» над Джеффри.

— Таким образом, вы уверены, что Джеффри покончил с собой единственно потому, что его страшила роль «фэча» в школе? — спросил судья у отца покойного. — Да, таково мое глубокое убеждение, — ответил свидетель. — Мальчик был вполне счастлив дома, очень хорошо учился, и у него никаких других причин покончить с собой, кроме чрезмерной грубости «монитора», не было.

Свидетелями выступали также директор Седбергской школы и некоторые учителя.

Директор защищал систему «фэччинча». Она, по словам его, не только не заключает в себе ничего ужасного, но, напротив, очень «любима» всеми в школах. — «Фэччинч» прямо необходим в системе английского воспитания, — объяснил директор. — «По нашему мнению, — продолжал он, — обучить такого мальчика дисциплине совсем не плохо». После показания директора осталось невыясненным следующее: почему же Джеффри повесился, если система «фэччинча» так хороша? Присяжные, повидимому, не вполне согласились с мнением директора. Они вынесли приговор о причинах смерти Джеффри. И в этом вердикте говорится, что смерть мальчика вызвана грубой системой фэччинча. Самоубийство Джеффри вызвало передовые статьи в английских газетах, но опять число этих статей против системы «фэччинча» неизмеримо меньше, чем число в защиту системы.

Вот какие факты печатаются в газетах эмигрантов, поклонников буржуазной культуры, яростных врагов культуры социалистической, в газетах людей, которые изо дня в день цинически клеветают на свою родину, где для них нет и не будет места. Они же печатают в газетах своих сообщения о немецких детях, такие, например:

Ученикам одной из берлинских начальных школ был предложен в качестве темы для классной работы вопрос:

Как вы представляете себе рай?

Отказаться от писания «работы» нельзя. Волей-неволей бедные школьники, дети лет десяти-одиннадцати, — стали ломать себе голову над тем, какие блаженства ожидают их в будущей жизни.

Вот что некоторые из них написали:

— Рай — это место, где всегда тишина. Птицы поют на ветках и светит яркое солнце. Тот, кто туда попадает, никогда больше этого места не покинет. Бог поочередно обходит райских жителей и со всеми разговаривает.

— В раю можно играть, петь, танцевать, бегать, сколько хочется. Самые вкусные вещи лежат грудками на столах. Больше я ничего не могу сочинить, потому что это самое лучшее. Наверно так будет в раю.

— Рай находится на небе, за облаками. Люди еще не знают как

туда долететь. Но я думаю, что те аэропланы, которые поднялись и потом исчезли, — может быть улетели в рай. Они не хотели этого говорить, чтобы им другие не помешали.

Наконец самый маленький ученик в классе ответил лаконически и просто:

— Рай это там, где все есть.

Ответы так красноречивы, что не нуждаются в объяснении их печального смысла.

В дополнение к ним можно привести из «Берлинского биржевого курьера» еще несколько изречений детей,

Маленького Петера, усердно собирающего пфениги в копилку, спрашивают, что он собирается приобрести на собранные деньги.

Петер отвечает: — Только продовольствие, мне ужасно хочется долго жить!

На уроке закона божия учительница наставляет детей, что не следует ничего бояться. Если страх нами овладевает, нужно призвать бога. Рассказывая об этом родителям, мальчик прибавляет: «Учительница, однако, не сказала нам, под каким номером можно его вызвать».

Подписчица этой же газеты сообщает, что они посетили со своим маленьким сыном Фрицем цирк, в которой, между прочим, показывался римский цирк, где христиан травили дикими зверями. На вопрос малыша, что это значит, мать пояснила, что было время, когда жестокие люди отдавали христиан на растерзание тиграм и львам. Фриц впился в развернувшуюся перед ним картину и замечает: «Но вот тот бедный тигр, который совсем сзади находится, остался без еды».

Допустим, что это — образцы тяжеловесного немецкого остроумия, а не «факты жизни». Но тот факт, что немецким детям живется тяжело, все более часто и солидно утверждается немецкой литературой. Уродующая детей тяжесть жизни в семье — тема десятков книг, напечатанных немцами за последние 12 лет. Якоб Вассерман в романе «Семья», вышедшем, кажется, в 26 г., особенно четко изобразил настроение детей буржуазного общества. В этом романе дочь знаменитого адвоката Фридриха Лаудин говорит отцу, что вся система воспитания и образования совершенно фальшива. Она, девушка шестнадцати лет, не верит учителям, не верит в пользу школы. Ей кажется, что «перед ее носом закрыли дверь, через которую она непременно должна пройти». Большинство ее сверстников испытывает такое же недовольство жизнью. Они хотят «чего-то нового, действительно нового. Они хотят во что бы то ни стало сделать мир счастливее и лучше. Хотят уничтожить всю старую ложь, все устаревшие законы. Ей часто представляется, что она со своими товарищами единомышленниками образует какой-то вражеский лагерь в мире взрослых. Она, как многие, ходит в доме отца и матери точно солдат чужой страны».

Разумеется, все это не очень определенно, однако это — бунт, и общие условия жизни таковы, что едва ли этот бунт может оказаться безрезультатным. Во всяком случае он все более должен расшатывать «семью», основу государства мещан.

Мне кажется, что заметки эти вполне уместно заключить следующим сообщением из Нью-Йорка от 23-го июля:

Несколько членов Конгресса, принадлежащих к комиссии, которой поручено обследовать деятельность коммунистов в Америке, посетили детскую колонию содержащуюся на средства коммунистов.

При появлении членов Конгресса дети стали петь «Интернационал», свистать и выкрикивать по адресу пришедших разные оскорбительные словечки.

Затем детский хор, к которому присоединились и взрослые, находящиеся в лагере, запел песню:

«Мы вас ненавидим! Убирайтесь!

Убирайтесь к чорту и не возвращайтесь обратно...»

Некоторые из членов комиссии старались обратить все это в шутку и даже пытались отвечать ораторам, которые обвинили правительство в враждебных намерениях по отношению к СССР.

Посещение окончилось без особых инцидентов, но только потому, что к депутатам подоспели на помощь полицейские.

На всесоюзном слете пионеров в Москве некий зритель спросил детей одной из групп Средней Азии:

— Вы какого народа?

Ему ответили:

— Пионеры.

Это похоже на анекдот, но это — было. И за этим последовало сказанное вполголоса замечание другого зрителя:

— Вот когда действительно началось стачивание национальных предрассудков.

Большой этот вывод сделан был не из маленького слова, а из великолепного зрелища четырех десятков тысяч детей, собранных со всего Союза Социалистических Советов на стадион Москвы, — зрелища небывалого слета «новых птиц».

Это поразительное зрелище и заставило ребят из Средней Азии забыть свое племенное имя и ответить новым словом:

— Пионеры!

1931.

О ЦИНИЗМЕ

Ответ корреспонденту.

Вы спрашиваете:

«Неужели вас, М. Г., не возмущает цинизм современной жизни и вы искренно радуетесь отчаянию тех честных людей,

которые не видят выхода из мрачной действительности? Неужели ваше философское спокойствие не нарушают бесконечные драмы жизни?»

Разрешите сообщить вам, что я менее всего философ и что «спокойствие» вообще не свойственно мне. Если б я был человеком спокойным, — люди вашего типа, ваши единомышленники не уделяли бы мне так много внимания, в котором злоба столь жалостно сочетается с явным бессилием слова и странной для интеллигентов малограмотностью, — я могу объяснить ее только забвением прошлого.

Поговорим о цинизме. В 1908 г. на страницах сборника «Литературный распад» была напечатана небольшая статейка именно «О цинизме». Вот ее начало:

... Темп жизни мира становится быстрее, ибо все глубже в тайные недра ее проникает могучая тревога весеннего пробуждения. всюду ясно чувствуется мятежный трепет — потенциальная энергия сознает свою творческую мощь и готовится к деянию. Медленно, но неуклонно растет в народе самосознание, загорается солнце социальной справедливости, и под дыханием грядущей весны заметно тает холодный и тяжкий покров лицемерия и предрассудков, бесстыдно обнажается уродливый остов современного общества — тюрьмы человеческого духа.

Миллионы глаз горят радостным огнем, всюду сверкают молнии гнева, освещая веками накопленные тучи глупости и ошибок, предубеждений и лжи; мы — накануне праздника всемирного возрождения народных масс.¹

Люди, которые знают, что народ есть неиссякаемый источник энергии, единственно способный претворить все возможное — в необходимое, все мечты — в действительность, — эти люди — счастливы! Ибо в них всегда было живое творческое чувство своей органической связи с народом, ныне это чувство должно вырасти, наполнив их души великой радостью и жаждой творчества новых форм для новой культуры. Признаки возрождения человечества — ясны, но «люди культурного общества» якобы не видят их, что, впрочем, не мешает мещанам чувствовать неотразимую близость мирового пожара.

Тупые орудия процесса накопления богатств²

они осуждены защищать свои безнадежные позиции и прятаться в тесную клетку своей «культуры», которой называют внушенное им и умертвившее их души убеждение в том, что власть капитала — навеки законна, навсегда незыблема, они теперь даже и не рабы своего хозяина, а домашние животные его.

Рабы перерождаются в людей, — вот новый смысл жизни!..

¹ Точки — сокращенные следы копыт царского цензора.

² Снова наследил цензор.

Это было написано мною и, как видите, за 22 года до наших дней. Мне кажется, что для того времени это была не плохая статья, — между прочим ее весьма лестно оценил в письме ко мне Анатолий Франс, человек не щедрый на комплименты. Мне хотелось бы воспроизвести всю эту статью, может быть она убедила бы вас, что за 22 года мое отношение к людям вашего типа не очень изменилось, и что меня едва ли можно назвать «предателем лучших заветов интеллигенции» и что «развивался» я не «благодаря ее помощи», а — преодолевая ее попытки воспитать меня «по образу и подобию своему», то есть домашним животным капитала или комнатной собачкой его, — на эти роли, любимые рафинированной интеллигенцией, я оказался не способным.

Мне очень жаль, что я не могу воспроизвести статью «О цинизме» полностью, — черновика ее у меня нет, а по русскому тексту книги моей «Статьи», изданной в 16 году «Парусом», цензор гулял, как голодная свинья по огороду. Но — вот один кусок, не пожраный цензором.

Цинизм прикрывается и свободой — исканием полной свободы — это наиболее подлая маска его.

Литература устами наиболее талантливых единогласно свидетельствует, что, когда мещанин, устремляясь к полной свободе, обнажает свое «я», — перед современным обществом встает животное.

Очевидно, это — явление неизбежное и независимое от воли авторов. Их усилия почтенны и ясны — им хочется дать поучительный образ человека, совершенно свободного от предрассудков и традиций, связующих мещан в целое, в общество, стесняющее рост личности — им хочется создать «положительный тип» героя, который берет от жизни все и ничего не дает ей.

Герой, являясь на страницах романа, более или менее остроумно доказывает свое право быть тем, что он есть, совершает ряд подвигов для самоосвобождения из плена социальных чувств и мыслей, и если окружающие персонажи во-время не задушат его или он сам не убьет себя, то в конце книги непременно является перед читателем из мещан, как поворожденный поросенок — как поросенок — это в лучшем случае.

Читатель хмурится, читатель недоволен. Там, где есть «мое», непременно должно существовать совершенно автономное «я», но читатель видит, что полная свобода одного «я» необходимо требует рабства всех других местоимений, — старая истина, которую каждый усилительно старается забыть. Мещанин слишком часто видит это, ибо в практике жизни, в ежедневной свирепой борьбе за удобное существование, человек становится все более жестким и страшным, все менее человечным. А в то же время такие звери необходимы для защиты пресвятой и благословенной собственности.

Мещанин привык делить людей на героев и толпу, но толпа исчезает, превращаясь в социалистические партии, а они грозят стереть с лица земли маленькое мещанское «я»; мещанин зовет героя на

помощь себе — приходит вороватое и жадное существо с психологией бешеного кабана или российского помпадура.

А для этого монстра, призванного на защиту священного права частной собственности, не существует священных прав человеческой личности, да и на самую частную собственность он смотрит глазами завоевателя.

С одной стороны, — многоглавая красная гидра, с другой, — огненный дракон развешивает ненасытную пасть, а посреди них распутно мечется маленький человек со своей нищенской собственностью.

И хотя она для него — кандалы каторжника, ярмо раба, он ее любит, он ей верно служит и всегда готов защищать целостность и власть ее, всей силой лжи и хитрости, на какую способен, всегда готов оправдывать бытие со всеми средствами, от бога и философии до тюрьмы и штыков!

Мне кажется, что из этих слов можно сделать только один вывод: сегодня я говорю то же самое, что говорил всегда. Мой друг, а затем мой «враг» Леонид Андреев в 1913 г. в письме к А. В. Амфитеатрову назвал меня «рыцарем пролетариата» — слова, конечно, слишком громкие и лестные, но они ведь сказаны только затем, чтоб сказать:

«... он вверх и вниз катает Сизифов камень реализма, свой чудесный и вещный сон о пролетариате распыливая на четырех правилах арифметики. Ведь в конце-концов реально только то, чего я не люблю, а то, что я люблю и чего хочу — всегда не реально».

Это напечатано в книге «Реквием», изд. «Федерация», и это — очень грустная ошибка Андреева; ему, — как и всем, — не следовало пренебрегать четырьмя правилами арифметики, правила эти — основа науки. А «чудесный сон» о свободе пролетариата, о силе творческой воли его, — «сон» этот стал в Союзе Советов героической действительностью.

Вы сообщаете мне: «Эпоха, в которой мы живем, становится все более циничной».

Совершенно верно. Я отнюдь не приписываю себе качеств пророка, но считаю себя неплохим наблюдателем. 22 года прошло с той поры, когда я писал о цинизме буржуазного строя, и вот цинизм этот развился в организме буржуазии как проказа. Но вы слишком поздно догадались об этом и догадка ваша уже едва ли поможет вам встать в позицию более честную и активную по отношению к исторической задаче пролетариата всей земли. Однако было бы, вероятно, полезнее для вас, если б вы, вместо того, чтоб внушать мне правила кротости, более внимательно посмотрели на окружающее вас. Посмотрите:

Внутренние фасады буржуазных государств как будто совершенно развалились, и всякий, кто хочет видеть, — может видеть, что происходит внутри каменных клеток европейского мещанства. Свиристует экономический кризис, — результат болезненной жадности хищников к наживе. Все чаще лопаются банки, все усерднее воруют банкиры при скромной помощи членов правительства и парламентариев, покорных слуг капитала. Роскошь жизни мещанства Европы и Америки становится все более цинически хвастливой, бессмысленной и грубой: развлечения мещан все более безумны и все решительнее принимают характер исключительно полового разврата, половых извращений. Недавно какой-то газетный мудрец сказал, что «промышленный прогресс — отец рабочих», — он забыл добавить, что буржуазия является злой, глупой и распутной мачехой рабочего класса. Миллионы рабочих, их жены, дети голодают, в то время как миллионы тонн пшеницы некуда продать и ее истребляют на топливо. Кое-где капиталисты, оберегая свои денежки, понижают заработную плату и говорят о том, что государственная помощь рабочим должна быть прекращена, ибо — ею голодные развращаются, становясь лентяями.

С мужеством, достойным гораздо более активного применения, голодные рабочие Европы бесплодно истощают свои силы, упражняясь в терпении, в их среде растет преступность и самоубийства; газеты почти ежедневно сообщают, что целые семьи, не стерпев страданий и унижений голода, отравляются углекислым газом; не редки случаи, когда отцы и матери, прежде чем покончить с собою, режут детей своих, для того чтоб дети не остались в мире мещанства беспризорными и нищими.

Решитесь ли вы отрицать обилие таких фактов?

Профессиональные радетели о благе рабочего класса, вожди социал-демократии, члены издыхающего от малокровия и бездарности II Интернационала, забыв на старости лет о том, кто именно является истинным врагом рабочего класса, кажется хсят, но еще не решаются сказать своей покорной пастве: «Ешьте как можно меньше, а еще полезнее будет — не ешьте совсем, ибо наше капиталистическое отечество в опасности: на него точат зубы капиталистические отечества рабочих других наций».

И чтоб отвлечь естественно острое внимание рабочих Европы от Союза Советов, где установлена диктатура пролетариата и могуче развивается строительство подлинного социализма, вожди социал-демократии, вроде, например, дряхлого старичка Карла Каутского, сыплют песок своей мертвой мещан-

ской мудрости в мозги рабочего класса, цинически и бездарно клеветают на коммунистов, черпая материал клеветы и грязи из буржуазной прессы, не брезгуя и прессой русских эмигрантов — материал заведомо лживый и гнилой.

В деле фабрикации лжи и клеветы на трудовой народ Союза Советов противоестественно и чудесно объединяются битые рабочими русские генералы, изгнанные из Союза Советов богословы, епископы, сотрудники черносотенных газет, бывшие фабриканты и банкиры царской России, ее литераторы — бывшие радикалы, — весь сор и хлам, выметенный из пределов родины ураганом великой революции пролетариата.

Всю эту русскую и европейскую клику врагов пролетариата всех стран решился возглавить хозяин «града Ватикана», человек видимо очень невежественный, как это и должно быть свойственно верующему в то, что он замещает на земле Христа, «бога любви и кротости». Он предложил монахам молиться «за страдающий русский народ», о жизни и работе которого он не имеет ясного представления, а народ этот, в лице 300 наиболее энергичных работников своих, притом в большинстве беспартийных, приехав в Неаполь, говорит с грустным изумлением: «какая нищета здесь, как болезненные дети, как ужасны жилищные условия рабочих!»

Говоря о глубочайшем невежестве по отношению к Союзу Советов «больших» и малых людей Европы, ее интеллигенции, ее прессы и журналистов, я ничего не преувеличиваю, и вот одно из доказательств этого анекдотического невежества: в газете «Маттино» напечатана 1 января 1931 г. телеграмма из Вены.

Мода на бороду в России.

Патриархальные бороды, которые настолько раздражали Петра Великого, что все его придворные должны были обриться, снова становятся модными в современной России. Но повидимому не по причинам эстетики. Если серьезно задуматься — длинная борода имеет много достоинств: делает излишним расход на галстуки, согревает грудь, охраняет от простуды и в то же время мешает лицу иметь то буржуазное выражение, которое придает ему отсутствие растительности. Только те несчастные, которых природа одарила рыжими волосами, будут принуждены жертвовать растительностью на подбородке, потому что население России, несмотря на большевистский дух, осталось суеверным и рыжих считает — приносящими несчастье.

Такие чепуховые анекдоты печатаются почти ежедневно в прессе Европы, они печатаются и в знаменитом словаре Ларуса; в них, между прочими глупостями, сообщается:

Самовар, это — сосуд для кипячения воды с одним или несколькими кранами.

Раскольники — русские сектанты. Имеются в трех видах: раскольники, ракольники и раскольниковы.

Иван III носил прозвище Добрый.

Иван IV был прозван грозным за то, что убивал своих жен палками.

Ген. Деникин — известный генерал, сражавшийся с большевиками по приказанию Керенского.

Недавно в одной из газет Италии помещена была фотография Днепростроя с таким объяснением: «Новая жизнь в Сибири. Вид Днепростроя на реке Обь, энергия его будет служить индустрии и освещению города Омска».

Разумеется, все это — пустяки, мелочь, но таким хламом наполняются головы рабочих Европы изо дня в день, из года в год, а люди, которые привыкли кричать о «братстве народов», «единении наций», о «кризисе культуры», как будто забыли о том, что именно невежество — одно из крупнейших несчастий мира, и против пропаганды невежества не протестуют, даже не замечают ее.

Да и кроме этого равнодушия к распространению глупости, лжи, клеветы, в мире мещанства совершается множество различных весьма крупных подлостей и преступлений против трудового народа, но все они не встречают никаких возражений со стороны той европейской интеллигенции, которая с детской наивностью продолжает, по вашим словам, «считать себя силой, творящей и охраняющей европейскую культуру, основанную на гуманизме христианства, и которая все-таки идет вперед, все-таки ищет правду любви, братства, равенства».

Из этой фразы следует, что вы говорите о тех грешниках Дантова «Ада», которые «идут вперед, обратив свои лица назад».

Я считаю совершеннейшим бесстыдством эти пошленькие слова о «всечеловеческой правде любви» в те дни, когда национальные ненависти, зажженные в Версале, разгораются все ярче, когда капиталисты Европы, усиленно вооружаясь, готовят новую всемирную бойню и почти каждый день на улицах «культурных центров мира» убивают рабочих только за то, что они хотят есть. Гораздо честнее, чем болтуны этого рода, ведет себя одичавший ген. Людендорф, который, заявив недавно о своей ненависти к евреям, теперь сообщает письмом в газету г. Саарбрюкена, что «истинные германцы не могут быть христианами».

Вот это — последовательно! И это не единственный факт полного одичания современных европейских генералов от артиллерии, кавалерии, от политики, от религии и даже от науки.

Бесстыдно и бессмысленно говорить о какой-то «общечеловеческой правде», когда на глазах у всех безнаказанно создает-

ся кровавый заговор против трудового народа, заговор, в который неизбежно будет так или иначе вовлечена и «демократическая интеллигенция». Действительность, созданная капиталистами и мещанством, которое они ведут за собой, как собаку на цепи, — действительность до того цинична, что позволяет думать: экономический кризис является как бы частью грандиозного заговора капитала против людей труда, что кризис поддерживается искусственно, что создают армию безработных для того, чтоб обратить их в армию солдат. Это — фантастика? Возможно. Но более чем возможно, что мы еще раз будем зрителями всемирной битвы нищих, организованной миллионерами. Так думаю не один я, вот, напр., профессор антропологии Лесли Уайт, выступив в декабре на съезде антропологов в Кливленде, заявил, что:

«Война неизбежна, так как капитализм стремится к войне с целью разрешить кризис». «Самоубийство путем войны, — сказал Уайт, — является логическим завершением капиталистической системы».

Вы утверждаете, что я не вижу правды? Я вижу две.

Одна из них — ваша, старенькая, дряхлая, кривая на левый глаз — беззуба и питается той гнилью, которую сама же она и сотворила.

Другая — молодая, задорная, неистощимо энергична, она стремится вперед к своей высокой цели, не оглядываясь, и порою попадает в ямы, враждебно и мстительно вырытые на ее трудном пути рабами старой правды.

Одна из правд: в Союзе Советов люди труда под руководством партии большевиков и рабоче-крестьянской власти, работая в тяжелых условиях, успешно строят свое, новое государство равных, и эта грандиозная, мужественная работа является началом возрождения пролетариата всего мира, началом всемирного Ренессанса.

Другая — глупенькая, мелкая, злая правда, которую любят декаденты, обитающие внутри и вне Союза Советов. Она мстительно указывает на то, что 162 миллиона населения Союза Советов все еще не одето в шелк и бархат, что за 13 лет диктатуры рабочего класса он еще не сделал 25 миллионов мелких собственников-индивидуалистов социалистами. Именно к этим выводам сводятся все мелочные придирки сторонников старой, еще живой, но уже быстро издыхающей правды нищих духом.

Как видите, гр. П. Н., я знаю правду.

1931

ОТВЕТ НА АНКЕТУ ЖУРНАЛА «VU»

1. Следует ли опасаться «еще одной войны»?

Правительства Европы тратят огромные количества народных средств на вооружения. Известно, что даже револьверы приобретаются не для украшения гостиных, а для убийства или самоубийства, — тем более не следует предполагать, что броненосцы, подводные лодки, танки и прочее в этом роде предназначается для целей мирного туризма.

2. Какие причины могут ее вызвать?

Основной причиной нужно признать факт бытия капиталистов, людей, у которых страсть к наживе приняла характер болезни, весьма похожей на сатириазис. Нет надобности доказывать чудовищность бытия небольшого класса, — даже группы маниаков, которые, захватив в свои руки богатства земли, безответственно распоряжаются жизнью народов, т. е. — трудовых масс. Преступная деятельность людей этих совершенно точно указана за 1500 лет до нашей эпохи одним из «отцов церкви», Лактанцием, который был прозван «Цицероном христианства». Он в своей книге «О правде», гл. VI, говорит буквально следующее:

То, что прежде было в общем употреблении у всех людей, начало скопляться часто в домах у немногих; чтобы других подвергнуть своему рабству, люди стали собирать себе в одни руки первые потребности жизни и беречь их тщательно, дабы небесные дары земли сделать своею собственностью, чтобы удовлетворить единственно своему любостыжанию и корысти. После того составили они себе самые несправедливые законы под личиною мнимого правосудия, посредством которых защитили против силы народа свое хищничество и скряжство, действуя тут то насильством, то богатством, то злобою. Таким образом удаляясь от всех следов правды, они пожелали ввести между собою гордое и надменное неравенство, возвысили себя наглым образом над другими людьми, и стали от них отличаться одеждою и оружием.

Кроме Лактанция, на преступность существования капиталистического строя указывали все люди, которым не чужда была хорошая привычка мыслить честно, напр. весьма далекий от социализма экономист Сисмонди, он в начале XIX века прекрасно понимал, что:

большая часть расходов по социальному устройству предназначается для защиты богатых против бедных.

Известно, что эти показания честных людей были научно и неоспоримо обоснованы Карлом Марксом и что, опираясь на

философию истории Маркса — Энгельса, развив ее до логического конца, Владимир Ленин указал русскому рабочему классу прямой, практический путь к освобождению из тягчайшего плена безумных и бездарных людей.

Сейчас мы имеем законное право сказать, что войны ведутся богатыми не только для укрепления власти над бедными, но и против друг друга, силами бедных при помощи умных, т. е. при помощи той интеллигенции, которая служит бесчеловечным целям капитала. Это служение является одним из самых отвратительных зрелищ нашего мира.

Вот, напр., некто Черчилль, англичанин, в августе 30 г. говорит на собрании английских промышленников в Сити:

Английская нация не имеет намерения отказываться от контроля над жизнью и развитием Индии. Конференция Круглого Стола не имеет полномочий выработать конституцию для Индии. Никакое соглашение, достигнутое на этой конференции, не будет связывать английский парламент.

24 000 индийских политиков и обманутых ими людей находятся в тюрьмах. Беспорядки пресекаются решительно и сразу. Следует провозгласить, что британская нация не отказывается от своей миссии в Индии. Мы не намерены лишиться этого лучшего алмаза британской короны. Потеря Индии означала бы конец Британской империи.

Цинизм этой речи должен бы возмутить христианские чувства архиепископа Кентерберийского, но не возмутил. Архиепископ этот тоже англичанин, тоже циник и демонстрирует свой казенный «гуманизм» только в тех случаях, когда это нужно и выгодно его хозяевам, как это он сделал по отношению к Союзу Советов.

Наиболее тихим среди безумных, которые управляют судьбами народов, является король Испании, — он убивает свой народ молча, тогда как напр. Пилсудский формулирует для репортеров свое «божественное право» на убийство словами большого маней величия:

Я принадлежу, — заявляет он, — к числу людей наиболее сильных, скажу даже — совершенно исключительно одаренных силой воли и способностью принимать решения.

Это не хвастовство, он очень решительно изругал сенаторов Польши позорными именами, что несколько не повлияло на их «гонор» и здоровье. Может быть его нельзя было бы назвать маниаком, если бы он ограничился только поношением сенаторов, но он явно стремится подражать в действиях своим русским царям и наиболее ненормальным среди них — Ивану Грозному, Павлу.

Можно привести еще ряд фактов, которые подтвердят основной и чудовищный факт: — жизнью народов управляют люди совершенно обезумевшие. И совершенно ясно, что пока власть над жизнью и волей народов в руках этих людей, войны и всякие «мирные грабежи» — и вообще социальные катастрофы — неизбежны.

3. *О том, какова будет война:* очень красноречиво писал в августе 1930 года один из бывших премьеров Франции, г. Кайо.

Прочь иллюзии! Последняя война была войной тяжелой артиллерии, пулеметов и подводных лодок; будущая война, если только человечество безумно на нее согласится, будет войной химической, войной газовой; в 1914—1918 комбатанты гибли миллионами — в X-ом году, — который, хочу надеяться, не будет никогда внесен в календарь, — гражданское население будет уничтожено, нет никаких средств предохранить гражданское население. В настоящее время имеется газ, который проникает под кожу без всяких ран, незаметно для жертвы, который вызывает через некоторое время сильные конвульсии, — а затем приводит к хроническому и неизлечимому помешательству...

Эти попытки отныне предназначены отнюдь не для одних сражающихся, но, главным образом, для гражданского населения.

Тогда же, в августе, показания г. Кайо подтвердил один из лучших военных ученых генералов, Бертгольд фон Деймлинг, на основании внимательного изучения воздушных маневров, производимых этим летом в Италии, Франции и Англии.

В Лионе, перед налетом «вражеских» аэропланов, населению были розданы противогазовые маски и организована подача медицинской помощи. Город защищался специальным отрядом аэропланов, электрическими прожекторами и зенитными орудиями. Тем не менее нападающий отряд проник в город и забросал его бомбами. Последние маневры показали, что зенитные орудия не могут принести большой пользы, так как аэропланы могут всегда подняться выше или ниже разрыва шрапнели. От их осколков, как доказали английские маневры, страдает гораздо больше мирное население, чем неприятель.

4. *Что стоила война 1914—1918 гг. народу Франции и что мог бы он иметь, если бы не было этой войны*

— хорошо подсчитано было журналом «*Vu*»: истрачено 887 миллиардов франков — все это деньги трудового народа, иных денег в мире нет. А сколько было уничтожено здоровых, социально ценных людей?

Если я не ошибаюсь, — в каждом государстве существует закон «о предупреждении и пресечении преступлений».

Казалось бы, что прямой логический вывод этих угроз вой-

ны должен быть таков: людей, которые предполагают устроить для защиты своих ничтожных интересов массовое истребление человечества, — людей этих следует изолировать.

Есть очень гуманные способы изоляции таких социально опасных: например, их можно бы выселить на Соломоновы острова или в другие места, обитаемые антропофагами. Я совершенно уверен, что это мое предложение нельзя считать жетсоким, особенно для гг. Черчилля, Чемберлена, архиепископа Кентерберийского, Пуанкаре и подобных им. Кентерберийский архиепископ, конечно, читал труды святого Иеронима и помнит, что этот святой «юношей сам видел в Галлии аттикотов, племя британское, питающееся человеческим мясом». «Вершители судеб Европы», будучи сосланы к людоедам, могли бы там возобновить старые вкусы. Но вместо того, чтоб, действуя на основании закона, разрешающего предупреждать и пресекать преступления, предложить тот или иной план изоляции преступников, Кайо делает совершенно неожиданный вывод: по его мнению, спасение человечества в повторении древнего мифа о Прометее — люди должны сковать нового Прометея. «Если человек хочет существовать, он должен сковать нового Прометея: науку».

Итак — вот к чему — к варварству приводит мир власть капиталистов, класса, идеологи которого утверждают, что именно этот класс является творцом и хранителем культуры. Капиталисты находят, что наука дала им достаточно средств для междоусобной борьбы и для самозащиты против рабочего класса, и довольно науки! Не будет ничего удивительного в том, что Европа так же как С. Ш. Америки родит своих «низколобых» Брайанов, и что в скором времени мы будем свидетелями «обезьяньих процессов», где обвинителями выступят епископы.

Не вижу причин, почему бы капиталистам не восстановить инквизицию.

Что капитализм губит культуру, об этом неоспоримо говорит интеллектуальное обеднение Европы.

5. Что можно сделать для избежания войны?

То же самое, что сделано в Союзе Советов. Чтобы кончить с порочной действительностью, необходимо с чего-то начать. Рабочий класс начал совершенно правильно: установил в стране свою власть. Результаты его деятельности за 13 лет, возбуждая дикую ненависть мошенников всего мира, возбуждают и будут

возбуждать активные симпатии рабочих масс всей земли и всех честных людей ее.

1931

ШКОЛЕ ВЗРОСЛЫХ В СМОЛЕНСКЕ

Получил ваше письмо, товарищи.

Самое лучшее, крепкое и четкое, что сказано вами в письме, — вот эти слова:

Социалистическое соревнование и ударничество — практическое выражение нового отношения к труду в нашей стране — ускоряют темпы нашего строительства, выковывая новый тип рабочего, работающего не на хозяина, а на себя, на весь класс рабочих.

Правильно, товарищи! Союз Советов — огромное тело, сложенное из полутораста миллионов единиц, которые, непрерывно вырабатывая, выделяя и укрепляя в жизнь мощную революционную энергию воли и разума своего, создают новые формы государства, новую культуру. Вы совершенно правы, товарищи, — культура, творимая рабочим классом и той частью крестьянства, которая сознательно, убежденно идет плечо в плечо с партией рабочих-ленинцев, — эта культура требует прежде всего именно «нового отношения к труду», как вы сказали.

В чем должно выразиться это новое отношение?

В ясном сознании, что у нас, в Союзе Советов, нет такой работы, которая не была бы государственно необходимой, и что все формы труда в лабораториях ученых, в университетах, в газетах и журналах, на фабриках и заводах, на полях и под землей — все формы труда заслуживают одинакового внимания, напряжения и уважения.

В ясном сознании необходимости бережного отношения к материалам и в сознании того простого факта, что, чем лучше, прочнее, совершеннее сделана вещь — тем длительнее она служит и, значит, скорее поможет снабдить всю страну предметами первой необходимости, которых все еще не хватает на население громадной нашей страны.

В сознании, что если вещь сделана хорошо, прочно и поэтому служит людям более длительно, — этим сокращается количество часов государственного труда, экономизируется рабочая энергия.

Значит: «практическое выражение нового отношения к труду» требует бережного отношения к материалам, машинам, стан-

кам и беспощадной борьбы с браком. Все это вы, конечно, знаете. Знаете вы и то, что:

Грандиозные задачи, намеченные нами к выполнению пятилетки, на ряду с высокими темпами работы требуют повышения нашего общего культурного уровня, требуют скорейшей подготовки наших пролетарских специалистов, на которых можно было бы положиться, для которых дело рабочего класса — их дело.

Тоже правильно и крепко сказано! И вы, товарищи, имеете законное право с гордостью отметить, что процесс «повышения нашего общего культурного уровня» развивается с поразительной быстротой. 13 лет тому назад подавляющее большинство трудового народа царской России можно было назвать не только немым, но и глухонемым. Свирепый гнет самодержавия, капиталистов, чиновничества, попов, полиции, гнет, подкрепляемый штыками забитых до отупения солдат царской армии, — этот гнет позволял трудовому народу только тихонько стонать и говорить о горе жизни своей только шопотом. Голоса революционеров, а особенно наиболее решительных из них — большевиков, медленно и с трудом доходили до слуха порабощенных, до разума и сердца их. Едва только рабоче-крестьянская масса поднимала свой голос и руку, — сотни и тысячи людей поролы нагайками, расстреливали, как это было на Украине в 1902 году, в Петербурге 9 января 1905 г., после первой революции 1905—1906 гг., на Лене, — всегда и всюду!

Нужно было пережить кровавое несчастье четырехлетней империалистической бойни, которая истребила, изувечила более десяти миллионов рабочих и крестьян, для того чтоб масса трудового народа почувствовала и поняла спасительную правду Владимира Ильича Ленина и его учеников. Эта несокрушимая правда дала рабоче-крестьянской массе, руководимой партией большевиков, силу вдребезги разбить офицерские армии, которыми руководили ученые генералы, помогла вышвырнуть из Союза Советов отлично обученные войска «интервентов» — напор европейских капиталистов, которые пошли на помощь изгнанным капиталистам царской России. Я напоминаю об этом всем вам хорошо известном для того, чтоб сказать: с той поры прошло только десять лет.

Чего достигли вы за это время?

Высота культуры народа правильно измеряется количеством издаваемых в стране книг и газет. До революции наша безграмотная, малограмотная, глухонемая масса трудового народа стояла ниже почти всех европейских стран, за исключением Италии, Испании. В 1930 году мы, по количеству издаваемых

у нас книг и газет, стоим, кажется, уже на одном из первых мест. Мы имеем право сказать, что весь народ Союза Советов отлично слышит все, что делается в мире и скоро весь научится толково, разумно говорить о своих нуждах. Быстро и успешно ликвидируется безграмотность. Рабочие и крестьяне с каждым годом все больше выдвигают в администрацию, в прессу, в литературу, в искусство, науку, в технику своих людей. Страна говорит сотнями тысяч голосов рабселькоров, военкоров, юнкоров, деткоров, сотнями тысяч голосов «делегаток». Мы имеем право гордиться фактом, небывалым никогда, нигде: наша Красная армия — культурная сила, а не только организация, созданная для физической защиты рабоче-крестьянского государства.

Но есть еще более яркий и неоспоримый показатель быстроты и успешности нашего культурного роста. Вот предо мною лежат десятка три маленьких книжечек, изданных ВЦСПС, и куча книг, созданных быстро растущей армией наших «очеркистов». Большинство этих книжечек написано рабочими-«ударниками», и в них рассказывается просто, ясно, горячо о том, как возникло на фабриках и заводах, в колхозах и коммунах социалистическое соревнование, создавались ударные бригады, как работали на фабриках комсомольцы, — в них отражается бурный рост государственного труда и творчества масс. Они сами, эти маленькие книжки, являются актом и продуктом самостоятельного творчества массы. Почему я придаю этим маленьким книжкам такое большое практическое культурное значение? Потому, что в них отражен трудовой опыт единиц и групп наиболее энергичных, и потому, что эти книжки, напечатанные в сотнях тысяч экземпляров, разлетятся по всем фабрикам и заводам нашей страны и сообщат поучительный опыт единиц и групп всей многомиллионной силе рабочих и крестьян, а это несомненно должно будет повысить продуктивность труда по всему Союзу Советов. Эта с виду как будто бы маленькая затея убедительно говорит о том, как успешно развивается у нас сознание необходимости «догнать и перегнать» индустриальную мощь капитализма Европы. А еще говорит она о быстром росте в рабочей массе ее коллективного, социалистического разума.

С радостью прочитал я ваше сообщение:

Вечерняя школа взрослых твоего имени, проводя большую работу по повышению общеобразовательного и политического уровня трудящихся, одновременно в пяти своих группах готовит около 200 человек в высшие учебные заведения.

Прекрасно, товарищи! Живем все еще трудно, многого не хватает, но понимаем, что все — в нашей власти, и нет пре-

пятствий, которые мы не преодолели бы! По всей стране готовятся бойцы за индустрию, за социализм, физическая мощь Союза Советов развивается вместе с духовной, идет процесс накопления и развития культурных сил.

Ну, а как поживают наши враги за рубежом Союза Советов? — спросите вы. Если я сам начну рассказывать вам о жизни их, скажут, что я «выдумал». Поэтому предоставляю слово им. Вот, например, в газете монархистов «Возрождение» напечатаны такие слова:

«Ничто не говорит так ясно о бедственном положении русских эмигрантов, как обилие балов и вечеров, устраиваемых ими».

Это, должно быть, грустная ирония, потому что в той же газете напечатаны вот такие мрачные стишки фельтониста Лоло:

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ДУМЫ

На «заре» изгнанных дней
Мы судьбе бросали гордый вызов,
Были мы отважней и смелей, —
Не боялись тягостных сюрпризов.

Но судьба гнала надежду прочь,
Улучшала грезы и мечтанья,
И темнела беженская ночь,
И томили вечные скитанья.

Годы шли. Мы начали роптать,
И душой, и телом увядая.
В сердце страх пробрался, точно тать,
Вслед за ним ползла тоска седая...

Голова давно уж в серебре,
И не тешат праздничные трели,
Мы горим на беженском костре,
Но еще как будто не сгорели...

Сним — и виден милый отчий кров,
Из тюрьмы воздушный строи терем.
Все еще чего-то жадно ждем,
Все еще во что-то страстно верим.

Каждый год на празднике чужом
Мы грустим — непрошенные гости.
Веселясь, мы искусно лжем,
Если пляшем, — пляшем на погосте.

Стишки такие — не редкость. Скучно эмигрантам живется. Между прочим, они часто и злобно отмечают грамматические

ошибки наших молодых писателей, а сами постепенно забывают русский язык и пишут так:

«Известная из Дантовского «Ада» история о флорентийском плуте, завещавшем себе, приняв вид умершего богача, к досаде отсутствующих родственников, все свое состояние».

Это напечатано в газетке «Руль». Там же «прислуга вылила на грабителя кувшин с горячей водой». В «Последних новостях» Милукова нередко можно встретить такие фразы: «Все разбежались, в том числе и сам волк». «Он приволакивался за своей дочерью».

Но разумеется, порча языка — не основное занятие эмигрантов, они главным образом усердно занимаются творчеством лжи и клеветы на Союз Советов и внушают друг другу, что «пятилетка» — не удалась», что «Россия — разрушается», хотя капиталисты Европы и экономисты ее все чаще и все с большей тревогой говорят о том, что «пятилетка — удастся» и что Союз Советов скоро будет совершенно независим от европейских хищников.

В общем же эмигранты — публика уже неинтересная, и жизнь ее никому ненужна. Капиталисты и парламентарии Европы деятельно вооружаются, но, кажется, еще более деятельно воруя.

Вот, напр., телеграмма, напечатанная в «Руле» 7 января:

«НОВАЯ ПАНАМА ВО ФРАНЦИИ»

ПАРИЖ, 7-1-31.

Дело банка Устрика приняло характер грандиозного политического скандала. В то время как прежний министр финансов Рейно составил список 11 парламентариев, скомпрометированных в деле Устрика, его преемник, теперешний министр финансов Жермен Мартен, включил в этот список 45 имен, в том числе бывшего первого министра Тардьё, председателя теперешней следственной комиссии по делу Устрика Марена, другого правого лидера палаты, парижского депутата Тетанже, руководителя лиги патристической молодежи, далее председателя финансовой комиссии палаты депутатов Мальви и т. д. В книгах банка Устрика обнаружена запись, что личный секретарь Тардьё Милло получал из банка ежемесячно 5000 франков. Всего он получил 120 000 франков. Далее найдена расписка газеты «Волонтэ» на 260 000 франков и ордер на 80 000 франков редакции провинциальной газеты «Эхо де Соль», органа бывшего одно время министром внутренних дел радикала Дюрана. Некоторые газеты утверждают, что список Жермен Мартена далеко еще не полон и что в него следует включить теперешнего министра земледелия Виктора Борэ. Судебный следователь установил, что Устрик заплатил 17 000 франков комиссару полиции Бенуа. Этот комиссар прославился арестом и избиением сапожника Алмазова. Орган социалистов «Попюлер» утверждает, что французские держатели сомнительных ино-

странных биржевых бумаг, допущенных во Францию, благодаря давлению подкупленных парламентариев потеряли около 20 млрд франков. В Париже по требованию министерства колоний арестованы инженеры Жирадон и Бюссиер и издан приказ об аресте бывшего депутата, социалиста Лагроссиера, представлявшего остров Мартиник. Все они обвиняются в подкупе правительственных чиновников. В декабре 1929 года колонии Мартиник был отпущен кредит в 200 млн франков на строительные работы. Обвиняемые основали строительное общество с акционерным капиталом в 500 000 франков, которое финансировал банк Устрика. Общество это получало подряды при помощи колоссальных взяток. В Дрогиньяне обанкротился банк Инар, показавший дефицит в 11 млн франков. Владелец банка покончил с собой.

А вот еще более интересная телеграмма газеты «Маттино»:

ЛОНДОН, 19-I-31.

«СЕНСАЦИОННЫЙ СКАНДАЛ В АМЕРИКЕ»

Огромную сенсацию вызвал во всей Америке полицейский коммуникат о результатах обыска, произведенного чикагской полицией в отеле «Рекс», принадлежащем бандиту¹ Аль Капоне и посещавшему главным образом преступным миром города. В последнее время вражда между шайками привела к тому, что отель посещался почти исключительно приверженцами Аль Капоне, они являлись туда для отчета в их деятельности.

Теперь только полиция решилась на энергичный шаг. Вначале обыск не дал результатов, но позже в одной из комнат были обнаружены в стене два потайных шкафа, которые были вскрыты. В них находились пакеты и пачки чеков и векселей.

С целью найти переписку Аль Капоне с сообщниками и оружие, пакеты были просмотрены, ничего этого не нашлось, но чеки и векселя дали совершенно неожиданный результат. Чеки имели подписи известнейших высокопоставленных американских политических деятелей, показывая, что в деятельности банды Аль Капоне были замешаны не только служащие во всех областях управления и администрации страны, но даже высшие лица Вашингтона.

Это открытие установило, что существовала органическая связь банды Аль Капоне с чинами полиции, видными политиками, лицами, занимающими высшие административные должности, вплоть до таких, имена которых невозможно назвать.

Известие это вызвало сенсацию в политических кругах и панику в рядах Аль Капоне.

(Как только полиция опубликовала свое первое сообщение, указавшее, до какой степени дошло разложение высших классов общества, — огромное количество тайных увеселительных заведений, где с молчаливого согласия полиции продавалась неудобоваримая про-

¹ Не думайте, что это ошибка наборщика и бандитом назван банкир. Нет, Чикаго уже несколько лет находится во власти двух организаций бандитов: во главе одной — Аль Капоне, другой Дайямонд. Оба они занимаются массовой контрабандой спиртных напитков, совершили множество убийств, выдерживают битвы с полицией и т. д.

дукция заводов, подделывающих модные напитки, стало закрываться.)

В скобках — вставка «Маттино» в телеграмму.

Точное описание содержимого шкафов будет опубликовано через несколько дней, но, повидимому, будет установлена цензура, чтобы не дать скандалу разрастись и попытаться спасти слишком скомпрометированных лиц, принадлежащих к высшим слоям общества («Маттино», 20.I.1931).¹

Иногда — развлекаются, например — так в САСШ:

В одном из городков штата Миссури толпа линчевала негра, он был вытаснен из тюрьмы и волоком притащен к старой городской школе. Его подняли на крышу, распяли его на черепицах, привязав руки и ноги к стропилам, облили керосином всю постройку и подожгли. Негр сгорел живьем вместе со всем домом.

Вот как американцы иногда утилизируют школы!

Заклучим эти сведения иностранных газет веселенькой заметкой, напечатанной в газете «Возрождение»:

Современный Берлин — город величайших противоречий, внешнего великолепия при беспримерно тяжелом внутреннем кризисе.

В эти дни в Берлине был придуман способ рекламы, вряд ли имеющий прецедент даже в Америке. В одном из магазинов имеется особая должность... воровки. Выбирают на эту должность обыкновенно женщину средних лет. «Воровка» весь день проводит в магазине. Ее обязанность — попасться в краже, причем заранее ей дается указание, что именно она должна в данный день украсть — зонтик ли, кусок материи, иногда даже радиоаппарат. «Воровку» один из приказчиков публично обвиняет в краже. Естественно, собирается толпа. Немки среднего сословия обычно требуют чуть ли не суда Линча, обступают пойманную, но в решительную минуту появляется заведующий отделом, который громогласно заявляет:

«Сударыня, вы украли у нас такую-то вещь. Очевидно, она вам нравится. Берите ее, идите себе спокойно домой. Мы продаем вещи по столь низкой цене, что нам безразлично, берут ли ее у нас даром, или платят за нее». Такова одна сторона берлинской жизни. А другая...

Те же большие магазины с трудом оборачиваются — так велики налоги. Знаменитый мюзик-холл «Адмиралс-Паллас» прогорел и продается буквально за гроши. А известный всему финансовому миру Германии банкир Гольдшмидт, владелец одного из крупнейших банков в Берлине, на этих днях лег в постель и пустил себе пулю в сердце. На столе нашли записку: «У меня нет больше денег»...

Обратите внимание: в последней заметке о должности «воровки» — хорошенькая должность? — говорится в тоне ус-

¹ Описание содержимого не было опубликовано, Аль Капоне был арестован спустя более года после обыска.

мешечки: «ловко придумано!», а о крахе мюзик-холла и самоубийстве банкира — с явной грустью.

Ну, я думаю, хватит, товарищи! Гадостям этим — нет числа, и говорить о них противно. Примите мой сердечный привет и пожелание бодрости духа.

1931

УРАГАН, СТАРЫЙ МИР РАЗРУШАЮЩИЙ

В январе «Международная лига авиаторов» распространила по Швейцарии воззвание против войны. Воззвание написано специалистами, они, разумеется, хорошо знают, каковы достижения военной техники в области химии и какую роль будет играть химия в международной войне, усердно подготовляемой Аристидом Брианом. Специалисты утверждают:

Нация, обладающая наиболее быстроходными аэропланами, — говорится в воззвании, — использует последние химические открытия и сможет терроризовать весь мир, даже без уверенности в своей победе. Во время последних воздушных маневров, имевших место в разных странах Европы, было установлено, что пока нет действительной защиты против химической и воздушной войны.

Полковник французской армии Блок говорит, что эскадрилья аэропланов, снабженных бомбами с удушливым газом, сможет в несколько минут уничтожить огромный город. Противогазовые маски окажутся бессильными в случае применения «концентрированных газов». Каждая может отравить все живое в районе одного километра. Где бы ни искали люди убежища — в домах, подвалах, они все равно будут отравлены, несмотря на предусмотрительно надетые маски.

Знатоками современной техники человекоистребления опубликовано немало таких же грозных предупреждений. Например, утверждают, что изобретена какая-то «пожарная бомба», она вызывает пожары, бороться с которыми невозможно; будто бы при контакте с водой разрушительная сила огня, вызванная этой бомбой, только увеличивается. «Эскадрилья аэропланов может в несколько часов сбросить над вражеской территорией 36 000 таких бомб».

Не совсем ясно — куда направлены эти угрозы, но, должно быть, в сторону европейского обывателя: они как бы предлагают ему решить: чего он хочет? Чтобы его отравили газом или зажарили на неугасаемом огне?

Это, конечно, очень мрачная шутка, но — не я выдумал ее. Дело стоит именно так: люди, осведомленные о приемах буду-

щей бойни, говорят всеевропейским мещанам и в их числе гуманистам: города ваши, очаги культуры, будут разрушены, а вы, люди, будете истреблены поголовно с женами и детьми вашими.

Со стороны европейских обывателей было бы вполне уместно и естественно поставить простой вопрос: а зачем и кому нужно это разрушение городов, истребление людей? Но мещане молчат. Молчат и гуманисты; впрочем, последние иногда «поднимают голос», протестуя против несуществующего, напр., — против «принудительного труда в Союзе Советов».

«Международная лига авиаторов» умоляет членов конференции по разоружению подумать о страшной опасности, угрожающей миру.

«Лига» эта весьма похожа на девочку из анекдота, на маленькую наивную девочку, которая умоляла своих кукол: «Попросите папу, чтоб он меня не сек за то, что я не выучила урока».

Роль папы, который намерен жестоко высечь глухонемых и бездушных обывателей Европы, собирается играть Аристид Бриан, бывший социалист.

Этот покорнейший слуга капиталистов напоминает мне одного из героев Антона Чехова — совестливого чиновника Червякова, который, сидя в театре, неосторожно чихнул на лысину генерала, испугался своей неосторожности, счел ее за великий грех и назойливостью своих извинений довел генерала до того, что генерал выгнал его вон, после чего огорченный чиновник умер. Бриан в молодости тоже чихал на капиталистов, тоже, очевидно, считает свою неосторожность за великий грех и вот все ползает как червь перед его превосходительством французским банкиром.

Социалисты на службе капитала — одно из наиболее мерзостных явлений буржуазного мира. Чувствуя себя в прошлом грешниками против бога своего, они особенно ревностно и усердно служат ему в настоящем, всячески утверждая бытие божие. Они защищают и охраняют капиталистический «порядок», при котором возможна безработица для «свыше 20 млн рабочих», это — цифра «Международного бюро труда», значит — сильно преуменьшенная. Они защищают рабство в колониях, которые, по признанию газеты «Матен», «являются неотъемлемой частью цивилизации Европы». Эта «часть», превышая целое в несколько раз, настолько плохо чувствует себя сродной с целым, что капиталисты принуждены частично уничтожать ее население. Лорд Черчилль недавно заявил, что в «Индии посажено в тюрьмы 54 тыс. человек», он умолчал о том,

сколько убито. Убивают в Бирме, Сиаме, в Китае, в Африке, — все это для того, чтобы прочнее прикрепить часть к целому — к «цивилизации» капиталистов, кстати сказать, насквозь прогнившей. Разумеется, «цивилизуют», не только сажая в тюрьмы, убивая, но и проповедуя изумительно гибкую религию христианства, для чего в колонии посылаются во множестве миссионеры, спиртные напитки, библии, гнилые ткани, опиум, а также старое оружие для междоусобных битв между разноязычным населением колоний. Все это, разумеется, гнусность, но к этому привыкли даже «гуманисты» Европы, «интеллигенты», люди, которые считают себя «солью христианской культуры». Они молчат, хотя совершенно очевидно, что капиталистический мир с каждым днем становится все преступней, наглее, циничней, что его предсмертные судороги все более разрушительны.

Но — возвратимся к Бриану. Чиновник Червяков — умер, Бриан — жив. Ему, Аристиду, трудно живется, — как сам он говорит — его «ужасает мысль, что, пользуясь экономическим кризисом, большевизм может полностью завладеть миром». Он усиленно предлагает «подумать о том, какие волнения могут возникнуть в результате успеха советского пятилетнего плана». Он решился наконец «играть с открытыми картами». Возможно, что это — игра отчаяния.

Он впадает в некоторое противоречие с известным организатором общеевропейской бойни г. «Пуанкаре-Война», который во дни московского процесса вредителей весьма неумело и неуклюже отрекся от участия в заговоре против трудового народа Союза Советов; отрекся, после чего храбрый царский генерал Миллер громогласно заявил «городу и миру», что у него, генерала, под рукой несколько десятков тысяч белогвардейцев, дрессированных на истребление рабочих и крестьян Союза Советов, и что он, генерал, готов двинуть эту армию, христолобивую, конечно, на кровавое дело по приказу какого-нибудь европейского «правительства». Генерал этот живет в Париже и там на площадях устраивает парады своей армии. Пуанкаре этих парадов, разумеется, не замечает. Аристид Бриан «учитывает» их.

Он весьма энергично заботится о создании антисоветского фронта, постепенно вооружает и понемногу натравливает на государство рабочих и крестьян Румынию, Польшу. Во то же время он деятельно укрепляет границы с Италией и Германией. Бельгия по заданию его генштаба тоже укрепляет свои границы, и, говорят, что-то в этом роде делается в Югославии.

Есть люди, которые думают, что «ужас» Бриана пред боль-

шмевизмом несколько искусственно преувеличен и назначается для того, чтобы Италия поменьше думала о делишках Бриана, не очень приятных для нее. Но, может быть, эти люди ошибаются, хотя совершенно ясно, что бывший социалист мечтает о гегемонии французской буржуазии над европейской.

Сто тридцать лет назад этой «великой» мечтой был пленен маленький революционер Наполеон Бонапарте. Хотя вся сумма политических условий тогда была иная, но буржуазия Франции тогда тоже чувствовала себя победительницей, — тоже наложила тяжелую руку свою на соседей, и ей тоже мешала жить Россия. Известно, что тогда, собрав всех солдат Европы, Наполеон ходил в Москву, где орлы его отморозили крылья, после чего мещанам и народу Франции пришлось пережить множество крупнейших неприятностей.

Оглядываться на прошлое следует, история — не плохой учитель. Но рабочим и крестьянам Союза Советов на третьем году пятилетки, в бурные дни строительства социализма необходимо очень внимательно смотреть в свое будущее. Враг — не глуп, он хорошо чувствует, чем грозит ему грандиозный процесс возрождения трудового народа Союза Советов, он уже не скрывает от себя успехов рабочих и крестьян Союза в деле строительства промышленности и культуры. Враг — богат, хорошо вооружен, он привык действовать беспощадно, и у него есть достаточно солидное основание для того, чтоб дать полную волю привычному бесчеловечию его действий. Руководимый страхом смерти, он будет жестоко бороться за остатки своей потрепанной жизни. Интервенция — возможна, она, вероятно, даже неизбежна, это надо знать, к этому надо готовиться. Ведь дело идет о том, чтобы «перевернуть мир», — именно это дело выполняют рабочие и крестьяне Союза Советов, именно это не нравится мещанам всего мира.

Древний мудрец Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры и я переверну мир». Под миром он понимал земной шар, а чтоб перевернуть его, — нужна точка опоры вне земли. Такой точки опоры не существует, так же как не существует бога, силою и милостью которого верующие люди мечтали изменить жизнь. Перевертывать земной шар рабочим и крестьянам Союза Советов нет надобности, но для того, чтоб перевернуть весь капиталистический мир, — они уже нашли точку опоры. Эта точка — их трудовая энергия. Она — в социалистическом соревновании, в ударничестве, во встречном промфинплане, она —

в уничтожении основы мещанства — мелкого, хищнического хозяйства деревни, она в росте сознания рабочими и крестьянами того факта, что именно их масса — единственный законный хозяин огромной страны Союза Советов и ее неисчислимых сокровищ, она — в сознании исторической необходимости воплощения в жизнь идеи коммунизма и в сознании того, что подлинный разум рабоче-крестьянской массы воплощает в себе Всесоюзная ленинская партия большевиков. Капиталистический мир, мир наших врагов убеждается, что эта точка опоры — незыблема. Вместе с ростом этого убеждения у капиталистов всего мира растет и будет расти звериная ненависть их к рабочим, крестьянам Союза Советов.

Это надо знать. И вместе с этим надобно знать, что за работой трудового народа Союза Советов внимательно следят пролетарии всех стран, и что каждый наш успех в деле строительства социалистического государства не может не возбуждать классовое сознание, революционное настроение рабочих всего мира. Мы окружены врагами, да! Но капиталисты — тоже. Количество и качество наших друзей неизбежно растет и будет расти, — это значит, что возрастает количество и качество врагов капитализма. Все это так, и не может быть иначе. Ваша концентрированная энергия, товарищи, может действовать только как возбудитель мировой революционной энергии.

Уже наступил момент, когда каждый партизнец и беспартийный, искренний сторонник советской власти и еще недовольный, не удовлетворенный ею, — каждый из вас одинаково ненавистен миру капиталистов и всем, кто служит этому миру хищников. Капитализм хочет видеть страну Советов своей колонией, он хотел бы омолодиться вашей кровью, — отличная кровь, насыщенная изумительной энергией! Именно ее хочет мир преступников, ею хотят напоить своих хозяев Брианы, Черчилли и все прочие, кого капиталисты науськивают против вас, как науськивают охотники собак.

Что можете вы противопоставить врагу, который еще достаточно силен?

У вас есть все, что должно обеспечить вам победу и прежде всего — это ваша энергия. В соединении с сознанием необходимости борьбы она еще более должна возрасти и принять еще более строго организованные формы. Она уже и возрастает; именно об этом росте говорит порыв ударников в партию. Что значит войти в партию? Это значит: увеличить силу воли и разума вожди рабочих и крестьян. Каждый рабочий и крестьянин должен понять себя как бойца за свой мир, как работника

не только на самооборону, но и как старшего, более опытного товарища пролетариев всех стран.

Мы все должны понять себя как Красную армию пролетариата всего мира, все — работники на полях и на фабриках, работник, вооруженный винтовкой и вооруженный пером. Мы живём уже 13 лет в бою, — это ваш великий будничный, но величавый бой с бесформенным металлом, из которого вы создаете разумные машины, с землей, которую вы заставляете давать обильные урожаи, бой под землей, где вами добывается уголь, бой на транспорте, в зимние ночи, против снежных мятелей, — всюду вы ведете бой словом и делом.

И если вам придется выйти на поля битв против старого мира с оружием в руках, — на этот последний бой выйдет первая в мире армия, каждый боец которой будет совершенно точно и ясно знать, за что он борется, кто его действительный враг, будет знать, что враг этот обречен историей на гибель, и что гибель его — начало счастья трудящихся всей земли.

А в конце концов неизвестно, решится ли враг на открытое нападение, на интервенцию, но уже с полной уверенностью можно сказать, что его игра — сыграна и что если победа пролетариата над капитализмом и будет отсрочена, все-таки она — неизбежна, неустраима.

Мы живем в начале урагана, который разрушит старый мир, и ураган этот начат вашей энергией, товарищи!

1931

«ЗАРЕ ВОСТОКА»

Горячо поздравляю рабочих и крестьян советской Грузии с десятилетием мужественного, плодотворного труда в области промышленности и культуры! Прекрасный праздник, на котором мне хотелось бы присутствовать скромным зрителем и еще раз вспомнить Грузию, какой видел я ее сорок лет тому назад, вспомнить Тифлис, город, где я начал литературную работу.

Я никогда не забываю, что именно в этом городе сделан мною первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа, — именно эти две силы дали мне толчок, который сделал из бродяги — литератора.

Подозреваю, что мое лирическое выступление едва ли уместно на празднике трудового народа Грузии в те дни, когда

народ этот грозно заявляет пред лицом врагов его о своей творческой энергии, о своих достижениях, о своей готовности продолжать начатое им великое дело культурной революции. Но, товарищи, разрешая себе немножко лирики, я хотел этим сказать несколько слов о моей неиссякаемой симпатии к вам и стране вашей. Я знаю, что в наши дни лирическим излияниям нет места.

Дни сказочных успехов Союза Советов в деле строительства социализма, дни небывалых потрясений в жизни Европы и обострения классовой борьбы, которая неизбежно и скоро должна дойти до своего логического предела — до победы трудового народа над капитализмом, дни эти — канун грандиозного праздника, в котором примут участие освобожденные от ига хищников и паразитов пролетарии всех стран.

Мещанским праздникам предшествует «уборка», — всемирному празднику пролетариата будет предшествовать «последний и решительный бой».

Грузия расположена на подступах к неисчислимым запасам нефти, и если рабочие Европы во-время не возьмут Брианов за шиворот, может быть Брианам удастся погнать миллионы своих рабочих и крестьян на бойню против рабочих и крестьян Союза Социалистических Советов. Вообще наши враги не дремлют. Дремать мешает им не только их ненасытная жадность, но и страх. Они прекрасно видят успехи пятилетки, они видят поразительные результаты социалистического соревнования, «ударничества», и бывший социалист Бриан не скрывает своего «ужаса» пред тем, что «большевизм может полностью завладеть миром». Ужас старого ренегата усиливает еще и то, что далеко не все хищники решаются на интервенцию; им разумеется тоже ясно, что Союз Советов грозит буржуазии большими неприятностями, но они предпочитают войне — торговлю.

Они знают, что людей можно грабить и не употребляя в дело пулеметы, пушки; привычный мирный грабеж — дело менее рискованное и не такое шумное. Капиталисты, которые жиреют на военной промышленности, на производстве средств и орудий истребления рабочих и крестьян, — эти капиталисты конечно готовы воевать всегда и непрерывно. Разрешите напомнить несколько простейших и неоспоримых истин, знакомых вам. Пролетариат всего мира должен знать, что есть одна только «действительно справедливая, священная война», это — война против капиталистов: он должен знать, что у него только одно отечество — страна строящегося социализма, СССР.

Пролетариат всей Европы, всего мира должен твердо помнить, что в будущей войне он — если не повернет оружия против капитализма, то — как всегда, — он будет истреблять сам себя, но более обильно и средствами более жестокими, чем он истреблял себя в войне 1914—18 годов.

В мире существуют только две силы: класс капиталистов, раздираемый внутренними в нем противоречиями, жадностью, завистью, класс людей, которые сделали свое дело, довели его до нелепости, до анархии, выродились, обессилели и — должны исчезнуть.

Возникает к жизни, идет на смену рабочий класс, сказочный Атлант, который держит на своих плечах земной шар, сила, создающая все и, как свидетельствуют рабочие Союзов Советов, способная создавать то, чего никогда не было и что считалось невозможным, — создает государство равных, социалистическое общество в мире капитализма.

Рабочий класс Союза Советов, кроме врагов во всем мире, имеет врага и в своей собственной стране. Этот враг — мелкий паразит, которому хочется быть крупным. В 17—21 годах некоторое число паразитов этого калибра принимало посильное участие в добром деле: помогали сшибать помещиков и фабрикантов с хребтов крестьян и рабочих. Делали они это необходимое дело не ради освобождения рабочих и крестьян, а в надежде самим сесть на освободившиеся хребты. «Нэп» весьма окрылил и утвердил эти надежды. Но «нэп» оказался «передышкой» пред могучим социалистическим наступлением, и кандидаты в захребетники трудового народа разочаровались, обиделись. Социализм не нравится им. Они жалуются: трудно жить. Я часто получаю от них жалобные письма, рукописи, «Послания к безбожникам», — конечно в защиту бога, — и прочие сочинения, — сочинения, горестный или злой тон которых прелестно и трогательно соединяется с тупоумием.

Вот например вчера получил письмишко от одного такого... Письмишко не очень грамотное, но тем более интересное, потому что у малограмотного паразита «что на уме, то и на языке». Он спрашивает меня: «Не рано ли петь отходную трудовому индивидуализму, который фактом своего существования совершенно меняет политическую обстановку?»

Песенка старинная. Под «трудовым индивидуализмом» понимается конечно мелкое частное хозяйство, — та гнилая почва, на которой столь пышно расцвели ядовитые цветы империали-

стического капитализма, разрослось несчастье и горе всего мира рабочих, крестьян. Почему же «рано петь отходную» этой форме хозяйства, хищнически истощающей и землю и сокровища ее на подлое дело самозащиты капитализма против пролетариата?

А, видите ли, потому, что будто бы «мировая схватка коммунистического труда с капитализмом при наличии на поле брани третьего бойца есть мифологическое сказание», т. е. — выдумка. «Третий боец», это — «трудовой индивидуалист». Весьма похоже, что он — тот самый человечек, которого неблагоприятно воспитанная советская пресса именует кулаком, а партия наша — не только именует. Этот «третий боец» воображает себя в силах встать «на поле брани» между Красной армией и одуроченными войсками различных Брианов, встать и сказать нашим бойцам и купленным французскими капиталистами у Румынии, у Польши солдатам: «Ребята — не деритесь! От вашей драки может пострадать мой милый хутор, мои уважаемые коровы и вообще моя священная частная собственность, которую я заслужил в годы гражданской войны в борьбе за мою избу и коров моих. Не деритесь, ребята!» И вот, выслушав эти трогательные слова, храбрый Бриан, бывший социалист и ныне ревностный защитник частной собственности, скомандует своим наемным войскам — на чистейшем французском языке — «Ай-да, ребята, во-своясн!»

А Клим Ворошилов... Ну, вы сами знаете, как поступит в этом случае потомственный рабочий и вождь Красной армии.

Вы хорошо видите: письмецо «трудового индивидуалиста» не очень умное, но это — ничего, дальше будет хуже. Дальше автор письма пишет буквально так:

«Вы говорите, что коммунист ненавидит капиталиста, но капиталиста ненавидит и трудовой индивидуалист, находящийся с ним, с капиталистом, в союзе во имя самосохранения».

Вот как интересно и неожиданно, товарищи! Вполне ясно, что слова о «союзе с капиталистом во имя самосохранения» вырвались у «третьего бойца» помимо его воли. Это очень редкий случай, когда логика пробивает даже чугунный череп. Этими словами «трудовой индивидуалист» совершенно обнажил подлинную свою сущность: он — союзник капиталиста, он — ваш враг.

Вы может быть спросите: следует ли обращать внимание на глупые письма? Обязательно следует, товарищи! Суть не в том, что письма пишутся мне, а в том, что паразиты живут, нашептывают и действуют где-то около вас и среди вас. Глупость

паразитов — их «святая правда». Против них вы должны бес-
пощадно бороться, они живут на вашей коже, и основное их
намерение, — сосать вашу кровь. Бриан заявляет: «Страны в
центре Европы и на Востоке легко могут стать добычей боль-
шевизма, и мы приходим к ним на помощь». В переводе на
русский язык слова этого француза значат: мы хотим попро-
бовать, нельзя ли все-таки сделать Союз Советов колонией
безработного европейского капитала, нельзя ли грузин, армян,
абхазцев, украинцев, белоруссов и другие племена Союза Со-
ветов обратить в рабов, как это сделано с неграми Африки?

Паразиты читают слова Бриана в «Известиях», в «Правде»,
и звуки этих слов оживляют их надежды, хотя весьма возмож-
но, что боевые звуки старого авантюриста исходят не из уст
его, а из места, которое у нормальных людей помещается зна-
чительно ниже затылка. Но мелкие паразиты, слыша эти звуки,
воображают, что Бриан поможет им вырасти из мелких в круп-
ные. Они кое-чему научились за 10 лет и довольно ловко раз-
личают, что именно может послужить в качестве ветра или
воды на их мельнице. Они органически склонны утолять жажду
только мутной и гнилой водою буржуазного болота. Они пол-
зают в вашей среде, ожидая момента, когда можно будет прыг-
нуть вам на шею. Они шипят, тихонько и осторожно отравляя
воздух, которым вы дышите. Они хорошо видят все, что еще
плохо и тяжело для вас, и боятся видеть все то великое, что
создадите вы, что скоро сделает вашу жизнь легкой и прекрас-
ной.

Известно, что когда медведь лезет за медом в улей пчел, —
пчелы жалят его и легко отгоняют прочь, но тому же медведю
в сибирской тайге гораздо труднее избавиться от мошкар. На
празднике вашем, товарищи, так же как и в трудовые будни,
не забывайте о мошкаре, о «трудовом индивидуалисте», «треть-
ем бойце», — о вашем враге, борьба с которым затрудняется
его ничтожеством.

Самое лучшее оружие, которое легко уничтожит врага, это —
грамота, знание и развитие сознания вашей классовой и истори-
ческой задачи, сознание вашего единства с пролетариатом всего
мира, — с той непобедимой силой, которая призвана историче-
ски создать «свой новый мир».

Да здравствует Советская Грузия, ее рабочие и крестьяне,
ее комсомол, пионеры! И да здравствует наша партия, неутоми-
мый, зоркий вождь рабочих и крестьян!

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

«Непрерывно разрастается экономический кризис». «Безработица принимает размеры мировой катастрофы». «Голод вызывает среди рабочих эпидемию самоубийств, усиливает преступления против собственности и проституцию, в том числе детскую». «В С.Ш.С. Америки ежедневно умирает от голода не менее тысячи рабочих».

Это не мои слова, я взял их из буржуазных газет. Капиталисты все более единодушно заявляют, что у них нет средств кормить рабочих и что государственная помощь безработным — невозможна. Президент С.Ш.С. Америки отказался утвердить ассигновку «Красного креста» в помощь безработным, находя, что эта помощь — «социалистическая мера». В Перемьшле заведующий биржей труда сказал депутации безработных: «Денег в кассе у меня нет. Я могу вам предложить лишь некоторую сумму на веревку, чтобы повеситься».

Еще более красноречиво и цинично выразился один из крупных немецких политиков; он сказал: «Нужно, чтоб 20 миллионов немцев издохло, потому что государство не в силах кормить их». Этот дикий рев отчаяния слуги капитализма не вызвал никаких «комментариев» буржуазной прессы, которая — как утверждают специалисты лжи и клеветы — пользуется «свободой слова». В благородных сердцах интеллигентов-«гуманистов» рев этот тоже не вызвал отзвука так же, как и в пустоте душ лордов, епископов и различных авантюристов, безответственно и преступно командующих жизнью рабочего класса Европы, Америки, Азии, Африки. Рабочие всей земли еще раз могут убедиться в том, что ожидать помощи капиталистов, буржуазии, гуманитарного «свободного слова» — дело столь же безнадежное, как ждать молока от быка. Пролетарию всех капиталистических стран пора наконец понять, что в словах «у пролетария — нет отечества» заключена суровая, неоспоримая, пролетарская истина. В свое время эту истину провозгласил Карл Маркс, ее многократно повторял создатель большевизма Владимир Ленин. Буржуазные «мыслители», защитники власти капитализма и экономического рабства для трудового народа, оспаривали эту истину. Но вот наступило время, когда капиталисты сами, и не словом, а на деле, утверждают, что рабочие — действительно чужие люди в странах своего языка, что капиталистический строй не может помочь десяткам миллионов безработных, созданных его бессмысленной страстью к наживе, и нужно, чтоб 20 миллионов «издохли».

Эти «смелые» слова вырвались из глотки циника-немца, но они, разумеется, сочувственно приняты всеми циниками Европы и Америки. «хозяевами» жизни пролетариев. Пролетариям всех стран давно пора развернуть пред своим разумом смысл слов «экономический кризис», — смысл этот прост и ясен: экономический кризис создан жадностью капиталистов, анархией производства, полным безразличием командующего класса к жизни рабочего народа. Уже нет таких буржуазных мыслителей, которые при всем их умении искажать истину могли бы опровергнуть этот факт, прикрыть его трагизм.

Факт — есть — факт, капиталистический строй создал условия, при которых десятки миллионов не имеют работы и должны «издохнуть» от голода. Это тем более неоспоримо, что утверждается самими же организаторами голода.

Организаторы голода отказываются от помощи голодающим рабочим, они озабочены делом гораздо более важным для них, чем вымирание безработных от голода: они озабочены решением вопроса, как и кому продать накопленный ими хлеб без убытка? Они принимают все меры для того, чтобы не допустить на рынки Европы и Америки хлеб из Союза Советов.

Они могли бы дать рабочим достаточное количество хлеба, но конечно это не разрешает кризиса и это — не их задача. Их силы, их внимание направлены в другую сторону.

Дело в том, что в Союзе Советов безработных нет, рабочей силы — нехватает для строительства государства на подлинных основах социализма. Весьма возможно, что в недалеком будущем советская власть принуждена будет пополнять недостаток рабочей силы извне, частично она уже делает это.

Так как этот факт является неоспоримым свидетельством разумности социалистического хозяйства, капиталистам пришлось выдумать гнусенькую клевету о «принудительном труде» в Союзе Советов. Возражать капиталистам, опровергать эту дрянную клевету в сущности бесполезно, ибо капиталист обычно не человек, а «трест», т. е. частица бездушной, механически действующей машины, которую приводит в движение сила жадности и зависти. И что бы ни говорила трэстированная, купленная целиком, с мозгами и кишками пресса буржуазии, как бы красноречиво и многословно ни писала она о «рабском», о «принудительном труде» в Союзе Советов, — он не может продажными словами заглушевать, засыпать, сделать невидимым тот факт, что именно сила жадности и зависти капиталистов разрушает культуру, анархизирует жизнь, все реши-

тальнее способствует бессмысленному истощению физической силы трудового народа.

Явная бессмысленность и преступность капиталистического «хозяйствования» лучше всего характеризуется тем, что труд, создающий ценности, все более и более расходуется на «военную промышленность», т. е. на производство орудий человекоистребления и на разрушение действительно трудовых, культурных ценностей, назначение которых — облегчить условия жизни и работы людей. Рабочему классу Европы давно пора бы понять, что в сущности и в конце-концов капитализм заставляет их трудиться именно на разрушение, и это — не «парадокс»; войны организуются в интересах торговли: чем больше разрушишь, тем больше продашь; война 1914—18 гг. увеличила количество миллионов.

Создаваемая капиталистами легенда о «принудительном труде» в Союзе Советов ставит своей конечной целью разбойничье нападение на Союз Советов, — нападение, в котором капиталисты заставят принять участие свой безработный пролетариат и нищенствующее крестьянство.

В этом случае пролетариат Европы должен будет выступить с оружием в руках против своего передового отряда, против рабочих и крестьян Союза Советов, которые мужественно и успешно создают социалистическое государство в условиях величайшего напряжения сил, с изумительным энтузиазмом и, тем самым, работают на пролетариев всей земли, ибо осуществление социализма в стране с населением в 160 миллионов — будет окончательным крахом капиталистического строя во всем мире.

Надо ли говорить вам, рабочие Европы и Америки, что именно в этом страхе конца скрыта и коренится основа ненависти капиталистов к Союзу Советов? Что именно из этого страха, из этой ненависти возникла легенда о «принудительном труде», так же, как и легенда о демпинге? «Демпинг» сочинили потому, что не хотят дать голодным людям дешевый хлеб, чтобы не «понести убытков», а хлеба — избыток, он гниет, его сжигают в топках паровозов. «Принудительный труд» выдуман в целях организации экономической блокады Союза Советов, в целях затруднить государственно-организационную работу пролетариата Союза Советов, помешать осуществлению пятилетки, коллективизации деревни, ослабить Союз, бросить вас на его людей и превратить всю страну Советов в колонию европейского капитала. Все это очень просто, понятно и малому ребенку, это должны понять и вы. Пора!

В игре, которая затеяна против рабочих и крестьян Союза Советов, больше всех проиграете вы.

«Принудительный труд»? В Союзе Советов труд — обязан, ибо «неработающий — не ест», это — основной лозунг правильно понятого социализма. При социализме должны работать все, а хищникам и паразитам нет места, и не должно быть условий, которые могли бы создать хищников, паразитов, лентяев, шкурников, авантюристов и прочих негодяев. Принудительный труд советская власть не применяет даже в домах заключения, где безграмотные преступники обязаны учиться грамоте и где крестьяне пользуются правом отпуска на сельскохозяйственные работы в деревню, к своим семьям.

Насколько ценится человек в Союзе Советов, об этом, может быть, лучше всего говорит факт существования трудовых коммун, члены которых исключительно бывшие «социально-опасные».

В Союзе Советов с удивительной быстротой развивается процесс культурного возрождения рабоче-крестьянской массы, крайне пестрой по своему национальному составу. Невозможно было ожидать, что процесс этот пойдет так быстро и успешно, что даже кочевые племена средне-азиатских степей свободно и охотно вольются в этот грандиозный процесс. В стране Советов люди, которые хотят работать и понимают высокую цель труда в Союзе Социалистических Советов, — эти люди, чем бы они ни были в прошлом, пользуются серьезным вниманием и заботами рабоче-крестьянской советской власти.

В буржуазном государстве человек, который пошатнулся, неизбежно падает под ударом «закона», вышвыривается из «общества» и растаптывается копытами мещан или становится в ряды профессиональных преступников против «священного института» частной собственности. Конечно и в Союзе Советов есть неизлечимые преступники, вот напр. недавно с лесозаготовок на севере бежали в Англию двое убийц и растлитель малолетних, — именно они сообщили лорду Ньютону и какому-то епископу о якобы «принудительном труде» на лесозаготовках. Как известно, лорды и епископы оказались не брезгливы и повторили ложь убийц и растлителя в стенах английского парламента.

Казалось бы, что даже в чине лорда или епископа человек не обязан быть противоестественно глупым. Но глупость их явно противоестественна, потому что они притворяются чрезмерно глупыми, потому что это им выгодно, на самом же деле они глупы вполне нормально, как и надлежит быть лордам и

епископам, которые к тому же — англичане, т. е. люди, для которых лицемерие — тоже спорт.

Доказывать, что принудительный труд не может существовать в стране, где хозяевами являются рабочие и крестьяне, где они, не щадя сил, создают социалистическую культуру, где бурно кипит соревнование в труде между группами и единицами, где возможно такое явление, как «ударничество», и рабочие сами выдвигают против планов своей власти встречный свой промфинплан, всячески стараясь ускорить и расширить производства, — доказывать невозможность принудительного труда при наличии таких условий скучно и бесполезно. Те люди, которым необходимо клеветать на Союз Советов, разумеется, не поверят никаким доказательствам. Они прекрасно понимают, чем грозит им строительство социализма, им необходимо кричать, что пятилетка осуществляется именно принудительным трудом, а не классовым разумом и не дисциплинированной волей рабочих и крестьян, которые работают на себя и знают, что их власть — это они сами.

Капиталисты в свою очередь хорошо чувствуют, что именно этим знанием объясняется массовый порыв ударников в партию, после того как был обнаружен обширный заговор «вредителей», которые хотели продать и предать страну Союза Советов капиталистам Европы. Капиталисты давно поняли, что «большевики» это вовсе не «кучка» захватчиков политической «власти», а хороший десяток миллионов людей, более или менее грамотных политически, что идеологическое и практическое — культурное, трудовое влияние этих миллионов на всю остальную массу населения совершается с поразительной быстротой. Капиталисты догадываются, что недалеко уже время, когда весь трудящийся народ Союза Советов станет «большевиком» — его уже не сломишь, и его примеру последует «весь мир голодных и рабов».

Капиталисты, власть которых утверждена на рабском труде не только в колониях, но и у себя дома, где они почти ежедневно избивают и расстреливают на улицах безработных и стачечников, — капиталисты говорят, что «принудительный труд» противен их морали христиан. Они конечно лгут. Но они сами же и опровергают свою ложь. Вот напр. поправка, внесенная американцами к 307 ст. таможенного закона; ее следует хорошо прочитать:

Вашингтон, 12 февр.

Принятая таможенно-финансовой комиссией палаты представителей поправка к статье 307 таможенного закона гласит: «Всякого

рода товары, изделия и предметы торговли, добытые, произведенные, сфабрикованные, транспортированные, перенесенные, погруженные или разгруженные — в целом или в части — в любом иностранном государстве при помощи труда заключенных или принудительного труда или законтракованного труда, обусловленного угрозой карательных санкций, — не могут быть допущены ни в один из портов САСШ; их ввоз в САСШ безусловно воспрещается; министр финансов уполномочен и ему предлагается издавать правила, которые окажутся необходимыми для проведения в жизнь этого закона. Предписания этого закона, касающегося всякого рода товаров, изделий и предметов торговли, добытых, произведенных, сфабрикованных, транспортированных, перенесенных, погруженных или разгруженных при помощи принудительного труда, или обусловленного санкциями законтракованного труда, вступают в силу 1-го апреля 1931 г. и останутся в полном действии, пока конгресс не решит иначе. Однако эти предписания не должны иметь применения ко всякого рода товарам, изделиям, предметам торговли, хотя бы они и были добыты, произведены, сфабрикованы, транспортированы, перенесены, погружены или разгружены с помощью труда заключенных или принудительного труда, или законтракованного труда, обусловленного угрозой карательных санкций, которые не производятся или не фабрикуются в САСШ в количествах, достаточных для удовлетворения потребительского спроса в САСШ.

Как видите, дело не в морали, а в том: выгодно или невыгодно?

В подлом деле создания атмосферы клеветы и лжи вокруг Союза Советов капиталистам усердно помогают «социалисты» II Интернационала и особенно усердно — германские. Это вполне понятно: в то время как «рабочему нечего терять, кроме своих цепей», немецкие социалисты могут потерять нечто гораздо более приятное чем цепи. Дело в том, что социал-демократы Германии это прежде всего 300 тысяч — если не больше — государственных, муниципальных и профсоюзных чиновников. Они — у власти и они желают сохранить свои позиции. Именуя себя социалистами, они вполне хладнокровно относятся к случаям продажи муниципальных предприятий в частные руки, и уже одним этим достаточно ярко характеризуется их «социализм». А об отношении этих «социалистов» к рабочим хорошо говорит такой факт: забастовали рабочие и служащие Лейзера, владельца множества магазинов. В «Форвертсе», органе с.-д. партии, появилась статья под заголовком «Дикая стачка», и Лейзер приказал расклеить ее на стенах своих магазинов в доказательство правильности его хозяйской позиции. Совершенно ясно, что «социалистам» такого типа Союз Советов не может быть приятен. Особенно же неприятны им коммунисты, вследствие чего возможны такие случаи: коммунист служит в правле-

нии районного кооператива и, значит, является «козлищем» в стаде овец. Ему предлагают выйти из партии коммунистов, если он не хочет потерять заработок, и записаться в партию с.-д. Он — человек семейный, он уступает давлению и таким образом партия «социалистов» увеличивается на единицу, увеличивается партийная касса на несколько марок, и возможно, что из этой кассы некоторая частица деньжонок поступает на содержание газетки «Социалистический вестник», наполненной злокозненной ложью на Союз Советов, издаваемой гг. Даном, Абрамовичем и подобными. И допустимо, что немецкие рабочие уседеки помогают, не зная этого, распространению лжи и клеветы на рабоче-крестьянскую власть Союза Советов.

Социалистическая пресса является любимым информатором прессы русских эмигрантов-белогвардейцев, хотя и сами эмигранты отлично специализировались на производстве лжи, клеветы, причем эта их продукция становится все более дрянным браком. Например, в газете профессора Милюкова напечатано, что в Соловках живет слишком 600 тыс. ссыльных.

Это было бы ужасно, если б не было наврано. Самый крупный из Соловецких островов имеет 23 км в длину и 15 в ширину. Почти четверть этой площади занята озерами. Следующий по величине за Большим Анзерский остров втрое меньше. Один из островов целиком отведен под питомник соболей, песцов, лис и на нем живет не более десяти человек. Остальные острова еще меньше и не заселены. На всех этих островах, разумеется, нельзя поместить 600 тыс., да едва ли поместить и 20.

В той же газете одна излишне энергичная и не очень умная старушка насчитала в Союзе Советов 15 млн людей, которые будто бы лишены работы. Это — в стране, где закрываются биржи труда, потому что им некого обслуживать, в стране, где не хватает рабочей силы!

Газета монархистов печатает сообщение какого-то врача о том, что «иностранцам особенно плохо живется в колхозах». Каким иностранцам? Зачем они попали в колхозы?

Сообщая о тиражах советских газет, они уменьшают цифры тиражей в несколько раз и умалчивают о том, что например «Крестьянская газета» печатается в 2 500 000 экз. и дает не менее 3 млн других изданий: «Дружные ребята» — 750 тыс., «Газета для начинающих читать» — 750 т., «На страже» — 450 тыс., «Кустарь и артель» — 200 тыс. Журналы — «Крестьянка» — 80 тыс., «Крестьянская молодежь» — 40 тыс., «Имба-

читальня» — 40 тыс., «Деревенский театр» — 20 тыс., «Селькор» — 12 тыс., и прочие расходятся в десятках тысяч; юмористический журнал для деревни — «Лапоть» — 245 тыс., центральные газеты Союза Советов — «Правда» — 1 530 тыс., «Известия» — 1 100 тыс., «Комсомольская правда» — 567 тыс. экземпляров. Эмигранты знают, что это — верные цифры. Но — надобно лгать. Ложь и клевета — единственное их оружие. Такое и подобное злостное вранье людей, одичавших от «скуки жизни», можно найти в любой газете эмигрантов. Так они информируют буржуазную и «социалистическую» прессу Европы. Но изредка они сами чувствуют, что их вранье доходит до нелепости, и тогда получают курьезы. Берлинская газета «Руль» — одна из наиболее обозленных на что-то, очень глупая и хвастливая, печатает небольшое самовосхваление:

По поводу разнообразных слухов, вызванных последними событиями в Москве, авторитетная «Кельнише цейтунг» приводит выдержки из парижской газеты «Круа», которая обращает внимание на ложные информации, идущие большей частью из Риги и Ревеля, и противопоставляет им добросовестную информацию некоторых газет, в особенности берлинского «Руля», имеющего возможность получать сообщения из России и, благодаря серьезной литературной опытности, восходящей еще к изданию «Речи» в Петербурге, умеющего отличить фальшивые сведения от подлинных.

В том же № и на той же странице «Руля»:

Из Москвы сообщают, что там очень недовольны нынешним «ректором» Казанского университета тов. Григорием Зиновьевым; партийная контрольная комиссия настаивает на его немедленном удалении из Казани. Правда, «академическая» деятельность Зиновьева особых нареканий не вызывает: благодаря многократным чисткам среди профессуры и студенчества, а также энергичному проведению «ленинско-марксистской линии» в научно-учебной работе несчастный Казанский университет доведен ныне до такого плачевного состояния, что пережитые им некогда приснопамятные времена Аракчеева и Магницкого представляются эпохой процветания... Зато широкая жизнь разгулявшегося на волжском просторе тов. ректора, его барские, «помещичьи» привычки... и т. д.

Но Г. Е. Зиновьев в Казани не был, а в день сочинения этой заметки находился в Берлине. «Несчастный Казанский университет» за последние годы сильно разросся, организовав ряд специальных институтов по изучению трахомы, туберкулеза, а в истекшем году вырос «Институт анатомии».

Газетку «Руль» не однажды уличали во лжи и эмигрантские газеты; так, например, парижская газета Милюкова доказала, что письма «Красного командира» сочинялись в редакции «Руля» и сочинялись безграмотно.

Все это ничтожные пылинки, но, когда их много, они образуют облако пыли, и людям, которые искренно хотели бы знать правду о жизни в Союзе Советов, приходится смотреть сквозь грязное облако. Но дело не только в этих людях, а в массе рабочих Европы и Америки, — этой пылью клеветы и лжи хотят ослепить именно пролетариат. Легенды о «принудительном труде» созданы не только для целей экономического бойкота Союза Советов, но и для того, чтоб попытаться скомпрометировать в глазах пролетариев социалистическое строительство рабочих и крестьян Союза Советов.

Его понемножку готовят к участию в новой войне. В 14-м году социал-демократы толкнули его на поля смерти, в 18-м социалисты расстреливали рабочих на улицах Берлина. Это следует крепко помнить.

Недавно я слышал в граммофоне песенку хора негров, в ней есть такая фраза:

Мы снова идем куда-то драться,
Но, как в прошлый раз, мы не знаем — зачем?

Если пролетарии Европы и Америки не хотят, чтоб еще раз десятки миллионов их были уничтожены, они должны знать, куда и зачем их толкают, и должны знать, за кем идти следует им.

1931

КЛЕВЕТА И ЛИЦЕМЕРИЕ

Гг. просвещенцам Орехово-Зуева.

Получил ваше письмо, горячо благодарю вас за внимание к моей работе.

Легко работать, когда знаешь, что труд твой ценят энергичные строители нового мира, новой культуры. Но мне думается, гг., что вам не следует особенно возмущаться тем бездарным и тусклым шумом, который подняла пресса буржуазии и эмигрантов, который вы называете «травлей Горького». Шум этот начат не вчера и, я надеюсь, кончится не раньше моей смерти, потому что раньше этого срока я не сойду с позиции, на которую меня поставила ваша боевая энергия.

«Руки прочь от Горького!» Зачем? Пускай касаются, я умею бить и по рукам и по щекам. Пусть наши враги как можно больше и бесплодней тратят остаток своих сил.

Горький же раздражает их постольку, поскольку он служит

эхом музыки победоносного марша рабочих и крестьян Союза Социалистических Советов, — марша к великой цели, поставленной ими перед собой. Врагам нашим в истории «не везет». Что они выдвигают против нас? Мобилизовали свою прессу, и она ежедневно чадит клеветой, ложью. Но без советского «сырья» капиталистам неудобно жить, и они сами же принуждены опровергать грязные выдумки своих «разбойников пера и мошенников печати». Давно ли их пресса доказывала, что «пятилетка» — фантазия? Теперь они все чаще повторяют, что она осуществима. Давно ли придумали глупую сказку о «принудительном труде»? И уже понемножку сами начинают опровергать ее. Они, конечно, могут двинуть против Союза Советов своих рабочих и крестьян, вооруженных от пяток до зубов наилучшими орудиями человекоистребления. Но чем они замажут глаза и уши своих солдат, людей, которые тоже желают быть свободными и уже знают, что это возможно, что в Союзе Советов нет рабов, нет безработных.

Две недели тому назад европейский капитал пустил в современную действительность серое облако той старой словесной пыли, которой он на протяжении многих веков портил слух и зрение рабочего народа. Устами главы католической церкви папы римского, хозяина «Града Ватикана», капитализм по радиотелеграфу провозгласил «городу и миру»:

Богачи должны рассматривать себя, как служителей божественного провидения, как хранителей и распределителей его добра, которым сам Иисус Христос вверил судьбу немущих.

Так как, в конечном счете, это не что иное, как голос самих же богачей, то они, служа «божественному провидению» и пользуясь безработицей, не только отказываются кормить 35 миллионов безработных, а начинают играть на понижении заработной платы. Они устами «князя церкви» мудро советуют «неимущим»:

Не пренебрегать, — помня пример спасителя нашего Иисуса Христа, его бедность и обещания, — не пренебрегать накоплением духовных богатств, столь доступных им в наше время. И, стремясь к улучшению, в позволительной мере, своего положения, сердечной добротой и прямоотой заслужить милосердие господина и не творить неправедных дел.

Далее «князь церкви» обращается к

Рабочим и работодателям.

Как рабочих, так и работодателей просим избегать всяких враждебных действий и взаимной борьбы и в братском и дружественном единении взаимно поддерживать друг друга: одни — своими средствами

и руководством, другие — своим трудом и сноровкой и, требуя лишь того, что справедливо, и не отвергая ничего справедливого, достигнуть, не нарушая установленного порядка, не одной только личной выгоды, но и, в неменьшей мере, общего блага.

Вот как, гг. просвещенцы, просвещает «неимущих» и «рабочих» римско-католическая церковь, выполняя свое «задание» — утверждать и поддерживать капиталистический, строй, основанный на бессмысленной и бесчеловечной эксплуатации рабочих и крестьян. Человек, который говорит эти слова, давно лишенный смысла, — человек этот знает, что церковь бедного Христа диавольски богата, что в Италии существует «Банк Санто Спирито» — банк святого духа. Знает он и то, что церкви Христовы отличаются от настоящих банков только тем, что вклады клиентов — в церкви — не возвращают клиентам. Ему, разумеется, известно и то, что «бедные» лишены возможности «накаплять духовные богатства» в условиях капиталистического строя. «Добрый» совет «бедным» князя богатейшей из церковных организаций дает отличную тему сатирическим журналам, и очень жаль, что буржуазная пресса, при ее «свободе слова», лишена свободы смеха.

«Властителям» судеб рабочего народа «князь церкви» очень мило посоветовал «руководствоваться справедливостью, творить благо, а не зло». Это дает нам право ожидать, что английские твердолобые лорды, так же как закоренелые мещане Франции во главе с Аристидом Бриан, отнесутся к совету из Рима вполне серьезно, со свойственным этим людям великодушием и «душевной прямотой». Лично я жду, что они немедля прекратят вооружения, откажутся от своего намерения устроить разбойничий набег на Союз Советов и скажут нашим рабочим, нашим крестьянам: «Ну, ребята, — ничего не поделаешь с вами! Папа не желает, чтоб мы делали зло, так уж если вы начали создавать добро, — продолжайте, мы вам мешать не будем!»

После этого дома у себя они «предложат рабочим перековать мечи на орала» и начнут кормить миллионы рабочих, умирающих с голода.

Но — если отбросить «шутки» в сторону и вслушаться в кроткий голос капитала из Рима серьезно? Какая скудость мысли звучит в этом голосе, какая нищета духа! И — какое лицемерие!

Сердечно приветствую вас, товарищи-борцы за прекрасное будущее!

1931

О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

На процессе меньшевиков подсудимый Залкинд, между прочим, весьма скромно сказал т. Крыленко:

«Да, вы — правы, было преувеличение затруднений и преуменьшение положительных достижений». Подсудимый Якубович с пафосом кающегося грешника признал, что его корреспонденции в «Социал. вестник» были «сплошной выдумкой». Бомическая фигура процесса, безгранично самовлюбленный «ученый» Суханов сознался, что он пять лет — с 1925 г. — печатал в грязненьком журнальчике Дана и Абрамовича «выдуманные статьи». Напомню, что Дан и Абрамович — это те самые «социалисты», которые в числе 26-ти ходили в 1905 г. «на чашку чая» к Павлу Милюкову и К^о, за что В. Ильич жестоко надрал им уши. Все преступники — осужденные и те, которые еще ждут своей очереди явиться на суд рабочего класса, — все они на протяжении нескольких лет, кроме прямой своей деятельности — вредительства, которое принесло стране огромные материальные убытки, занимались еще и тем, что, свободно вращаясь в среде советских граждан и партийцев, сеяли вокруг себя сомнения, уныние, панику. Эта их деятельность тоже преступна, она тоже вредительство, но уже, так сказать, «моральное». Это игра на понижение настроения людей, которые, не щадя своих сил, живя в тяжелых бытовых условиях, делают великое дело общемирового значения. На днях я прочитал в рукописи весьма яркую пьесу Марианны Яхонтовой «Уотт Тайлор»; в этой пьесе кузнец Тайлор, организатор в 1381 г. восстания крестьян против феодалов Англии, отлично говорит:

...каждый из врагов
В себе хранит прошедшего заразу
И речь, полной яда, красотой
Отживших форм, ее развонсит всюду.

Это — правильно и неоспоримо. Каждый из вредителей заражал среду, в которой он вращался, и мы знаем, как разнообразно заболевали партийцы и беспартийные, которым эта зараза прививалась. Далеко не все люди настолько здоровы, чтобы сопротивляться ядовитому дыханию врагов, которые загнили и разлагаются. Не все достаточно хорошо вооружены теоретически для того, чтоб отражать речи, «полные яда» и облеченные в красивую форму. А главное, далеко не все умеют видеть действительность такой, какова она есть, многие все еще смотрят в настоящее из прошлого, издали, искоса, и для мно-

гих невидим, непонятен главный деятель настоящего — свободная, социалистически организуемая, поразительно продуктивная энергия рабочей массы. Как действует зараза? Я помню такой случай: в 1928 г. была напечатана моя статья о «механических гражданах». Человек, которого я — как и многие другие — издавна привык считать честным, искренним революционером, но который сейчас арестован вместе с другими вредителями, — человек этот сказал мне: «Вы полемизируете с дураками, но ведь есть неглупые люди, которые думают и чувствуют так же, как эти ваши механические». Я возразил, что полемизирую с людьми, которые кажутся мне достаточно типичными для их среды. «Да, конечно, — сказал он. — Но их мысли вы могли бы найти в форме более сильной».

Через несколько дней я услышал этот же упрек от одного поэта. Затем упрек этот был повторен еще несколькими людьми, в ряде анонимных писем по моему адресу. Некоторые из мыслей механических граждан были облечены действительно в «красивую» и потому — сильную форму. Но по смыслу они все-таки оставались мыслями механически думающих людей, которым действительность, творимая рабочим классом и ее вождем — партией, органически враждебна и неприемлема.

Процесс меньшевиков развернул цепь этих мыслей во всей ее полноте, звено за звеном. Это, разумеется, так и должно было случиться.

Наш воспитатель — наша действительность. Враги преувеличивают силу ее отрицательных явлений и преуменьшают значение положительных достижений. Но когда сами они достигли скамьи подсудимых, они немедленно признали, что достижения преобладают над отрицательными явлениями нашей действительности. Так как сами они — отрицательное явление, то следует верить им: голосом их говорит именно та мерзость жизни, которую рабочий класс должен победить и — побеждает. Да, этим голосам следует верить. Один из моих знакомых, человек прямой и честный, хотя и не партийный, просидев три дня в зале суда, написал мне: «Впечатление такое: люди эти давно искали удобного случая заявить, что они — мерзавцы, наконец получили эту возможность и заговорили о себе с полной искренностью».

Разумеется, это — искренность преступников, ущемленных действительностью, вызванная страхом уничтожения. И все же это — искренность. Один из них признался, что он «как-то не

заметил того, что заметили миллионы». Вот это — «ложь во спасение», это — явная ложь: нельзя не заметить того, насколько сильно концентрированная энергия рабоче-крестьянской массы изменила в 13 лет бывшую действительность и какие солидные, несокрушимые заложила она основы для действительности будущей. Нельзя, «не замечая» достижений, заниматься в течение пяти лет «преуменьшением» значения достижений. Но — покаяние грешников всегда имеет нечто весьма сходное с рвотой, процессом механическим, и всегда содержит в себе то или иное количество лжи. Раскаиваясь, жулик иногда говорит: «Я гораздо хуже, чем вы думаете, вот до чего я искренно говорю о себе, и поэтому вы должны пощадить меня».

Это — противно, но от этого показания осужденных меньшевиков не лишаются их ценности: они единогласно подтвердили, что достижения рабоче-крестьянской власти в деле строительства социализма уже преобладают над затруднениями, и этот факт подтверждается, между прочим, тем, что вредители, организаторы затруднений успешно вылабливаются, выдергиваются из действительности.

Она развивается с бесподобной быстротой по пути к полной победе над прошлым и тысячами голосов внушительно говорит о своих завоеваниях. Вот крестьянин И. Новиков, автор брошюры «Факты, зовущие в колхоз», сообщает мне:

Географ П. Семенов-Тянь-Шаньский в известной работе «Россия» (изд. 1902 г., т. 2-й) указывал, как крестьянство ЦЧО, не имея возможности прокормиться на своих нищенских наделах, придавленное помещичьей арендой и царскими налогами, еще до 70-х годов прошлого столетия ринулось в переселение.

«Дома мы наверно помрем с голоду, а там, на окраинах, может быть, и не погибнем», — говорили крестьяне, и гибли на окраинах; гибли, возвращаясь ни с чем с окраин, и у себя дома...

Теперь это звучит для ЦЧО анахронизмом. Если в 1928 году в области было 81 тыс. безработных, там теперь неудовлетворенный спрос на рабочую силу превышает 181 тыс. чел. Все это и многое другое, — ЦЧО на каждую сотню жителей имела два года назад грамотных 38 чел., к концу этого года неграмотность будет в основном ликвидирована полностью, — достигнуто тремя причинами: партией, советской властью, индустриализацией и коллективизацией. Если раньше ЦЧО была богата преимущественно помещиками и голодными, безработными, неграмотными людьми, то теперь ЦЧО становится богатой промышленностью, колхозами и хозяйственно здоровыми, культурно неузнаваемыми людьми. Приходится удивляться, как все эти простые, но колоссальные по своему политическому значению факты ускользают из внимания таких «грамотеев» сельского хозяйства, как Кондратьевы, Чайцовы и К°.

Вот голос Осетии:

... мы принимаем все меры по укреплению обороны страны Советского Союза, мы выполним пятилетку в четыре года, завершим в Осетии к весне 1931 года сплошную коллективизацию (на 6 февраля Осетия коллективизирована на 75 процентов), проведем на этой основе полную ликвидацию кулачества как класса — этого последнего паразитического оплота капитализма в СССР. В то время как в странах капитала национальные меньшинства и рабоче-крестьянские массы живут под жесточайшим гнетом империалистических хищников, когда происходит одичание буржуазного общества на фоне нарастающего кризиса капитализма, в стране Советов вся масса дружно по-ленински строит новую социалистическую культуру. В прошлом жестоко угнетаемая царизмом отсталая Осетия, имевшая в 1913 г. 10 проц. грамотных, теперь добилась 65 проц. общей грамотности, введено всеобщее начальное обучение. В 1931 г. заканчиваем полную ликвидацию неграмотности. За один 1930 год Осетия выпустила литературу столько, сколько было выпущено за 125 лет существования осетинской письменности.

Вот Березовщина — бывший Одесский округ:

... которая имеет уже 96 проц. всех бедняцко-батрацко-середняцких хозяйств всего района в колхозах, подходит ко второй большевистской весне сплошь коллективизированной, которая добивает уже окончательно как класс извечного врага трудового селянства — кулака.

Вот Амвросиевка — Донбасс — извещает:

Как и в СССР в целом, мы имеем развернутое наступление социализма по всему фронту. К весне 1931 года мы будем иметь не меньше 80 проц. бедняцко-середняцких хозяйств в колхозах и исключительно социалистическую промышленность в районе. Пролетариат еще больше укрепляет свои позиции, заняв мощную и многочисленную опору в лице колхозников, ликвидируя своего основного внутри страны противника — кулачество как класс.

Вот говорит далекая окраина Сибири:

... мы, батраки, бедняки и середняки пос. Плоско-Сенцшского Ребрихинского района Западносибирского края, активно участвовали в ликвидации царского генерала Колчака, восстанавливали разгромленное, сожженное индивидуальное хозяйство, работая веками по старому способу; восстановив хозяйство полностью, признали, что мы, восстанавливая единоличное хозяйство, неизбежно должны растить кулаков и рядом пролетариев, и ту пролитую кровь на наших полях за дело социализма будто бы забываем, убедившись полностью в этом, сегодня собрались сами, свободно обсудили этот вопрос и решили организовать с.х. артель из 13 домохозяев, обобществить средства производства, земельную территорию, рабочих лошадей и семена, намеряем вовлечь в нашу артель остальных членов-единоличников и всю площадь земли засеять общественным способом, в текущую весеннюю с.х. кампанию увеличить посевную площадь против прошлого года

на 90 проц. и этим самым выкорчевать окончательно частную собственность.

Вот пишет Старорусский съезд советов:

Мы, собравшись на съезд советов, объявили себя ударниками по выполнению всех задач 3-го, решающего года пятилетки. Мы взяли обязательства по промышленности выполнить и перевыполнить промфинплан, успешно провести весенний сев, коллективизировать к весне одну четвертую часть всех крестьянских хозяйств района и крепить оборону нашей страны. Мы хорошо знаем, что, выполняя эту задачу, мы будем сильнее и крепче. Тов. Сталин на-днях хорошо сказал, что отсталых быют. А мы не хотим оказаться битыми.

913 рабфаковцев и 52 курсанта, люди 28 национальностей, пишут из Владикавказа:

«На-днях 160 добровольцев-рабфаковцев ударными бригадами пошли в отдельные уголки национальных областей Северного Кавказа, имея пред собой определенные задачи: довести до каждого трудящегося великие реальные задачи ВКП(б) о 2-м большевистском севе, завербовать националов в рабфак, заняться ликвидацией неграмотности, провести политехнизацию рабфака.

А вот еще голос из Белорусских болот:

В большие метели и трескучие морозы «Страна Советов» окончила работу и подвела итоги. В колхозе 240 га. Из них — 200 пахотной земли. Урожай полностью был засеян по райколхозсоюзному заданию. Ржи намолотили 175 центн., пшеницы — 8,33 ц., овса — 910 ц., ячменя — 99,2 ц., картофеля — 1929 ц., валовой прирбыток 22 937 р. 23 коп. Засеяно ржи 35 гектаров. Осталось от сдачи государству и еды 560 центн., какой поделен меж членов колхоза. В колхозе числится кредиту 1885 руб. Сейчас колхоз вступил в другой год существования и с энтузиазмом взялся за подрихтовку другой большевистской весенней кампании. Сейчас колхоз вместе с крестьянством, не-колхозниками проводит сбор средств на постройку воздушного флота — на дирижабли «Клим Ворошилов», «Колхозник», «ОГПУ» и другие в ответ интервентам Запада, и усиливаем военную подготовку, строим осовавиахимовские отряды. Привет из Белорусских болот.

А вот:

В 250 км от Свердлѳевска находится небольшой городок Шадринск, — лет тринадцать назад — «городок Окуров». В этом городке теперь имется ФЗС, школа взрослых, техникум, сельхозтехникум, рабфак, целый ряд школ I ступени и различных курсов, в том числе и наши курсы, готовящие рабочих к поступлению во втуз.

Наши курсы готовят будущих пролетарских специалистов. Опыт работы наших курсов полностью доказывает правильность слов тов. Сталина, что мы овладеем наукой, чтоб еще успешнее, еще более быстрыми темпами строить социализм. За 10 месяцев на курсах рабочие, не имевшие почти никакой подготовки, одолевают ударной работой и упорным большевистским желанием курс средней школы.

1 марта исполнилась годовщина существования курсов. За это время выпущено 213 человек, которые уже учатся в уральских втузах. Первого апреля состоится очередной выпуск в 45 чел.

Мы надеемся, что осуществили связь науки и труда, что в своей работе по окончании втуза соединим качественно-высокую научную подготовку с четкими, марксистско-ленинскими революционными перспективами. В противоположность вырождающемуся капиталистическому Западу, проповедующему отказ от науки, мы глубоко понимаем ценность культурного наследства и необходимость создания пролетарской культуры.

Мы полны уверенности, что создадим такие культурные ценности, каких не знала история человечества.

На наших глазах меняется отношение к труду, создается новый прекрасный тип человека — строителя социализма, в корне реконструируются на коммунистической основе человеческий быт, человеческие взаимоотношения. Героизм делается бытовым фактом.

В нынешнем году в хозяйство Урала вкладывается 1600 млн руб. Запроектирован прирост валовой продукции по чугуну на 77 проц., по углю — на 99 проц., по меди — на 130 проц., по железной руде — 145 проц. против прошлого года. Вводится в действие 39 новых заводов с общей стоимостью в 650 млн руб. Это такие темпы, каких никогда еще не знал мир, а пролетариат Советского Союза и в частности нашего Урала твердо уверен, что эти задания им будут выполнены. В текущем году в нашу уральскую промышленность вовлекается 385 тыс. новых рабочих, безработицы у нас уже нет, каждая свободная пара рук у нас дорога, тогда как за рубежом миллионы трудящихся вынуждены голодать и за бесценок продавать свой труд.

За два месяца, январь-февраль, я получил из разных концов Союза Советов двадцать три таких письма от создателей новой действительности, в которой трудовой героизм становится «бытовым фактом». Этот «бытовой факт» ежедневно подчеркивает вся наша пресса.

Отлично знакомые нам городки Окуровы превращаются в центры социалистической культуры. Это похоже на сказку, но это — факт. Башкирия и Узбекистан, глухая тайга Сибири и Карелия, Молдавия и Чувашия — все в один голос радостно и гордо заявляют: воскресли к новой жизни, встали на ноги, работаем, понимаем глубокий смысл нашей работы, да здравствует партия, наш вождь!

Слышит ли старый мир эти голоса и шум грандиозной работы нашей? Есть много признаков, что слышит. Враждебная непримиримость этого мира в отношении его к нам хорошо известна. Но этот старый мир не единодушен, и все чаще доходят из него свидетельства о другом отношении к Союзу Советов. На днях я получил письмо, в котором человек, хорошо знающий Европу и наблюдательный, пишет об ее интеллигенции:

«Очень любопытно видеть, с каким интересом и вниманием, вовсе не похожим на злобный скрежет зубов, следят во Франции и Англии за Россией, как искренно удивляются громадным шагам, которые она делает». Этот «интерес» и это «удивление» можно бы подтвердить фактами, но — подождем. Пусть их накопится больше.

Сеятели сомнений и уныния, мелкие честолюбцы, лентяи, кандидаты на должность новых паразитов рабочего класса должны внимательно прислушаться к этим голосам. Они все говорят одно и то же: в Союзе Советов власть, разум и воля рабочих и крестьян создают новую действительность. Она вся — в наших достижениях, которые растут и развиваются непрерывно. Старая действительность быстро издыхает, исчезает. Нет никаких сил, которые могли бы оживить и возродить ее. Все, кто хочет научиться честно жить и продуктивно работать, должны учиться именно на достижениях наших, именно в них действительный и действенный смысл жизни. Никогда еще понятие самообразования не имело такого глубокого значения, какое получило оно в наши дни, когда трудовой народ всего Союза Советов, создавая первое в мире государство социалистов, организуется как та сила, которая призвана историей преобразовать весь мир.

Учитесь на новой действительности, которую вы сами же создаете. Ошибки тоже поучительны. Владимир Ильич часто говорил: «Не ошибается только тот, кто ничего не делает». Но надо помнить, что нам гораздо усерднее и более ловко помогали ошибаться и очень искусно мешали строить. Нам вредила старая действительность в лице тех людей, которые хотели установить ее. Нам она будет вредить до той поры, пока мы ее не вышвырнем из бытовых условий, а это значит — надобно вышвыривать ее изнутри самих себя. Но мы ее вышвыриваем так же, как вышвыриваем из жизни вредителей по ремеслу, покорнейших слуг грязного, жестокого и пошлейшего старого мира, гнилое разложение которого идет с быстротой гораздо большей, чем строительство нового мира в Союзе Советов.

1931

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Поздравлениями с 64-годовщиной весьма тронут, дорогие товарищи; сердечно благодарю! Благодарить вас за дружбу и внимание мне приходится как будто слишком часто, однако

в этом виноваты — вы, а не я. Ну, ладно, согласимся, что эта переключка взаимных симпатий единицы и массы неизбежна во всех тех случаях, когда единица более или менее удачно и определенно отражает в себе активное настроение массы, которая ведет исторически необходимую революционную работу.

Согласясь с этим, мы должны будем сделать из факта дружеской переключки массы и единицы очень простые, поучительные, на мой взгляд, выводы. Первый из них — неоспоримая воспитательная сила массы: энергия ее заряжает единицу, единица отражает этот заряд обратно в массу; об этом я уже говорил не один раз. Далее: социально-революционная ценность единицы тем более значительна, чем более она способна поглощать и формировать в идеях и образах эмоциональную энергию массы. Далее: буржуазные общества воспитывают и реформируют личность как слугу своих целей — целей класса, власти и сила которого основаны на эксплуатации физической энергии большинства. Свободное развитие личности в буржуазных государствах ограничено идеями расы, нации, класса, религии, идей «своеобразия национальной культуры», — своеобразия в сущности чисто внешнего. Все это вы знаете.

Наше государство строится на основах социализма, в нем ограничительные идеи отпадают, и личность получила право свободного развития всех своих сил и способностей. Здесь, конечно, мне скажут: это — неправда, ибо советская власть против свободы слова, свободы печати и всех прочих «свобод», которыми лживо хвастаются защитники капиталистического строя и которых на самом деле нет.

Наше государство утверждает полную и широкую свободу личности от идей, которые на протяжении многих веков затрудняли и ограничивали ее развитие. Оно борется против личности тогда, когда эта личность служит носительницей и проповедницей идей, которые ограничивают свободное развитие ее же интеллектуальной силы. Это именно те идеи, на которых основана власть капиталистов: идеи класса, расы, нации, религии. Рабочий класс Союза Советов в лице его партии признал эти идеи вредными, признал, что они искажают человека, враждебны массе трудового народа, и отверг эти идеи, запретил их пропаганду. Это вполне правильно. Было бы смешным и нелепым дон-кихотством, если бы в государстве рабочих и крестьян пропагандировались идеи, решительно враждебные рабочим и крестьянам, идеи, которые пытаются доказать трудовому народу законность и неизбежность его рабства.

Случилось так, что я говорю, товарищи, то, что известно вам не хуже меня. Это случается со мною нередко, если не всегда. И это потому выходит так, что я через ваши головы говорю по адресу того «третьего бойца», о котором я недавно писал. Я снова получил от него ряд писем, в них он продолжает отстаивать законность своей позиции между капиталистами и рабочим классом. На спор с этим «бойцом» не стоило бы тратить время, ибо глупость его непобедима. Она у него в костях и — до конца дней.

Но за ним стоят многие, которым тоже нравится его позиция «третьего» и «между». Разумеется, позиция эта не «между», а в стороне, — это выжидательная позиция мародера, который, прячась в кустах бесстыдной словесной чепухи своей, ожидает конца битвы для того, чтобы пограбить. Люди этого типа живут в различных провинциальных уголках, и чем отдаленнее, глуше уголок, тем более удобно для них распространять вокруг себя зловоние антисемитизма, баптизма, мещанского анархизма и прочих «свободомыслий». Я представляю себе тихие городки и тихие шопоты «третьих бойцов»; эти шопоты на ухо молодежи, окружающей шептунов, оглушают молодежь, а зловоние идей отравляет ее здоровое, активное чувство жизни. Идеи так же, как люди, умирают, разлагаются, и трупный яд гниющих идей заразителен, как всякий трупный яд. А молодежь глухих местечек, медвежьих углов, при ее жажде знания, еще не обладает в достаточной мере той силой, которая необходима для успешной борьбы против отравы, предлагаемой шептунами. На ярком фоне той грандиозной работы, которую ведет социалистическая энергия создателей новой истории, серые, туманные пятна мещанства видишь особенно отчетливо. Конечно, они рассеются, исчезнут, а все-таки не хочется, чтобы за счет молодежи окончательная гибель их замедлена была хоть на один день.

1931

ПОД КРАСНЫМИ ЗНАМЕНАМИ

Сегодня, первого мая, в стране Союза Социалистических Советов рабочие и крестьяне произведут смотр своим силам. Парадно, под красными знаменами, под звуки победоносного гимна и пения медных труб, мощные потоки единиц, крепко спаянных сознанием своей всевластности, подлинных хозяева и законодатели своей страны, гордые великими успехами ге-

роической работы своей, они пройдут по улицам на площади и там увидят Красную армию, стройные ряды братьев и детей, увидят все, что сделано для самообороны Союза Советов — юного великана, который живет и работает для того, чтобы разрушить все отжившее, построить на земле новый мир.

На планете нашей, кроме Союза Советов, нет государства, где рабочие и крестьяне могли бы любоваться армией, созданной ими для защиты своей свободы, а не для угнетения своего. Нет государства, где рабочие в день своего праздника могут свободно демонстрировать свое единение и силу свою без риска быть избитыми и расстрелянными полицией капиталистов. Наверное завтра в газетах наших мы прочитаем телеграммы о провокационных и кровавых действиях «органа охраны порядка» буржуазных государств, о совершенных полицией избиениях и убийствах рабочих-демонстрантов. У нас демонстрация первого мая — величественное зрелище, которое должно еще более углубить сознание рабочим классом его мощности и углубить в каждой единице его революционную ненависть к старому миру — к миру капиталистов и мещанства.

При виде прекрасной нашей армии мы не должны забывать, какое огромное количество энергии враг принуждает нас тратить для защиты против его посягательства на нашу свободу. Мы должны помнить, что старый, издыхающий хищник — капиталистический мир — отнимает у нас на производство пушек и ружей средства, которые мы истратили бы на построение фабрик и школ. Должны помнить, что, угрожая разбойничьим набегом на государство наше, враг задерживает рост нашей культуры и что именно ему, врагу, мы обязаны тем, что все еще живем и работаем в условиях крайне тяжелых и в непрерывном напряжении наших творческих сил.

Этого вполне достаточно для того, чтобы непримиримость ненависти рабочих и крестьян Союза Советов к миру капиталистов все более углублялась. Чем плотнее она будет спрессована, тем более сокрушительно и победоносно взорвется в те дни, когда грянет «последний и решительный бой» — неизбежный бой с одичавшим врагом.

Внутри этой ненависти — ее душа, ее огонь, — сознание ленинцами их творческой силы, сознание величия их задачи. Это сознание уже претворилось в революционную волю, в страстное творческое стремление оплодотворить действительность. Именно этим чувством заражен тот рабочий, который хочет создавать вещи как можно лучше, достигать цели своего класса как можно скорей. Этой силой страсти к творчеству

объясняются такие факты, как социалистическое соревнование, ударничество, «пятилетка в четыре года», уже выполненная по некоторым производствам в более краткие сроки. Этой силой «в два года пятилетки построены гиганты — Сельмаш, Тракторный, электростанция им. Артема, 323 фабрики и завода. В третьем, решающем году построим еще 518 фабрик и заводов». Прекрасно сказали рабочие Тульского завода № 1:

«Эта цифра — 518 — должна зажечь новым энтузиазмом наши сердца, влить в каждого трудящегося силы и бодрость для новых побед.

«Мы предлагаем: довести до каждого рабочего и колхозника цифры наших величайших достижений, чтобы каждый знал, что недаром затрачено столько сил и энергии. Наши кровные накопления мы не растратили на ветер» — как тратится энергия рабочих и крестьян капиталистами, — «а пустили на строительство новых мощных гигантов социалистической индустрии и социалистического земледелия».

Рабочий класс Союза Советов и вождь его — партия рабочих и крестьян-ленинцев — работают и давно уже не только на самооборону, а на освобождение всего трудового человечества, на пролетариев всех стран. Союз Социалистических Советов уже является на земле страной, где посредством слияния крови различных племен и народов должно возникнуть к жизни новое человечество, новая раса, — раса, а не нация.

Всемирное социалистическое государство равных, государство, в котором личность освобождена от идеи класса, нации, религии, — от всего, что ограничивает свободу ее роста, — вот конечная и великая цель героической работы, которую начали мужественные люди партии Владимира Ленина.

Что защищает капитализм в его ежедневной непрерывной бесчеловечной борьбе против пролетариата, в его попытках вооружить пролетариат против народов Союза Советов?

Капитализм защищает только свою физическую власть над трудовым народом, свою привычку пользоваться культурными условиями жизни, — условиями, которые созданы системой порабощения рабочей массы и бессмысленной эксплуатацией ее трудовой энергии.

Стоит ли в горы мирового кризиса капиталистической системы перечислять и напоминать факты, которые с неоспоримой очевидностью характеризуют преступность существования этой системы, отжившей свой срок? Разумеется, не стоит. При-

шлось бы повторить всем известное: стравливание миллионов рабочих и крестьян на полях битв, организованных капиталистами по мотивам их взаимной конкуренции; разрушение народного хозяйства в годы войн; растрату народных богатств — металла, угля; порабощение миллионов людей в Индии, Китае, на островах океанов, в колониях Черного материка, создание 30-миллионной армии безработных, превращение рабочих в нищих, развитие преступности на почве голодания, развитие болезней на почве преждевременного истощения, избиение и расстрелы рабочих в городах, рабов в колониях; рост детской проституции, люмпен-пролетариата, зоологического анархизма и т. д. и т. д.

Что может оправдать бесчеловечный цинизм капитализма? Оправданий нет. Оправданий уже и не ищут, понимают, что поиски оправданий совершенно бесплодны, что вся система классового строя основана на преступлениях против трудового народа и что иначе она не может существовать.

Идея бога, как силы, которая будто бы непостижимо существует где-то над миром и вне человеческого разума, — эта идея становится все более тусклой, все менее отравляет разум трудового народа, его растущее чувство собственного достоинства и его сознание своей мощности. Религия как орудие самозащиты капитализма притупилась, все более слабо действует на воображение масс; церковь теряет свое значение стража пленных и угнетенных, пособницы угнетателей.

Пролетариат все более ясно видит, что условия жизни создаются не внеразумной силой, а злым разумом и деспотической волей хищников, паразитов. Разум этот, действуя все более цинически бесчеловечно, обнажает свою идейную слабость, открывая перед глазами трудовых масс источник своей силы.

Сила капиталистов скрыта в способности пролетариата терпеть каторжную жизнь рабов, безропотно покоряться корыстной и жестокой воле командующего класса, — этой силой капитализм и держится на хребте рабочего класса.

Пролетариат всех стран все более четко видит и чувствует, что его угнетает его же собственная покорная работа на угнетателя и что он сам против себя вооружает врага своего.

Он видит также, что в Союзе Социалистических Советов рабочий класс не только уничтожил класс хозяев, но, быстро и успешно вводя в массу крестьянства начала социалистического хозяйства на полях, уничтожает и самую возможность возрождения хищников и паразитов чужого труда.

Капиталисты уже не говорят, что социализм — фантазия,

утопия, они теперь говорят только одно: пятилетка, плановое хозяйство, социалистическое соревнование, ударничество, — все это и многое другое угрожает капитализму полным банкротством. Если исключить белоэмигрантов, этих «бывших людей», которые от старости и озлобления явно впали в идиотизм и, отрицая очевидность, все еще продолжают бормотать, что социализм неосуществим; если исключить ничтожную группу этих полумертвых, все остальные защитники капиталистического строя тоже не находят иных возражений против социализма, кроме лжи и клеветы. Они создают легенды о «демпинге», «принудительном труде», о насилии над личностью, о терроре. Они, конечно, знают, что рабочий класс Союза Советов живет в состоянии войны с недобитым врагом своей страны и что война есть террор.

Недобитый враг внутри страны Союза Советов — это верный друг и пособник врагу вне ее. Это — сознательный вредитель, предатель, клеветник и наущник, это — человек, который изображает советскую действительность заведомо ложно, как в том сознались меньшевики. Недобитый враг — это индивидуалист, воспитанный буржуазным обществом, это — человек, который ставит мизерные интересы своего «я» выше всей грандиозной работы класса, творящего новую историю, класса, который работает на возрождение человечества.

Недобитый враг — это человек, который, как муха в паутине, запутался в хитросплетениях той мысли, которая издавна, веками утверждала законность власти немногих избранных над всеми, чей труд чернорабочих создал общечеловеческие ценности культуры.

Но настало время, когда чернорабочие хотят и должны быть не только мастерами, а и художниками, виртуозами своего дела. В созданных ими условиях советской действительности они ежедневно доказывают, что могут быть таковыми.

Настало время, когда в жизнь должны властно войти не десятки, а сотни тысяч мастеров науки, искусства, техники, когда вся резервная, еще не работавшая нервномозговая энергия миллионов должна принять активное участие в строении новой действительности, новой истории.

В день первого мая, праздника пролетариев всех стран, вполне уместно говорить о тех высоких целях, которые поставил перед собою передовой отряд всемирной армии труда. Эти цели не так далеки, как думают неверы и сомневающиеся. Разрушение старого мира идет с такой же быстротой, как строи-

тельство нового. Количество строителей непрерывно растет. Растет ли количество врагов наших?

Пролетарии и крестьяне должны понять и твердо усвоить, что враг растет не из воздуха, он может расти только за счет их массы, их плоти. Это значит, что рабоче-крестьянская масса зорко следит за ростом врага в своей среде. Это значит, что рабоче-крестьянской массе необходимо знать, кто мощный, неподкупный, бескорыстный друг и вождь!

Да здравствуют пролетарии всех стран! Да здравствуют рабочие и колхозники Союза Советов! Да здравствует партия ленинцев! Да здравствует комсомол и молодежь на пути в его среду! Да здравствуют ударники на их пути в партию Ленина!

1931

ОТВЕТ ИНТЕЛЛИГЕНТУ

Вы пишете:

«Многие из интеллигентов Европы начинают чувствовать себя людьми без отечества, и внимание наше к жизни России растет, но все же для нас непонятно: что происходит в Советях?»

В Союзе Советов происходит борьба разумно организованной воли трудовых масс против стихийных сил природы и против той «стихийности» в человеке, которая по существу своему есть не что иное, как инстинктивный анархизм личности воспитанный веками давлением на нее со стороны классового государства. Эта борьба и есть основное содержание текущей действительности Союза Советов. Тот, кто искренно хочет понять глубокий смысл культурно-революционного процесса в бывшей России, правильно поймет его лишь тогда, когда он посмотрит на этот процесс именно как на борьбу за культуру и за творчество культуры.

Вы, люди Запада, усвоили по отношению к народам Союза Советов взгляд, который я не могу назвать достойным для людей, думающих о себе, как о носителях культуры, обязательной для всего мира, ибо это — взгляд торговца на покупателя, кредитора на должника. Вы помните, что царская Россия занимала у вас деньги и училась думать, но вы забываете, что займы принесли вашим промышленникам и торговцам весьма жирные проценты, что русская наука в XIX—XX вв. мощно влилась в общий поток научно-исследовательской работы Европы и что теперь, когда ваше творчество в области искусства так явно и

печально иссякает, вы живете силами — идеями, образами — русского искусства. Не станете же вы отрицать, что русская музыка и литература наравне с наукой давно уже стали достоянием всего культурного мира. Казалось бы, что народ, который в течение одного века поднял свое духовное творчество на высоту, равную многовековым достижениям Европы, народ этот, ныне получив доступ к свободе творчества, заслуживает более пристального изучения и внимания, чем то внимание, которым он пользуется со стороны интеллектуалистов Европы.

Не пора ли вам поставить со всей решительностью вопрос о различии целей, ради которых живет буржуазия Европы и народы Союза Советов? Ведь уже достаточно ясно, что политические вожди Европы служат не интересам «нации в ее целом», а только интересам капиталистических групп, взаимно враждебных друг другу. Эта вражда торгашей, совершенно безответственных пред «нациями», создала ряд таких преступлений против человечества, как общеевропейская бойня 1914—18 гг.; она углубила «стихийность» взаимного недоверия наций, превратила Европу в ряд вооруженных лагерей, истощает огромное количество народного труда, золота и железа на производство орудий массового человекоубийства; этой враждой капиталистов друг с другом усилен мировой экономический кризис, который, истощая физические силы «нации», понижает рост интеллектуальных сил, эта вражда хищников и торгашей организует новую мировую бойню. Спросите себя: ради чего делается все это? И вообще, если вы искренно желаете излечиться от ваших тягостных недоумений и пассивного отношения к жизни, поставьте пред собою простейшие вопросы социального порядка и, не давая себе увлекаться словами, серьезно подумайте о целях бытия капитализма, точнее: о преступности его бытия.

Вы, интеллектуалисты, «дорожите культурой, общечеловеческое значение которой неоспоримо». Так? Но — на ваших глазах капитализм ежедневно и непрерывно разрушает эту дорогую вам культуру внутри Европы, а своей бесчеловечной, цинической политикой в колониях несомненно создает армию врагов европейской культуры. Если эта «культура» хищников воспитывает на черном и желтом материках тысячи таких же хищников, не следует забывать, что там остаются несколько сотен миллионов ограбленных и нищих. Индус, китаец, аннамит склоняют головы перед пушками, но это вовсе не значит, что они преклоняются пред культурой Европы. И они начинают понимать, что в Союзе Советов строится иная культура по формам и по смыслу.

«На Востоке живут язычники и дикари», — сообщаете вы и в доказательство одичания Востока ссылаетесь на положение восточной женщины. Поговорим о дикарях.

На эстрадах мюзик-холлов Европы показывают десятки и сотни обнаженных женщин. Не кажется ли вам, что эта публичная игра голым телом женщины должна бы вызвать некоторый протест со стороны матерей, жен, сестер европейских интеллигентов? Я говорю о значении этой цинической игры не с точки зрения «морали», а под углом интересов биологии и социальной гигиены. Для меня эта подлая и пошлая игра — несомненное доказательство одичания и разложения европейской буржуазии. Я убежден, что явный и быстрый рост гомосексуализма, лесбиянства, объясняемый экономикой — дороговизной семейной жизни, — ускоряется вот этим мерзостным публичным издевательством над женщиной. Признаков одичания буржуазной Европы слишком много, и не вам говорить о дикарях Востока. Крестьяне тех его племен, которые вошли в Союз Советов, прекрасно учатся понимать ценность истинной культуры и глубокую важность роли, которую играет женщина в жизни. Понимают эту ценность рабочие и крестьяне тех провинций Китая, где уже основаны советы. Поймут индусы. Весь трудовой народ нашей планеты должен понять, где лежит путь к его свободе. Именно за эту свободу борется он на всей земле.

В капиталистическом мире все более яростно развивается борьба за нефть, за железо, за вооружения для новой бойни многомиллионных масс, борьба за право политико-экономического угнетения меньшинством большинства. Эту наглую, циническую, преступную борьбу, организуемую небольшой группой людей, одичавших в погоне за бессмысленным накоплением денег, благословляет христианская церковь, наиболее лживая и преступная из всех церквей земли. Этой борьбой совершенно убит, истреблен «гуманизм», который так дорого стоил интеллигенции Европы и которым она гордилась. Никогда еще интеллигенция не обнаруживала с такой ясностью свое бессилие и с таким бесстыдством свое безразличное отношение к жизни, как это обнаруживает она в XX веке, столь обильном трагедиями, которые создает на земле цинизм командующих классов. В области политики чувством и мыслью интеллигенции властно командуют авантюристы, покорные исполнители воли капиталистических групп, которые, торгуя всем, что покупается, в конце-концов всегда торгуют энергией народа. Здесь в понятие «народ» я включаю не только рабочих и крестьянство, но мелких чиновников и армию «служащих» капиталу и вообще интелли-

ицию, — все еще довольно яркую заплату на грязных лохмотьях буржуазного общества.

Увлекаясь словесными поисками «общечеловеческого», разноречивые интеллигенты смотрят друг на друга из-за углов своих национальных и классовых предубеждений, предрассудков. Вследствие этого недостатки и пороки соседей интересуют их гораздо более, чем достоинства. Они так часто били друг друга, что уже не знают, кто из них больше или меньше бит и поэтому более заслуживает уважения. Капитализм внушил им скептическое недоверие друг к другу и ловко играет на этом.

Они не поняли исторического значения Октябрьской революции и не нашли в себе ни сил, ни желания протестовать против кровавой, грабительской интервенции капиталистов в 1918—21 гг. Они протестуют, когда в Союзе Советов арестуется властью профессор, монархист и заговорщик, но они равнодушны, когда их капиталисты насилуют народы Индо-Китая, Индии, Африки. Если в Союзе Советов расстреляют полсотни гнуснейших преступников, они кричат о зверстве, а если в Индии, в Аннаме истребляются пушками и пулеметами тысячи ни в чем неповинных людей, гуманные интеллигенты скромно молчат. Они все еще не могут оценить результатов 13-летней работы активных сил Союза Советов. Политики в парламентах и прессе внушают им, что работа советской власти сводится исключительно к разрушению «старого мира», и они верят, что это так и есть.

А в Союзе Советов быстро развивается процесс освоения трудовым народом всего лучшего и неоспоримо ценного, что создано общечеловеческой культурой, — процесс освоения и развития этих ценностей. Старый мир конечно разрушается, ибо необходимо освободить личность от разнообразных ограничений ее интеллектуального роста, освободить от плена классовых, национальных, церковных идей и суеверий. Основная цель культурного процесса в Союзе Советов — объединение людей всего мира в единое целое. Эта работа предуказана и диктуется всем ходом истории человечества, она — начало мирового, а не только национального ренессанса. Об этом мечтали единицы — Кампанелла, Томас Мор, Сен-Симон, Фурье и др. еще тогда, когда для реализации этой мечты не было данных в области промышленно-технической. Теперь эти данные — налицо, мечта утопистов научно обоснована, и работу реализации этой мечты ведет многомиллионная масса. Еще одно поколение — и только

в одном Союзе Советов работников на этом поле будет около двухсот миллионов.

Верят тогда, когда не хотят или не в силах понимать.

Классовый инстинкт, умонастроение мелкого собственника и философия слепых защитников классового общества заставляют интеллектуалистов верить, что в Союзе Советов личность подавлена, угнетена, что индустриализация страны происходит принудительным трудом, так же, как строились пирамиды в Египте. Это не только просто ложь, но это настолько очевидная ложь, что принимать ее как правду могут только люди, совершенно обезличенные, обессиленные, живущие в состоянии полного упадка, полного истощения интеллектуальной энергии и критической мысли.

Против легенды о подавлении личности определенно говорит быстрота количественного роста талантливых людей во всех областях жизни: в искусстве, науке, технике. Иначе и не может быть в стране, где вся масса населения вовлекается в процесс культурной работы.

Из 25 миллионов «частных хозяев», малограмотных и безграмотных крестьян, забитых самодержавием Романовых и гнетом поземельной буржуазии, 12 миллионов уже оценили разумность и выгодность для них коллективного хозяйства. Эта новая форма работы освобождает крестьянина от его консерватизма и анархизма, от зоологических качеств мелкого собственника. Она предоставляет ему много свободного времени, и эту свободу он затрачивает на ликвидацию своей малограмотности. В 1931 году в Союзе Советов обучается 50 миллионов взрослых и детей, за этот год намечено к изданию 800 миллионов книг — $3\frac{1}{2}$ миллиарда печатных листов. Потребность населения уже — 5 миллиардов листов, но фабрики не успевают изготавливать бумагу. Жажда знания растет. За 13 лет в Союзе Советов организовано несколько десятков научно-исследовательских институтов, новых университетов, политехникумов, все они переполнены учащейся молодежью, и рабоче-крестьянская масса непрерывно выдвигает тысячи проводников культуры в ее среду.

Ставило ли когда-либо и может ли поставить буржуазное государство целью своей вовлечение всей массы трудового народа в область культуры? На этот простой вопрос история отвечает отрицательно. Капитализм способствовал умственному развитию людей труда лишь настолько, насколько это необходимо и выгодно для успехов промышленности и торговли. Для капитализма человек нужен только как более или менее дешевая сила, как защитник существующего строя. Капитализм не дорос

и не мог дорасти до понимания, что цель и смысл подлинной культуры — в стремлении к развитию и накоплению интеллектуальной энергии. Для того, чтоб эта энергия развивалась непрерывно и возможно быстрее помогла человечеству овладеть всеми силами и дарами природы, необходимо освободить максимальное количество физической энергии от бессмысленной, анархической работы в узких, корыстных интересах капиталистов, хищников и паразитов трудового человечества. Идеологам капитализма совершенно чуждо представление о человеческой единице, как вместилище огромного запаса энергии интеллектуальной. Несмотря на все словесные хитрости и украшения, идеология защитников власти меньшинства над большинством по существу своему зоологична.

Классовое государство построено по типу зоопарка, где все животные заключены в железных клетках, — в классовом государстве это более или менее искусно построенные клетки идей, которые, разобщая человечество, делают почти невозможным развитием в нем сознания единства его интересов и рост единой, подлинно общечеловеческой культуры.

Стану ли я отрицать, что в Союзе Советов личность ограничена? Разумеется — нет, не стану. В Союзе Советов воля личности ограничивается каждый раз, когда она враждебно направлена против воли массы, сознающей свое право строительства новых форм жизни, против воли массы, которая поставила перед собою цель, недостижимую для личности, даже сверхестественно гениальной. Передовые отряды рабочих и крестьян Союза Советов идут к своей высокой цели, героически претерпевая на пути множество внешних, бытовых неудобств и препятствий.

Личность отстаивает свою мнимую свободу, свою привычную, воспитанную в ней веками независимость внутри железной клетки. Клетки, в которых замкнуты писатели, журналисты, философы, чиновники и все другие гладко отшлифованные частицы аппарата капиталистического строя, конечно — более удобные клетки, чем клетка крестьянина. Чадная и грязная изба, его «частное хозяйство» держат его в состоянии непрерывной самообороны против капризов стихийных сил природы и насилия капиталистического государства, которое дерет с него семь шкур. В Калабрии и Баварии, в Венгрии, Бретани, в Африке, Америке крестьяне не очень сильно психологически отличаются друг от друга, если исключить различие языка. На всем земном шаре крестьянство приблизительно одинаково беспомощно и одинаково заражено зоологическим индивидуализмом. В Союзе Советов крестьянин, переходя на коллективный труд, постепен-

но утрачивает эту специфическую психику раба земли, вечного пленника нищенской собственности.

Индивидуализм есть результат давления на человека извне, со стороны классового общества, индивидуализм, это — бесплодная попытка личности защититься от насилия. Но ведь самозащита есть не что иное, как самоограничение, ибо в состоянии самозащиты замедляется процесс роста интеллектуальной энергии. Это состояние одинаково вредно и обществу и личности. «Нации» тратят миллиарды на вооружение против соседних наций, личность тратит большинство своих сил на самооборону против насилий классового общества. «Жизнь есть борьба»? Да, но она должна быть борьбой человека и человечества против стихийных сил природы, борьбой за власть над ними. Классовое государство превратило эту великую борьбу в гнуснейшую драку за обладание физической энергией человека, за порабощение его. Индивидуализм интеллигента XIX—XX вв. отличается от индивидуализма крестьянина не по существу, а только по формам выражения; он более цветист, глаже отшлифован, но также зоологичен, так же слеп. Интеллигент бытует между наковальней народа и молотом государства; в общем условия его быта конечно тяжелы, драматичны, ибо действительность обычно враждебна ему. Поэтому так часто и бывает, что неудобство и тяжесть личных условий бытия пленная мысль интеллигента распространяет на весь мир и в результате объективного мироощущения являются философический пессимизм, бытовой скептицизм и прочие уродства мысли. Известно, что родиной пессимизма является Восток, особенно Индия, где кастовая система общества доведена до изуверства.

Действительность классового строя общества стесняет свободу роста личности, и поэтому личность ищет себе места и покоя за пределами действительности. Например в боге. Трудовой народ в поисках объяснений полезных и вредных ему явлений стихийных сил природы язычески прекрасно воплотил эти явления в образы существ человекоподобных, но могучих более, чем любая человеческая единица. Народ наделил своих богов всеми добродетелями и пороками, которыми обладал сам он, боги Олимпа и Асгарда, это — преувеличенные люди, Вулкан и Тор — кузнецы, такие же, как любой кузнец, они только более сильны, более искусны. Религиозное творчество трудового народа, это — просто художественное творчество, в нем нет мистики, оно вполне реалистично и не оторвано от действительности, в нем определенно чувствуется влияние трудовой деятельности, и цель его сводится в сущности к поощрению этой дея-

тельности. В поэтическом творчестве народа заметно и сознание того факта, что в конце-концов действительность создается не богами, а трудовой энергией людей. Народ — язычник. Даже через 1500 лет после того, как христианство утвердилось в качестве государственной религии, в представлении крестьянства боги остались богами древности: Христос, мадонна, святые ходят по земле, вмешиваются в трудовую жизнь людей так же, как боги древних греков и скандинавов.

Индивидуализм возник на почве «частного хозяйства». Род, наслаиваясь на род, строил коллектив, единица, по тем или иным причинам отъединяясь, откалываясь от коллектива и тем самым от реальной, непрерывно творимой действительности, создавала своего бога, единого, непостижимого разумом, мистического бога, назначение которого — оправдать право единицы на независимость и на власть. Мистика необходима здесь потому, что разумом нельзя объяснить права личности на самовластие, «самодержавие». Индивидуализм придал богу своему качества всеведения, всемогущества, сверхразумности, т. е. качества, которыми человеческая единица хотела бы обладать, но которые развиваются только в действительности, творимой коллективным трудом. Эта действительность всегда остается ниже и сзади разума людей, ибо разум, творящий ее, совершенствуется хотя медленно, но непрерывно. Если б этого не было, действительность конечно удовлетворяла бы людей, а состояние удовлетворения — пассивное состояние. Действительность создается неиссякаемой силой разумной воли людей, и нет такого момента, когда развитие ее остановилось бы. Мистический бог индивидуалистов всегда оставался и остается неподвижным, бездеятельным, творчески мертвым, он и не может быть иным, ибо он отражает творческое внутреннее бессилие индивидуализма. История бесплодных колебаний религиозного метафизического мышления индивидуалистов известна каждому грамотному человеку. В наше время бессилие этих «умозрительных» колебаний обнаружилось с неоспоримой ясностью и обнаружило полное банкротство философии индивидуалистов. Но индивидуалист все еще продолжает бесплодные поиски ответов на «загадки» жизни, он ищет их не в трудовой действительности, которая развивается всесторонне и с революционной быстротой, — он ищет ответов в «недрах своего я». Он продолжает сохранять нищенское «частное хозяйство» и не желает оплодотворять жизнь. Он занят самоуглублением для самозащиты, он не живет, а прячется в своей «умозрительной деятельности» весьма напоминает одного из героев библии — Онана.

Покорно подчиняясь внушениям капиталистического государства, интеллигенты Европы и Америки в лице литераторов, публицистов, экономистов, бывших социалистов, ныне авантюристов, в лице мечтателей типа Ганди сознательно и бессознательно служат охране основ классового буржуазного строя, который определенно затрудняет наступательное движение общечеловеческого культурного процесса, — в этом процессе все более активную роль играет воля трудовых масс, направленная к творчеству новой действительности. Интеллигентам кажется, что они защищают «демократизм», хотя он уже доказал и продолжает доказывать свое бессилие, защищают «свободу личности», хотя она затискана в клетку идей, ограничивающих ее интеллектуальный рост, защищают «свободу слова», хотя пресса захвачена капиталистами и может служить только их анархическим, бесчеловечным, преступным интересам. Интеллигент работает на своего врага, ибо хозяин всегда был и есть враг рабочего, а идея «сотрудничества классов» такая же наивная бессмыслица, как дружба волков с баранами.

Интеллигенты Европы и Америки работают на врагов своих, это особенно резко и бесстыдно обнажается отношением к тому культурно-революционному процессу, который начат рабоче-крестьянской массой Союза Советов. Процесс этот развивается в атмосфере неистовой вражды со стороны европейской буржуазии, под угрозой ее разбойнического нападения на Союз Советов. Давлением этих двух условий почти вполне объясняются все факты отрицательного характера, факты, которые так любят подчеркивать враги рабочих и крестьян Союза Советов.

Делом подсчета этих отрицательных явлений советской действительности особенно усердно и злобно занимаются русские политиканствующие эмигранты, информаторы европейской буржуазной прессы. Кто они, эти эмигранты? Большинство из них — политические неудачники, люди честолюбивые, мелкие, но — люди «больших надежд». Некоторые из них хотели быть Масариками, другие — Брианами и Черчиллями, многие — Фордами, и для всех одинаково характерно то, что они покушались на командующие посты «с негодными средствами». Их мсральное, а также интеллектуальное ничтожество знакомо мне хорошо и давно, они обнаружили его еще в 1905—07 годах, после первой революции, затем они ежедневно демонстрировали свою бездарность в Государственной думе и уже с предельной ясностью обнаружили ее в 1914—1917 гг., как «борцы против самодержавия», но, разумеется, за великодержавность. Они создали себе некоторую популярность как организаторы поли-

✓
тического самосознания мелкой и крупной буржуазии; в общем, это — идеологи мещанства. Есть пословица: «На безрыбье и рак — рыба». Они играли в русской жизни роль раков, они пятились назад. Это обычная роль большинства интеллигенции в эпохи революций.

Но позорная их роль не ограничивается постоянной политической «сменой вех» и забвением «Аннибаловых клятв». С 1917 г. они служили русским нефтяникам, текстильщикам, углепромышленникам, мельникам и помещикам вместе с остатками царских генералов, которые презирали их как ренегатов и как «врагов царя». В русской истории они оставили память о себе, как о предателях народа своего. В течение четырех лет они предавали и продавали свой народ вашим капиталистам, гг. интеллигенты Европы. Они помогали Деникиным, Колчакам, Врангелям, Юденичам и другим профессиональным человекоубийцам разрушать хозяйство своей страны, уже разоренной четырехлетней бойней, позорной для всей Европы. С помощью этих презренных людей генералы европейских капиталистов и царя истребили сотни тысяч рабочих и крестьян Союза Советов, выжгли сотни деревень и казачьих станиц, разрушили железнодорожные пути, взорвали мосты, испортили все, что можно было испортить, для того, чтоб окончательно обессилить свою страну и предать ее в руки европейских капиталистов. Спросите их: чего ради они истребляли народ и разрушали хозяйство его? Они бесстыдно ответят вам: «для пользы народа» и умолчат о том, за что «народ» выпшвырнул их из своей страны.

Начиная с 1926 г. они способствовали организации многочисленных заговоров против рабоче-крестьянской власти. Они конечно отрицают участие свое в этих преступлениях, хотя заговорщики — их друзья — сознались, что информировали их прессу «заведомо ложным освещением советской работы», и, разумеется, заговорщики в свою очередь руководствовались указаниями прессы предателей родины.

Ваш гуманизм, гг. европейцы, возмущился заслуженной казнью 48 садистов, организаторов голода, это очень странно! Почему же не возмущают вас почти ежедневные убийства полицией ни в чем неповинных рабочих на улицах ваших городов? 48 выродков более отвратительны, чем дюссельдорфский садист Кюртен, девять раз осужденный на смерть. Я не знаю мотивов, по которым советская власть не передала суду этих заговорщиков, но я догадываюсь: есть преступления, гнусность которых слишком приятна врагам, и учить врагов гнусностям было бы слишком наивно. Кстати скажу: если б я был гражда-

нином Германии, я протестовал бы против публичного суда над Кюртенем, потому что классовое общество создало и создает слишком много садистов, и я не вижу оснований, которые оправдали бы необходимость публичной пропаганды садизма и повышения технической квалификации преступников. Дозволительно спросить: почему интеллигенты Европы защищают «свободу личности», когда эта личность, например профессор С. Ф. Платонов, монархист, но равнодушны, когда личность — коммунист?

Если вы желаете иметь точное представление о том, до какой степени озверела русская эмиграция, прочитайте воззвание о сборе пожертвований для борьбы против народа Союза Советов, напечатанное в парижском органе эмигрантов-монархистов «Возрождение».

Возглавляет эту подлейшую затею «Его Блаженство митрополит Антоний председатель архиерейского Синода православной церкви за границей России». Вот подлинные слова этого изувера:

Властью, данной мне от бога, благословляю всякое оружие, против красной сатанинской власти ~~похищаемое~~ и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за русское и Христово дело. Первее же всего благословляю всякое оружие и боевую работу Всенародного братства русской правды, которое уже не мало лет словом и делом ведет упорную борьбу против красного сатаны во имя бога в России. Милость господня да почит над каждым, кто вступит в братские ряды либо придет на помощь братству.

Митрополит Антоний.

Совершенно ясно, что митрополит, вождь христианской церкви, благословляет насилие над волею народа и террористические акты. Не кажется ли вам, что такие воззвания, такое благословение убийств церковником, очевидно, обзленным до идиотизма, не совсем уместны в столице «культурного государства»? Не думаете ли вы, что вам следовало бы крикнуть «цыц!», «тубо!» по адресу «Его блаженства»? Не служит ли эта дикая выходка русского попа признаком не только озверения русской эмиграции, но и признаком крайнего и постыднейшего равнодушия интеллектуалистов Европы к вопросам социальной морали, социальной гигиены? И вы говорите о дикости Востока!

Вы верите показаниям русских эмигрантов. Так. Разумеется, это ваше «личное дело», но я сомневаюсь, чтоб это было вашим правом. Сомневаюсь, потому что вас явно не интересуют показания противной стороны — рабоче-крестьянской власти. Советская пресса не скрывает отрицательных явлений действительно-

сти, она построена на принципе жесточайшей самокритики, и нет такого сора, который она побоялась бы «вынести из избы». Она работает в многомиллионной массе людей еще не очень грамотных, за что их конечно нельзя обвинить, но честным людям следовало бы помнить, что малограмотному человеку легко ошибаться. Затем следует знать, что большинство той клеветы и лжи, которыми живет и утешается, которые распространяет пресса эмигрантов, основано на данных советской самокритики.

Лично я протестовал и в печати, и на собраниях в Москве, в Ленинграде против перегибов в самокритике. Я знаю, как жадно, как сладострастно хватается эмигрант за все, что может хоть немножко удовлетворить его болезненную злобу против рабочих и крестьян Союза Советов. Недавно я поместил в советской прессе статью по поводу книги Брэма, испорченной одним старым, но небрежным и не очень грамотным литератором. Тотчас же редактор эмигрантской газетки «Руль» Иосиф Гессен, очень глупый и до смешного обозленный старичок, напечатал передовую статью, в которой, комически ликуя, возгласил: даже Горький критикует советскую власть! Он хорошо знает, что я никогда не стеснялся сказать правду в лицо людям, работающих небрежно, недобросовестно и вообще — плохо. Но он не может не солгать, так же как не может этого любой из эмигрантов-«политиков».

Существует особый вид «правды», она служит духовной пищей только для мизантропов, для скептиков, чей скептицизм основан на невежестве, для равнодушных, которые ищут оправдания своему равнодушию. Это — старая, гнилая, издыхающая правда, это — отбросы для свиней. Эта правда преодолевается и уничтожается работой передовых отрядов строителей новой культуры в Союзе Советов. Я очень хорошо вижу и знаю, как она мешает работе честных людей. Но я против того, чтоб подкармливать и утешать ею людей, справедливо униженных историей.

Вы спрашиваете: «есть ли среди рабочих и крестьян недовольные и чем вызывается их недовольство?» Недовольные, разумеется, есть, и было бы чрезмерно чудесно, если б за 13 лет своей работы 160 миллионов людей оказались вполне удовлетворенными во всех своих потребностях и желаниях. Недовольство именно тем и объясняется, что в 13 лет работы аппарат власти еще не может удовлетворить быстро растущие культурные потребности трудовой массы. Нехватает очень многого, и есть немало людей, которые ворчат, жалуются. Эти жалобы можно бы назвать смешными, ибо они преждевременны и не

продуманны, но я не назову их смешными, потому что в них определенно звучит твердая уверенность в силе власти, способной удовлетворить все потребности страны. Конечно недовольна и даже активно сопротивляется работе советской власти та часть зажиточных крестьян, которые ожидали, что революция сделает их крупными земельными хозяевами, помещиками и отдаст в их волю, в их руки крестьянскую бедноту. Разумеется, эта часть крестьянства против коллективизации, за индивидуальное хозяйство, наемный труд и все прочее, что неизбежно привело бы к возрождению капиталистических форм жизни. Но игра этой части крестьянства уже проиграна, ее сопротивление коллективному хозяйству безнадежно и идет по инерции.

Наиболее активные отряды рабоче-крестьянской массы не жалуются, они — работают. Им хорошо известно, что власть — это они, что все, в чем они нуждаются, чего хотят, может быть удовлетворено только их энергией. Именно этим сознанием своей мощности и всевластности вызваны к жизни такие явления, как социалистическое соревнование, ударничество и прочие неоспоримые признаки творческого пафоса, трудового героизма. Силою этого сознания целый ряд предприятий закончил пятилетку в $2\frac{1}{2}$ года.

Рабочие понимают главное, что им необходимо понять: власть в их руках. В буржуазных государствах законы сочиняются наверху в парламентах и сочиняются для укрепления власти командующего класса. Законодательство Союза Советов зарождается в низовых аппаратах, в сельских советах, в фабрично-заводских комитетах, и, наблюдая ход любого законоположения, легко можно убедиться, что цель каждого из них — не только удовлетворение действительных нужд трудовой массы, но и ясное свидетельство ее культурного роста.

Вся рабоче-крестьянская масса Союза Советов постепенно начинает понимать, что процесс ее материального обогащения и культурного развития искусственно и враждебно задерживается капиталистами Европы и Америки. Это понимание, разумеется, очень способствует росту в ней политического самосознания и сознания ею своей силы.

Если бы интеллигенты Европы и Америки вместо того, чтобы слушать наушников, верить предателям, серьезно и честно вдумались в историческое значение процесса, который развивается в Союзе Советов, они поняли бы, что смысл этого процесса — освоение сто шестидесятью миллионами народа неоспоримых ценностей общечеловеческой культуры, поняли бы, что этот

народ работает не только на себя, но и на все человечество, псказывая ему чудеса, которые создает разумно организованная воля к жизни.

В конце-концов необходимо спросить: хотят ли интеллектуалы Европы и Америки новой всемирной бойни, которая еще более сократит их число и заставит их еще более обессилеть, одичать? Рабоче-крестьянская масса Союза Советов не хочет всевать, она хочет создать государство равных. Но в случае нападения на нее она будет защищаться вся, как одно целое, и победит, потому что на нее работает история.

1931

ПИСЬМО РАБОТНИЦАМ ФАБРИКИ ТУРКШЕЛК ПО ПОВОДУ ПРИСВОЕНИЯ ФАБРИКЕ ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО.

Искренно жалею, товарищи, о том, что не могу придти на ваше собрание. Горячо благодарю вас за честь, которую вы оказали мне, назвав фабрику моим именем.

Скажу вам, что еще с детства, присматриваясь к жизни женщины, особенно деревенской, я горестно думал о том, как тяжела эта жизнь, как невыносимо бремя труда, возложенное на нее деревенским бытом в условиях частного хозяйства. Кто она в этих условиях? Батрак своего отца, мужа, свекра, свекрови. Она — прачка, швея, ткачиха, стиралка, скотница, нянька, огородница, она неустанно всю жизнь работает и дома и в поле. Работает всю жизнь, без отдыха, к 30 годам — почти старуха и нажила себе непосильным трудом женские болезни. Нерадостная, каторжная жизнь, недостойная человека жизнь! Нет времени поучиться грамоте, а если и выучится немножко, так скоро забывает об этом, потому что грамоту — некуда девать, не было в деревенском быту ни книг, ни газет.

Рабочая партия, советская власть, перестраивая частное хозяйство в коллективное, организуя колхозы, освобождает женщину от каторжных ее цепей, делает ее независимой от мужчины, хозяина ее, устраивает в деревнях более легкую, более человеческую жизнь. В колхозах Юга Союза Советов, на Украине, на Северном Кавказе, в Поволжье, где крестьянские хозяйства почти сплошь стали колхозами, женщина начала жить иначе, более разумно, легко и светло. Там женщины устраивают общественные хлебопекарни, кухни, бани, прачечные, ясли для детей, там женщины начинают жить широкой общественной жизнью. У них есть время учиться грамоте, читать газеты, кни-

ги, они получили возможность знать все, что делается в Союзе Советов и во всем мире. А в мире идет великая, небывалая, неустоимая борьба трудового народа против хозяев, против людей, которые привыкли жить чужим трудом, привыкли спокойно сидеть на шее рабочих и крестьян. Начало этой борьбы рабочих положено у нас, нашими рабочими, она растет, растекается по всему миру, как пожар, она кончится полной победой трудового народа. Вам, товарищи, надобно это знать, вам необходимо принять посильное участие в этой борьбе за свою свободу, за ваше право изменять жизнь к лучшему, в борьбе за жизнь радостную и светлую. Первый шаг к этой цели — отказ топтаться на одном месте, как топтались ваши бабушки и прабабушки. Первый шаг к новой жизни — колхоз. Колхоз и грамота. Жизнь в колхозе сделает вас равной — равными мужчине. Из хозяина, которым он всегда был для вас, он будет вашим товарищем и другом в работе по устройству новой, светлой, разумной, легкой жизни на земле.

Примите мой сердечный привет и подумайте хорошо над правдой моих слов.

1931

К ИНОСТРАННЫМ РАБОЧИМ

Товарищи!

Вы — люди иных стран, вы родились и долгое время жили в условиях культуры, которую буржуазия строила вашими руками в целях укрепления и оправдания ее власти над рабочим классом, в целях развития ее бытовых, жизненных удобств. Ваши капиталисты, усердно заботясь о спокойной, удобной и дешевой жизни для себя, создали очень мудрую философию, хорошую в городах канализацию, удобную мораль для себя и еще многое, что придает европейской культуре ее внешний блеск. Этот блеск, созданный вашей энергией, ослепляет вас, что вполне естественно и понятно. На общем фоне роскоши, которая наполняет витрины магазинов Берлина, Рима и других городов Европы, не очень заметны фосфорические пятна гниения буржуазии. Нельзя отрицать, что кое-какие крошки со стола богатого Лазаря перепадает и верхушке пролетариата. Крохи эти — чечевичная похлебка, за которую ваша социал-демократия продает капиталистам ваше, товарищи, классовое первородство, и, как видите, чечевичная похлебка — очень сильный яд.

Из отличных городов Германии вы приехали в Союз Сове-

тов, а в Москве, столице его, 86 проц. одноэтажных и деревянных домов. Они не ремонтировались в течение 17 лет и построены так, что улицы Москвы противоестественно запутаны. Эта картина сразу дает вам неприятное, даже тяжелое впечатление некультурности. Не знаю, многим ли из вас понятно, что одноэтажная, деревянная Москва не будет отремонтирована, а ее разрушат и перестроят так же, как разрушается хозяином Союза Советов — рабочим классом — все прошлое, отжившее. Первое впечатление обычно играет решающую роль. Далее вам начинает казаться, что в Союзе Советов все вообще «некультурно». В известной мере это объясняется тем, что хозяин Союза Советов не может предложить вам тех условий жизни, которые он еще не успел создать для себя самого. Он и сам «некультурен» в сравнении с вами, ибо рабочие Союза в большинстве своем не носят галстуков.

Вам кажется, что он — к тому же — недостаточно дисциплинирован и не так хорошо работает, как бы следовало и как умеете работать вы. Это весьма близко к неприятной правде, но и это — как все на свете — имеет свое объяснение, ибо, работая у станка, наш рабочий думает не только о том, как лучше сделать вещь, но и о том, как скорее достичь решительных успехов в деле строения социалистического, бесклассового общества. Говоря это, я имею в виду тех рабочих, политическое, революционное сознание которых действует активно и практически. Вы наверно понимаете, что нельзя в течение 13 лет перевоспитать миллионы людей, воспитанных каторжной работой на капиталистов и еще не способных понять, что они — полные хозяева своей страны и что на них лежит ответственность за все неполадки, за все ошибки и т. д., — за все, что делают они сами — коллективные хозяева своей страны и всех ее сокровищ. Рабочему Союза Советов есть над чем подумать. Вы знаете, что, кроме необходимости индустриализировать одну шестую часть земного шара, он должен освободить и начал освобождать 25 миллионов крестьян от «власти земли», должен вооружить их машинами, преодолеть веками воспитанный индивидуализм крестьянина, приучить его к труду коллективному, научить его ввести в обиход государства на земле ряд новых сельскохозяйственных культур, построить на месте деревень города, провести миллионы километров дорог, — в общем он должен решительно изменить психику 25 миллионов людей, которые привыкли на протяжении многих веков подчиняться капризам природы, угнетающим разум суевериям церкви.

Кроме этой исторической, неизбежной работы в пределах

своей страны, рабочий класс Союза Советов должен знать все то, что творится за пределами ее. История поставила его в позицию передового отряда всемирной армии рабочих и крестьян, — это достаточно трудная и ответственная позиция. Она возбудила к нему звериную ненависть капиталистов всей земли, ненависть паразитов и хищников, которые не могут жить иначе, как паразитируя на теле трудового народа. Капиталисты не глупы и знают, что рабочая сила пролетариата всех стран неизбежно пойдет по пути, указанному компартией рабочих Союза Советов. Капиталисты не глупы, они ухитрились сделать вождей социал-демократии своими цепными собаками, создали из них в помощь понам и полиции охрану своей власти. Капиталисты, вероятно, попытаются сделать разбойничий набег на Страну Социалистических Советов. И об этом должен думать наш рабочий, и это он должен предвидеть, к этому обязан готовиться.

Товарищи! Рабочие Союза Советов делают всемирное дело рабочих, они делают и ваше дело. Если вы внимательно посмотритесь к ним, — вы убедитесь, что они меньше всего думают о себе. Они живут и работают в условиях тяжелых, «некультурных», это — верно. Но в этих условиях они за десятилетие достигли почти невероятных успехов в деле создания небывалого на земле государства.

Вы, товарищи, ничего не потеряв, много приобретете, если честно и всесторонне взвесите в уме тяжесть тех задач, которые решает рабочий класс Союза Советов, если внимательно и объективно станете изучать широкий размах той работы, которую выполняют люди, понять которых вам мешает различие языков. У пролетариата всех стран должен быть один язык, это — язык непримиримой ненависти к паразитам, хищникам, угнетателям и предателям, какими в наши дни для рабочего класса являются покорные слуги капитала — социал-демократы. Пролетарий, лишенный чувства ненависти и неспособный активно воплощать его в жизнь, — рыба, которой питаются киты капитализма.

1931

О ТРУДКОЛОНИЯХ ОГПУ

26 июня в «Первой трудовой коммуне ОГПУ» открыта была новая фабрика обуви с продукцией 4 000 пар в сутки. На торжественном по этому поводу общем собрании членов коммуны

присутствовало 1 598 человек. Кто они, эти люди? Отвечают цифры:

Из них:

остальные — из других учреждений этого типа.

	(в проц.)
С воровским стажем продолжительностью до 5 лет . . .	16,6
" " " " от 5 и выше	82,3
Неизвестных	1,1

	(в проц.)
Мужчин в коммуне	89,3
Женщин	10,7

Окончательно порвали со своим прошлым и оправдали себя на производственной и общественной работе в коммуне:

163 г.

За 6 лет своей успешной деятельности коммуна № 1 на 1 января 1930 г.

имеет капиталовложений руб. 6 500 000
намечено к вложению в 1931 г. 6 020 000

Итого руб. 12 520 000

Выпуск продукции в отпускных ценах выразился так:

С 1924 г. по 1 января 1931 г. коммуна выработала на сумму руб. 16 885 000
За 1931 г. должна дать не менее как на сумму руб. 23 286 000

Итого на руб. 40 171 000

Вот что рассказывают цифры о членах «Первой трудовой коммуны ОГПУ». А вот рассказ о том, как организовалась «Вторая».

Начало организации 2-й трудовой коммуны ОГПУ было положено в г. Звенигороде, в бывш. Саввинском монастыре. 21 октября 1927 г. в течение 3 дней разными партиями с улиц гор. Москвы было собрано и отправлено в Звенигород до 1 300 чел. беспризорников и молодых правонарушителей.

В первые дни жизни этой трудовой коммуны у ребят не было веры в построение организации, цели которой направлялись к тому, чтобы сделать из них, людей улиц и притонов, людей, полезных обществу.

Ребята сразу не могли привыкнуть к новой обстановке, где для них были приготовлены кровати с чистым постельным бельем, с новым чистым одеялом, нередко можно было кое-кого найти из них спящим в ночное время не на кровати, хорошо убранной, а под кроватью.

Эти люди абсолютно не имели никакого представления и понятия о порядке и дисциплине, поэтому в их занятиях в свободное время можно наблюдать своеобразные и характерные для них занятия, например: изобретение и поделка всевозможных самострелов, кинжалов, клинков, сабель, ножей, карт и пр.

Приучение их к определенному порядку и дисциплине вызывало с их стороны сопротивление и нежелание считаться с определенными порядками, поэтому были случаи, когда они пытались совершать побег и даже организованные, вплоть до снятия часовых и т. д.

Несмотря на все недоверие со стороны воспитанников к построению коммуны, организационный период в основном к февралю был закончен, и наиболее взрослые, имевшие за собой

уголовное прошлое, в количестве 750 чел. были переведены на постоянное жительство в Люберцы, в бывший монастырь.

Здесь-то, в монастырских стенах, и положено начало перевоспитания на основах трудовых процессов молодых правонарушителей. Были организованы полукустарные мастерские на средства, отпущенные ОГПУ. Мастерские вовсе не ставили себе задачей первое время коммерческую выгоду, а лишь бы занять свободное время у ребят, приучая их постепенно к труду.

В течение 1928 г. было организовано: лодочное производство, кроватное и обувное, не считая производства табуреток, скамеек и тумбочек, с выпуском продукции за весь 1928 г. на 221 108 рублей.

В 1928/29 г. функционировали производства:

Лодочное с выпуском продукции на	72 463	руб.
Кроватное	145 441	"
Обувное	663 784	"
Инкубаторное	232 758	"

Кроме того, разных работ на сумму 140 945 руб. Всего за 1928/29 г. — на сумму 1 255 392 руб.

Количественный состав членов коммуны был примерно 900 чел.

В 1929/30 г. продолжало существовать то же производство с добавлением фабрикации брудеров с выпуском продукции за весь год на сумму 3 302 854 рубля.

Количественный состав членов коммуны доходил до 940 чел.

Начиная с апреля хозяйственного 1929/30 г. в производстве трудкоммуны впервые, по твердой директиве ОГПУ, стала вводиться плановость работ, одновременно переходя на производство изготовления инкубаторов емкостью на 25 тыс. и 50 тыс. яицмест.

Коммуна сумела прорывы по производству в первом полугодии покрыть во втором полугодии, закончив хозяйственный год с выполнением плана полностью.

Особый квартал 1930 г. явился для коммуны периодом частичной реорганизации и перестройки производства. Обувная фабрика была целиком переведена в трудкоммуну № 1, а вместе с ней были переданы в 1-ю коммуну 252 члена коммуны, получивших квалификацию по обувному производству.

Производство коммуны было сосредоточено на инкубаторо- и брудеростроении; в этом же особом квартале трудкоммуна произвела открытие вновь выстроенного инкубаторного завода,

хорошо оборудованного, с достаточным количеством необходимых станков и механизированного.

Все остальное производство, как подсобное, было закрыто; таким образом инкубаторный завод трудкоммуны, обслуживаемый исключительно членами коммуны из бывших беспризорников и правонарушителей, стал заводом-гигантом индустриально-промышленного типа.

Программа инкубаторного завода на 1931 год была намечена по инкубаторостроению на 11 500 тыс. я. м. и по брудеростроению — на 13 000 000 п. м., на общую сумму 10 312 тыс. руб.

Количественный состав членов коммуны на 27 июня с. г. выражается цифрой 1 200 чел., из них в возрасте:

до 16 лет . . .	30 чел.
от 16 до 20 . .	900 .
свыше 25 лет .	270 .

Из общего состава 1 200 человек членов коммуны:

Несудимых . .	250 чел.
Судимых . . .	950 .

Коммуна за время своего существования произвела 2 выпуска ребят. 1-й выпуск — 87 чел., 2-й выпуск — 50 чел. Всего 137 чел. Все они приняты в члены профсоюза, из коих на сегодняшний день 5 чел. кандидатами в члены ВКП(б), и с 14 чел. по постановлению ВЦИК, по ходатайству коллегии ОГПУ, сняты судимости.

Из числа общего количества членов коммуны имеется 161 ч. членов ВЛКСМ.

Не довольствуясь участием членов коммуны в общественных организациях, коммуна завела клуб, который обслуживается самими членами коммуны.

При клубе имеются: драмкружок с количеством участвующих 55 чел., хоровой кружок с количеством в 55 чел., 2 духовых оркестра — 1-я и 2-я группа — с количеством 43 чел., струнный оркестр — 3 группы — с количеством в 80 чел., изокружок с количеством 32 чел., фотокружок — 15 чел., спорткружок со всеми видами спорта — 450 чел., литературный кружок с количеством 21 чел., кружок радиолюбителей с количеством 14 чел., рабкоров и стенкоров, занятых только в редколлегиях производственных и общекоммунальских газет, — 27 чел.

Для культурного обслуживания коммуны имеется летний театр, специально выстроенный; приспособлено помещение под зимний клуб и заканчивается постройкой большой клуб по

типу больших московских рабочих клубов, в котором предусмотрено большое количество комнат для кружков.

В настоящее время в коммуне имеется большое количество выдвиженцев из членов коммуны на руководящую, административно-хозяйственную и техническую работу.

Из числа активных членов коммуны — выпускников, с которых снята судимость, 2 чел. выдвинуты на воспитательную работу — руководителями корпусов и 2 чел. — на воспитательную работу пом. руков. корпуса.

Экономическая мощь и количественный состав членов коммуны настолько выросли, что коммуна со своим производством, культурными учреждениями и жилищами вышла за пределы монастырских стен, значительно расширив территорию коммуны. Коммуна в этом году организовала совхоз большого масштаба, имеет подъездную железнодорожную ветку с пассажирским и товарным движением.

Не останавливаясь на трудностях, трудкоммуна под руководством коллегии ОГПУ усиленно идет по линии расширения производства коммуны и большего вовлечения правонарушителей из мест заключения в среду членов коммуны для их перевоспитания, приучения к трудовым навыкам, воспитания из них людей, полезных обществу.

И вот 1598 людей первой коммуны, собранных из тюрем, праздновали открытие у себя, в коммуне, новой фабрики, которая значительно расширит их хозяйство и увеличит их количество за счет таких же «правонарушителей», какими были они шесть лет назад. На празднике 25 чел. из них получили награду за образцовую работу золотые и серебряные часы. Незаметно было, чтобы эта вещественная награда особенно тронула их. Но когда 36 членам коммуны было объявлено, что с них «снята судимость», т. е. возвращены им гражданские права, а 74 получили профсоюзные билеты, т. е. признаны квалифицированными рабочими и отныне имеют право работать где хотят, — вот в эти минуты руки многих бывших «преступников» взволнованно дрожали, бледнели суровые лица, гордо сверкали глаза. Гордиться этим людям было чем, — они пережили так много страшного и унижительного, и вот все это осталось далеко позади, точно кошмар, пережитый во сне. Я сидел в президиуме и видел, что среди 1 500 чел. многие были взволнованы до слез — до хороших слез радости за человека. Воскресали к жизни люди, которые в старое время, до Октябрьской революции, не

воскресли бы, нет! Вместе с этим воскресала уверенность в том, что не существует таких препятствий, которых человек не мог бы преодолеть. Все было очень просто. В простых словах, которые написаны выше и которые говорились там, скрыта изумительная история морального возрождения десятков и сотен молодых людей, которые за шесть лет упорного, жестокого труда переродились из «социально-опасных» в социально-полезных граждан Союза Советов, в граждан страны, где освобожденный народ творит чудеса героизма в области труда и во всех областях свободного выявления силы воли и силы разума.

И церемония признания за людьми «бывшими» права на яркое будущее тоже была очень проста: вызывали людей к столу президиума и вручали им «путевки в жизнь». За столом среди «начальства» сидели «свои» — товарищи в прошлом и настоящем, они также горячо рукоплескали входящим в честную, трудовую жизнь, как и все полторы тысячи коммунаров, собравшихся в клубе на свой праздник, и особенно единодушно искренни были рукоплескания, когда прочитано было постановление общего собрания о награждении орденом Ленина Генриха Ягоды, Матвея Погребинского и А. Шанина — организаторов трудколонии. Простота и глубокая значительность этого акта потрясали людей, которые впервые были в этой колонии, где, по словам одного из членов, «дело перевоспитания молодых правонарушителей поставлено в формах, еще не виданных историей!»

Да, это верно! История не может похвастаться, что ей знаком нечто подобное тому, что создается в Союзе Советов, и в частности знаком метод воспитания трудом, применяемый у нас. История основана на рабском труде большинства, на безответственной власти меньшинства, — к числу его преступлений против трудового народа необходимо прибавить и то, что оно — властвующее меньшинство — почти убило в рабочем сознании величия его труда — единственной силы, способной разрешить все «загадки жизни» и уничтожить всю мещанскую мерзость ее. Эта мрачная «история», созданная в основе из перемолотых костей трудового народа и внешне ярко раскрашенная более или менее угодливыми «историками», не могла придумать в борьбе против нарушителей «священного института собственности» ничего, кроме каторжных работ и «мертвых домов».

«Закон человеческой природы — стремление каждого человека присваивать себе желаемые предметы в ущерб другому». В этих словах дана точная и неоспоримая характеристика глав-

ной основы капиталистического общества, и слова эти сказал знаменитый в свое время Джемс Милль в его «Опытах о правительстве». А не менее знаменитый лорд Маколей, автор «Истории Англии», непревзойденный знаток «духа» английского мещанства, классического, т. е. самого совершенного мещанства и в этом смысле — вероучителя мещан всего мира, лорд Маколей, порицая либерализм Джемса Милля, возразил ему так:

«Джемс Милль предлагает дать бедному большинству власть над богатым меньшинством. Мы склонны думать, что вообще грабить богатых — в интересах большинства. Но мы отрицаем этот вывод, несмотря на его логичность. Наша цель — не столько защищать или опровергать какую-либо определенную политическую систему, сколько указать на погрешности резонерства, которое легко обратить для защиты ложных взглядов и которому не следует давать пощады даже и тогда, когда оно случайно служит правде».

Д. Милль был английский либерал, и, разумеется, не думал о том, чтобы дать трудовому большинству власть над эксплуатирующим меньшинством, он мечтал о разрушении «представительного правления» — парламентаризма — в пользу мелкой буржуазии. Лорд Маколей несколько «заострил» его идею и, как выразитель воли крупной буржуазии, сказал с бесстыдством ее идейного защитника: «Хотя вывод логичен, но мы его отрицаем».

Этот маленький спор происходил в 1829 году — за сто лет до наших дней, он не прекращался ни на один день в течение этих ста лет и продолжается во всех парламентах, во всей прессе Европы. В наши дни этот спор капиталистов против логики истории, совершенно обнажив свою бесчеловечную, антикультурную сущность, принял характер предельно циничный и наглый. Это случилось потому, что в бой против капитализма идет рабочий класс в лице Третьего интернационала, в лице быстро растущей во всем мире коммунистической партии. Сто лет назад этой грозной силы не было. Ее организовал Владимир Ленин — она непобедима и является действительным «могильщиком капиталистического мира». Она идет к победе, неотвратимой никакими силами, и с каждым днем все более резко обнажает ложь и лицемерие таких друзей рабочего класса, каковы, например, вожди социал-демократии. 3 июля в органе немецких социал-демократов, в «Форвертсе», напечатано: «Берлинские социал-демократы выражают полиции свое глубокое сочувствие». Это сочувствие полиции выражено по поводу того, что

безработные рабочие избили двух полицейских. Не помню, чтобы «Форвертс» выражал свое сочувствие рабочим-коммунистам, почти ежедневно избиваемым полицией. Чем можно объяснить это сочувствие органа «вождей рабочего класса» полицейским, охраняющим власть капитала? Оно с полной ясностью и точно-стью выражено в письме, полученном на днях мною от одного из наших «внутренних эмигрантов». Он пишет: «Если я продаю свою совесть, так только за мое благополучие». В этих словах он выразил всю суть борьбы, которая ведется капиталистами и наемниками их — меньшинством против рабочего большинства, и суть той озлобленной борьбы, которую ведут капиталисты всего мира против Союза Советов, страны, где хозяйствует рабочий класс.

Я отвлекся от темы. Это вполне естественно: в наши дни невозможно писать ни о чем, забывая главное, а главное — это непримиримая борьба классов, из которых один отжил свой век, другой — только что начинает жить и живет и героически работает для того, чтобы завоевать весь мир. Итак: либеральный англичанин сказал: «Закон человеческой природы — стремление каждого человека присваивать себе желаемые предметы в ущерб другому». Это правда, но это не правда «человеческой борьбы», а правда капиталистического строя, основанного на грабеже чужого труда. За 1400 лет до Д. Милля один из церковных писателей, Лактанций, понимал эту правду лучше либерального англичанина, он говорил: люди преступны потому, что меньшинство их захватило в свои руки все сокровища, выработанные большинством, и захватило власть над большинством.

Советская власть, коммунистическая партия исходят из другой оценки «человеческой природы». Марксисты утверждают, что «сознание человека организуется его бытием» и что если изменить все условия жизни — изменится коренным образом и сама «природа человека», т. е. человек избавится от всего, что на протяжении тысячелетий воспитывало, вернее, искажало его разум, его чувства. Коммунистическая партия уничтожает в корне все основы капиталистического общества. Она создает государство, в котором нет собственников, кроме государства: все, чем богато оно, принадлежит всем и каждому. При таком распределении богатств невозможно «присваивать себе желаемые предметы в ущерб другому».

При этих условиях всякое воровство будет воровством из своего кармана, всякое лентяйство приносит вред прежде всего самому лентяю, бесхозяйственное отношение к материалу, к ма-

пине — преступление против всех членов государства и, значит, против себя самого. Возможно ли перевоспитать «природу человека» так, чтобы он сознал себя единственным законодателем мира, творцом всех вещей и хозяином их, чтобы он понял, что государство не должно быть чудовищем, бессмысленно пожирающим его силы, а организацией, которая, щадя его жизнь и личность, всячески стремится обеспечить его физический труд и предоставить полную свободу развитию всех его способностей и талантов.

На этот вопрос определенно и положительно отвечает советский опыт перевоспитания посредством трудовых коммун людей «социально-опасных» в социально-полезных. Внутренняя и глубочайшая ценность этого опыта усугубляется тем, что опыт произведен с материалом испорченным, до крайности анархизированным, разложенным условиями капиталистического строя. На основании этого опыта, блестяще оправдавшего аксиому «бытие определяет сознание», мы можем быть вполне уверены, что в условиях коллективного труда мелкий собственник-индивидуалист быстро уступит место коллективисту, члену социалистического общества.

Мы видим, что кочевые племена Средней Азии вступают в колхозы целыми родами, т. е. минуя пережитый крестьянством тяжелый, длительный процесс капитализма, приступают к организации хозяйства социалистического. Все это достаточно красноречиво говорит о несокрушимой творческой силе, социалистически организованной энергии рабочего класса. И все это говорит нам о том, что «природа человека» есть не что иное, как ряд навыков, привычек, предубеждений, суеверий, воспитанных столетиями гнета, организованного меньшинством, и что «древний человек» легко освобождается из тяжкого плена прошлого, если к нему подойти социалистически гуманно, если соху заменить трактором, а церковь — школой.

Никогда еще и нигде не проявилось с такой сокрушительной силой и в таких героических формах великое значение труда, как это проявляется у нас. Мы недооцениваем глубочайшее значение трудколоний, организованных коллегией ОГПУ, да и немногие из нас знакомы с ними.

Этот опыт трудовых колоний для социально опасных заслуживает глубочайшего внимания и специального изучения, а организаторы его — величайших похвал со стороны советской власти и общественности.

ЛОГИКА ИСТОРИИ.

На днях в одной из бело-эмигрантских газет было напечатано:

Нью-Йорк, 4 июля. Уволен в отставку 14-й по счету полицейский судья Нью-Йорка. Увольнение объясняется крупными злоупотреблениями по службе — получением взяток. За последние полтора года из 25 полицейских судей Нью-Йорка более половины оказались преступниками.

Месяца три тому назад та же газета сообщала, что в одном из штатов Северной Америки был арестован за преступления по службе судья, который во время суда над ним признался, что за время своей деятельности по борьбе с преступностью он утвердил не менее 1000 бесчестных приговоров за взятки со стороны родственников и от других преступников.

Тысяча преступлений, совершенных одним судьей, это — разумеется, очень много, но следует помнить, что американцы любят грандиозное и в данном случае следует верить бело-эмигрантской прессе: она не только усердно, но даже яростно зашищает капиталистический строй. Значит, не в ее интересах сообщать читателю непроверенные факты, которые компрометируют этот любезный ей строй.

Значит она сообщает факты эти или «по неосмотрительности», или по глупости, или потому, что для нее безразлично, чем кормить читателя, лишь бы он покупал газету.

Она печатает в игривом тоне, например, такие сообщения:

Перед судом исправительной полиции в Лионе должен был предстать бродяга, обвинявшийся в воровстве. Жандармы долго не решались ввести подсудимого, и уступили только после настойчивого требования председателя. Пред судом предстал человек... без штанов. Бродяга заявил, что он изодрал свои штаны в виде протеста против несправедливого обвинения и затем, чтобы показать, «на что он способен, если его и дальше будут мучить», съел значительную часть лохмотьев. Судья распорядился вернуть бродягу в тюрьму, дабы там справили ему пару брюк.

Очень весело рассказано, хотя и чувствуется, что бродяга — из новых, из созданных безработицей.

Но вернемся в Америку к судьям, которых в таком солидном количестве сажают на скамью подсудимых. Разумеется, сажают не всех. Например, Фулдер, губернатор одного из штатов, убийца Сакко и Ванцетти, кажется еще продолжает губернаторствовать. Не был посажен на скамью подсудимых и тот судья, который, будучи в ресторане, сказал публике: «Через минуту три человека сядут на электрический стул: я не убежден

в их виновности, но нахожу, что, для примера, их надо казнить».

Кажется публика рукоплескала ему. Известно, что в эти дни дожидаются смерти 8 негров, почти мальчиков. Их обвинили в анархизме, хотя данных для обвинения не было и нет. Очевидно, их убьют «в пример другим».

Итальянцев Сакко и Ванцетти убили, в сущности, также «в пример другим». Приговорив к смерти этих мучеников, держали их семь лет в тюрьме, чего не делалось даже в русских тюрьмах царского времени. Пролетариат Европы протестовал против приговора, протестовала интеллигенция. Это не помогло. Сакко и Ванцетти были убиты. Наверное будут убиты и 8 негров, несмотря на протесты пролетариата Европы и Союза Советов.

Протестовать против цинической жестокости капиталистов необходимо потому, что это организует классовое самосознание — и классовые интересы солидарности пролетариев.

Но было бы наивно думать, что эти протесты могут оказать какое-нибудь влияние на суд капиталистов, людей, которые спьянены своей властью и которых все более и более опьяняет животный страх перед социальной катастрофой. Они чувствуют, что революция неизбежно снесет и смоем их с лица земли, загрязненной ими. И ничего больше не остается, как становиться все более беспощадными по отношению к врагу, пока еще недостаточно организованному для последнего, решительного боя. Но враг организуется, и поэтому Зеверинг, прусский министр внутренних дел, советует полицейским не жалеть патронов, как это советовал в 1905 г. петербургский градоначальник Трепов.

4 июля Зеверинг обратился ко всем полицейским учреждениям с циркуляром, в котором говорится:

Если предыдущий циркуляр допускал применение выстрелов в воздух, то отсюда никак не следует, что разрешаются только холостые выстрелы и стрельба патронами воспрещена. Я не откажу в защите ни одному человеку, который пустит в ход огнестрельное оружие, руководствуясь предписанием этого циркуляра.

Из этой прокламации министра для всякого грамотного революционера совершенно ясно, что министр готов убить не 8, а 800, 8000 и даже, если удастся, 80 000 рабочих. Он организует свою армию к битве. И этим он учит немецких рабочих: организуйтесь! Они организуются уходя из рядов социал-демократии в компартию.

Все идет, как следует. Приближаются сроки величайших боев и уничтожения трудовым народом всех его паразитов. Ком-

мунизм, как судья, приговорил остальной мир к смерти, как всегда трудовых масс силой их он разрушит его, а, как организатор трудовой энергии — построят на земле новый мир.

Это не пророчество безумного, не утешение для слабых духом, это — неизбежная, неоспоримая логика фактов, логика истории.)

1931

РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ НЕ ПОЗВОЛЯТ СЕБЯ ОБМАНУТЬ

Мне кажется, что глупость и безумие должны иметь свои границы, — поэтому я с трудом допускаю возможность войны.

Мир капиталистов, мир хищников уже дошел до пределов безумия. В стремлении своем окончательно ограбить трудовой народ Германии капиталисты все еще не могут сговориться, найти единую линию поведения, хотя говорят об этом непрерывно и давно. Казалось бы, что крайне глупо развивать борьбу внутри своего класса, — борьбу международных групп хищников — и развивать ее в таких явных, изумительно цинических формах перед лицом рабочих, в то время, как рабочие готовятся к битвам против бессмысленной эксплуатации их труда, к битвам за свое право на власть.

Очень трудно допустить, что пролетариат Европы не понимает, о чем спорят хозяева, — спорят они о том, которая группа воров имеет право быть самой богатой и командовать миром. Спорят и увеличивают давление на рабочий класс, усиливают его обнищание, организуют его классовое самосознание.

Может быть я рассуждаю наивно? Может быть, но — я стою за опровержение разума. Известно, что буржуазия развратила его хитросплетениями слов, искажениями понятий и что пролетариат нуждается в простоте, в ясности мысли. Буржуазная мысль всегда стремилась осложнять простое, это — один из приемов ее самозащиты. Приемами и формами буржуазной мысли нередко увлекаются даже искренние, испытанные друзья рабочего класса, как бы забывая, что буржуазия не может не лгать, и что лгут для того, чтобы скрыть правду. Чем проще мысль, тем она ближе к делу правды, а смысл этого дела — прост и легко укладывается в три слова: капитализм необходимо уничтожить.

Я потому сомневаюсь в возможности войны, что мне думается: пролетариат Европы, работая на военную промышлен-

ность, не может не понимать, что он принимает невольное участие в подготовке бойни, на которую в первую голову погонят именно рабочих и крестьян. Трудно поверить, что рабочие и крестьяне еще раз позволят так нагло и цинично обмануть их, как были они обмануты в 1914 г. Трудно представить, что они пойдут на самоубийство для охраны жизни и укрепления власти своих врагов.

Известно, что надо делать для того, чтобы ежедневно, ежедневно разоблачать перед пролетариатом подлую ложь его врагов и его предателей. Рабочий класс Союза Социалистических Советов в лице его партии неустанно твердит это своим героическим творчеством новых форм жизни. Слишком ярок и убедителен его пример, для того, чтобы пролетарии всех стран не последовали этому примеру. Думать иначе — значит утратить веру в историческое назначение рабочего класса.

А если грабители мира все-таки договорятся, если они снова сумеют обмануть пролетариат и послать его против его же авангардов, — рабочий класс Союза Советов пойдет в бой так же мужественно, как властно он вошел в жизнь, как категорически начал строить свое, социалистическое, государство.

Это будет битва, где против армии обманутых рабов, защитников бесчеловечной власти хозяев над ними, встанет армия, каждый боец которой будет хорошо знать и чувствовать, что он бьется за свою свободу, за свое право быть единственным властелином своей страны. Этот боец и победит.

1931

УЧАСТНИКАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Товарищи!

В Союзе Советов начата и с каждым годом все более мощно, успешно растет работа по строительству социализма. В железном шуме этой великой работы, в непрерывном, героическом напряжении трудовой энергии — время течет быстро, и мы легко забываем о том, чем жили вчера. Забываются бойдами гражданской войны и битвы, которые привели рабочий класс Союза Социалистических Советов к победе над бесчеловечной, безответственной властью царя, помещиков, фабрикантов.

Наша рабоче-крестьянская молодежь должна хорошо знать труды и подвиги своих отцов, должна подробно знать роль рабочего класса и его коммунистической партии в организации великой победы передового отряда пролетариев всех стран.

Ей надобно рассказать о том, как рабочие и крестьяне царской России вели вооруженную борьбу за власть советов, за свое право перестроить хозяйство на социалистический лад, за право создать из рабской страны свободное пролетарское государство. Четыре года дрались почти голыми руками полуголодные, полуодетые рабочие и крестьяне против армий, которые организовали ученые царские генералы на средства помещиков и фабрикантов, против полков, где почти каждый рядовой был офицером, дрались против специалистов войны, отлично вооруженных иностранными капиталистами, которым за это русские капиталисты обещали продать рабочих и крестьян в такое же рабство, в каком живут негры в африканских колониях Европы или рабочие в Китае под бесчеловечным гнетом мирового капитала. Четыре года продолжалась эта битва и окончилась полной победой рабочего класса и трудящегося крестьянства — отцов и старших братьев наших пионеров и комсомольцев.

Наша рабоче-крестьянская молодежь должна знать, что этой победой положено начало новой всемирной истории, новым социалистическим формам жизни трудового народа. Не только наше юношество должно знать все это, но это необходимо знать пролетариату и трудящимся массам всей земли, — они, следуя предужазаниям истории и вашему примеру, тоже готовятся к решительным боям против своего врага, против мирового капитализма, истрепанного, расшатанного неизбежными непримиримыми противоречиями внутри его, но все еще механически выжимающего кровь рабочего класса — единственную силу, которой он живет.

И вот, в целях ознакомления нашей молодежи всех народов, включившихся в семью Союза Социалистических Советов, и в целях познакомить всех трудящихся Союза с недавним прошлым, — с историей героической борьбы рабочих и крестьян под руководством компартии против фабрикантов и помещиков — затеяна работа по изданию «Истории гражданской войны».

Работу эту организуют люди, достаточно известные трудовому народу Союза Советов.

Для того, чтобы книги этой «Истории» читались легко и были всякому понятны, — к обработке ее документов привлекаются все наши лучшие художники слова. На их обязанность возлагается рассказать о боевых годах гражданской войны с предельной простотой, ясностью и правдивостью.

Документов много, но все-таки их недостаточно для полного

и правдивого освещения всех событий 17—21 гг. Необходимо, чтобы в этой большой и трудной работе приняли активное участие непосредственные участники гражданской войны: красногвардейцы, партизаны, красноармейцы, командиры и военкомы тех лет, а также люди, пострадавшие от грабежей и насилия белых армий, отрядов интервентов, от шайек бандитов и т. д.

Нужно, чтобы все люди, которые помнят события тех лет, те, которые создавали события, записывали и присылали в редакцию «Истории» свои записки.

«История» ставит целью своей подробно осветить развитие и условия гражданской войны по всем областям и республикам Союза Советов.

Борьба за Ленинград, по Северному краю, Поволжью, Донбассу, Украине, Белоруссии — борьба с польскими панами, Севкавказью, Закавказью, республикам Средней Азии, по Западной и Восточной Сибири, Дальневостоку, по всей земле Союза Советов. Редакция обращается не только к партизанам красноармейцам и вообще активным участникам военных действий, но и ко всем областным местным работникам в области культуры, напр. сельским учителям. «История» ставит своей целью показом славных битв рабочего класса и трудящегося крестьянства, показом подвигов отдельных заводов и фабрик, красногвардейских и партизанских отрядов и красноармейских полков передать молодому поколению лучшие традиции пролетарской борьбы. Необходимо также припомнить и осветить:

Условия мобилизации населения белыми армиями.

Угон скота, грабежи деревень, поджоги, казни трудящихся, заподозренных в большевизме, и вообще карательные меры белых отрядов.

Поведение немецкой армии.

Поведение чехо-словаков и различных интервентов.

Поведение польской и петлюровской армии.

Роль духовенства в гражданской войне и т. д.

Это общие указания, но кроме них в некоторых случаях должны быть поставлены частные требования, напр.:

По Поволжью, особенно по Самаре, Уфе и т. д., действия «народной» армии Комуча, поведение эсеров, меньшевиков: каждая область, каждая республика должна обнаружить свои особенности в борьбе с врагами.

Нужно писать обо всем, что приносили с собой армии по-

мещиков и фабрикантов, отряды иностранных солдат, анархические шайки бандитов, — нужны факты, как можно больше живых, правдиво рассказанных фактов.

Участники революционной борьбы должны рассказать о своем участии в боях. Было бы не плохо, если бы и бывшие участники «зеленого движения» шаек Махно, Григорьева, Тютюника и др. бандитов тоже рассказали о их действиях. Последним надо помнить, что их приглашают не каяться в старых грехах, а только помочь осветить исторические события.

Чем больше соберется материала, — тем полнее и правдивее будет «История», которую необходимо знать всем трудящимся.

Редактора «Истории» твердо надеются, что на их призыв немедленно откликнуться все те люди, которым понятна огромная и трудная задача, решить которую мы обязаны.

Для облегчения работы по записям воспоминаний о событиях гражданской войны мы советуем, — там где это возможно, — собираться группами и проверять показания друг друга.

Итак — за дело! Дело большое и хорошее. Когда оно будет сделано — наши бойцы увидят себя людьми, которые совершили небывалые, изумительные подвиги, а наша молодежь почерпнет из этой «Истории» новый заряд трудовой и творческой энергии, необходимой для завершения дела великого, небывалого в истории человечества.

1931

«ИСТОРИЯ ФАБРИК И ЗАВОДОВ»

Рабочий класс Союза Советов строит на огромной земле своей социалистическое общество.

Достаточно ли осведомлены мы об успехах социалистического строительства? Хорошо ли мы знаем то, что делается на всех фабриках и заводах, шахтах и рудниках нашей огромной страны? На эти вопросы можно ответить только так: мы крайне плохо знаем все, что совершается в Союзе Советов трудом концентрированной энергии миллионов единиц рабочего класса.

Общедоступной литературы, которая последовательно и широко знакомила бы с грандиозным процессом строительства, у нас почти нет. «Очерковая» литература не оправдывает тех надежд, которые возлагали на нее, — в огромном большинстве очерки пишутся поверхностно и легкомысленно, — должно быть, потому, что авторы, не понимая актуального значения

очерка в наши дни, относятся к очерку как к литературе третьего сорта и считают работу над ним ниже своего достоинства. К тому же очеркист обычно рассказывает о той или иной части предприятия, об отдельных цехах и процессах. От очеркиста нельзя и требовать, чтобы он дал полную картину деятельности завода или фабрики в целом, значение его достижений, его роль в промышленности, историю его роста и развития, — для такой работы очеркист и технически не подготовлен и недостаточно осведомлен. Такая широкая осведомительная работа не входит в круг задач ежедневной нашей прессы, которая обслуживает боевые вопросы текущего дня.

А между тем народ, который является коллективным и всевластным хозяином своей страны, и стремится создать совершенно новые условия жизни, — народ этот должен подробно знать, как он хозяйствует, чего уже достиг, чего должен достичь. Для того, чтобы понять огромное значение своих завоеваний, своих хозяйственных успехов, рабочий класс должен знать и прошлое, ту глубоко засоренную почву, на которой начал он строить свое новое государство. Все познается сравнением, и для того, чтобы правильно оценить настоящее, необходимо знать прошлое. Среди нас не мало людей, которые каторгу прошлого совершенно не знают и поэтому неспособны правильно оценить настоящее.

Есть шептуны и нытики, которые говорят: «Куда уж нам разгильдяям построить социализм!» Есть подленькие люди, которые внушают нытикам, что «социализм обезличивает человека». Есть молодые невежды, которые спрашивают: «Когда же мы будем работать сами на себя? Что же будет делать следующее поколение, если мы все сделаем для него? Лежать и плевать в потолок?» Есть людишки, которые в эпоху развала капитализма, во дни небывалой безработицы и бесстыднейшего небывалого грабежа рабочих пишут мне, что «капиталисты беспокоятся о своих рабочих и крестьянах и закупают у нас все что нужно для них». Возможны люди, утверждающие, что «капиталисты бросают пшеницу в море для того, чтобы прикормить к берегам рыбу и выловить ее». Таких признаков злостного шипения недодавленных ужей, признаков глубочайшего, дикого невежества можно насчитать очень много.

На фабрики, на заводы, в рудники и шахты влезает деревенский человек, — человек, разум которого еще не работал, не привык работать и который оброс толстой корой древнейших церковных суеверий, предрассудков, предубеждений.

Человек этот не знает, что размеры производства в нашей

стране за второй год пятилетки превысили довоенный уровень в $2\frac{1}{2}$ раза. Не знает, что в этом году в производство входят 518 новых предприятий—дело небывалое никогда ни в одной стране, и что все эти предприятия будут работать на удовлетворение его потребностей. Ему непонятно значение таких фактов, как пуск Днепростроя в будущем году, как строительство Магнитогорского завода, Кузнецкого и Уральского заводов, Березниковского комбината, Харьковского тракторного, Нижегородского автогиганта, Саратовского завода комбайнов, строительство ряда новых железнодорожных линий, новых рудников и шахт, работы по орошению средне-азиатских земель, строительство Беломорско-Балтийского канала, непрерывное обогащение Союза Советов такими новыми культурами, как кенаф, каучук, соя и пр.

Я очень хорошо знаю, что существуют «культурные» люди, которые, спекулируя на глупости издавна одичавших, хотели бы помешать партии коммунистов — разуму и воле рабочего класса — делать ее великое общечеловеческое дело. Работа этих «культурных» людей так же подла, как она бесплодна. За ними пойдут — если только пойдут — единицы, десятки: за партией идут сотни тысяч и миллионы наиболее крепких волей, наиболее разумных рабочих и крестьян.

Мы должны неумолимо бороться против ослатков древней глупости, против политического и всякого иного невежества, за нашу культуру социализма. Нам необходимо изучать нашу действительность во всем ее объеме, нам нужно знать в лицо все наши заводы и фабрики, все предприятия, все работы по строительству государства. Надо подробно, всесторонне знать все, что нами унаследовано от прошлого, и все, что создано за 14 лет, создается в настоящем. Надобно знать роль каждого наиболее типичного завода каждой области производства, — завода, как двигателя промышленности, как школы техников и школы революционеров, завода, как воспитателя классового, революционного самосознания рабочих и как организатора, участника гражданской войны. Надо знать завод в его современном значении, как организатора социалистического сознания и социалистического производства.

Как, каким приемом познакомить рабочую массу со всем этим? Пролетариат уже сам нащупал эти методы и приемы. Красная книга о «Каменке», созданная самими рабочими, и ряд других менее удачных книжек говорят нам, что в таких книжках

назрела потребность и что они должны создаваться путем коллективной работы. Рабочие создали завод, они же и должны написать историю его создания — историю своей работы.

Организационными центрами по работе над историей заводов должны быть ячейки РАПП. К работе следует привлечь ударников, литкружки, инженерно-технический персонал, проф-и парторганизации. В работе по «Истории гражданской войны» принимают участие наши высококвалифицированные литераторы, — им следует вступить и в работу по истории развития промышленности и рабочего класса в их стране.

В основу истории заводов должны быть положены заводские архивы, технические, исторические и другие материалы; опросы старых рабочих — мужчин и женщин, — они дадут богатый бытовой материал. Нужно показать техническую изобретательность рабочих в прошлом и настоящем. Рассказать о влиянии данного типичного завода на всю область производства, в которой он работал. Отвести заметное место бытовым условиям жизни рабочих: казарма, грамотность, церковь, ее влияние, организации культурного характера и воскресные школы, просветительная деятельность народнической интеллигенции, возникновение партийных кружков, отражение борьбы политических партий — народников, меньшевиков, эсеров, анархистов — в жизни заводов, забастовки, аресты, деятельности шпионов и провокаторов, битвы с полицией, казаками. Связь завода с деревней и влияние рабочих на крестьян. Отношение с техническим персоналом прежде и теперь. Нужно показать фигуры бывших «хозяев». Современное состояние завода, его культурные организации, его роль в строительстве партии и значение в той области промышленности, на которую он работает. Работу нужно поставить таким образом, чтоб в результате получилось нечто подобное энциклопедии нашего строительства в его постепенном развитии от возникновения завода до наших дней.

Собранный на заводах и фабриках материал, вероятно, не уложится целиком в книги и представит собой ценнейший архив для историков, литераторов, экономистов.

Книги, вероятно, будут двух типов: большие в 20—25 листов сборники статей, воспоминаний, рассказов и очерков по истории прошлого и по современному положению завода — эти книги изобразят жизнь старых, наиболее типичных заводов. Затем — книжки в 6—10 листов, посвященные истории возникновения и развития новых заводов.

В первую очередь предлагается осветить жизнь и работу та-

ких заводов и фабрик: АМО, «Динамо», завод им. Ильича, Электrozавод, «Красный Путиловец», Ижорский завод, «Красный Треугольник», Орехово-Зуево, Гусь-Хрустальный, Коломенский завод, Сормово, Нижне-Тагильский, Мотовилихинский, Кыштымский, Макеевка, Краматорский, Сталино, Кривой Рог, Баку, Грозный, Шатура, Сталинградский тракторный, «Балахна», Хибинь, совхоз «Гигант», коммуна «Болшево» и др.

Товарищи!

Рабочий народ должен знать все, что он делает, — он должен знать свою историю. Основным наполнением истории служат великий труд рабочих масс и разнообразное творчество единиц, которые выдвигаются массой и формируют ее опыт, как науку, технику, искусство. Это неоспоримо доказал Карл Маркс, это развито и утверждено Владимиром Лениным, величайшим вождем пролетариата. До них история писалась учеными специалистами так же, как церковники сочиняли жития святых, — история писалась для укрепления веры в право командующих классов руководить судьбой и работой трудового народа. Теперь настало время, когда вы, товарищи, создавая новую историю, сами должны писать ее, силой той же руки и того разума, которые поставили вас хозяевами огромной и богатейшей страны. Вы должны отнестись к изданию «Истории заводов» с тем же энтузиазмом, с которым бойцы гражданской войны отнеслись к задаче помочь созданию «Истории гражданской войны». «История заводов и фабрик» — это будет история вашего труда в прошлом и настоящем. Эта работа должна развить и укрепить сознание того факта, что вы — единственные хозяева вашей страны, что все, что вы строите, строится вами для самих себя, для полного удовлетворения всех ваших потребностей, для развития в Союзе Советов новой вами создаваемой социалистической культуры. Эта история заводов и фабрик должна показать крестьянству великое и решающее значение труда рабочих, она должна внушить колхознику сознание исторической для него необходимости равенства по работе, перестройку его психики на рабочий лад, — сознание необходимости полного слияния с рабочим.

В процессе работы над «Историей заводов» молодые литераторы получают возможность достичь той высокой литературно-технической квалификации, которая обязательна для них и необходима для страны. Вместе с этим члены фаб.-заводских литературных кружков, знакомясь с прошлым своих дедов и отцов, должны будут укрепить и свое классовое самосознание. В распоряжении писателей-ударников окажется разнообразный материал

для их литературной работы, на основе которого ячейкам РАПП легче и удобнее будет вести литучебу с начинающими авторами.

Рабочие, техперсонал, директора заводов должны оказать изданию «Истории заводов» моральную и материальную помощь. Также помощь должны оказать и научные силы наших культурных центров — Академии наук, ВСНХ, ВАРНИТСО, сотрудники научно-исследовательских институтов и вузов. Их работа будет необходима в деле организации и редактирования сборников. Было бы очень хорошо, если бы рабочие бумажных фабрик подработали некоторое количество бумаги в фонд издания «Истории заводов». Вероятно, найдутся и другие формы помощи этому глубоко важному делу.

Надобно только понять, что, как все, создаваемое в Союзе Советов, дело издания «Истории заводов» — дело самих рабочих.

1931

ГODOBЦИНА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ

На днях мне сообщили, что в одном из городов Италии две сотни юношей, кончив среднюю школу, сдавали экзамен в университет, а выдержали испытание только четверо. Случайно я знаю, что среди недопущенных к дальнейшему образованию есть несколько очень талантливых парней, а один из них — русский — «провалился» по латинскому языку, несмотря на то, что в продолжение всего курса средней школы преподаватели именовали его «королем латыни», что по всем другим предметам он шел первым учеником и его, в пример другим, переводили из класса в класс без экзаменов. Чем объясняется такой суровый «отсев» юношества, которое стремится к высшему образованию? Строгостью педагогических требований? Есть основания думать, что здесь скрыто нечто другое, а именно: боязнь перепроизводства интеллигенции. Капиталистическим государствам некуда девать ее.

Именно поэтому год назад несколько крупных немецких газет напечатали статьи, в которых красноречиво убеждали юношество не стремиться в университеты, ибо образованных людей в Германии излишек, делать им нечего и государство капиталистов считает вредным увеличивать их количество. Об этом вредном излишке интеллигентов говорит нам борьба «низколых» — т. е. обывателей, средней буржуазии — против «вы-

соколобых», т. е. интеллигентов, в С.Ш.С. Америки, борьба, которая выражается в таких явлениях средневековой дикости, как например знаменитый «обезьяний процесс» и запрещение в некоторых штатах преподавания дарвинизма в школах. Еще более убедительно говорит об этом «фашизм», который, борясь всеми силами против рабочего класса, подавляя всякое стремление к культуре, тем самым задерживает развитие его интеллектуальной энергии.

Капитализм боится, что интеллектуальная энергия, которую он уже не может поглотить и эксплуатировать в свою пользу, может перейти на сторону враждебного ему рабочего класса и будет служить его великой цели так же «за совесть», как интеллигенты служили строению железной клетки капиталистического государства. Запутавшись в своих собственных сетях, капитализм стал уродливо консервативен, и все его стремления все более нищенски суживаются только на охране его все еще командующих, но уже расшатанных позиций. Ему больше не нужен интеллигент творец, изобретатель, если он не изобретает пушек и пулеметов новой конструкции, ядовитых газов и всего прочего, что необходимо для будущей войны против пролетариата, ибо всякая бойня, какое бы из капиталистических государств ни начало ее, неизбежно будет массовым истреблением пролетариев. Пролетарии всех стран должны твердо знать: они будут поставлены под ружье для истребления друг друга, и всякая война капиталистов, а их война против Союза Социалистических Советов особенно, будет не чем иным, как их попыткой хоть ненадолго, но утвердить свою власть над рабочими. Капитализму вполне достаточно тех интеллигентов, которые доказывают, что все существующее не может быть иным, чем оно есть, что капитализм — источник культуры и поэтому благодетель человечества, что жизнь и судьба рабочего народа не в руках капитала, а во власти бога, что женщина прежде всего — мать, самка и существо низшего ряда, чем мужчина. Капитализму нужен интеллигент только как покорный слуга, как безропотный исполнитель повелений класса, который дает ему более или менее сытный кусок хлеба. Капиталисту опасен интеллигент-пролетарий и тем более опасен, чем более он даровит. К сожалению, пролетарий-интеллигент все еще плохо понимает свою роль в капиталистическом государстве и не видит дороги туда, где он может быть встречен как товарищ.

Рабочий класс и крестьянство Союза Социалистических Советов крайне нуждаются в интеллектуальной энергии. Ему для

выполнения его великой исторической задачи потребно неизмеримое количество этой энергии. Год назад, как-раз в то время, когда пресса Германии убеждала молодежь не стремиться в университеты, XVI съезд и ЦК партии приняли решение осуществить всеобщее начальное обучение. Привожу выдержку из рапорта от 26 июля 1931 г. наркома просвещения А. С. Бубнова ЦК партии и генеральному секретарю ее И. В. Сталину:

«Для проведения всеобщего обучения были подготовлены и направлены на работы, главным образом в сельские районы, 60 000 новых учителей.

«Учитель массовой школы принял самое активное участие в проведении всеобщего обучения. Тысячи из них проявляют творческую инициативу и огромную энергию в борьбе за решения партии и правительства, нередко находясь в тяжелых условиях, преодолевая сопротивление классовых врагов на пути развернутого наступления социализма.

«План введения всеобщего обязательного обучения детей к моменту годовщины решения ЦК от 25 июня 1930 г. выполнен с превышением. Общее число учащихся школ I ступени по РСФСР (без автономных республик) достигло 8 709 937 человек — 105,7 проц. плана Наркомпроса. Прирост учащихся по одной начальной школе против 1929—1930 г. выразился в 28,4 проц. По автономным республикам общее число учащихся начальных школ достигло 1 506 013 — 101,3 проц. плана республики.

«Если в прошлом 1929—1930 учебном году средний процент охвата детей школьного возраста был 71, спускаясь по сельским местностям до 68,2 проц., то за истекший год процент охвата детей школьного возраста по РСФСР (без автономных республик) поднялся до 97,1, а по автономным республикам — до 87,9 проц.

«Охват подростков 11—15 лет обучением достиг 1 392 146 человек против 90 000, охваченных обучением в прошлом году. Открыто новых комплектов по РСФСР (без автономных республик) 45 335, или 131,1 проц. плана, а по автономным республикам план открытия новых школьных комплектов перевыполнен на 21 проц.».

Далее рапорт наркома Украины тов. Н. Скрыпника:

«В годовщину постановления ЦК ВКП(б) «О проведении всеобщего обязательного первоначального обучения» Наркомпрос УССР рапортует ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У, что директива партии о введении всеобщего обязательного обучения на территории УССР в основном выполнена: дети 8—10 лет охвачены

начальной школой на 98,2 проц. против 76,2 проц. прошлого года, в том числе: по городам — 99,8 проц., Донбасу — 99,4, в наименее районах — 95,2 проц., окончившие 4-летку охвачены во II концентре семилетки на 76 проц. против 55,5 проц. прошлого года, в том числе: по городам — 93,9 проц., Донбассу — 93,4 проц., в районах сплошной коллективизации — 72 проц. Подростки 11—15 лет охвачены обучением на 85 проц.

«Обеспечено обучение детей на родном языке и значительно расширена сеть школ для детей национальностей. Дети 8—10 лет русского населения УССР охвачены школой на 98 проц., еврейского — 99,3, немецкого — 97,4 проц., польского — 96,9 проц., болгарского — 96,3 проц., греческого — на 96 проц.

«На ряду с развертыванием школы в небывалых до сих пор масштабах мы имеем большие достижения и в деле перестройки школы на основе политехнизации. Свыше 75 проц. семилеток прикреплены к предприятиям, совхозам и колхозам и реорганизованы в ФЗС и ШКМ».

Эти рапорты не требуют объяснений. Мне кажется, что напомнить их читателям следовало. Они еще раз и достаточно резко подчеркивают различие государственной системы Союза Советов и капиталистических государств. Вместе с этим они говорят и о том, куда, кроме индустриального вооружения нашей страны, идет кусок мяса, масла, которого нехватает вам, читатель. 25 июля 1931 г. в «Ивестиях» было сказано:

«В рабочих районах Советского Союза всеобщ в этом году перешел на рельсы 7-летнего обучения. В порядке подготовки нового 1931/32 учебного года проблема всеобщего 7-летнего образования для всех детей будет являться одной из центральных задач культурного строительства. Осуществлением всеобща в объеме семилетки, переводом школ фабрично-заводского ученичества на твердую базу 7-летнего образования мы делаем решающий шаг по пути полного осуществления программы нашей партии о всеобщем политехническом образовании детей и подростков до 17 лет».

Капитализм не нуждается в интеллектуальных силах, — он не может поглотить их, не может использовать все их обилие. Но, кроме того, капитализм боится разума, потому что начинает смутно чувствовать: его существование уже исторически не нужно и не разумно. Сдерживая стремление своего юношества к высокой интеллектуальной квалификации, капитализм как бы отказывает юношеству в праве на развитие разума за пределы, необходимые для оправдания власти капитала. Это подло, но предусмотрительно. Безработный интеллигент — пролетарий и

в борьбе за жизнь он должен идти рука об руку с пролетариатом. И чем умнее он, тем опаснее.

Советская власть сделала крупнейший революционно необходимый шаг по пути к интеллектуальному вооружению всей многомиллионной молодежи Союза Советов. «Семилетка для всех», это — уравнивание всего юношества в правах на развитие разума. Осуществление семилетки — это создание одного из условий для движения к высокой цели, которую покорнейшие слуги капиталистов называют «социальной утопией», фантазией, выдумкой, движения к той форме общежития людей, при которой «каждый работает по способности, каждый получает по потребности его», все настолько социально разумно, что никто не нуждается в принуждении, а потому государство как принудительная организация совершенно исчезает. «Семилетка для всех», это — дело глубочайшего исторического значения.

Само собою разумеется, что мы не можем остановиться на «семилетке». Сташестидесятимиллионному населению нашей страны необходимы сотни тысяч высококвалифицированных работников науки, техники, искусства. Нам есть чему учиться, мы только что начинаем узнавать свою страну, открывать ее сырьевые богатства, изучать их. Земли капиталистических стран изрыты, изучены и уже достаточно истощены. Наши богатства — причина зависти капиталистов, наш государственный строй — причина их ненависти к нам, это известно каждому пионеру. Они хотели бы сделать нашу страну своей дойной коровой, хотят выжимать золото из крови рабочего народа Союза Советов. И в то время, как у нас каждый трудовой рубль тратится на строительство фабрик и школ, на освобождение крестьянства от привычной ему каторжной работы, на уничтожение всякого различия между городом и деревней, — капиталисты грабят своих рабочих и крестьян на вооружение против нас. Военные расходы капиталистических стран уродливо разрастаются. Вот цифры роста этих затрат, назначенных на устройство нового истребления миллионов рабочего народа, на разрушение городов, на разгром хозяйства:

Военные расходы (в млн. долл.):

	1914 г.	1923 г.	1930—31 гг.
Франция	280	258	457
Англия	385,3	520	537
САСШ	288,5	680,8	847
Япония	197,2	234,5	234,4

Из этих цифр можно сделать только один вывод: капитализм — это организация хищников, которые открыто и нагло

готовятся к новому кровавому преступлению против пролетариата всех стран, ибо — как сказано — всякая война капиталистов есть война против трудового народа.

Решатся ли капиталисты на эту новую бойню? Нельзя сомневаться в том, что они уже решились на нее, что только о ней и думают они, когда, непрерывно вооружаясь, лицемерно говорят о разоружении. Удастся ли им организовать новое истребление многомиллионных масс пролетариата? На этот вопрос может ответить только пролетариат Европы и Америки, пролетариат казарм, фабрик и полей. Решиться на этот ответ давно пора, и это тот простой, ясный ответ, который рекомендует трудовому народу всего мира партия коммунистов. Пролетарии всех стран должны понять, что, работая на капиталистов, они работают на самоубийство. Они должны понять, что единственно допустимая и даже исторически неизбежная война — это война рабочего класса всей земли против капиталистов всей земли, против небольшой группы людей, которая ведет мир трудящихся к вырождению и гибели. Они должны понять, что рабочий класс Союза Советов, полноправный властелин страны своей, указывает им путь к возрождению трудового человечества.

Капиталистический мир на краю пропасти, историческая обязанность пролетариата — столкнуть этот изживший себя, гниющий мир в пропасть.

1931

ТЕРРОР КАПИТАЛИСТОВ ПРОТИВ НЕГРИТЯНСКИХ РАБОЧИХ В АМЕРИКЕ

Капиталисты и покорнейшие слуги их: социал-демократы и фашисты, Черчилли и Каутские, полоумные от страха перед социальной катастрофой старички и молодые ловкачи, которым хочется быть крупными паразитами, «мошенники пера и разбойники печати», вся двунгая гниль, рожденная капиталистическим строем, все человекоподобные гады, без которых капитализм не может существовать, обвиняют «большевиков» Союза Советов в том, что они, «большевики», хотят «разрушить культуру». Буржуазной прессе хозяевами ее дан лозунг: «Борьба против большевиков, против коммунизма — борьба за культуру!»

Разумеется, капиталистам есть за что бороться. Их «культура» — это ряд учреждений, действующих совершенно свободно в целях защиты и оправдания ничем не ограниченной власти паразитивного меньшинства над трудовым большинством, над рабочими, крестьянами и мелкой буржуазией, живущей дрянненькой работой на крупную. Их культура — школа, где лгут, церковь, где лгут, парламент, где тоже лгут, пресса, где лгут и клеветают, их культура — полиция, которой предоставлено право бить и убивать рабочих. Их культура доразвилась до невероятной высоты — она доросла до непрерывной, ежедневной войны против рабочих, которые не желают, чтобы их грабили, не желают быть нищими, не желают, чтобы их жены, преждевременно теряя здоровье, к 30 годам становились старухами, дети умирали с голода и чтобы их дочери добывали кусок хлеба проституцией, не желают, чтобы в честной среде трудового народа разрасталась — на почве безработицы — преступность.

Фактическое, преобладающее содержание культурной жизни буржуазных государств — уличные бои полицейских с рабочими, рост самоубийств от голода, развитие мелкого воровства, вызванного безработицей, рост проституции. Это — не преувеличение, фактами этого рода наполнена «хроника» всех буржуазных газет. «Культурный» капиталистический мир живет в состоянии непрерывной войны с рабочим классом, и война с каждым днем становится все более кровавой. Меньшинство воюет за право безнаказанно грабить большинство — вот основное содержание современной культурной жизни всего мира за рубежами Союза Советов. Война сытых и богатых с голодными и нищими сводится к тому, что рабочий класс, который стремится к организации всемирного решительного боя, обессиливают, выхватывая из его среды, заключая в тюрьмы или убивая наиболее активных людей, вместе с этим пытаются запугать массу рабочих, осуждая на смерть и ни в чем неповинных людей, как это было в деле убийства Сакко и Ванцетти.

Сейчас в Америке, в городе Скоттсборо, разыгрывается драма, напоминающая дело двух итальянцев, которые, будучи приговорены к смертной казни, семь лет сидели в тюрьме, ожидая, когда их сожгут на электрическом кресле. Против этого убийства невинно осужденных протестовали гуманисты всей Европы, протестовал и рабочий класс ее, но протест не вызвал ни одной трещины на деревянных рожах американских миллионеров. В Скоттсборо приговорены к смерти восемь юношей-негров, они тоже ни в чем неповинны, они схвачены полицией

случайно, не знакомы друг с другом, но все-таки их осудили на смерть. Это сделано для того, чтоб запугать негров, это убийство — «предупредительная мера». Это делается потому, что негритянские массы все больше и больше втягиваются в революционное движение, солидаризируясь с белыми трудящимися массами. Они принимают активное участие в борьбе против американского империализма. Буржуазия, испытывая страх перед распространением мятежного духа среди 30 миллионов негров — рабочих и крестьян — прилагает все усилия к тому, чтобы задуть растущую боеспособность негритянских масс, применяя против них свое оружие — белый террор.

Это ясно видно из кровавых событий в Кэмп Хилл-Алабама. Дело это усилило кампанию рабочего класса всего мира против линчевания и в защиту негритянских трудящихся Соединенных Штатов и подчеркнуло ее значение.

Негритянские фермеры-использители в Теллэпузэ Каунти, Алабама, создали в этом году свою организацию. Она носит боевой характер и активно участвует в кампании в Скоттсборо. Две недели назад она созвала в церкви собрание своих членов для протеста против дела в Скоттсборо. Помещики мобилизовали 400 полицейских и вооруженных фашистов, которые и атаквали эту церковь. Во время нападения был тяжело ранен руководитель организации — Раф Грэй, которого товарищи и отвели домой. Когда фашистская банда узнала, что Грэй еще жив, она окружила его дом, ворвалась к нему и застрелила его в постели, как раз в тот момент, когда доктор осматривал его раны. Охотясь за ответственными работниками этой организации, фашисты разгромили много негритянских хижин. 4 негра были увезены в лес, где их линчевали. 55 негров арестованы по обвинению «в убийстве». Пять ответственных работников обвиняются в «попытке совершить убийства». Шериф Юнг, главарь фашистской банды, тяжело ранен во время самообороны героев.

Вот тюрьма в Хэрлэн Кентукки, в самом центре угольного района Восточного Кентукки, являющегося источником богатства для крупнейших корпораций в стране и приносящего голод, нищету и смерть горнякам, их семьям и детям. Около 100 горняков брошены в темные камеры этой тюрьмы. Часть из них обвиняется в убийстве, и им угрожает смертная казнь. Многие обвиняются в «принадлежности к бандам», другим вменяется в вину «преступный синдикализм» в виду того, что они выступали на митингах. Горняки объявили три месяца назад забастовку с целью улучшить свои нищенские условия. Против

них была направлена губернатором Сампсоном полиция, владельцы копей натравили на бастующих банды вооруженных фашистов, шерифов и полицейских, которым было поручено подавить забастовку, пустив в ход тяжелые орудия и бомбы. В результате был убит 31 человек: 18 горняков и 13 солдат и фашистов. Горняки захватили 6 пушек и аммуницию и разгромили продуктовую лавку компании, захватив продукты для своих голодающих семей.

18 горнякам грозит смертная казнь, 50 — суровое тюремное заключение. 16 горняцких домов сожжены. Выселение горняцких семейств из их квартир продолжается и по сей день.

В Пенсильвании, Зап. Вирджинии и Огио, где бастуют 40 000 горняков, негры составляют большинство. Из арестованных 6 июля 600 горняков большинство — негры. При аресте они были избиты и подвержены пыткам.

Американская секция МОПР придала делу в Скоттсборо международный характер. Впервые после американской гражданской войны беспощадная эксплуатация негритянских масс правящим классом в Соед. Штатах освещена и осуждена в международном масштабе. Требование отсрочки в 90 дней, выставленное американской секцией МОПР, было поддержано бурей протеста во всем мире. Из СССР, Англии, Франции, Австралии, Кубы, Австрии, Германии и многих других стран были отправлены тысячи резолюций с требованием освобождения 8 негритянских мальчиков из Скоттсборо. Американские консульства в Германии и Кубе были осаждены тысячами демонстрирующих рабочих.

8 негритянских мальчиков из Скоттсборо томятся в тюрьме, имея перед глазами электрический стул и слушая каждый день напоминания стражи о том, что их скоро сожгут на нем.

«Необходимо усилить кампанию во всем мире. Ни один митинг, ни одна демонстрация не должны состояться, ни одна листовка, ни одна мопровская газета не должна быть выпущена без призыва масс к выступлению против белого террора, применяемого американским империализмом с целью задуть растущее возмущение негритянских масс в Соединенных Штатах». (Из воззваний МОПР ко всем секциям и организациям МОПР.)

Пролетариат всех стран протестует против убийств его братьев, конечно, не потому, что рассчитывает убедить капиталистов не убивать! Капиталист не может быть «гуманным», все человеческое — кроме скотского в человеке — чуждо ему. Если он жертвует выжатыми из рабочих доллары на университеты, он

делает это для укрепления своей власти. В его университетах не преподается учение Маркса — Ленина, и всякий, кто попробовал бы читать студентам лекции по диалектическому материализму, будет немедленно вышвырнут вон. Пролетариат обязан протестовать против убийств, но он должен знать, что убийцы не могут не убивать и что они будут убивать лучших его людей. Капиталист защищает свой доллар, а для него доллар всегда дороже человека, каков бы ни был этот человек. Пролетариат должен знать, что Роза Люксембург и Карл Либкнехт убиты не солдатами, а капиталистами и что в Ленина стреляла не полоумная баба, а механическое орудие определенной системы мышления — орудие мещанской, подлой, бесчеловечной мысли.

Пролетариат должен знать, что между ним и капиталистами не может быть достигнуто какое-либо соглашение — «компромисс», перемирие, — пролетариату пора знать это. Нужно крико помнить и то, что в 14 году пролетариат Европы и Америки был предан капиталистам социал-демократами и что это стоило рабочим 30 миллионов жизней. Не надо забывать о «кровавой собаке» — о Носке, тоже социал-демократе, и вообще не надо забывать преступлений, совершенных против рабочего класса его разнообразными врагами, предателями, мерзавцами. Все это надо помнить для того, чтобы кровавые гадости прошлого не повторялись в будущем. Помнить все это — легко, стоит только внимательно следить за гнусенькой деятельностью социалистов Второго интернационала и за всем тем, что предпринимается капиталистами Европы против Союза Социалистических Советов.

Рабочие Европы и Америки должны понять, что, работая в области военной промышленности, они готовят ружья, пулеметы, пушки на свою голову. Капиталисты не сами лично пойдут на войну против Союза Советов, если они решатся воевать, — они пошлют на поля смерти своих рабочих и крестьян против рабочих и крестьян, которые уничтожили капитализм в своей стране. Всякая война капиталистов — это самоубийство рабочего класса.

Рабочий класс Европы и Америки должен протестовать против единоличных убийств рабочих капиталистами — он должен протестовать потому, что это воспитывает в нем чувство международной классовой солидарности, — рабочий класс Европы и Америки очень нуждается в развитии и углублении этого чувства. Но еще более дружным, решительным и бурным должен

быть его протест против всяких попыток капиталистов снова организовать международную бойню рабочих и крестьян.

Лучшая, наиболее верная и практически легко осуществимая форма предупреждения этой бойни — массовый переход рабочих-социалистов в коммунистические партии. III Интернационал — это действительный вождь рабочих, потому что это — рабочий интернационал. Он — не предает. Он признает неизбежной только одну войну пролетариев всех стран против интернациональной банды капиталистов, против людей, живущих чужим трудом.

1931

РАБОЧИМ МАГНИТОСТРОЯ И ДР.

Дорогие товарищи!

Спасибо за приглашение приехать к вам на стройки индустриальных крепостей! Я очень хотел бы посмотреть, как вы создаете гигантские заводы, побеседовать с вами, кое-чему поучиться у вас, но у меня нет времени на поездки, я занят работой, которую со временем вы, надеюсь, оцените как полезную для вас. Вы сами знаете, что каждый человек должен делать свое дело во всю силу своих способностей, со всей энергией, которой он обладает, — лучшие из вас особенно хорошо знают это, и трудовой героизм их служит примером для всего трудового народа Союза Советов, служит примером и для меня. Время для нас дорого, нельзя терять даром ни единой минуты: задачи, которые мы обязаны решить, — огромны; никогда еще, никто, ни один народ в мире не пытался поставить перед собой такие трудные цели и задачи, которые поставил и разрешает рабочий класс Союза Социалистических Советов.

Нам нужно в кратчайший срок уничтожить всю старину и создать совершенно новые условия жизни, — условия, каких нигде нет. Мы должны вооружить наше многомиллионное крестьянство машинами, облегчить его каторжный труд, сделать землю более плодородной, научить бороться с засухами и другими капризами природы, которые уничтожают посевы на полях; создать миллионы километров хороших дорог, уничтожить тесные грязные деревни, построить для работников полей хорошие города со школами, театрами, общественными банями, больницами, клубами, хлебопекарнями, прачечными, — вообще со всем тем, чем богаты города и что издавна создавало различие между обычаями, привычками, бытовыми особенностями —

«душевым строем» — людей города и деревни. Это вредное различие, навязанное нам прошлой историей, мы должны уничтожить с корнем. Мы должны воспитать сами себя качественно иными: выкорчевать из наших душ всю проклятую «старинку», воспитать в себе больше доверия к всепобеждающей силе, разумного труда и техники, должны стать бескорыстными людьми, научиться думать обо всем социалистически, ставить мелкие, личные наши интересы ниже великих задач, решения которых требует от нас работа строительства первого в мире государства, где не будет деления людей на классы, не будет богатых и бедных, хозяев и рабочих, исчезнет главная причина всех бедствий и страданий людей — исчезнет стремление к личной собственности, основе зависти, жадности, глупости. Мы строим государство, в котором каждый будет работать по способностям и получать по потребностям, каждый будет чувствовать себя владыкой всех сокровищ его страны и пред каждым человеком будут широко открыты пути к свободному развитию всех его способностей. Мы хотим создать новое человечество и уже начали создавать его.

По некоторым письмам ко мне я вижу: еще далеко не все понимают, что личный эгоизм — родной отец подлости, и не всем еще надоело жить той пошлой глупой жизнью, как жили деды и прадеды. Среди вас, товарищи, немало таких людей, отравленных прошлым — деревня все более густым потоком вливает их в среду вашу. Но ваша среда здорова, она оздоравливает даже закоренелых индивидуалистов: вы постепенно насыщаете их вашей трудовой энергией, и уже нельзя сказать, что социально-горбатых «одна могила исправит» — исправляет их и социалистический героизм рабочего класса. Однако вы должны неустанно твердить людям старого мира, что у дедов и прадедов их не было в жизни иной тропы, кроме подленькой и узкой тропинки к богатым. По этой тропе можно было пробраться только верхом на хребте бедняка, классового брата своего — так деды, прадеды и пробирались к большим деньгам, теряя совесть, увеличивая тяжесть гнета богатых над бедными. Большие деньги растут как плесень и чем более богат человек, тем меньше он человекоподобен, тем более жадно, с мясом и кровью, выжимал из бедняков рубли.

Мы видим теперь, до чего дошли капиталисты Европы и Америки, разбогатели пышно, сказочно и накопили 35 миллионов безработных; тысячи богачей задыхаются в золоте, а миллионы бедняков издыхают с голода. Сосчитайте: если б ка-

Каждый из 35 миллионов безработных мог купить для себя хоть на рубль в день, — сколько прибыли попало бы в карманы капиталистов? Но получилось так, что продать есть что, а купить — некому. Дешево продавать капиталисты не хотят, они предпочитают уничтожать избыток товаров для того, чтобы не понизилась цена их. Это гнусно, но это правда. 14 августа газеты Европы поместили такую телеграмму из Америки: «Нью-Йорк, 12 августа. Сельскохозяйственное управление САСШ сообщило губернаторам 14 хлопководческих штатов свое предложение — уничтожить одну треть урожая хлопка 1931 года в целях повышения цен». Телеграмма эта — не выдумка. Ее подтверждают газеты Америки, и одна из них — «Вашингтон пост» — пишет даже так: «Унизительным комментарием современного умственного состояния Америки и ее производительных сил, позорным крахом системы регулирования потребления и распределения является такое положение, когда при сверхобилии, с одной стороны, и сильной нужде — с другой, необходимо уничтожать ценные продукты. Что произошло с производительными силами Америки, когда пшеницу и хлопок нужно сжигать или оставлять гнить на полях, в то время как миллионы граждан нуждаются в том и другом?»

Нередко указывалось, что преступную, бесчеловечную деятельность капиталистов можно объяснить только их безумием, только тем, что страсть к наживе, к накоплению денег свела их с ума. Это говорилось для того, чтобы «усилить впечатление», чтобы яснее подчеркнуть бесстыдство грабителей мира. Но действительность оправдывает и эти слова. «Возрождение» — парижская газета эмигрантов-монархистов — сообщает такой факт: «В Нью-Йорке в качестве жалобщика на суде выступил миллионер Джон О'Баннон, требовавший, чтобы было уничтожено требование врачей о помещении его в сумасшедший дом. Миллионер рассказывал судьям о своей жизни. Она началась с того, что он изобрел некий суррогат кожи, учредил общество и приобрел состояние в 15 миллионов долларов. Страдая нервозностью, он обратился к врачам, которые признали его сумасшедшим и распорядились поместить в дом умалишенных. За короткое время, уже в сумасшедшем доме, он увеличил свое состояние еще на два миллиона долларов. Он обнаружил деловитость даже в пределах больницы, предлагая ее директору различные проекты усовершенствования и увеличения ее доходности. На суде были допрошены врачи-эксперты, которые, однако, пришли к заключению, что этот выдающийся делец

все-таки сумасшедший, так что он был снова препровожден в психиатрическую лечебницу».

Из этого факта можно сделать только один вывод: приемы грабежа капиталистами рабочих стали так просты, что даже явно сумасшедший легко может награть миллионы. Система капиталистического хозяйства все более откровенно и нагло становится системой бандитизма, а условия быта принимают характер ничем не прикрытой анархии. Недавно газеты напечатали такое сообщение из Америки:

«Названия «бандитской вотчины» заслуживает не только Чикаго, но все более или менее крупные города Соединенных Штатов. Об этом достаточно откровенно говорит доклад комиссии Викаршэма, назначенной президентом Гувером для исследования состояния тюрем и постановки полицейского дела.

«Почти во всех больших городах, — спокойно повествует доклад, — существует союз между полицией и преступным миром. В городах, где начальник полиции обязан слепо повиноваться мэру и где это высокое должностное лицо является политической кратурой убийц и жуликов всякого рода, полицейская практика неминуемо опускается до уровня тех элементов, которые оказывают на нее влияние». «К чему приводит такое положение, все могли видеть на примере Чикаго, Нью-Йорка или Сан-Франциско, где бандиты грабили и убивали среди бела дня кого хотели.

Недавно, во время перестрелки полицейских с бандитами Чикаго на улице было убито четверо детей. Вообще в этой маленькой войне полицейских — квалифицированных бандитов — против просто бандитов, с прохожими не церемонятся, а убийство полицейским постороннего лица не наказуемо как «убийство по неосторожности».

Капиталистический мир издыхает, разлагается. Собственных сил для возрождения в нем уже нет, они истрачены, видно, целиком, до конца. Мир этот держится механически, по инерции, опираясь только на грубую силу полиции, армия — не очень надежная сила, потому что большинство солдат — пролетарии, и хотя головы их сильно засорены хламом мещанских предрассудков, но политическое, классовое революционное самосознание их не может не расти в данных условиях. Мировая социальная революция не фантазия, а неизбежное и назревающее событие. В Европе, кроме полиции и армии, капиталистов поддерживают «вожди» социал-демократии и некоторая часть рабочих, околпаченных «вождями», которые стремятся к власти и славе. Поведение этих «вождей» становится все более позор-

ным. Вот пример: лорд Лотиен, приехавший к нам с Б. Шоу, возвратясь в Англию, сказал:

«В русской революции заложены идеи, которые окажут огромное влияние на последующее развитие человечества. Пред нами встает вопрос, каким образом применить их у себя», т. е. в Англии. Глава социал-демократов Вандервельде выступил против лорда со статьей и в ней заявил, что «если привилегированный мир станет рассуждать подобно Лотиену, то время свержения капитализма настанет очень скоро». В этих словах «вождя» рабочего класса не чувствуется радости, и явно звучит скорбь старого лакея, который боится, что завтра барина его выгонят вон из жизни. «Социалисты», которые поучают капиталиста: «ты недостаточно крепко стоишь на твоей классовой позиции», вполне заслужили позорное клеймо предателей рабочего класса. Что в конце-концов говорят эти «социалисты»? «Нельзя допустить, чтоб миллионерам жилось неудобно, пусть лучше голодают миллионы рабочих», — вот что они говорят. Капиталистический мир разлагается и заражает трупным ядом своим всех, кто вольно или невольно служит его бесчеловечным интересам, его — уже бессильному — стремлению обращать в золото плоть рабочих и крестьян. Быстро разлагаются и те «социалисты на словах», которых рабочий класс еще недавно считал своими друзьями и вождями. Теперь рабочие, справедливо негодуя, бьют стекла в окнах редакции социал-демократической газеты «Форвертс», в редакции, где сидит жалкий старичок Каутский, человек, который когда-то был одним из видных учителей пролетариата Европы. Теперь рабочий народ всего мира все более ясно понимает, что у него есть только один друг, учитель-вождь, который не изменит ему, не предаст его, этот вождь живет и работает в Союзе Социалистических Советов, и это не индивидуальность, а крепко спаянный сознанием своей классовой исторической задачи многомиллионный коллектив.

В Союзе Советов есть люди, которые, сказав: «наша страна переживает эпоху небывалого подъема творческой энергии», тотчас же начинают играть на понижение этой энергии. Они делают это по различным мотивам, но общий для них мотив — сомнение в силах рабочего класса. Отражение этого сомнения и неверия, должно быть, проникает и в среду рабочих, потому что вместе с коллективными письмами героев социалистического соревнования я иногда получаю письма от единиц, письма, в которых тоже явно звучит недоверие людей к их собственной силе и сомнение в возможности довести до конца начатое ве-

ликое дело, сомнение в победе. Этим людям я напомним то, что сказал т. Сталин в одной из своих речей, которые он всегда строит на проверенных фактах, на фактах творчества много-миллионного коллектива рядовых, «чернорабочих», строителей социализма. Он сказал: «у нас есть все объективные условия для победы, дело за нашей волей, за нашим разумом». В чем смысл его слов?

В том, что вы, товарищи, взяли в свои руки власть над самой богатой страной мира, над страной, природные сокровища которой уже и теперь неизмеримы, а мы все еще недостаточно изучили богатства ее и начали пользоваться только ничтожной частью их. Почти ежедневно ученые наши, исследуя недра земли, находят в ней все новые огромнейшие запасы каменного угля, металлических руд и удобрений, необходимых для того, чтобы усилить плодородие наших полей. Земля как бы чувствует, что родился на ней законный, настоящий, умный хозяин, и открывая недра свои, разворачивает пред ним сокровища.

От простейшей пуговицы и спички до комбайна и аэроплана, — все создается человеком. Все тайны жизни, все ее загадки разрешает трудовая энергия людей. Значит — дело только в развитии, в усилении этой энергии, дело — за вами!

Капиталистический мир, мир хищников-индивидуалистов, не имел надобности особенно энергично заботиться об исследовании и открытии сокровищ земли, — хищники предпочитали богатеть грабежом живой, дешевой силы рабочих. Вы строите государство, в котором совершенно невозможны будут насилие над человеком и бессмысленная трата его энергии на безумнейшую пошлую роскошь, на содержание огромных армий, на истребление ценнейших металлов для орудий массовых убийств, для войны. Вы строите государство, в котором все люди имеют равное право на развитие своих талантов и способностей, пред каждым широко открыты пути к науке, искусству, государство, в котором нет класса хозяев, но каждый человек — хозяин, равноправный со всеми.

Это — великое дело, трудное дело, и я, разумеется, знаю: вам трудно живется. Но вы свободны облегчить свою жизнь, и только вы сами можете сделать это. Вам еще многого не хватает, но только вы сами можете выработать все, чего не хватает вам. В среде вашей все еще пищат, ноют враги ваши, люди старого мира, нашептывая вам гнусенькие мещанские мыслишки, пытаясь вызвать у вас недоверие к великому смыслу вашей работы, сомнение в неизбежности вашей победы, — только вы

можете и должны истребить эту гнусь, эти дрянненькие обломки старого мира.]

Ваша сила — несокрушима, товарищи, вы доказали это в гражданской классовой битве и вы ежедневно доказываете это своим героическим трудом. Ваша сила — несокрушима, и она обеспечивает вам победу над всеми препятствиями. Вы должны все преодолеть и — преодолете. Крепко жму могучие ваши лапы.

1931

СЛЕДУЙТЕ ПРИМЕРУ РАБОЧЕГО КЛАССА СОЮЗА СОВЕТОВ

Вот уже 10 лет Межрабпом неумоимо и умело ведет свою работу. Основоположники этой организации не нуждаются в похвалах, и я не имею намерения говорить им таковые. Но все-таки невольно сказал, ибо признание за человеком, за группой, за организацией волевой неумоимости — хорошая похвала. Она особенно хороша, когда в сущности только «констатирует факт». В данном случае констатируется факт, значение которого нельзя преувеличить: Межрабпом неумоимо и умело работает по организации сознания интернациональной, классовой солидарности пролетариата, он ведет работу исторически необходимую. Необходимость этой работы настоятельно диктуется всей совокупностью политико-экономических фактов текущей действительности. Даже капиталисты, продолжая бессмысленно фабриковать доллары из крови рабочих, невольно действуют в пользу своего непримиримого врага — рабочего класса. Экономический кризис и бесплодность попыток капиталистов преодолеть его обнажает перед рабочими бессилие капитализма, его изжитость, и все более поучительно обнажает его гнилой, садистский безумный цинизм. Никогда еще пред пролетариатом не разворачивалась так ярко картина внутреннего бессилия капитализма, картина бессмысленности и бесчеловечья капиталистической системы хозяйства. Никогда еще пред лицом десятков миллионов безработных, полуголых, голодных рабочих не доказывалась необходимость искусственного уничтожения избытков хлеба и хлопка. Никогда еще не говорилось с такой звериной простотой, что издыхающий капитализм можно подлечить только грабежом рабочих — понижением заработной платы. И никогда еще пролетариат всего мира не находился в таком трагическом положении, в каком находится он в наши дни мирового экономического кризиса, вызванного маниакальной жадностью капиталистов, их культурным одичанием, их смертельной боязнью друг перед другом.

Бессилие капиталистов должно бы внушать пролетариату сознание его силы. 14 лет тому назад это сознание своей мощности и бессилия врага позволило рабочему классу России уничтожить капитализм в своей стране. До Октябрьской революции буржуазные «мыслители», политики, социологи, журналисты писали о русском рабочем и крестьянине, как о «народе» самом «некультурном», пьяном, безграмотном, и как о народе, который обладал исключительной способностью покорности, терпения; знаменитый историк Моммсен и не менее знаменитый Трейчке говорили о массе русского народа, как об «удобрении» для немецкой культуры. Может быть следуя за ними, а может быть по чувству отчаяния, один из русских литераторов кричал о своем народе: «дрянь славянская, народ родной». Автор вот этих строк, возмущенный терпением крестьянства и его забитостью, временами теряя понимание смысла истории, тоже думал о своем народе не очень ласково.

Но «ударил час», история скомандовала «вперед», и люди, возмущавшие своим позорно пассивным отношением к жизни, превратились в самую активную силу мира трудящихся. Как известно, они начали с того, что взяли в свои руки политическую власть в своей стране. Вместе с этим они взяли на себя и тяжелое бремя ответственности за судьбу своей страны. Это чувство ответственности всех за каждого и каждого за всех еще не могло достигнуть в краткий срок полутора десятков лет должной высоты, но это чувство непрерывно растет, углубляется и создает чудеса. Даже классовые враги — самые непримиримые враги — вынуждены признать, что рабочий народ Союза Советов переродился и если он теперь продолжает «удобрять почву» — он удобряет почву для всемирной социалистической революции. Не буду говорить о том, как быстро и как много выдвигает он талантливых людей в область политики, культуры, техники, как мощно он укрепляет занятую им позицию хозяина своей страны, неисчислимо богатой сырьем.

Пролетарии капиталистических стран богаты техникой, созданной их руками. Пролетарии капиталистических стран имеют перед собой поучительный пример хозяйствования рабочего класса в стране с населением в 160 миллионов людей, в стране, где было 25 миллионов крестьян, индивидуалистов, мелких хозяев, чей инстинкт собственности воспитывался веками. Но это — было. Этого уже нет, и это величайшая победа, одержанная рабочим классом в его борьбе за организацию социалистического государства. Не следует подозревать меня в «патриотизме» и «национализме» — этими грехами я никогда не гре-

шил, они мне органически чужды. Я всю жизнь чувствовал и чувствую себя только пролетарием и то, что я говорю сейчас — я говорю как пролетарий, социалист и революционер. Я говорю так потому, что служба революции дает мне право и внушает необходимость сказать пролетариям капиталистических стран:

— Солидаризируйтесь с коммунистической партией — единственным вождем рабочего класса; следуйте примеру рабочего класса Союза Советов, изучайте его работу; вооружая капиталистов ваших для войны, не забывайте, что ружья, пушки, газы, выработанные вами, могут быть и будут употреблены против вас; не забывайте, что если ваши капиталисты решатся на войну против Союза Советов, это будет война и против вас. История призывает вас от работы на дальнейшее закрепощение, на истощение и вымирание ваше — от службы капиталистам — к службе революции, к борьбе за ваше право быть хозяевами вашей жизни.

1931

«ИСТОРИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА»

В 1932 году Журнально-газетное объединение дает приложением к журналам «Огонек» и «Рост» ряд романов, объединенных одной темой — история молодого человека XIX столетия.

Какая цель издания?

О каком молодом человеке XIX столетия идет речь, и почему наша молодежь должна ознакомиться с его историей?

Молодой человек этот — самая значительная фигура литературы XIX века. Он не исчез и в XX, он существует в наши дни, а потому вполне своевременно осветить историю его рождения, его значение в жизни, уместно подумать о том, какова его роль в стране, где строится первое в мире социалистическое общество.

Историческая значительность этого молодого человека утверждается тем фактом, что на протяжении почти полутора столет о нем, о драмах его жизни писали книги все крупнейшие литераторы Европы и России, — писали и все еще продолжают писать. Не будет преувеличением, если скажем, что жизнь этого человека служила основной темой литературы XIX столетия. Известно, что этому столетию предшествовала трагедия французской «великой» революции и что в течение его разыгрывались драмы 30-го, 48-го и, величайшая из них, драма 71-го года.

В этом веке на сцену истории выступил новый герой — пролетариат, выступил как сила, осознавшая свое историческое значение и свое право на борьбу за власть против буржуазии, которая во Франции его руками, его силой вырвала власть из рук феодального дворянства. Совершилось в XIX в. и еще немало событий такого огромного, решающего значения, как, например, рост экспериментальной науки и рост техники.

Однако художественная литература не обратила должного внимания на бури классовых драм, на проблемы социального бытия, а предпочла посвятить исключительно мощные силы свои изображению драм личной, индивидуальной жизни. При этом следует отметить, что она не пользовалась как материалом своего творчества биографиями наиболее крупных и характерных людей эпохи. Она почти не уделила своего внимания деятелям французской революции или красочным «героям» наполеоновских войн. Казалось бы, что творческую силу романистов, их, так сказать, ремесленные симпатии должны были привлечь к себе столь яркие фигуры, как, например, граф Мирабо или Дантон, Роберт Оуэн, Сен-Симон или Гракх Бабеф, как знаменитый революционер в области науки — химик Лавуазье или не менее знаменитый физик Фарадей, выходец из рабочего класса, как Михаил Ломоносов, и другие люди этого ряда, люди, которые фактом бытия и творчества своего говорили о том, какие могучие силы скрыты в темной массе трудового народа. Обойдены вниманием литераторов и такие фигуры, как сын трактирщика Иоаким Мюрат, впоследствии король Неаполя, сын бондаря и рядовой солдат — маршал Ожеро, сын рыночной торговли — маршал и герцог Ней. Литературно интересен был и сам Наполеон, «последний из кондотьеров» и фабрикант «героев» в течение двух десятков лет войны; не показаны миру литературой XIX в. промышленники и банкиры во всем их отвратительном и фантастическом величии.

Художники слова посвятили свое мастерство главным образом на изображение личной жизни некоего молодого человека, который не отличался особенной даровитостью ума и силою воли, — человека в сущности весьма «средних качеств». Чем же можно было объяснить этот интерес литераторов эпохи разнобразных героев, — интерес к молодому человеку «средних способностей»? Вероятно, только тем, что сами литераторы, несмотря на их исключительную талантливость, а в некоторых случаях даже гениальность, были социально — кровно и духовно — родственны герою, излюбленному ими.

Духовным родоначальником молодого человека, о котором идет речь, можно считать Жан-Жака Руссо — блаженного Августина XVIII столетия. Жил Руссо в «эпоху просвещения», в тот век, когда исследующий разум властно заявил о своем праве критики и решительно вступил в бой против хитростей католицизма, против чувства веры, против церковной мистики. Руссо был сотрудником Вольтера, д'Аламбера, Дидро по работе в знаменитой «Энциклопедии», но он решительно поставил чувство выше разума. Он был гораздо больше католик, чем «свободный мыслитель», и в его «Рассуждении о причинах неравенства людей» основные социалистические послышки кажутся списанными у Лактанция, церковника IV столетия, а обличения современного ему, Руссо, социального строя уступают в силе обличениям епископа Гиппонского, который тоже считал государство «греховной силой». Он не говорил вслед за Августином: «Верю, потому что — невероятно», но его «Речь о науках» — речь мистика, церковника, уверенного во вреде наук. В сочинении этом сказано, что «науки выдумал один из богов — враг душевного покоя людей», — ученики Руссо назовут этого бога Дьяволом. А в трактате о неравенстве людей, между прочим, дана такая оценка книгопечатания: «Если взглянуть на ужасные беспорядки, которые книгопечатание уже вызвало в Европе, и если о будущем судить по распространению, которое зло получает со дня на день, то легко предвидеть, что государи не замедлят приложить столько же стараний к тому, чтоб изгнать это ужасное искусство из своих владений, сколько они раньше прилагали стараний к введению его».

Психологическое сродство Аврелия Августина, который жил в IV—V веках, и Жана Руссо, человека XVIII столетия, весьма заметно в «Исповедях», написанных тем и другим.

Руссо был прежде всего человеком верующим, а исследующим — настолько, насколько это требовалось для укрепления его чувства веры. Веровал же он — как сказано в его «Исповеди» — веровал он в то, что является существом совершенно исключительным, даже как-то иначе, лучше, чем все другие люди, созданным природой. Убеждение в своей личной исключительности и оригинальности внушило ему мысль, что и вообще только личность, стремясь к дальнейшему совершенствованию своих качеств, основанных на чувстве, только личность, единица творит новые формы жизни и ведет за собою обыкновенных рядовых людей. Он успел сказать это достаточно красноречиво, с предельной ясностью: это учение и дает нам право считать Руссо первым, самым талантливым апостолом ин-

дивидуализма. Его влияние на современников было огромно и широко. Иммануил Кант, основоположник индивидуализма в философии, зачитывался его «Речью о науке». Шиллер обращался к Руссо с такими словами: «Пусть безумие руководит миром! Вернись домой к своим братьям-ангелам, от которых ты снизошел к нам». Сын прачки, а впоследствии генерал-лейтенант русской службы и автор «Фауста» Фридрих Клингер находил, что природа открыла Руссо свои святейшие и сокровенные тайны. Особенно сильно было влияние Руссо на немецкую литературную молодежь второй половины XVIII в. Проф. М. Розанов, автор книги «Яков Ленц, поэт периода бури и натиска», устанавливает три тенденции, несомненно заимствованные у Руссо романтиками того периода: культ личности, культ чувства и культ природы. Яков Ленц, один из литераторов той поры, поучал, что подлинное знание доступно только личности гения, «только гений способен проникнуть в глубочайший смысл всех явлений и существо всех существ. Гений не нуждается в опыте, он познает силою интуиции и более истинно, более глубоко, чем обыкновенный человек познает усилиями разума».

Утверждали, что чувство всегда и строго индивидуально, и якобы совершенно независимо от внешних впечатлений бытия, от условий эпохи, влияний класса. Вертер, герой романа Гете, говорит: «То, что я знаю и думаю, могут знать и другие, сердце мое принадлежит только мне». Признавалось, что голос сердца — голос божий: отдаваясь влечению сердца, человек как бы вступал в связь с таинственными силами мира. Все это весьма похоже на бред, но в это верили как в «священную истину».

Может быть, в медких, экономически немощных немецких государствах, где значение личности было особенно ничтожно, буйные фантазии романтиков способствовали росту сознания собственного достоинства молодого человека той поры. Но в то же время убеждение в своей «исключительности» должно было вызвать в единице ощущение социального одиночества, должно было воспитать чувство вражды к обществу и государству, привить единице странную болезнь, — ее можно назвать социальной слепотой. Вообразив себя гением, силою, которая способна единолично разрешить все «загадки бытия» и судьбы народов, молодой человек не находил для себя места в жизни, и ему некуда было деваться, кроме как «замкнуть дух свой в самом себе», бежать в пустыню бесплодных, романтических мечтаний, в Фиваиду эгоцентризма и мистики, куда — в первых веках

христианства — скрывались от грешного мира монахи. Точно так же, как монахи считали страдание уделом истинного христианина, Шатобриан и многие другие романтики признают страдание уделом всякой выдающейся личности.

Виконт Франсуа Шатобриан, виконт Луи Бональд, граф Жозеф де Местр и прочие реакционеры, «могильщики революции», признавали страдание уделом бытия своего не потому, что они исповедывали религию «страдающего бога» — Христа, — а потому, что они были осколками разбитого, осужденного класса. Вполне допустимо, что они, аристократы, действительно страдали, создавая «идеологию» для лавочников, для людей, которые отрубили головы их королю и сотням людей их класса. Но вместе с ними в том же направлении уже работали дети лавочников, как например Баллаиш, сын книготорговца, и другие молодые люди буржуазии, люди, напуганные революцией и вождем ее — критическим разумом «века просвещения». Критика уже мешала строительству государства лавочников, железного пресса для выжимания золота из крови и плоти трудового народа. Нужно было погасить, стереть провозглашенные революцией лозунги «свободы, равенства, братства», и этому делу ничто не могло послужить лучше, чем служила мистическая идеология церкви.

Но всякая религия — а христианская особенно — усердно заботясь о том, чтобы трудовой народ покорно подчинялся воле командующего меньшинства, чтобы раб считал владыку «властью от бога», — всякая религия неизбежно должна воспитывать владык, и все религии так или иначе принуждены утверждать значение личности, единицы, ставить ее против массы как монарха, пророка, вождя, героя, — в конечном счете — как «спасителя».

По закону диалектики это учение, внедренное в практику жизни, должно было обратиться в свою противоположность, оно и обратилось: XIX век, век неограниченной власти буржуа, стал веком развития анархизма. Железный пресс буржуазного государства не щадил и своих детей, а многие из них, воображая себя достойными высоких позиций, не находили места в жизни иного, чем должность приказчика в лавочке или служащего в конторе, а Шатобриан учил их: «Человек должен стремиться только к личной независимости». Будем смеяться над воплями толпы и довольствоваться сознанием, что, пока мы не вернемся к жизни дикарей, мы всегда будем рабами того или другого человека, — говорил Шатобриан. Другой последователь Руссо, Синанкур, заставляет героя своего романа

«Оберман» сказать: «Я блуждаю среди толпы, как человек, который неожиданно оглох». «Это — искусственная глухота, ее воспитало полное презрение ко всем человеческим затеям», — как вполне правильно указал де-Ла-Барт в своих лекциях о «Литературном движении на Западе первой трети XIX столетия». Этой социальной глухотой и слепотой страдали весьма многие из героев русской литературы, и главнейшие мысли «исключительных» людей были прекрасно знакомы человеку, изображенному Достоевским в «Записках из подполья». Презрение к жизни «толпы» и желание бежать от действительности тоже дошло до наших «исключительных», и в 1905 г., когда наша «толпа», движимая сознанием своего права борьбы против класса грабителей ее труда, мощно пошевелилась, — Валерий Брюсов, несколько смущенный ее «чугунным топотом», пропел:

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и веры,
Унесем зажженные светы
В катакомбы, пустыни, пещеры.

Эгоцентризм Шатобриана и предшественников его — немецких романтиков XVIII в. — с предельной полнотой и ясностью изобразил в 1845 г. духовный сын Руссо — Макс Штирнер в книге «Единственный и его собственность». Можно сказать, что с начала XIX в. на теле буржуазии появилась некая — сперва не очень болезненная — опухоль, стало разрастаться нечто вроде «дикого мяса». Постепенно разрастаясь, оно начало действовать разрушительно. Но снова, как в XVIII веке, разрушая понемногу церковные, консервативные и вообще ограничительные идеи буржуазного общества, «исключительные личности», эти «лишние люди» буржуазии, все-таки в огромном большинстве были и остались ее кровными детьми. И, создав в области литературы не мало поучительного, исторически неоспоримо драгоценного, подробно изобразив и «душу» и быт своих отцов, они с полной, исчерпывающей ясностью показали нам творческое бессилие буржуазии и рассказали весь драматический процесс постепенного банкротства индивидуализма, — процесс, который возник почти на другой день после победы буржуа над феодалом и так отвратительно заканчивается в наши дни.

Бессмысленная жадность к наживе, притупив интеллектуальные способности буржуазии, сделала ее близорукой и отвратительно консервативной,

Стремясь к наслаждениям чувственным и быстро растрачивая силы свои на этом пути, буржуазия XIX в. в массе своей являет картину истощения интеллектуальной энергии. В XVIII в. она была умнее, энергичней, талантливей, тогда она умела ценить своих Вольтеров, разрушителей идеологических основ феодального строя. В XIX в. ее дети начали разрушать основы ее строя, ее быта.

Очень характерно, что XIX век в литературе многократно восстановил и разработал средневековую церковную легенду о человеке, который в жажде славы и наслаждений продал душу свою дьяволу. Легенду эту обрабатывали Гете, Клинггер, Ленау, Поль Мюссе в романе «Пан Твардовский», приписываемом Крашевскому; она у нас выдержала бесконечное количество «лубочных» изданий.

Настоящим героем этой легенды является в сущности не Фауст, а Дьявол, символ того самого разума, работа которого в XVIII веке разрушила церковно-феодальную идеологию государства дворян. Во всех «Фаустах» рассказывается, что из договора, из союза с Дьяволом-разумом, человек никакой пользы для себя не извлек, а только преждевременно попал в ад. Это совершенно верно, если адом считать жизнь, так бессмысленно и бесчеловечно устроенную мешанством Европы и Америки.

Если читать Руссо, Канта, Фихте, Шеллинга, Томаса Карлейля, Маколей, Макса Штирнера, Прудона, Бакунина, Кропоткина, Фридриха Ницше, Лаврова, Михайловского, Константина Леонтьева, — если читать только этих авторов из десятка со-звучных им, мы получим впечатление очень мощного хора, который непрерывно и на весь мир поет гимн личности, гимн индивидуализму.

Десятки крупнейших мыслителей XIX столетия посвятили таланты свои делу вооружения личности на борьбу за ее «счастье», за ее благосостояние, ее «приоритет», главенство в жизни, в истории.

Буржуазия строила паскудное царство свое на жесточайшей конкуренции, ей требовались крепкие, беззастенчивые люди. Не помню кто — Трейчке или Моммзен — сказал: «Немец должен быть самым сильным человеком Европы». Это мог сказать любой из них, это говорили Бисмарк и полоумный Вильгельм II, этого, кажется, не говорили так просто англичане и французы, но и они, как вся буржуазия Европы, стремились воспитывать «сильных», крепких людей. К тому же пошевели-

балась «толпа», и для нее требовались «герои», вожди. Их тоже нужно было воспитать так, чтоб они не отвели «толпу» куда-нибудь влево с той дороги, по которой шла буржуазия.

«Героя я ищу... не странно ль это, когда у нас что месяц, то герой», — иронически восклицал в 1821 г. Байрон, один из величайших «лишних людей» начала XIX века. Байрон иронизировал, а виконт де-Бональд мрачно ворчал: «Вспоминаешь слова папы Пия XI: «У нас каждый холоп может стать королем». Бональд, один из могильщиков революции, проповедывал «закон троичности», выдуманный им. По этому закону бог — причина, мир — следствие, Христос — орудие, посреднике между богом и миром; в человеке душа — причина, члены — орудие, следствие — воспроизведение жизни. Бональд соглашался с Руссо в том, что человечество пошло по неверному пути, и что вся культура нового времени — культура ложная. Все научные открытия, изобретения или никому не нужны, или прямо вредны, а все, что нужно человеку, открыто ему учением церкви. Кроме Бональда, такие же реакционные идеи проповедывали роялист Баллаш, граф Жозеф де Местр и многие другие, — для всех их очень характерно отрицательное отношение к науке, к технике, отношение, которое начинает возрождаться в мозгах буржуазных «мыслителей» наших дней.

Слова папы Пия XI Бональд вспомнил в годы наполеоновских войн, когда дети трактирщиков, бондарей, торговков, прачек становились королями, герцогами, генералами, а подлинные короли уже начинали служить приказчиками и холопами буржуазии, в парламентах заседали, «управляя судьбами народов» лавочники, адвокаты, авантюристы. «Управление судьбами народов» сводилось к придумыванию «нациями» планов взаимного ограбления и методов наиболее суровой эксплуатации труда рабочих масс.

Выше было указано, что литература XIX в. не заметила столь решительного перемещения фигур, не остановила своего внимания на выходцах из массы, не признала их героями, достаточно интересными для романов. Случилось так, что литераторы, как будто заболев социальной глухотой, о которой говорил Оберман, не слышали гимна герою, гимна, который должен был воспитать героев. Они обратили свое внимание на молодого человека средних качеств и в продолжение целого столетия изображали под разными именами и фамилиями все одно и то же лицо. Они так часто писали портреты его, что он, повторенный сотни раз, уверовал в «неповторимость личности». Разумеется, Чацкий, герои Байрона, «Сын века» Альфреда

Мюссе и Печорин внешне не очень похожи на таких увальней, как Обломов, Нехлюдов, Оберман, Адольф, но все же они — дети одной матери. Жюльен Сорель, Раскольников, Грелу — их родные братья, но, разумеется, смелее и активнее; эти трое, проверяя «исключительность» свою, не остановились и перед убийствами. Старшие братья Карамазовы имели духовных братьев своих среди немецкой молодежи XVIII века, и если б Карамазов-отец внимательно прочитал пьесы Шиллера «Дон Карлос», «Разбойники», — дети были бы более понятны ему.

Общее и неоспоримое, что роднит почти всех героев европейской и русской литературы XIX века, это, — кроме их социальной слепоты и глухоты, — пристрастие к бесплодным размышлениям в условиях полного безделья. Западные поклонники и последователи Руссо, воображая, что они живут чувством, погибали, отравленные мыслью, сила которой тратилась ими на исследование таинственных глубин их собственного «я».

«Познание непознаваемого» — точнее, непознанного — одно из очень милых развлечений, но практические результаты оно, может быть, даст только тогда, когда это будет не развлечением единиц, а серьезным делом многих тысяч людей. Как все на свете, даже мыльный пузырь заслуживает изучения, но бесполезно писать биографию человека, который существует еще только в стадии зародыша.

Индивидуалисты существуют, но гармоническая индивидуальность возможна будет лишь тогда, когда интеллектуальное и эмоциональное развитие личности не будет ограничиваться, искажаться идеями нации, класса, церкви, условиями непрерывной и беспощадной борьбы всех со всеми, волевыми условиями жизни современных рабов капиталистического строя.

Известно, что Россия была, как всякое буржуазное, классовое государство, построена по типу зоопарка. В буржуазном государстве, повторю еще раз, человек живет в напряженном состоянии непрерывной заботы о личной самозащите от ближних своих, в постоянном стремлении к самовооружению, к защите деньгами, в заботе об охране занятого места, в желании сменить его на другое, более высокое, к натачиванию охраняющих «права личности» идей и штыков, в заострении индивидуализма.

В России люди были еще крепче заперты в тесные клетки «сословности».

Народ был совершенно лишен каких-либо прав.

«Картина жизни» этого народа ярко написана историком Ключевским, но гораздо более правильно — тов. М. Н. Покровским. Очень много дал для понимания жизни трудового народа сын дьячка и крестьянки профессор Афанасий Щапов, один из замечательных «лишних людей» буржуазии; его честность и талантливость послужили для царской власти поводом сослать его в Сибирь, где он, 46 лет от роду, и погиб в нищете. Он, в сущности, первый ясно и твердо поставил вопрос о месте и значении трудового народа в истории России. Он говорил: «Когда я изучал историю Устрялова и Карамзина, мне показалось странным: почему в истории этой нет истории масс, истории так называемого простого, черного народа? Разве это огромное большинство не имело значения для развития нашей страны?» Но во взглядах Щапова было нечто от церковной догматики, и на этот недостаток его мирозерцания правильно указал другой «лишний» и тоже преждевременно погибший человек — Н. А. Добролюбов.

Очень трудно перечислить количество «лишних людей», которые родились в среде русского дворянства и мещанства и которых дворяне и мещане вытеснили, выдавили из своей среды, а самодержавие — уничтожило.

Буржуазный, мещанский индивидуализм — стремление личности к самообороне против всестороннего гнета буржуазного классового государства, основанного на конкуренции, на борьбе единиц за удобное, командующее место в жизни. Индивидуализм, вызванный к жизни классовым строем, не может не ограничивать свободное, всестороннее развитие личности, не может создать ту индивидуальность, которая неизбежно рождается в социалистическом государстве равных. На войне нет времени чистить ногти и по этой же причине невозможно заниматься делом «самосовершенствования» там, где все силы единицы тратятся на самозащиту.

Русская интеллигенция росла и развивалась в условиях совершенно зверских, — это неоспоримо. Европейская буржуазия не угнетала, не оскорбляла своих интеллигентов так гнусно и грубо, как самодержавная власть Романовых и полудикий русский буржуа. Русская интеллигенция имеет право гордиться обилием и разнообразием своих талантов, она может сказать, что была самой свободомыслящей силою XIX века.

И все же клеймо классовой психологии, глубокая татуировка зоологического, мещанского индивидуализма глубоко въелась в плоть ее. Значительная часть ее оказалась органически неспособной понять всемирное значение Октябрьской революции,

оказалась органически враждебной революционному социализму Ленина. Она пыталась продать свою страну, свой народ буржуазии Европы, она способствовала истреблению сотен тысяч рабочих и крестьян в гражданской войне.

И вот теперь мы видим, как эта часть интеллигенции в эмиграции озверела, отупела, позорит себя гнусной клеветой на свой народ, воеет волчьим воем, призывая на голову его все беды и напасти, все «казни египетские». Едва ли в истории человечества найдется поведение более позорное, чем поведение «интеллигентов» русских, обитающих в Праге, Париже и других грязных гнездах европейской буржуазии.

Вероучители победоносного мещанства с начала и на протяжении всего XIX века стали воспевать индивидуализм, воспитывать сильных, крепких людей, но в то же время XIX век — век мощного развития науки, техники, промышленности, торговли деньгами, век бесчеловечной, цинической эксплуатации белых и цветных рабочих всей земли, — этот век был веком широчайшего развития пессимизма, учения о бессмысленности жизни. В философии он дал столь ярких выразителей его, как Шопенгауэра, Гартман, Леопарди, в поэзии — Байрона, Ленау, Мюссе, Лермонтова, Бодлера, Сологуба, — называю только самых крупных выразителей пессимизма. Это настроение безнадежности не чуждо было Гете — в «Фаусте», Шиллеру — в «Дон Карлосе» и «Валленштейне». В прозе пессимизм тоже имел десятки талантливейших выразителей.

Все указанные здесь противоречия, вся путаница умозрительных размышлений, все социально-экономические причины вырождения и банкротства мещанского индивидуализма будут сказаны в предисловии к томам «Истории молодого человека XIX столетия». Вероятно, уже нет надобности говорить о том, почему наша молодежь должна ознакомиться с этой историей. Но все-таки напомним в нескольких словах — почему именно? Не говоря о том, что в каждом из нас все еще живет ветхий Адам мещанства и в каждом есть — более или менее — тяга к устройству личного благополучия за счет чужой силы, т. е. воспитанный веками волчий индивидуализм еще не издох, — в наших, современных условиях реконструктивного периода существуют кое-какие возможности развития индивидуализма. Это надобно знать и твердо помнить. Пролетарская рабочая молодежь, так героически строящая социалистическое общество, где личности будет предоставлена полная свобода раз-

вития всех ее качеств, — пролетарская, рабочая молодежь должна хорошо понять различие между необходимостью воспитания новой социалистической индивидуальности и уродующим человека животным, звериным индивидуализмом мещан. Она должна следить, чтобы на ее здоровом, мощном теле не разрослось то дикое мясо, вернее та раковая опухоль, которая обессилила, вызвала внутреннее загнивание мещанского мира и окончательно разлагает его. Молодежи нашей следует понять очень простую вещь: дети должны быть умнее, сильнее своих отцов; они будут такими, если хорошо ознакомятся с ошибками прошлого и глубоко освоят все лучшее, жизненно полезное, что придумано отцами, начато ими, что исторически, идеологически неизбежно истекает из их сурового, революционного опыта.

Наступил момент, когда и слепым и глухим должно быть совершенно ясно, что безответственная кучка грабителей чужого труда, организация паразитов человечества грозит разрушить культуру, которая создавалась не только физическим трудом рабочих, но и талантливейшими выдвиженцами рабочей массы во все области творчества. В наше время можно не вспоминать о Фараеях и Ломоносовых как счастливых исключений, — пролетариат Союза Советов эти исключения делает обычаями. Буржуазия Европы и Америки провокаторски вызывает то там, то тут стихийные взрывы неорганизованных сил. Вожди социал-демократии превратились под влиянием всемирного мещанства в цепных и комнатных собак его. Единственной силой, способной организовать классовое революционное сознание пролетариев всех стран, является III Интернационал. Рабочий класс Союза Советов — их передовой отряд и, по праву первого, одержавшего победу над грабителями мира, должен быть и является учителем миллионов своих братьев по классу, по духу.

Но плох тот учитель, который не учится или учится мало. Нет оружия более острого, чем знание, основанное на трудовых процессах, на изучении прошлого человечества. Для того, чтобы смертельно бить врага, необходимо хорошо знать врага.

1931

ЗА РАБОТУ!

1 октября 1931 г. в Ленинграде состоялось совещание массового сектора ГИХЛ по вопросам о приемах и формах работы над материалом по «Истории заводов». Прочитанная мною сте-

нограмма совещания воспроизводит несколько очень длинных речей. Речи эти, должно быть, утомили участников собрания, и в конце его один из них, вероятно шутя, сказал: «Горький заварил кашу, а мы расхлебывай ее». Шутка — хорошее дело, но «ничто не возникает без основания, почему оно возникло», и на эту шутку я должен ответить. «Извиняюсь, как говорят вежливые люди, — но «кашу заварил» не я, заварило ее стремление рабочего класса к самопознанию, т.е. к познанию своего исторического прошлого, что совершенно необходимо для освоения смысла событий, творимых в настоящем, и уяснения прямых путей к целям будущего. Дороги в будущее у нас обильны, проложены довольно широко, прорубаются и мостятся все шире, это — так! Но для многих молодых людей, которые не прошли суровую школу классовой борьбы и совершенно не знают условий жизни рабочего класса в «доброе старое время», все еще не исчезла опасность свернуть незаметно для себя в болото мещанского благополучия, — благополучия, основанного на крови их отцов. Болотце это еще не совсем осушено, и оно имеет своих поклонников, защитников, поэтов. Отцы выгнали из своей страны капиталистов, но врагами рабочего класса были не только фабриканты и помещики. Мелкая буржуазия, городское мещанство заражает его разнообразными ядами своей «психологии» и вовлекала сотни рабочих в тепленькую тину своего болотца, увеличивая количество паразитов трудового народа. Это надо знать и это надо крепко помнить. Капиталисты, стремясь выжать из плоти рабочего класса как можно больше жирного, бесполезного золота, которым они как будто скоро уже совсем подавятся, — капиталисты распоряжались, — и в Европе еще распоряжаются, — плотью и кровью рабочих так же, как рабочие распоряжаются железной рудой и всяким сырьем, переваривая руду в сталь, сырье — в бесчисленное количество общественно необходимых вещей. Противопоставление этих двух деятельностей обнажает до костей и до корней идиотизм капиталистического государства. Этот идиотизм, анархизм и бесчеловечный цинизм с предельной ясностью изобличен В. И. Лениным, человеком, чей гениальный разум еще в 1907 г., когда вожди социал-демократии Европы ходили по земле в приличных одеждах, предвидел, что эти вожди переоденутся в ливреи лакеев капитала и предадут рабочий класс, что они и делают. Делают они это именно потому, что яд психологии — мещанство — сильно действующий яд, в классовой борьбе он играет роль отравляющего газа.

Рабочий класс Союза Советов — гигант, обладающий неисчерпаемым количеством трудовой, физической энергии, которую до Октября 1917 г. бездарно и бесчеловечно грабили и растрачивали капиталисты России и Европы. Рабочий класс Союза Советов пережил драмы, которых не переживал пролетариат Европы. 9-е января 1905 г., истребление рабочих в 1906—08 гг., каторга для тысяч, каторжная работа на Амурской колесной дороге, массовый расстрел на Ленских приисках — все это только наиболее крупные эпизоды сплошной, непрерывной трагедии. Возможно, что настанет день, когда пролетариат Европы позавидует, что он не пережил того, что пережито пролетариатом Союза Советов, и что он не знает истории рабочих нашего Союза.

14 лет назад рабочий класс Союза, руководимый партией большевиков, воспитанных Лениным, взял в свои руки политическую власть и начал всевластно хозяйствовать в своей стране, быстро и все быстрее превращая физическую энергию сотен тысяч своих единиц в коллективную, интеллектуальную, творческую энергию. Могучий поток этой энергии, укрепляя диктатуру рабочих, создавая чудеса в области индустриализации страны, с каждым днем все более и более обогащает ее. Самое великое, что сделано коллективным диктатором Союза Советов, — это полное освобождение крестьянства из-под убийственной «власти земли», освобождение десятков миллионов людей от вековых унижительных суеверий и предрассудков, от всей той древней тьмы, которая сделала царскую, дворянскую, купеческую Русь самой темной, некультурной, нищей страной.

Как же случилось, что вот эта отсталая страна вдруг стала самой яркой точкой на земле, что на ней сосредоточены внимание, симпатии и надежды пролетариев всех стран? Как случилось, что затравленный, замученный народ вдруг встал на ноги и пошел — один, первый — к великой цели пролетариата всего мира? Как развилась и выросла эта сказочная энергия? Сколько усилий затрачено рабочим классом старой, царской России для того, чтобы создать из плоти и крови своей партию большевиков, аккумуляторов его энергии?

Вот это должна знать наша молодежь, и на эти вопросы обязана ответить ей «История заводов». У нас есть книги по истории партии, но они, рассказывая о политической борьбе труда и капитала, о росте партии, о ее битвах с меньшевиками и эсерами — врагами пролетариата, почти или совсем не изображают бытовых условий, в которых развивалась эта борьба, не гово-

рят о будничной жизни рабочих, о их культурном уровне до Октября, не касаются всей рабочей массы, как бесправного орудия капиталистов и в то же время фактического двигателя промышленности, обогатителя огромной страны.

Наша молодежь, а особенно крестьянская, т.е. большинство молодежи, совершенно не знает прошлого и поэтому недооценивает значения настоящего, неясно видит цели будущего. Это надобно повторять тысячи раз и с этим нужно бороться до той поры, пока оно не исчезнет. Наша молодежь не подвергается, как прежде, уродующему давлению чуждого ей класса, он уничтожен вместе с его боевой дружиной, его охраной — церковниками, мещанской прессой и другим мусором, который создали капиталисты и на который опирались они. Мусор выметен, но не весь, и осталось очень много ядовитой пыли. Надо знать прошлое во всем его мрачном, бытовом бесчеловечии, с его гнусным цинизмом, с его изумительным лицемерием. Это необходимо для того, чтобы воспитать в себе органическое отвращение к капиталистическому прошлому, чтобы тонко чувствовать раздражающее влияние его пыли, чтобы научиться исторически мыслить, чтобы насытить боевую теорию ленинизма фактами и углубить ее, чтобы усвоить дух большевизма, его непримиримость, его гибкий разум, отточенный историей прошлого.

Все это нужно знать и потому еще, что хотя капиталистический мир и загнил и разлагается, но в предсмертных судорогах своих он еще может ударить по Союзу Советов. Мы уже столько сделали нового, что имеем полную возможность сравнить трудовые и бытовые условия прошлого с трудовыми и культурными успехами настоящего, с гигантским размахом нашей индустриальной, культурной, коммунальной стройки, изменяющей лицо земли нашей. Молодежь должна понять, что она живет в годы, когда осуществляется, реализуется нечто гораздо более значительное, чем все благожелательные фантазии социалистов-утопистов.

На работе по «Истории заводов» литературная молодежь получает возможность научиться писать о живом, историческом деле ее класса. Учат факты. В Союзе Социалистических Советов создаются почти ежедневно небывалые факты величайшего напряжения энергии, воплощения ее в жизнь, в действительность.

На работе по «Истории заводов» должны образоваться кадры людей, которые со временем обязаны будут создать «Ин-

ститут по изучению роста и развития социалистической промышленности в Союзе Советов».

За работу, товарищи! Поменьше речей, красноречия, больше дела. За работу по созданию большевистской «Истории заводов».

1931

ОБ АНЕКДОТАХ И — ЕЩЕ КОЕ О ЧЕМ

Известно, что буржуазное государство посредством долговременного, непрерывного и всестороннего давления на индивидуальность создает тип человека, ремесло которого — примирять социальные противоречия.

Это — человек, «образованный» естественной потребностью мещанства в защите против отравления ядами, кои нездоровый организм его вырабатывает в себе самом. Это — человек «начитанный», умеющий более или менее ловко излагать мысли и разлагать их, когда они противоречат философическим основам мироискривления мещан. Известно, что мещанство двоедушно и что оно не может быть иным: в практике своей оно грубо и цинически материалистично, в теории исповедует идеализм.

Для прикрытия этого маленького, но совершенно очевидного противоречия и образован примиритель всех и всяческих противоречий. Его обязанность — «отводить глаза» от действительности всем вообще людям, а особенно людям, которые желали бы честно разобраться в сложной путанице идей, выдуманных предшественниками их по ремеслу, идей, которые не только оправдывают, но и пытаются навеки утвердить законность бытия мещанства в целом, а в частности законность бытия «свободомыслящего мещанина», якобы совершенно «духовно» не зависимого от влияния действительности. Основным приемом «отвода глаз» служит углубление разума в область «вечных тайн», кои, будучи уже признаны неразрешимыми, тем не менее усердно и «умозрительно» разрешаются, причем иногда разрешаются они не по обязанности примирителя, не по силе пытливости его ума, а по ремесленной привычке и даже нередко от «нечего делать».

В область «вечных тайн» свободомыслящий примиритель социальных противоречий отправляется с высоты такого соображения: «Мы кое-что узнали, но мы не знаем, насколько достоверно то, что мы знаем; нам неизвестно, что именно скры-

то под тем, что нам известно, а это скрытое и есть главное, что необходимо знать. Кем или чем и как начато все, что существует, и зачем оно начато? Все — и мысль — исходит из неведомого, но ведомо ли неведомому сомнение в смысле своего бытия? Имеют ли место среди Платоновых идей идеи граммофона, штанов, пулемета, лыж, револьверного станка, трубки для курения табака, швейной машины, туберкулезной бактерии, мыла, утюга? Существовало ли мое «я» до рождения и как оно будет чувствовать себя после смерти? Сидит ли человек на камне, на стуле или же на собственных ягодицах, и какую роль при этом акте играет земной шар?»

Количество вопросов такого рода неисчислимо, и многие люди указанного типа верят, что, разрешая вопросы этого порядка, они «углубляют познание смысла бытия», а также разоблачают заблуждения мысли.¹

Решением этих вопросов занимаются наиболее крупные птицы, так сказать, вороны, среди галок, сорок и ворон. Более мелкие «двуногие без перьев» ближе к мещанской действительности и по мере сил своих затемняют ясность подлого ее смысла.

По характеру своему они — в большинстве — жулики, но по убеждениям — гуманисты. Они могут быть деятельными членами «Общества защиты животных» и равнодушно наблюдают, как полиция избивает рабочих на улицах культурных городов Европы. Они могут протестовать против «вивисекции», защищая жизнь кроликов, собачек, морских свинок, и могут оправдывать неизбежность империалистических войн, истребляющих десятки миллионов людей, оправдывать варварскую колониальную политику капиталистических государств; могут по указу хозяев науськивать мещанство Европы на интервенцию в Союз Советов, науськивать на террор против большевиков. Вообще они «к добру и злу постыдно равнодушны», но, работая в газетах банкиров, они проповедуют какое-нибудь «добро», например, фашизм, и «обличают зло», например, коммунизм.

Хозяева кормят их более или менее вкусно и командуют им: «Эй, ребята! Делай общественное мнение!» И они послушно соглашаются, что в Союзе Советов хозяин его — трудовой народ —

¹ Ошибочно было бы думать, что я высмеиваю философию, — нет, я — за философию, но — снизу, от земли, от процессов труда, который, исследуя явления природы, покоряет силы ее интересам людей. Я убежден, что мышление неразрывно соединено с трудом, и не сторонник мышления в неподвижном состоянии — сиди, лежи.

изнемогает от желания снова посадить на шею себе царя или парламентец с банкирами и фабрикантами, доказывают, что существует племя людей, которым скучно жить, если их не бьют, что у людей этих развита любовь к страданию, как доказано Достоевским, что они тем лучше себя чувствуют, чем больше у них чирьев на коже, и что терпение их совершенно изумительно, так, напр., они почти голыми кулаками четыре года усердно и терпеливо били армии ученых генералов, спецов военного дела и войска европейской буржуазии. Впрочем, на последнее они, кажется, не ссылаются, доказывая любовь населения Союза Советов к страданию и терпению.

Они очень любят подчеркивать различные мелкие, пошленькие, глупые и уродливые анекдоты, которыми советская действительность не бедна и которые не могут не создаваться в стране, где приведены в непрерывное движение 162 миллиона людей, в большинстве не очень грамотных.

Люди эти дерзновенно решили создать новое, социалистическое общество; никто до них такой работы не начинал, учиться им не у кого, рабочей силы им нехватает, и вообще положение таково, что для творчества глупеньких анекдотов есть и место и достаточное количество разнообразных причин.

Однако, не было случая, чтобы анекдоты, даже взятые в сотнях и тысячах, заметно задерживали развитие исторического процесса. Но разбойники пера и мошенники буржуазной печати обязаны хозяевами доказывать, что анекдот не только мешает, но и останавливает ход истории. Мое мнение по этому поводу таково: если анекдот остроумен, он украшает историю, как художественная миниатюра страницу летописи; если анекдот уродлив, пошл и глуп, — автор его наверное тоже урод.

В № 254 «Правды» была напечатана заметка: «Без революционной теории — нет революционной практики». Это — правильно, и это следовало бы повторять в разных формах возможно чаще. Заметка была бы еще более педагогически солидной и убедительной, если б в ней упомянуто было, что революционная теория создается не «от ума» и не «от скуки жизни», как думают некоторые наивные, а может быть, притворяющиеся наивными, в сущности же плутоватые субъекты. Наивным приходится напоминать, что революционная теория ленинизма построена на фактах трудовой, житейской, исторической практики, имеет глубочайшие корни в земле, в истории длительной борьбы трудового народа за его освобождение из железной

сети капитализма. Люди, которые почерпнули эту простую истину из книжек, думают, что она усвоится легко. Но простые идеи — самые мудрые, и поэтому они — самые трудные. Мозг человека засорен множеством идей фантастических, ложных, но очень затейливо одетых в красивенькие слова и увлекающих мысль своей затейливостью. Есть пословица: «Грязная одежда срастается с кожей».

Идея социальной революции очень проста, правда ее совершенно очевидна. Но эта идея должна проникнуть в сознание трудовой массы, веками воспитанной на суевериях мещанского, зоологического индивидуализма, искусно скрытого в громких фразах. К тому же: можно не верить в бога и все-таки — по привычке бабушек и дедов, отцов и матерей — думать о жизни церковно, т. е. ложно.

Люди тяжелого, физического труда тысячелетия воспитывались на идее «судьбы», всеильно властвующей над ними, на учении о царе небесном и неограниченной власти земных царей, на идеях пассивного, покорного отношения к жизни, хотя именно эти люди — та сила, труд которой непрерывно изменял формы социальной жизни их владык и создавал культуру. Некоторые из активных единиц, которым удавалось вырваться из каторжной работы и нищеты, становились по отношению к массе в ряды грабителей ее труда. У них было весьма солидное основание верить, что жизнь строят ловкие, бесстыдные и потому богатые. Они укрепляли в массе веру в то, что существует бог, и это он — податель богатства. Нет диктатора, который не опирался бы на церковь, и нет религии, которая не служила бы диктатуре богатых над рабочим народом.

Все это хорошо известно уже миллионам рабочих, но не всем рабочим. В нашей советской действительности работают десятки тысяч крестьянской молодежи, которой не совсем ясна история роста революционной теории, неясно, из каких фактов она возникла. Нужно, чтоб эта молодежь знала историю развития сельского хозяйства от первобытных времен до наших дней, историю развития науки, техники, промышленности, историю грязной и кровавой практикой мещан. Наша молодежь должна знать «Историю фабрик и заводов», «Историю гражданской войны», и первой, великой победы революционной теории над грязной и кровавой практикой мещан. Наша молодежь должна знать также и текущую действительность, т. е. историю ее героического труда. Среди нее возможны юноши, для которых бурный ход действительности так непонятен, что они ставят вопрос: «К чему все это?»

Вопрос: «К чему все это?» — дважды поставлен предо мною в его буквальной форме и десятки раз в формах менее точных. Ставят этот вопрос юноши, которых можно разделить на две группы: на уставших от «идеологии» и желающих, как пишет один из них, «чтоб на полях вместо гвоздей росла трава и крестьянин обнимал крестьянку, а не трактор». Вторая группа — юноши, убежденные в своей гениальности и уверенные, что они вполне «способны решить все вопросы современности, не опираясь на прошлое, изучать которое вы нас призываете, потому что вы старик и прошлое вам дорого, чего мы не чувствуем и не признаем». В этой группе нашелся молодой пистолет, который, предпочитая русскому языку малограмотный, рассуждает так: «Мне еще нужно доказать, что учеба постоянно полезна, а не привычка накапливать знакомства с ненужными фактами жизни». А человек, едва ли молодой, очень сердитый и анонимный, говорит: «Вы уже не художник, а дидактик и старик, а старики честолюбивы и любят учить, хотя их уже некому слушать в стране, где управляют жизнью безграмотные дворники и кухарки...»

К этим изъяснениям настроений моих корреспондентов прибавлю следующее: недавно я прочитал книжку, ценою гривенник, в ней излагается дискуссия одного профессора со студентом. Профессор доказывает, что, только освоив научный опыт человечества, историю его интеллектуального роста, мы можем быстро и успешно двигать науку вперед. Студент возражает: для практики бурно текущей жизни и работы строительства достаточно умения пользоваться готовыми формулами и нужен технический справочник, а «познание глубин научной мысли нужно отложить на будущее, когда для учебы останется больше свободного времени». Профессор, к сожалению, соглашается со студентом, даже ставит ему фиктивный зачет и, таким образом, выпускает на ответственную работу недоучку, который, вероятно, что-нибудь напутает, напортит, нанесет государству вред.

Титул «честолюбивого старика» — не новость для меня, титул этот давно уже дан мне эмигрантской прессой, а чином дидактика я награжден лет тридцать назад. Я не считаю себя виноватым в том, что стар; на мой взгляд, старость — не преступление, а только неизбежная и очень крутая неприятность. Должен сказать, что у меня нет особенной симпатии к племени стариков, ибо мне с юности очень хорошо известно, что многие человеки, старея, густо обрастают шерстью и даже щетиной человеческой «мудрости», что разум их становится нетерпимым, назойливо авторитарным и хочет, чтоб доводы его принимались

как аксиомы, не требующие доказательств и не подлежащие критике.

Гениальные пистолеты могут вообразить, что я говорю так с намерением подыграть к их настроению чрезмерного и малограмотного критицизма. Нет, я делаю это для удобства драки, для того, чтоб в меру старческих сил моих дать им трепку. Я знаю: петухи, воображая себя орлами, все-таки не взлетят выше плетня или забора, — однако, зачем же поощрять молчанием бесплодные попытки некоторых юношей подняться на вершок от земли, дергая себя за собственные свои уши?

Невежественно думать, что «прошлое дорого» мне. Если б это было так, я жил бы по принципу: «После меня — хоть потоп», и работал бы в другом лагере, а не в том, где, кроме прямых моих обязанностей литератора, я должен заниматься работой санитара, попытками вымести из жизни всякую заразную грязь и дрянь.

Этой работой санитара и объясняется отмеченная анонимом моя склонность к дидактизму, — учительству, якобы не свойственному и даже вредному для сочинителя рассказов и романов. Я не знаю искусства, лишенного дидактики, и не думаю, что дидактизм способен понижать силу влияния искусства на воображение, на разум и волю читателя.

Лично меня всю жизнь учили и продолжают учить. Учили Шекспир и Сервантес, Август Бебель и Бисмарк, Лев Толстой и Владимир Ленин, Шопенгауэр и Мечников, Флобер и Дарвин. Стендаль и Геккель, учил Маркс, а также Библия, учили анархисты Кропоткин, Штирнер и «отцы церкви», фольклор и плотники, пастухи, рабочие фабрик и тысячи других людей, среди коих я прожил полсотни лет сознательной жизни. Я не нахожу, что в школе, которую я оканчиваю, преподавалось и преподается нечто лишнее для меня. Продолжая учиться у Ленина и у его учеников, я чувствую, что меня одновременно учат и не очень грамотные наши ударники и весьма грамотный Шпенглер, корреспонденты мои тоже кое-чему учат меня. В конце концов я низову это «прохождение» столь пестрого курса наук обучением у действительности и скажу, что мое право учить я считаю достаточно обоснованным.

Некоторые из корреспондентов учат меня: «Возьми палку, надень котомку и походи пешечком, погляди...» Этого я не сделаю, у меня нет времени для прогулок. В свое время я достаточно погулял и неплохо знаю, в каких отчаянных каторжных условиях, в какой нищете жило крестьянство. Знаю, что пятьдесят лет назад мужик ходил «с сошкой», а по пятам за

ним — «семеро с ложкой», что в ту пору у него было очень много хозяев, а учителя не было; сам же он, прожив тысячелетия, ничему не выучился.

Теперь у него есть отличный учитель — рабочий-коммунист, он заменил соху трактором, серп и косу — комбайном, он освобождает крестьянство от каторжного труда, от нищеты и от вековой «власти земли», которая держала разум крестьянства в тьме всяческих суеверий, в тяжелом, уродующем душу невежестве. Я знаю, как быстро растет в крестьянстве грамотность, а вместе с нею сознание человеческого достоинства и сознание правды коллективизма.

Конечно, «в семье не без урода», а так как семья у нас — 162 миллиона единиц, — естественно, что и уродов в ней немало. Уроды самолюбивы и обидчивы: урод считает себя человеком исключительным, и, разумеется, он имеет основание считать себя таким, поскольку он — урод.

Основа умственного уродства — лень разума, его нежелание изучать, знать, его самодовольство или удовлетворение ничтожностью знания. Это уродство обычно называется одним словом — глупостью.

Вот, например, некий самодоволец пишет: «Если действительность против моего творчества, так я имею право отрицать ее. Достоевский, что ли, сказал, что человек — существо фантастическое, и это правда. Я ставлю свою фантазию выше всех ваших достижений Днепровских, Магнитогорских, Нижегородских». Возражать столь гениальному уроду бесполезно, ибо он, повидимому, органически неспособен понять, что в основе всех фантазий коренится действительность и что человек не может ничего выдумать, не опираясь на что-нибудь, сделанное до него, для него или против него. Можно и не отрицать, что «человек — существо фантастическое», но для этого необходимо взглянуть на него очень издали, даже «из глубин космоса», как на существо, которое зародилось и выросло на одной из незначительных по объему точек вселенной и на этой точке в течение десятков тысячелетий путем невероятных усилий достигло тяжким физическим трудом и напряжением творческой энергии разума невероятных успехов. Самое изумительное, чего он достиг, — это его наука, дерзновенная работа которой не знает пределов и не должна знать их. Затем — это его техника, возникшая на основе науки и все более легко преодолевающая сопротивление инертной материи. Затем — это его искусство,

позволяющее ему создавать из слова, звука, красок, камня и металла идеальные по красоте и силе образы, сочетания и формы.

Взятый так, человек действительно является фантастической величиной, а история его труда, история культурного творчества — самое фантастическое, что вообще можно вообразить. Но чтоб вообразить во всей его огромности такого человека, надобно вспомнить, что его имя — Человечество, и надобно знать историю его борьбы с природой и борьбы классов внутри его. Но «гениальности» юношей, подобных автору вышеприведенной цитаты, неизбежно сопутствует глубокое и темное невежество.

Юноша, уставший от идеологии, пишет: «Может быть, я отстал от жизни, оторвался от действительности, но мне очень нравятся переводы Жуковского, его сказки и легенды, опера «Руслан и Людмила» и многое такое, в чем под увеличительным стеклом не найти идеологии». Далее он спрашивает: «Не следует ли допустить к изданию литературу, не имеющую ничего общего с идеологией?» Ему нравится кинокартина «Страх», охраняющая устои буржуазной семьи, «нравятся комики Пат и Паташон, их идиотские положения всегда вызывают смех». Он хочет, «чтоб на полях росли не гвозди, а трава, и чтоб крестьянин обнимал не трактор, а крестьянку».

Общий смысл этого послания сводится к двум словам: надо развлекаться.

Я цитирую это письмо не потому, что считаю его глупее других — подобных, нет, имеются письма гораздо более глупые. Юноша, утомленный идеологией, не так наивен, каким он хочет казаться, и протестует он не против всякой идеологии, а против некоторой, вполне определенной. Сам он глубоко идеологичен, и его лозунг: «надо развлекаться» — старинный лозунг дармоедов и паразитов: пусть другие работают, а мы хотим развлекаться. Ему, как видим, по душе поэзия «Озерной школы» в переводах Жуковского. Байрон, лорд, но революционер, ненавидевший победоносное мещанство своей эпохи, о поэтах «Озерной школы» говорил так:

Пускай места вам теплые даны,
И вам достались слава и богатство,
В продажных мнениях все же нет цены
Позорным я считаю ваше братство,
Вам чужды убеждения и честь.

И еще:

Вы скрыли под лавровыми венками
И наглость ваших лбов, и тайный стыд,
Я зависти к вам не питаю; с вами
Тот не пойдет, кто честь и совесть чтит.

Роберт Соути, Водсворт, Кольридж и другие поэты «Озерной школы» были сторонниками министра Кэстельри, а Байрон об этом Кэстельри писал так:

О, Кэстельри! Предатель и злодей,
Ты обагрил кровавыми ручьями
Ирландию и родины своей
Стал палачом. Преступными делами
Ты служишь тирании и людей
Держать ты хочешь скованных цепями...

У поэтов «Озерной школы» есть одна, но не малая заслуга: они умели отлично пользоваться материалом устного «народного» творчества; этим они значительно обогатили английский язык, как говорят историки литературы, не забывая, однако, указать, что Соути, Водсворт, Кольридж были поэтами средних талантов. Возможно, что колоссальнейший наш поэт Пушкин пользовался материалом народных сказок, следуя их примеру, но здесь нужно отметить весьма существенное различие «вкуса» и отношения к материалу.

Поэты «Озерной школы» не касались таких тем, как, например, «О попе и работнике его Балде». Пушкин вообще не искажал подлинного смысла сказок, тогда как Водсворт и его группа пользовались в народном творчестве мотивами «сверхчувственного», «чудесного», идеями и суевериями, которые в это здоровое, языческое творчество внесены были церковью, ее лицемерием. Вкладывая в этот церковный материал свое толкование, они являлись именно примирителями социальных противоречий. Водсворт отличался «враждебным и даже презрительным отношением к разуму». Кольридж — в юности либерал, а затем ученик немецкого мистика Якова Беме и реакционер. Соути тоже начал с радикализма, потом прославил себя дикой ненавистью к Байрону и Шелли и, наконец, опустился до такого мракобесия, что даже историк Маколей, консерватор, подверг его книгу «Беседы» резкой критике.

Все эти люди заражены учением Лютера о разуме как «дьявольской блуднице», учением саксонского крестьянина, предки которого на протяжении многих веков жили под невообразимым кровавым гнетом мелких князьков, церкви, рыцарства и помещичьего дворянства.

Этот гнет и внушил Лютеру его изуверское учение, суть которого такова: «Христианин должен быть совершенно пассивен, должен терпеть, он должен чуждаться благ этого мира и помышлять только о сокровищах на небесах. Христианин должен терпеть, не оказывая ни малейшего сопротивления, если б даже с него стали кожу сдирать. Ко всему земному он равнодушен. Он дозволит грабить, резать, мучить себя, ибо он — мученик на земле». И когда крестьяне под предводительством Фомы Мюнцера, Вендера Гейлера и других вождей, выдвинутых ими, восстали против угнетателей, Лютер закричал рыцарству и церковникам: «Спасайтесь! Колите, бейте, душите крестьян как можете! Их надо давить, как бешеных собак!»

Вот из какого источника почерпали основы своей идеологии поэты, которые так нравятся юноше, утомленному идеологией рабочего класса. Остается сказать несколько слов о Жуковском. Так же, как Водсворт и Роберт Соути, он был «придворным» поэтом — «лауреатом», т. е. увенчанным лаврами. Он был воспитателем Александра II, сына царя Николая I, и автором статьи, в которой защищал и оправдывал применение смертной казни. Сентиментальный реакционер, он обладал талантом хорошо рассказывать в стихах чужие вещи, но сам был не очень крупным поэтом.

Итак, мы видим, что юношу утомляет не всякая идеология, а определенная и, должно быть, плохо знакомая ему. Весьма возможно, что его тяготение к балладам поэтов «Озерной школы», к легендам и сказкам объясняется не его классовым вкусом, а его невежеством. Он, должно быть, еще не знает, что баллады, сказки, легенды тоже скрывают за красивыми словами кое-какую, а иногда очень скверную идеологию и что даже тараканы, крысы, комары и прочие паразиты тоже, вероятно, обладают зародышами примитивной «идеологии», ибо паразитам свойственны некоторые, основанные на опыте, представления, напр.: земля устойчивей воды, железо не съедобно, кровь человека питательна. Идеологически, вероятно, не умеют мыслить только идиоты и кретины, но ведь здесь идет речь не о них.

Само собой разумеется, что я не против развлечений, но по условиям нашей действительности развлечения нуждаются в ограничениях: «делу — время, а потехе — час».

Мне кажется, что если один будет развлекаться красотами словесного творчества реакционеров, классовых врагов трудового народа, тогда как другие непрерывно и неутомимо увлекаются ударничеством в области строительства новой, социалистической, действительно освобождающей человечество культу-

ры, — при наличии такого противоречия первые будут совершенно лишними в нашей рабочей действительности.

Затем я полагаю, что эта действительность достаточно интересна и богата «развлечениями». Напр., Ганди и Макдональд — комики не менее забавные, чем Пат и Паташон, а злодеи действительности значительно превосходят пакостями своими злодеев кино. Повторю, что вообще и всегда действительность служила, служит основой всех выдумок и фантазий и гораздо интересней, практически полезней изучать ее не по фильмам кино, а по деяниям таких, напр., джентльменов, каковы Черчилль, Чемберлен, Болдуин и прочие «герои нашего времени» и этого ряда. Полезнее, интереснее это потому, что означенные джентльмены, при их явной склонности к политическому хулиганству, могут набить шишек на черепах юношей, которые устали от идеологии. Джентльмены не замедлят сделать это, если юноши будут заниматься ротозейством — профессией, которая, надеюсь, нравится не очень многим из граждан Союза Советов. То, что думают и пишут эти немногие граждане, гораздо лучше и всесторонне продумано, написано в начале XIX столетия людьми, которые тогда тоже «устали» от революционной идеологии материалистов «века просвещения», и то, что тогда писалось «уставшими», было изуверской, церковной идеологией контрреволюционеров.

По поводу гвоздей, которые будто бы растут на полях, ничего не могу сказать: никогда не видел таких гвоздей и полей. Автор письма, должно быть, пошутил. А относительно крестьянина с полной уверенностью говорю: и в наши дни и немножко позднее, когда он, перестав чувствовать себя крестьянином, поймет себя социалистом и хозяином своей страны, он неизменно будет обнимать крестьянку, она его — тоже. Это — их взаимная, биологическая и, как известно, весьма приятная обязанность.

Даже монахи, идеологи аскетизма, могли бы, опираясь на свой личный опыт, удостоверить, что и аскетизм не мешает исполнению этой обязанности. Даже гомосексуалисты, уклоняясь от этой обязанности назад, объясняют это отклонение идеологически или своим тяготением к эстетике эллинизма, или же тем простым фактом, что в буржуазном обществе содержать мужчину дешевле стоит, чем содержать женщину. Всюду «идеология», молодой человек. Никогда она не мешала исполнять «обязанность», издавна поощряя исполнение в стихах и прозе, в красках и танцах. Мещанская действительность говорит нам, что в буржуазном обществе эта обязанность принимает форму и характер все более грязного распутства и унижения челове-

ка — женщины. «Охраняя устои семьи» в кинематографе, мещанство в быту своем все чаще заставляет женщин прибегать в целях самозащиты к услугам револьвера и углекислого газа, как об этом ежедневно и садически подробно рассказывают хроникеры буржуазной прессы — люди, о которых говорилось в начале этих заметок.

Люди эти, разумеется, не могут возбудить наших симпатий, но они очень полезны, потому что они натуралисты. Родоначальником их был Хам, бойкий парнишка, который обнажил наготу пьяного отца своего. Они тоже занимаются обнажением грязной наготы своего папаша — класса, наполняя полосы мещанских газет многословными описаниями семейного развала в мещанском обществе, рассказами об убийствах, самоубийствах, о разных формах воровства, мошенничества и жульничества. Их ремесло — рыться в крови, грязи, в мусоре мещанской жизни, они очень увлечены этим ремеслом и дают широкую, весьма красочную картину истлевания, гниения европейской, буржуазной культуры. Они и сами тоже гнилые, но это — полезные гнилушки, потому что их «натурализм» освещает действительность довольно ярко. К показаниям этих людей нужно относиться внимательно, но подражать им не следует, потому что они людишки бездушные, воспринимают драмы своей мещанской действительности как материал, который продается, покупается и обеспечивает «натуралисту» известное количество жратвы.

В нашей, советской действительности довольно много всякого старья, оно быстро отмирает. У нас тоже существуют и кое-что пишут своеобразные «натуралисты». Я не решусь называть их потомками Хама, ибо иногда мне кажется, что они подчеркивают бытие всякой дряни и гадости из соображений гигиенических, из желания поскорее доконать, добить издыхающее и выпшвырнуть его прочь из быта. Но, подчеркивая, забывают о политическом такте.

Они очень зорко видят и как будто правдиво рассказывают. Вот, например, в книжке одного литературно грамотного сочинителя я читаю: «На работу в губполитпросвете человек с бородкой попал недавно и по недоразумению: раньше он был смотрителем кладбища».

Вы посмотрите, как смешно. И возможно, что это правда. Людей у нас везде нехватает, а смотритель кладбища мог оказаться человеком политически более воспитанным, чем автор книжки. Но зарубежные натуралисты и внутренние недоброжелатели рабоче-крестьянской власти обязательно сделают из это-

го анекдота иной вывод: в Союзе Советов политическим просвещением рабочей массы занимаются смотрители кладбищ. Для того чтоб еще более заострить уродство анекдота, могут превратить смотрителя в могильщика. Мещане, туземцы и старички-эмигранты Парижа, Берлина, Праги, Софии, Белграда утешены советским сочинителем, ликуют, звонят друг другу по телефону, кричат: «Вы читали о могильщиках? Хи-хи, каково!»

В книгах наших сочинителей я весьма часто встречаю такие анекдоты, но не буду приводить их здесь, ибо не нравится мне потешать мещан правдой, приятной для них и оживляющей подленькие их надежды.

Меня очень интересует вопрос: откуда у наших сочинителей это пристрастие к «правде», приятной мещанству? Эта «правда» — результат его классового творчества. Беседуя с одним автором по поводу его рукописи, почти сплошь построенной на материале пессимистических анекдотов и на герое, который мучается потому, что не может выбрать для себя достаточно звучной фамилии, я спросил: почему для меня, читателя, должно быть интересно, что какой-то болван Семков, вместо того чтобы работать, учиться, бормочет: Семиоков, Сумраков, Сумароков? Я получил такой ответ: «Мне нравятся люди, которые живут бездейственно, внутри себя, развиваются самосильно, как вы».

Это — очень странный анекдот, ибо грубый, бытовой натурализм рукописи никак не согласуется с явным романтизмом угрюмого и сердитого автора. Романтизм свой он обнаружил в словах вполне определенно, но все-таки романтизм этот кажется пришитым к авторовой коже, а не идущим изнутри его. И вообще мне довольно часто кажется, что некоторые молодые писатели учатся как будто не у действительности, а у Фридриха Шлегеля, который за 132 года до наших дней проповедывал, что «человеческое «Я» находит свое истинное удовлетворение не в энергической деятельности, а в богоподобном искусстве бездействия, в отсутствии всякой деятельности, живет «самонаслаждением», и чем более походит на растение, тем лучше для него».

Это учение чистейшего пассивного романтизма XIX—XX вв. многократно повторялось, и нередко в таких курьезных формах, как в книге Гюйсманса «Наоборот», как у непомерно расхваленного Уотта Уитмена, и, наконец, у нестерпимо болтливой Марселя Пруста. Весьма возможно, что увлечение пассивным романтизмом в некоторой, едва ли значительной, части нашей литературной молодежи объясняется ее эмоциональным стремлением к романтизму активному, революционному, к романтизму, которым так прекрасно богата наша действитель-

ность, так глубоко насыщена работа нашей молодежи, творящей не «легенду», а всемирное дело освобождения трудового народа. Весьма допустимо, что, как уже сказано, молодежь отмечает и густо подчеркивает анекдотические, уродливые проявления старого быта из ненависти к нему, из соображений санитарных, из желания уничтожить все, что мешает молодым людям усвоить революционный, активный романтизм. Но этот романтизм дается только путем развития и углубления классового самосознания, только путем политического самовоспитания, и только при таком условии совершенно отпадает вопрос: «К чему все это?», и юноше станет ясной та высокая цель, которую поставил пред собой класс-диктатор Союза Социалистических Советов. Эта цель и есть та величайшая, светлая правда, о которой издревле мечтал трудовой народ всего мира и которая одна только может освободить его от жизни в крови, в грязи, во лжи, в душевной путанице классовых, непримиримых противоречий.

Но еще не издохла, живет и действует на мозги людей, утомленных революционной идеологией рабочего класса, подленькая, пошленькая «правда» мещанства. Потомки Хама, «натуралисты», «мошенники пера», наемники банкиров и вообще мелкие людишки, живущие по принципу «После нас—хоть всемирный потоп», пользуются этой правдой для хулы на Союз Советов и на социализм. «Индустриализация», — говорят они, — «Пятилетка», «Магнитострой», «Днепрострой», Москва-реку соединяете с Волгой, а политграмоту у вас смотритель кладбища преподает. А сочинитель имя-рек, забыв, что он везет своих героев по Оке, описывает ночь на Волге, а учительница имя-рек три месяца жалованья не получала. А в городе Окурове кооператоры проворовались. Делаете блюминги, тракторы, конвейеры, а иглодок, булавок, дамских шпилек иногда нет, черти драповые» и т. д. и т. д., и все это — правда. Ну, что поделаешь. Немало еще такой правды на пространстве от Владивостока до Одессы, от Эривани до Мурмана, от Ленинграда до Ташкента. Не скоро выметешь эти недостатки. Однако понемножку чистим, и если чистим, то уж беспощадно. Врагам нашим мерещится, что этой анекдотической правдой они «утирают нам нос». Оставим их в тумане самообмана, но давайте позаботимся, чтобы количество пошлых анекдотов сокращалось. Не следует кормить мещанство даже и грязью, приятной ему. Количество анекдотов быстро сократится, стоит только усвоить истину: каждый из нас за все, что бы он ни делал, отвечает перед всей страной и перед каждой единицей ее. Нам пора воспитывать в самих себе чувство всесоюзной социалистической ответственности и соли-

дарности. Вместе с этим чувством мы воспитываем в себе и политический такт, который не позволит нам сочинять анекдоты в жизни и литературе, не позволит утешать мещанство доказательствами живучести его в нас самих.

Если человек на социалиста «похож по роже, а душа не похожа», так это гораздо хуже, чем плохо. Будущее, которое мы строим сегодня, протягивает нам крепкую и щедрую руку. Сделано так много, что еще несколько усилий, и великий диктатор Союза Советов — рабочий класс — станет силою, непобедимою никакими соединениями истрепанных сил его классовых врагов.

1931

О «ПРАВЕ НА ПОГОДУ»

Конечная цель изучения природы — изменение к лучшему условий общественного бытия. Научная мысль — единственное и самое могучее орудие развития воли, разума, самосознания и самозащиты людей. Успехи и достижения работы ученых были бы неизмеримо обильнее, глубже и шире, если бы в буржуазном обществе на путях исследующего разума не вставал стеною идиотизм быта. История роста науки — это история непрерывной и мучительной борьбы исследующего разума, бытового разума, подавленного, искаженного множеством суеверий, предрассудков, предубеждений.

В капиталистическом государстве научная теория осваивается лишь тогда, когда ее узко-практическое значение, становясь очевидным, удовлетворяет бесчеловечное своекорыстие командующего класса, расширяет для него возможности и создает новые приемы эксплуатации физической силы рабочих масс. Точно так же, как массы рабочих и крестьян находятся в тяжелом плену экономической политики капитализма, — свобода исследующего разума тоже уродливо стесняется этим пленом.

Разумеется, в «семье не без уродов», и мы слишком хорошо знаем, что среди ученых немало людей, которые, будучи родственно и кровно связаны с гнуснейшим чудовищем капитализма, служат ему со всей искренностью и силой подлости. Экономический кризис и безработица немедленно вызвали у некоторых из них теорию перепроизводства интеллектуальных сил и перепроизводства техники. Эта проповедь необходимости интеллектуального обеднения жизни становится — с легкой руки пессимиста Шпенглера — модной, стала достоянием невежественных журналистов и уже дает практические результаты:

кое-где буржуазные правительства, — не сокращая работы промышленности на войну, на производство орудий истребления людей — сокращают ассигновки на «образование народа» и закрывают научные учреждения.

Американец, известный историк Ван Лон, обеспокоенный национально-революционным движением в европейских колониях, опубликовал статью о «Великих исторических ошибках». По его мысли, величайшей ошибкой наших прадедов было:

«распространение грамотности в колониальных странах. Первобытные дикари, обязанные белым своим просвещением, вытесняют их из своих стран, уже лишившись Китая, Египта, грозят отобрать Индию и гонят обратно в крошечную, перенаселенную Европу».

Дикие мысли такого типа появляются все более часто. Если они еще не доходят до слуха рабочих масс, то со временем наверняка дойдут, а когда дойдут, то, конечно, усилят невежественный скептицизм по отношению к науке.

Люди физического труда и без этих выходов одичавших мудрецов видят, что завоевания и открытия науки не облегчают их жизни, не разрушают идиотизма быта. Но им трудно понять, что капиталисты, относясь отрицательно к отдаленным целям науки, исследующей тайны природы, освобождающей разум от бытового, веками воспитанного идиотизма, пользуются данными науки как орудием классовой и национальной борьбы.

Люди физического труда, естественно заключенные во тьму безграмотности, интересуются жизнью, работой ученых так же мало, как мало интересуется больной здоровьем врача. Церковь — опора капиталистического государства, ревностно оберегающая свою позицию пастыря народов, издавна относится к работникам науки враждебно, рассматривая их, как еретиков, вполне способных занять ее место «властителей душ», разбудить отравленный снотворным ядом религии разум трудового народа и придать ему силу единственного руководителя и защитника жизни трудового народа. Все это ведет к тому, что, несмотря на мощное, вопреки всем препятствиям роста, развитие науки в XIX—XX столетиях, расстояние между интеллектуальной бедностью трудового народа и высотой современного научного мышления катастрофически увеличивается. Интеллектуальная бедность рабочих и крестьян Европы, Америки объясняется именно силою давления на разум людей физического труда бытового мещанского идиотизма. Только слепотой ума и безволием можно объяснить тот факт, что в трагические дни массовой безработицы миллионами голодных бесправных людей могут командо-

вать люди таких нищенских способностей, каковы Гуверы, Макдональды, Гитлеры и прочие спасители погибающей буржуазии, которая хочет только одного: жить глупо, пошло и удобно, как бы дорого ни стоила эта жизнь «ее народам» — ее волам, с которых она сдирает последнюю шкуру.

В Союзе Социалистических Советов успешно развивается процесс освоения рабочими и крестьянами науки, техники, искусства. Организованная учением Маркса — Ленина партия коммунистов рабочих и крестьян — энергичный и во всем мире единственно бескорыстный вождь трудового народа — глубоко понимает значение науки, техники, искусства как орудия строения нового мира. Но, как везде в мире, в Союзе Советов тоже существует бытовой идиотизм — древняя, вынужденная столетиями рабской жизни, привычка, не глядя назад, в прошлое, на то, как жили прадеды и деды, не умея смотреть вперед и подумать о том, как будут жить дети и внуки, привычка думать, что все на земле «как было, так и будет», что «человек человеку — волк» и что каждая человеческая единица должна заботиться о своей личной независимости от всех других единиц. Эта волчья и кабанья философия — мрачный результат воспитания людей в подлейших условиях капиталистического государства, и в основе ее лежит оправдание неизбежности взаимного грабежа и звериной вражды. Людям, у которых эта вражда вызывает отчаяние, церковь утешительно и лживо говорит: «Человек рождается на страдание, как искра, чтобы устремиться вверх». Вверху, куда указывает церковь, нет ничего, кроме пустоты и холода.

Бытовой идиотизм не должен иметь места в нашей стране, и против всех его проявлений необходимо упорно, беспощадно бороться. Перед ним и против него должны быть твердо и ясно поставлены те действительно высокие цели, которые одни только могут освободить разум от мусора и пыли прошлого, от пошлой лжи, которой он издавна отравлен. Перед массами трудового народа в Союзе Советов открыты все пути к самопознанию и развитию всех его сил и способностей. В ежедневной героической работе строительства новой жизни он уже начинает чувствовать безграничную мощь своего творчества. Но чувствовать мало — надо хорошо видеть и понимать. С высоты виднее и поэтому следует, как можно чаще и как можно более просто, говорить о высоких задачах, которые ставятся и решаются в наши дни. Нужно осведомлять десятки миллионов людей о ходе и смысле всех грандиозных работ, которые ве-

дуются на сотнях точек нашей страны и в десятках наших научно-исследовательских институтов.

Нужно, чтобы масса знала: борьба против засухи требует тщательного изучения климата. Необходимо, чтобы все знали всё. Нужно, чтобы люди, опираясь на настоящее, легко умели вообразить будущее. Глядя под ноги, чтобы не споткнуться, следует смотреть и вдаль, чтобы ясно видеть цель, куда идешь, и чтобы по возможности сокращать длину пути.

В современной науке есть немало такого, что кажется фантастическим, и оно способно с особенной силой действовать на молодой, еще не работавший мозг. Воображение — тоже сила, и мы слишком хорошо знаем, какую вредную роль играет оно, когда отправляется не от факта, а от мировоззрения.

Разбуженный мозг нашей молодежи уже успел заявить и все более часто заявляет о своей способности воображать и творить; он особенно ярко заявляет о своей силе в области технического изобретательства, и всюду, где он выступает — организованным революционно. Эта его работа вызывает почтительное внимание даже в стране наших врагов. Недавно в Лондоне вышла книга Бернарда Росселя: рассматривая в ней вопросы изучения человеческого организма и находя, что медицина отстает от других наук, требует иных, новых приемов изучения организма человека на самом человеке, он говорит, что «Европа не в силах дать этот необходимый толчок науке, это может быть сделано только в Союзе Советов».

Идея, которую он защищает, принадлежит к разряду так называемых «безумных» идей. Безумными всегда назывались идеи, которые вели человечество к развитию его разума. Безумными называются идеи, для практического осуществления которых нехватает силы воли и смелости разума.

1932

С КЕМ ВЫ, «МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ»?

(Ответ американским корреспондентам)

Вы пишете:

«Вас, наверное, очень удивит это послание незнакомых вам людей из-за океана». Нет, ваше письмо не удивило меня, такие письма приходят не редко, и вы ошибаетесь, называя ваше послание «оригинальным» — за последние два-три года тревожные крики интеллигентов стали обычными. Это — естественно:

работа интеллигенции всегда сводилась — главным образом — к делу украшения бытия буржуазии, к делу утешения богатых в пошлых горестях их жизни. Нянька капиталистов — интеллигенция, в большинстве своем, занималась тем, что усердно штопала белыми нитками давно изношенное грязноватое, обильно испачканное кровью трудового народа философское и церковное облачение буржуазии. Она продолжает заниматься этим трудным, но не очень похвальным и совершенно бесплодным делом и в наши дни, обнаруживая почти пророческое предвидение событий. Так, например, раньше чем империалисты Японии приступили к разделу Китая, немец Шпенглер в книге «Человек и техника» заговорил о том, что европейцы совершили в XIX веке крупнейшую ошибку, передав свои знания, свой технический опыт «цветным расам». Шпенглера поддерживает в этом ваш — американский — историк Генрик Ван Лон, он тоже признает вооружение черно- и желтокожего человечества опытом европейской культуры, одной из «Семи роковых исторических ошибок», совершенных европейской буржуазией.

И вот мы видим, что ошибку эту хотят исправить: капиталисты Европы и С. Ш. Америки снабжают японцев и китайцев деньгами и оружием, помогая им истреблять друг друга, и в то же время посылают на Восток свои флоты для того, чтобы в момент наиболее удобный для них, показав японскому империализму свой мощно бронированный кулак, приступить вместе с храбрым зайцем к дележу шкуры убитого медведя. Лично мне думается, что медведь не будет убит, потому что Шпенглеры, Ван Лоны и подобные им утешители буржуазии, очень много рассуждая об опасностях, грозящих европейско-американской «культуре», кое о чем забывают упомянуть. Забывают они о том, что индусы, китайцы, японцы, негры не являются чем-то социальным монолитным, однообразным, но расслоены на классы. Забывают и о том, что против яда своекорыстной мысли мешан Европы и Америки выработано и оздоравливающее действует противоядие учения Маркса—Ленина. Впрочем, возможно, что они об этом и не забывают, но только тактически умалчивают, и что их тревожные крики о гибели европейской культуры объясняются их сознанием бессилия яда и силою противоядия.

Вопиющих о гибели цивилизации становится все больше, крики их звучат все более громко. Месяца три тому назад во Франции публично кричал о непрочности цивилизации бывший министр Кайо.

Он кричал:

Мир переживает трагедию изобилия и недоверия. Разве не трагедия, что приходится жечь пшеницу и топить мешки с кофе, когда миллионам людей нехватает пищи. Что касается недоверия — оно причинило уже достаточно зла. Оно вызвало войну и продиктовало мирные договоры, которые могут быть исправлены только тогда, когда исчезнет это недоверие. Если не удастся восстановить доверие, вся цивилизация будет поставлена под угрозу, так как у народов может появиться искушение опровергнуть экономический строй, которому они приписывают все бедствия.

Для того, чтоб говорить о возможности доверия среди хищников, которые в наши дни так откровенно показывают друг другу свои когти и зубы, — для этого нужно быть или отчаянным лицемером или же человеком крайне наивным. А если под «народом» разумеется рабочий народ, то всякий честный человек должен бы признать, что рабочие совершенно справедливо «приписывают» идиотизму капиталистического строя бедствия, которыми строй этот награждает их за труд создания ценностей. Пролетарии все более отчетливо видят, что современная буржуазная действительность с ужасающей точностью оправдывает слова Маркса — Энгельса, сказанные ими в «Манифесте коммунистической партии»:

Буржуазия не способна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже рабское существование, потому что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его вместо того, чтобы существовать на его счет. Общество не может жить под ее властью: другими словами, жизнь буржуазии несовместима с жизнью общества.

Кайо — один из сотни тех старичков, которые продолжают доказывать, что их буржуазный идиотизм, это — мудрость, данная человечеству навсегда, что лучше ее человечество никогда ничего не выдумает, дальше ее — не пойдет, выше — не поднимется. И еще не так давно утешители буржуазии, доказывая хозяйственную мудрость свою и прочность ее, опирались на свою науку.

Теперь они исключают науку из своей подловаемой игры. 23 февраля в Париже тот же Кайо, следуя за Шпенглером, говорил перед лицом бывших министров, вроде Павла Милюкова и вообще бывших людей:

Техника создает безработицу во многих случаях, превращает за работок увольняемых рабочих в излишки дивиденда акционеров. Наука «без совести», не согретая «совестью», идет в ущерб людям. Люди должны вынудить науку. Современный кризис — поражение человеческого разума. Для науки нет иногда большего несчастья, как великий человек. Он выставляет теоретические положения, имеющие

смысл и значение для данного времени, когда эти положения выдвигаются. Они справедливы, как, положим, у Карла Маркса для 1848 или 1870 годов, и совершенно неверны в 1932 г. Если бы Маркс был теперь жив — он писал бы иначе.

Этимися словами буржуа признает, что разум его класса обессил, обанкротился. Он советует «взнуздать науку», забыв о том, сколько она дала силы его классу для укрепления власти над миром трудящихся. «Взнуздать науку» — что это значит? Запретить ей свободу исследования? Когда-то буржуазия весьма храбро и успешно боролась против посягательств церкви на свободу науки. В наши дни буржуазная философия постепенно становится тем, чем была она в наиболее мрачные годы средневековья — служанкой теологии. Кайо прав, говоря, что Европе угрожает возвращение к варварству, предсказанное Марксом, учение которого ему неизвестно: да, совершенно неоспоримо, что буржуазия Европы и Америки, хозяйка мира, становится с каждым годом все более невежественной, интеллектуально слабосильной, варварской — и уже сама в лице вашем понимает это.

Мысль о возможности возвращения к эпохе варварства — самая «модная» мысль современной буржуазии. Шпенглеры, Кайо и подобные им «мыслители» отражают настроения тысяч мещан. Это тревожное настроение вызвано предчувствием классовой гибели — фактом роста во всем мире революционного правосознания рабочих масс. Буржуазия не хотела бы верить в процесс культурно-революционного развития трудового народа, но она его видит, чувствует. Процесс этот всесторонне и прекрасно оправдан. Он является логически неизбежным развитием всего трудового опыта человечества, опыта, о котором поучительно рассказывают историки буржуазии. Но так как история — тоже наука, ее тоже нужно «взнуздать» или — того проще — забыть, что она существует. Забыть историю советует французский поэт и академик Поль Валери в книге: «Обозрение современности». Он совершенно серьезно обвиняет в бедствиях народов именно историю, он говорит, что, напоминая о прошлом, история вызывает бесплодные мечты и лишает людей покоя. Люди — это, конечно, буржуазия. П. Валери, вероятно, не способен заметить на земле иных людей. Вот что говорит он об истории, которой буржуазия еще так недавно гордилась и которую весьма искусно писала:

История — самый опасный из всех продуктов, вырабатываемых в химической лаборатории нашего ума. Она побуждает к мечтаниям, она опьяняет народы, она порождает у них ложные воспоминания, преувеличивает их рефлексы, растравляет старые их раны, лишает их покоя и ввергает их в мании — величия или преследования.

В своей должности утешителя, он, как видите, весьма радикален. Он знает: буржуазия хочет жить спокойно, ради спокойной жизни она считает себя в праве уничтожать десятки миллионов людей. Она, разумеется, легко может уничтожить несколько десятков тысяч книг, — как все на свете, библиотеки тоже в ее руках. История мешает спокойной жизни? Долой историю. Изъять из обращения все труды по истории. Не преподавать ее в школах. Объявить изучение прошлого делом социально опасным и даже преступным. Людей, склонных к занятиям историей, признать ненормальными и сослать на необитаемые острова.

Главное — покой! Именно об этом заботятся все утешители буржуазии. Но для осуществления покоя необходимо, — как говорит Кайо, — взаимное доверие в среде национально-капиталистических хищников, а для того, чтоб установилось доверие, нужно, чтоб двери в чужой дом — напр., в Китай — были широко открыты для грабежа пред всеми хищниками и лавочниками Европы, а лавочники и хищники Японии хотят закрыть двери чужого дома для всех, кроме себя; они делают это на том основании, что Китай — ближе к ним, чем к Европе, и для них грабить китайцев — удобнее, чем индусов, которых привыкли грабить «джентльмены» Англии. На почве соревнования в грабеже возникают противоречия, угрожающие тревогами новой всемирной бойни. А кроме того, по словам парижского журналиста Гренгуара «для Европы потерян Российская империя, как нормальный и здоровый рынок». Гренгуар видит в этом «источник зла» и вместе со многими другими журналистами, политиками, епископами, лордами, авантюристами и мошенниками настаивает на необходимости общеевропейской интервенции в Союз Советов. Затем — в Европе все растет безработица, растет и революционное правосознание пролетариата. В конце концов для установления «покоя» — очень мало возможностей и даже, — как будто, — совсем нет места. Но я — не оптимист и, зная, что цинизм буржуазии безграничен, допускаю одну возможность, посредством которой буржуазия может попробовать очистить себе место для спокойной жизни. На эту возможность намекнул 19 февраля расистский депутат Бергер в Кельне, он сказал в своей речи:

Если, после прихода Гитлера к власти, французы попытаются оккупировать германскую территорию, мы перережем всех евреев.

Осведомившись о сделанном Бергером заявлении, прусское правительство запретило ему дальнейшие публичные выступле-

ния. Запрещение вызвало возмущение в гитлеровском лагере. Одна расистская газета пишет: Бергер не может быть обвинен в призыве к незаконным действиям: мы перережем евреев на основании закона, который будет проведен после нашего прихода к власти».

Эти заявления не следует рассматривать как шутку, как немецкий «виц»; европейская буржуазия в ее современном строении вполне способна «провести закон» не только о поголовном истреблении евреев, а об истреблении всех, мыслящих несогласно с нею, и прежде всего об уничтожении всех, несогласно с ее бесчеловечными интересами действующих.

Заклученные в этот «порочный круг» интеллигенты-утешители постепенно теряют свое мастерство утешать и уже сами нуждаются в утешении. Они обращаются за ним даже к людям, которые принципиально не подают милостыни, ибо — милостыня утверждает право милостыни. Талант «красивой лжи», основной их талант, уже не может, не в силах прикрывать грязный цинизм буржуазной действительности. Некоторые из них начинают чувствовать, что развлекать и утешать людей, утомленных грабежом мира, обеспокоенных все более резким сопротивлением пролетариата их подлым целям, людей, у которых безумная жажда наживы приняла характер буйного помешательства и формы социально-разрушительные, — утешать и развлекать этих людей становится делом не только бесплодным, но уже и опасным для самих утешителей.

Можно бы указать и на преступность утешения огорченных разбойников и убийц, но я знаю, что это никого не тронет, ибо это — мораль, т. е. нечто исключенное из жизни за ненадобностью. Гораздо существенней указать на тот факт, что в современной действительности интеллигент-утешитель становится тем «третьим», бытие которого отвергается логикой.

Когда он, выходец из буржуазии, — пролетарий по своему социальному положению, он как будто понимает унижительный драматизм своей службы классу, осужденному на гибель и вполне заслужившему гибель, как заслуживает ее профессиональный бандит и убийца. Начинает понимать потому, что буржуазия перестает нуждаться в его услугах. Он все более часто слышит, как люди его группы, угрожая буржуазии, кричат о перепроизводстве интеллигенции. Он видит, что буржуа охотней обращается за «утешением» не к философам и «мыслителям», а к шарлатанам, предсказывающим будущее. Газеты

Европы испещрены объявлениями хиромантов, астрологов, сочиняющих гороскопы, факиров, ясновидящих, графологов, спиритов и прочих фокусников, еще более невежественных, чем сама буржуазия. Фотография и кино убивают искусство живописи, художники, чтоб не умереть с голода, меняют свои картины на картофель, на хлеб, на поношенную одежду мещанства. В одной из газет Парижа напечатана такая веселая заметка:

Нужда среди берлинских художников велика и просвета не видно. Идут речи об организации самопомощи художников, но какую самопомощь могут организовать друг для друга люди, лишенные заработка и каких бы то ни было перспектив на заработки? Поэтому в художественных кругах Берлина с восторгом встречена оригинальная идея художницы Аннот-Якоби, она предлагает товарообмен. Пусть торговцы углем снабжают художников топливом в обмен на статуи и картины. Времена переменятся и углеторговцы не пожалеют о произведенных ими в порядке товарообмена сделках. Пусть зубные врачи лечат художников. Хорошая картина никогда не будет лишней в приемной зубного врача. Мясники, молочники должны воспользоваться случаем и сделать доброе дело и в то же время без затраты наличности приобрести настоящие художественные вещи. Для развития и применения на практике идеи Аннот-Якоби образовалось в Берлине особое бюро.

Сообщая об этом товарообмене, газета не говорит, что он существует и в Париже.

Кинематограф постепенно уничтожает высокое искусство театра. О разлагающем влиянии буржуазного кино не стоит говорить, это совершенно ясно. Используя все темы сентиментализма, он начинает демонстрировать физические уродства.

В голливудской студии Метро-Гольдвин-Майер собралась оригинальная труппа для работы над фильмой «Причуды». В ее составе — Ку Ку, девушка-птица, имеющая большое сходство с анисом; П. Робинзон, человеческий скелет; Марта, родившаяся с одной рукой, искусная мастерица вязать кружева ногами. Доставлены в студию Шильце, прозванная «голова-шпилька», женщина с нормальным телом, но с необыкновенно маленькой головой, похожей на шпильку; Ольга — женщина с мужской окладистой бородой; Жозефина-Жозеф, наполовину женщина, наполовину мужчина; сямские сестры-близнецы Гильтон, карлики, лилипуты.

Барнаи, Поссарты, Монэ-Сюлли и другие артисты этого рода — не нужны, их заменяют Фэрбенксы, Гарольд-Ллоиды и прочие фокусники во главе с однообразно сентиментальным и унылым Чарли Чаплиным, так же как музыку классиков заменяет джаз, а Стендаля, Бальзака, Диккенса, Флобера — различные Уоллесы, люди, которые умеют рассказывать о том, как полицейский сыщик, охраняя собственность крупных грабите-

лей и организаторов массовых убийств, ловит маленьких воров и убийц. В области искусства буржуазию вполне удовлетворяет коллекционирование почтовых марок и трамвайных билетов, а в лучшем случае коллекционируют подделки картин старинных мастеров. В области науки буржуазию интересуют приемы и методы наиболее удобной, дешевой эксплуатации физических сил рабочего класса; наука для буржуа существует настолько, насколько она способна служить целям его обогащения, регулировать деятельность его желудочно-кишечной сферы и поднимать его половую энергию развратника. Пониманию буржуазии недоступны основные задачи науки: интеллектуальное развитие, физическое оздоровление человечества, истощенного гнетом капитализма, превращение инертной материи в энергию, разгадка техники строения и роста человеческого организма, — все это для современного буржуа так же мало интересно, как для дикаря центральной Африки.

Видя все это, некоторые интеллигенты начинают понимать, что «творчество культуры», которое они считали своим делом, результатом своей «свободной мысли» и «независимой воли», — уже не их дело и что культура не является внутренней необходимостью капиталистического мира. События в Китае напомнили им о гибели университета и библиотеки Лувена в 1914 г., вчерашний день рассказал о разрушении японскими пушками в Шанхае университета Тунцзи, морского колледжа, школы по рыболовству, национального университета, медицинского колледжа, сельскохозяйственного и инженерного колледжа, рабочего университета. Этот акт варварства не возмущает никого, так же как никого не возмущает сокращение ассигновок на культурные учреждения и вместе с этим непрерывный рост вооружений.

Но, разумеется, лишь некоторая и незначительная часть европейско-американской интеллигенции чувствует неизбежность своего подчинения «закону исключенного третьего» и задумывается о том — куда идти? По привычке — с буржуазией, против пролетариата или же по чести — с пролетариатом против буржуазии? Большинство же интеллигентов продолжает довольствоваться службой капитализму, — хозяину, который, хорошо видя моральную гибкость своего слуги и утешителя, видя бессилие и бесплодность его примиренческой работы, начинает откровенно презирать слугу и утешителя своего и уже сомневается в необходимости бытия такого слуги.

Мне часто приходится получать письма специалистов по

утешению мещанства, приведу здесь одно из них, полученное от г-р. Свэн Эльверстад:

Многоуважаемый г. Горький.

Ужасная растерянность, граничащая с отчаянием, царит теперь во всем свете, вызванная страшным экономическим кризисом, который потрясает все страны мира. Эта мировая трагедия толкнула меня начать на столбцах самой распространенной норвежской газеты «Tidens Tegn» ряд статей, которые имеют своей целью поднять дух и разжечь надежды миллионов жертв ужасной катастрофы. Преследуя эту цель, я нашел нужным обратиться к представителям литературы, искусства, науки и политики с просьбой сообщить их мнение по поводу трагического положения народов в последние два года. Перед каждым гражданином любого государства встает задача: умереть под тяжестью ударов жестокой судьбы или продолжать бороться, надеясь на счастливое разрешение кризиса. Эта надежда на благополучный выход из создавшегося мрачного положения необходима каждому и в каждом она блеснет ярким пламенем при чтении оптимистического мнения, сказанного человеком, к слову которого все привыкли прислушиваться. Поэтому я разрешаю себе просить вас прислать мне ваше суждение о теперешнем положении, это суждение может быть не длиннее трех, четырех строчек, но оно, несомненно, спасет многих и многих от отчаяния и даст им силу смело глядеть навстречу будущему.

С почтением Свэн Эльверстад.

Людей, подобных автору этого письма, людей, которые еще не утратили наивной веры в целебную силу «двух, трех строчек», в силу фразы, — таких людей еще немало. Вера их так наивна, что едва ли искренна. Две, три фразы или двести, триста фраз не оживят дряхлый мир буржуазии. Во всех парламентах мира и в Лиге наций ежедневно произносятся тысячи фраз, никого не утешая, не успокаивая, не внушая никому надежд на возможность удержать стихийный рост кризиса буржуазной цивилизации. По городам разъезжают бывшие министры и другие бездельники, уговаривая мещанство «взнуздать», «дисциплинировать» науку. Болтовню этих людей немедленно подхватывают журналисты, — люди, для которых «все равно, все наскучило давно» — и один из таких, Эмиль Людвиг, в серьезной газете «Дейли экспресс» советует «прогнать специалистов в шею». Всю эту пошлую чепуху мелкое мещанство слушает, читает и делает из чепухи свои выводы. И если европейское мещанство признает необходимым закрыть университеты, — в этом не будет ничего удивительного. Кстати: оно может сослаться на такой факт — в Германии ежегодно освобождается 6000 служебных вакансий, требующих университетского диплома, а вузы Германии ежегодно выпускают до 40 тысяч универсантов.

Вы, граждане Д. Смитс и Т. Моррисон, ошибочно приписываете буржуазной литературе и журналистике значение «организатора культурных мнений», — этот «организатор» — паразитное растение, которое пытается прикрыть грязный хаос действительности, но прикрывает его менее удачно, чем, например, плющ и сорные травы прикрывают грязь и мусор развалин. Вы, граждане, плохо знаете, каково культурное значение вашей прессы, которая единогласно утверждает, что «американец прежде всего — американец» и только после этого человек. В свою очередь пресса расистов Германии учит, что расист прежде всего — ариец, а затем уже — врач, геолог, философ; журналисты Франции доказывают, что француз прежде всего — победитель и поэтому должен быть вооружен сильнее всех других — речь идет, конечно, не о вооружении мозга, а только о кулаке.

Не будет преувеличением, если сказать, что пресса Европы и Америки усердно и почти исключительно занимается делом понижения культурного уровня своих читателей, уровня и без ее помощи низкого. Обслуживая интересы капиталистов, своих работодателей, искусно умея раздуть муху до размеров слона, журналисты не ставят своей целью укрощение свиньи, хотя, конечно, видят, что свинья обезумела и бесится.

Вы пишете: «В Европе мы с глубокой горечью почувствовали, что европейцы ненавидят нас». Это очень «субъективно», и субъективизм, позволив вам заметить некую частность, скрыл от вас общее: вы не заметили, что вся буржуазия Европы живет в атмосфере взаимной ненависти. Ограбленные немцы ненавидят Францию, которая, задыхаясь от золотого ожирения, ненавидит англичан, так же как итальянцы — французам, а вся буржуазия единодушно ненавидит Союз Советов. 300 миллионов индусов живут ненавистью к английским лордам и лавочникам, 450 миллионов китайцев ненавидят японцев и всех европейцев, которые, привыкнув грабить Китай, тоже готовы возненавидеть Японию за то, что она право грабить китайцев считает своим исключительным правом. Эта ненависть всех ко всем, разрастаясь, становится все гуще, острее, она вспухает среди буржуазии, как гнойный нарыв, и, конечно, прорвется и, возможно, снова потекут реки лучшей, самой здоровой крови народов всей земли. Кроме миллионов наиболее здоровых людей, война уничтожит огромное количество ценностей и сырья, из коего они создаются, а все это поведет к обнищанию человечества здоровьем, металлами, топливом. Само собою разумеется, что война не уничтожит ненависти между националь-

ными группами буржуазии. Вы считаете себя «в силах служить общечеловеческой культуре» и «обязанными защищать ее от снижения к варварству. Это — очень хорошо. Но поставьте перед собою простой вопрос: что вы можете сделать сегодня и завтра для защиты этой культуры, которая, кстати сказать, еще никогда не была «общечеловеческой» и не может быть таковой при наличии национально-капиталистических государственных организаций, совершенно безответственных перед трудовым народом, натравливающих народы друг на друга?

Так вот: спросите себя, что вы можете противопоставить разрушающим культуру фактам безработицы, истощению рабочего класса голодом, росту детской проституции? Понятно ли вам, что истощение масс значит — истощение почвы, из которой возрастает культура? Вам наверное известно, что так называемый «культурный слой» всегда был производным от масс. Это вы должны бы хорошо знать, ибо у американцев есть привычка хвастаться тем, что в С. Ш. А. мальчики — торговцы газетами возвышаются до карьеры президентов.

Напоминая об этом, я хочу отметить только ловкость мальчиков, но не таланты президентов, — о талантах последних мне ничего не известно.

Есть и еще вопрос, над которым вам следовало бы подумать: полагаете ли вы, что 450 миллионов китайцев можно превратить в рабов европейско-американского капитала, в то время как 300 миллионов индусов уже начинают понимать, что для них роль рабов Англии вовсе не предопределена богами? Сообразите: несколько десятков тысяч хищников и авантюристов желают вечно и спокойно жить за счет силы миллиарда трудящихся. Это — нормально? Это — было, это — есть, но хватит ли у вас храбрости утверждать, что это и должно быть так, как оно есть? Чума тоже была почти нормальным явлением среди веков, но чума почти исчезла, и теперь роль ее на земле исполняет буржуазия, она отравляет весь цветной мир, прививая ему глубочайшую ненависть и презрение ко всей белой расе. Не думается ли вам, защитники культуры, что капитализм провоцирует расовые войны?

Упрекая меня в том, что я «проповедую ненависть», вы советуете мне «пропагандировать любовь». Вы, должно быть, считаете меня способным внушать рабочим: возлюбите капиталистов, ибо они пожирают силы ваши, возлюбите их, ибо они бесплодно уничтожают сокровища земли вашей, возлюбите людей, которые тратят ваше железо на постройку орудий, уничтожаю-

щих вас, возлюбите негодяев, по воле которых дети ваши издыхают с голода, возлюбите уничтожающих вас ради покоя и сытости своей, возлюбите капиталиста, ибо церковь его держит вас во тьме невежества.

Нечто подобное проповедуется евангелием, и, вспомнив об этом, вы говорите о «христианстве», как «рычаге культуры». Вы очень опоздали, о культурном влиянии «учения любви и кротости» честные люди давно уже не говорят. Неловко и невозможно говорить об этом влиянии в наши дни, когда христианская буржуазия у себя дома и в колониях внушает кротость и заставляет рабов любить ее посредством применения «огня и меча» с большей энергией, чем она всегда применяла огонь и меч. В наши дни меч заменен, как вам известно, пулеметами, бомбами и даже «гласом Божиим с небес». Одна из парижских газет сообщает:

В войне с афридцами англичане додумались до приема, приносящего им огромную пользу. Группа повстанцев укрылась на какой-нибудь площадке среди недоступных гор. Вдруг над ними на большой высоте появляется аэроплан. Афридцы хватаются за ружья. Но аэроплан не сбрасывает бомб. Вместо бомб с него сыплются слова. Голос с неба уговаривает повстанцев на родном их языке сложить оружие, прекратить бессмысленное сопротивление с Английской империей. Было немало случаев, когда потрясенные голосом с неба повстанцы действительно прекращали борьбу.

Опыты с голосом бога были повторены и в Милане, где в день годовщины основания фашистской милиции весь город услышал глас Божий, произнесший краткое похвальное слово фашизму. Миланцы, имевшие случай слышать генерала Бальбо, узнали в голосе с неба его баритон.

Итак — найден простой способ доказать бытие бога и утилизировать глас его для порабощения дикарей. Можно ожидать, что бог заговорит над Сан-Франциско или Вашингтоном на английском языке с японским акцентом.

Вы ставите в пример мне «великих людей, учителей церкви». Очень смешно, что вы говорите об этом серьезно. Не будем говорить о том, как, из чего и зачем сделаны великие люди церкви. Но раньше, чем опираться на этих людей, вам следовало испытать их прочность. В суждении о «деле церкви» вы обнаруживаете тот «американский идеализм», который может произрастать лишь на почве глубокого невежества. В данном случае, по отношению к истории христианской церкви невежество ваше может быть объяснено тем, что жители С. Ш. С. А. не испытали на своей шкуре, что такое церковь, как организация насилия над разумом и совестью людей, не испытали с той си-

лой, с какой это испытано населением Европы. Вам следовало бы познакомиться с кровавыми драками на вселенских соборах, с изуверством, честолюбием и своекорыстием «великих учителей церкви». Вам особенно много дала бы мошенническая история собора в Эфесе. Вам следовало бы прочесть что-нибудь по истории ересей, ознакомиться с истреблением «еретиков» в первые века христианства, еврейскими погромами, истреблением альбигойцев, таборитов и вообще с кровавой политикой церкви христовой. Интересна для малограмотных история инквизиции, но, конечно, не в изложении вашего земляка Вашингтона Ли, — изложении, одобренном цензурой Ватикана, организатора инквизиции. Вполне допустимо, что, ознакомясь со всем этим, вы убедились бы, что отцы церкви ревностно работали по укреплению власти меньшинства над большинством, и если они боролись с ересями, так это потому, что ереси зарождались в массе трудового народа, который инстинктивно чувствовал ложь церковников — они проповедывали религию для рабов, религию, которая господами никогда не принималась иначе, как по недоразумению или из страха пред рабами. Ваш историк Ван Лон, в статье о «великих исторических ошибках» утверждает, что церковь должна была бороться не за учение Евангелия, а против него, он говорит:

Величайшую ошибку в свое время сделал Тит, разрушив Иерусалим. Изгнанные из Палестины, евреи рассеялись по всему миру. В основанных ими общинах созревало и крепло христианство, бывшее для Римской империи не менее пагубным, чем идеи Маркса и Ленина для капиталистических государств.

Так оно и было и есть: христианская церковь боролась против наивного коммунизма Евангелия, к этому и сводится ее «история».

Что делает церковь в наши дни? Она, конечно, прежде всего — молится. Епископы Йоркский и Кентерберийский, — тот самый, который проповедывал нечто в роде «крестового похода» против Союза Советов, — эти два епископа сочинили новую молитву, в которой английское лицемерие прекрасно соединяется с английским юмором. Это очень длинное сочинение построено по форме молитвы «Отче наш». Епископы так взывают к богу:

Что касается политики нашего правительства по восстановлению кредита и благополучия — да будет воля твоя. Что касается всего того, что предпринимается для устройства будущего управления Индией — да будет воля твоя. Что касается предстоящей конференции по разоружению и всего того, что предпринимается к утверждению мира сего мира — да будет воля твоя. Что касается восстановления

торговли, доверия к кредиту и взаимного благожелательства — хлеб наш насущный даждь нам днесь. О сотрудничестве всех классов по работе на общее благо — хлеб наш насущный даждь нам днесь. Если мы оказались повинными в национальной гордыне и находили более удовлетворения в господстве над другими, нежели в оказании им помощи по мере сил наших — остави нам долги наши. Если мы проявили себялюбие в ведении наших дел и ставили наши интересы и интересы нашего класса выше интересов других — остави нам долги наши.

Вот типичная молитва испуганных лавочников! На протяжении ее они раз десять просят бога «оставить» им «долги» их, но ни одного раза не говорят о том, что готовы и могут перестать делать долги. И только в одном случае просят у бога «прощения»:

За то, что мы предались национальному высокомерию, находя удовлетворение во власти над другими, а не в умении служить им, — прости нас, господи.

Прости нам этот грех, но мы не можем отказаться грешить, — вот что говорят они. Но большинством английских попов это прошение о прощении было отвергнуто, — вероятно, они нашли его неудобным и унижительным для себя.

Молитву эту должны были «вознести» к престолу английского бога 2 января в Лондоне, в соборе Павла. Священникам, которым молитва не нравится, епископ Кентерберийский разрешил не читать ее.

Итак, вот до каких пошлых и глупых комедий доросла христианская церковь, и вот как забавно попы снизили бога своего до положения старшего лавочника и участника во всех коммерческих делах лучших лавочников Европы. Но было бы несправедливо говорить только об английских попах, забывая, что итальянскими организован банк Святого духа, а во Франции, в г. Мюльхузе, 15 февраля, как сообщает парижская газета русских эмигрантов:

По распоряжению служебных властей арестованы заведующий и приказчик книжного магазина католического издательства «Юнион», во главе которого стоит аббат Эжи. В книжном магазине продавались порнографические фотографии и книги, ввозимые из Германии. «Товар» конфискован. По содержанию некоторые книги — не только порнографические, но обливали грязью и религию.

Фактов такого рода — сотни, и все они утверждают одно и то же: церковь, служанка воспитателя и хозяина своего — капитализма, заражена всеми болезнями, которые разрушают его. И если допустить, что когда-то буржуазия «считалась с моральным авторитетом церкви», так нужно признать, что это был

авторитет «полиции духа», авторитет одной из организаций, служивших для угнетения трудового народа. Церковь «утешала»? Не отрицаю. Но утешение это — один из приемов утешения разума.

Нет, проповедь любви бедного к богатому, рабочего к хозяину — не мое ремесло. Я не способен утешать. Я слишком давно и хорошо знаю, что весь мир живет в атмосфере ненависти, я вижу, что она становится все гуще, активней, благоговейней.

Вам, «гуманистам, которые хотят быть практиками», пора понять, что в мире действуют две ненависти: одна возникла среди хищников на почве их конкуренции между собой, а также из чувства страха пред будущим, которое грозит хищникам неизбежной гибелью; другая — ненависть пролетариата — возникает из его отвращения к действительности и все более ярко освещается его сознанием права на власть. В той силе, до которой обе эти ненависти доразвились, ничто и никто не может примирить их, и ничто, кроме неизбежного, боевого столкновения их физических, классовых носителей, ничто, кроме победы пролетариев, не освободит мир от ненависти.

Вы пишете: «Как многие, мы тоже думаем, что в стране вашей диктатура рабочих приводит к насилию над крестьянством». Я советую вам: попробуйте думать как не многие, как те, — пока еще немногие, — интеллигенты, которые уже начинают понимать, что учение Маркса и Ленина, это — вершина, которой достигла честно исследующая социальные явления научная мысль и что только с высоты этого учения ясно виден прямой путь к социальной справедливости, к новым формам культуры. Сделайте некоторое усилие над собою и забудьте — хотя бы на время — ваше родство с классом, вся история которого была и есть история непрерывного физического и духовного насилия над массами трудового человечества, — над рабочими и крестьянами. Сделайте это усилие и вы поймете, что ваш класс — ваш враг. Карл Маркс очень мудрый человек и не следует думать, что он явился в мир как Минерва — из головы Юпитера, нет, его учение является таким же гениальным завершением научного опыта, каким явились в свое время теории Ньютона и Дарвина. Ленин — проще Маркса и, как учитель, не менее мудр. Класс, которому вы служите, они покажут вам сначала в его силе и славе, покажут, как приемами бесчеловечного насилия он создавал и создал удобную для него «культуру», на крови, на лицемерии и на лжи, затем покажут процесс загнивания этой культуры, а дальнейшее, современное гниение ее —

вы сами видите: ведь именно этот процесс и внушает вам тревоги, выраженные вами в письме ко мне.

Поговорим о «насилии». Диктатура пролетариата — явление временное, она необходима для того, чтоб перевоспитать, превратить десятки миллионов бывших рабов природы и буржуазного государства — в одного и единственного хозяина их страны и всех ее сокровищ. Диктатура пролетариата перестает быть необходимостью после того, как весь трудовой народ, все крестьянство будет поставлено в одинаковые социально-экономические условия и пред каждой единицей явится возможность работать по способностям, получать по потребностям. «Насилие», как вы и «многие» понимают его, — недоразумение, но чаще этого оно — ложь и клевета на рабочий класс Союза Советов и на его партию. Понятие «насилия» прилагается к социальному процессу, происходящему в Союзе Советов, врагами рабочего класса в целях опорочить его культурную работу, — работу по возрождению его страны и организации в ней новых форм хозяйства.

На мой взгляд, можно говорить о принуждении, которое вовсе не есть насилие, ибо, обучая детей грамоте, вы ведь не насилуете их? Рабочий класс Союза Советов и его партия преподают крестьянству социально-политическую грамоту. Вы, интеллигенты, точно так же принуждены чем-то или кем-то почувствовать драматизм вашей жизни «между молотом и наковальней», вам тоже кто-то внушает начала социально-политической грамоты, — и этот кто-то, разумеется, — не я.

Во всех странах крестьянство, — миллионы мелких собственников, — является почвой для роста хищников и паразитов; капитализм во всем его безобразии вырос на этой почве. Все силы, все способности и таланты крестьянина поглощаются его работами о своем нищенском хозяйстве. Культурный идиотизм мелкого собственника совершенно равен таковому же идиотизму миллионера: вы, интеллигенты, должны бы хорошо видеть и чувствовать это. В России до Октябрьской революции крестьянство жило в бытовых условиях XVII века, это — факт, который не осмелятся отрицать даже русские эмигранты, озлобление которых на советскую власть приняло уже комически-чудовищный характер.

Крестьянство не должно существовать в качестве полудиких людей четвертого сорта, в качестве пищи для ловкого мужика, для помещика, для капиталиста, не должно существовать в условиях каторжного труда на мелкораздробленной истощенной земле, неспособной прокормить ее нищего собственника, без-

грамотного, лишенного возможности удобрить землю, работать машинами, развивать агрикультуру. Крестьянство не должно оправдывать мрачную теорию Мальтуса, в основе которой, на мой взгляд, скрыто изуверство церковной мысли. Если крестьянство в массе еще не способно понять действительность и универсальность своего положения — рабочий класс обязан внушить ему это сознание даже и путем принуждения. Но в этом, однако, нет надобности, ибо крестьянин Союза Советов, отстрадавший мучения бойни 1914—18 гг., разбуженный Октябрьской революцией, уже не слеп и умеет практически мыслить. Его снабжают машинами, удобрением, пред ним открыты пути во все школы, ежегодно тысячи крестьянских детей выходят в жизнь инженерами, агрономами, врачами. Крестьянство начинает понимать, что рабочий класс в лице его партии стремится к тому, чтоб создать в Союзе Советов одного хозяина, у которого 160 миллионов голов и 320 миллионов рук, а это — главное, что надобно понять. Крестьянство видит, что все, что делается в его стране, — делается для всех, а не для небольшой группы богатых людей; крестьянство видит, что в Союзе Советов делается только полезное для него и что 26 «научно-исследовательских институтов» страны работают для обогащения плодородности его земли, для облегчения его труда.

Крестьянин хочет жить не в грязных деревнях, как он жил века, а в агрогородах, где есть хорошие школы и ясли для его детей, театры, клубы, библиотеки, кинематографы для него. В крестьянстве растет жажда знаний и вкус к жизни культурной. Если б крестьянин не понимал всего этого, работа в Союзе Советов не достигла бы в 15 лет тех грандиозных результатов, которые достигнуты соединенной энергией рабочих и крестьян.

В буржуазных государствах рабочий народ — механическая сила, в массе своей лишенная сознания культурного значения своего труда. У вас хозяйствуют тресты, организации хищников национальных сил, паразиты трудового народа. Враждуя между собою, играя деньгами, стремясь разорить друг друга, они устраивают мошеннические биржевые драмы, — и вот, наконец, их анархизм привел страну к небывалому кризису. Миллионы рабочих пухнут с голода, бесплодно растрачивается здоровье народа, катастрофически растет детская смертность, растут самоубийства, — истощается основная почва культуры, ее живая человеческая энергия. И, несмотря на это, ваш сенат отклонил законопроект Лафоллет-Костигана об ассигновании 375 млн долларов на непосредственную помощь безработным. а «Нью-Йорк америкен» публикует следующие данные о про-

изведенных в Нью-Йорке выселениях безработных и их семей из квартир за невзнос платы: в течение 1930 г. — 153 731 случаев выселений, а в 1931 г. — 198 738. В течение января с. г. в Нью-Йорке ежедневно выселяются из квартир сотни семей безработных.

В Союзе Советов хозяйствуют и законодательствуют рабочие и та часть крестьянства, которая доросла до сознания необходимости уничтожения частной собственности на землю, социализации и механизации труда на полях, доросла до сознания необходимости психологически переродиться в таких же работников, какими являются работники фабрик и заводов, т. е. быть подлинными и единственными хозяевами страны. Количество крестьян коллективистов и коммунистов непрерывно растет. Оно будет расти все быстрее, по мере того как новое поколение будет изживать наследие крепостного права и суеверия векового рабского быта.

Законы в Союзе Советов создаются внизу, в недрах трудовой массы, они вытекают из условий ее жизнедеятельности, советская власть и партия формулируют и утверждают как закон только то, что созревает в процессах труда рабочих и крестьян, — труда, основная цель которого создать общество равных. Партия — диктатор, насколько она является организующим центром, нервномозговой системой рабочей массы; цель партии — превратить в кратчайший срок наибольшее количество физической энергии в энергию интеллектуальную, чтобы дать простор и свободу развитию талантов и способностей каждой единицы и всей массы населения.

Буржуазное государство, ставя ставку на индивидуализм, усердно воспитывает молодежь в духе своих интересов и традиций. Это, разумеется, естественно. Однако мы видим, что в среде молодежи именно буржуазного общества чаще всего возникали и возникают идеи и теории анархизма, а это уже неестественно и указывает на ненормальное, нездоровое состояние среды, в которой люди, задыхаясь, начинают мечтать о полном разрушении общества в интересах неограниченной свободы личности. Вы знаете, что ваша молодежь не только мечтает, но и соответственно действует, — пресса Европы все чаще сообщает о «шалостях» буржуазной молодежи вашей и своей, — о шалостях, которые имеют характер преступлений. Преступления эти вызываются не материальной нуждой, а «скукой жизни», любопытством, поисками «сильных» ощущений, и в основе всех таких преступлений лежит крайне низкая оценка личности и ее жизни. Вовлекая в свою среду наиболее талантливых выходцев

из рабочих и крестьян, заставляя их служить своим интересам, буржуазия хвастается «свободой», с которой человек мог достичь «некоторого личного благосостояния» — удобного логовища, уютной норы. Но вы, конечно, не станете отрицать, что в вашем обществе тысячи талантливых людей погибают на путях к пошлому благополучию, будучи не в силах преодолеть препятствия, которые ставят перед ними бытовые условия буржуазной жизни. Литература Европы и Америки полна описаниями бесплодной гибели даровитых людей. История буржуазии — это история ее духовного обнищания. Какими талантами может гордиться она в наше время? Нечем ей гордиться, кроме различных Гитлеров, кроме пигмеев, больных манией величия.

Народы Союза Советов вступают в эпоху возрождения. Октябрьская революция вызвала к жизнедеятельности десятки тысяч талантливых людей, но их все еще мало для осуществления целей, которые поставил перед собой рабочий класс. В Союзе Советов нет безработных, и всюду, во всех областях приложения человеческой энергии нехватает сил, хотя они растут быстро, как никогда и нигде не росли.

Вы, интеллигенты, «мастера культуры», должны бы понять, что рабочий класс, взяв в свои руки политическую власть, открывает перед вами широчайшие возможности культурного творчества.

Посмотрите, какой суровый урок дала история русским интеллигентам: они не пошли со своим рабочим народом и вот разлагаются в бессильной злобе, гниют в эмиграции. Скоро они все поголовно вымрут, оставив память о себе, как о предателях.

Буржуазия враждебна культуре и уже не может не быть враждебной ей, — вот правда, которую утверждает буржуазная действительность, практика капиталистических государств. Буржуазия отвергла проект Союза Советов о всеобщем разоружении, и одного этого вполне достаточно, чтобы сказать: капиталисты — люди социально опасные, они готовят новую всемирную войну. Они держат Союз Советов в напряженном состоянии обороны, заставляя рабочий класс тратить огромное количество драгоценного времени и материалов на выработку орудий защиты против капиталистов, которые организуются, чтобы напасть на Союз Советов, сделать огромную страну своей колонией, своим рынком. На самозащиту против капиталистов Европы народы Союза Советов тратят огромное количество сил и средств, которые можно бы употребить с бесспорной пользой на дело культурного возрождения человечества, ибо процесс

строительства в Союзе Советов имеет общечеловеческое значение.

В гнилой, обезумевшей от ненависти и от страха пред будущим среде буржуазии все более рождается идиотов, которые совершенно не понимают смысла того, что они кричат. Один из них обращается к «господам правителям и дипломатам Европы» с таким воззванием: «В настоящий момент силы желтой расы должны быть использованы Европой как средство для сокрушения III Интернационала». Весьма допустимо, что этот идиот выболтал мечты и намерения некоторых подобных ему «господ дипломатов и правителей». Весьма возможно, что уже есть «господа», которые серьезно думают о том, о чем заорал идиот. Европой и Америкой правят безответственные «господа». События в Индии, Китае, Индо-Китае вполне могут способствовать росту расовой ненависти к европейцам и вообще к «белым». Это будет третья ненависть, и вам, гуманисты, следует подумать: нужна ли она для вас, для детей ваших. И насколько полезна для вас проповедь «расовой чистоты», т. е. проповедь опять-таки расовой ненависти в Германии? Вот, например:

Вождь гитлеровцев в Тюрингии Заукель предписал национал-социалистической группе Веймара протестовать против присутствия в Веймаре на предстоящем торжественном праздновании 100-летия со дня смерти Гете — Гергарда Гауптмана, Томаса Манна, Вальтера фон Моло и профессора Сорбонны Генри Лихтенберже. Заукель ставит в вину указанным лицам их не арийское происхождение.

А также пора вам решить простой вопрос: с кем вы, «мастера культуры»? С чернорабочей силой культуры за создание новых форм жизни или вы против этой силы, за сохранение касты безответственных хищников, касты, которая загнила с головы и продолжает действовать уже только по инерции.

1932

О РАБОТЕ ПО «ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ»

Товарищи! Заметно, что в работах по «Истории фабрик и заводов» возникают разноречия и даже допускаются серьезные ошибки, — это значит, что существует недостаточно ясное понимание основных целей «Истории». Очевидно, необходимо еще раз напомнить о характере и объеме этих целей.

«История фабрик и заводов» — это есть история рабочего класса, носителя той физической, «чернорабочей» энергии, которая, создавая все ценности, все орудия материальной культу-

ры, позволяла буржуазии развивать на основе этой культуры так называемую «духовную культуру». Эта последняя в основном своем стремлении сводится к оправданию бытия буржуазии, к ее похвале историческими заслугами, к защите ее права на политическую власть, т. е. к ее самозащите.

За исключением пролетариата Союза Советов, который, вырвав власть из рук буржуазии, работает исключительно и только на себя, на свою самооборону, на развитие всех своих сил и способностей, пролетариат всех стран земли все еще продолжает работать на капиталистов. Бесспорно, что в массах его все более быстро развивается процесс организации классового самосознания и революционной воли, но, истощаемый безработицей и голодом, бесправный, безоружный, он производит для сытого мещанства предметы роскоши: строит броненосцы и подводные лодки для истребления броненосцев; тратит огромное количество металла на выработку пушек, пулеметов, ружей для новой всемирной бойни, которая истребит десятки миллионов рабочего народа. Такую же подневольную, идиотическую работу, направленную против себя самого, производил и рабочий класс царской России до октября 17-го года, когда терпение его взорвалось и его классовая воля, революционно организованная учением Ленина, привела к победе.

Значит «История фабрик и заводов» до октября 17-го года есть история роста и развития классового, революционного самосознания пролетариата в условиях капиталистического государства. На путях этого развития стояли почти неодолимые преграды; их было много и одной из наиболее сильных была формальная малограмотность, почти полная политическая безграмотность и тяжелые, полудикие бытовые условия жизни рабоче-крестьянских масс.

Какова же задача товарищей, которые собирают материал и намерены обработать его в форму книг по истории своего прошлого? Ясно: они должны со всей возможной полнотой и правдивостью рассказать обо всех социально-политических препятствиях, которые стояли на пути развития их культурно-революционного правосознания; рассказать, как, несмотря на всю тяжесть давления полицейско-самодержавной политики, орудиями которой были тюрьма, ссылка и массовые убийства рабочих; несмотря на глубокую, липкую грязь мещанского быта, основанного на зверином индивидуализме, на инстинкте собственности; несмотря на антиреволюционную пропаганду мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров, — как, несмотря на все это, в массе пролетариата возник передовой его отряд, принял ле-

нинское, чисто революционное учение о праве рабочего класса на вооруженную борьбу за власть и за необходимость построения силою рабочего класса и трудящихся, под руководством ленинской партии, бесклассового, коммунистического общества равных.

Ясно, что рассказать обо всем этом могут только старые рабочие-большевики. Развернув эту задачу более широко и подробно, мы увидим, что для понимания миллионов крестьянской и рабочей молодежи, для ее культурно-революционного воспитания в духе коммунизма, нужно рассказать ей о каторжном прошлом ее отцов в таком, приблизительно, порядке.

Семья, жилищные условия. Рабочие казармы. Роль женщины в семье. Воспитание детей. Хулиганские организации в роде петербургской «Роши» и других. Отношение к буржуазным газетам, их влияние. Церковь и сектантство: сила и смысл влияния с этой стороны. Условия работы на заводах. Женщины и дети на фабриках. Охрана труда. Увечья. Отношение фабрикантов и суда к инвалидности рабочих, приобретенной на заводах. Характеры и фигуры хозяев, мастеров, инженеров. Фабричные лавки, как система грабежа рабочих. Фабричная полиция, шпионы. Связь рабочих с деревней, их роль в деревне. Жизнь в тюрьме и ссылке. Организация кружков самообразования, характер работы в кружках, агитация и пропаганда в массах. Крайне важно было бы рассказать о «просветительной» работе либеральной интеллигенции: чувствовалось ли рабочими ее классово примиренческое направление; говорилось ли ею о культуре, как результате творчества избранных; насколько чувствовалось, если чувствовалось, что либеральные идеи — идеи классовой самозащиты буржуазии, идеи, цель которых — оправдание политической ее позиции меньшинства, командующего жизнью большинства? Также важно рассказать о пропаганде эсеров. Как принималось их индивидуалистическое учение о решающем значении личности в истории, не возбуждало ли оно настроений анархических, не укрепляло ли в пролетарии мещанские качества? Как относился рабочий к понятию «народ», к подчеркиванию значения деревни и вообще к основным идеологическим посылкам эсерства, а также к террору.

То же и о меньшевизме. Здесь важно бы отметить отношение рабочих к учению об экономической эволюции, к возможности мирного сотрудничества классов; чувствовалось ли рабочим различие между реформой и революцией. Ответы на все эти вопросы объяснили бы современной рабочей молодежи, почему именно наиболее активные и талантливые рабочие еди-

ницы тяготели именно к революционной идеологии Маркса—Ленина. Стачки, их перерождение из экономических в политические. Очень важно осветить влияние зубатовщины, как естественное последствие пропаганды чистого экономизма. Затем — гапоновщину и ее мотивы, «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. и его революционное значение. Рост революционной активности с 1904 по 1909 г. Рабочие боевые дружины, их борьба с «черной сотней». Участие церковников в черносотенном движении. Отношение буржуазии города и деревни к всеобщей забастовке и вообще к событиям 1905—1907 гг. Эпоха реакции. Отзвук массового убийства рабочих на Ленских приисках. Затем — война 14—17 гг. и годы гражданской войны. Здесь впечатления еще свежи, и каждый рабочий-боец сам знает, о чем надо рассказать.

Само собой разумеется, что это еще не план, а только «памятка» плана, которая должна облегчить собирание и накопление материала путем опросов старых рабочих. Не указано на значение фабзаводских архивов, а также архивов департамента полиции, в которых, наверное, существуют доклады губернаторов и жандармов о их расправе с рабочими: например, доклад уфимского Богдановича об убийстве им 47 рабочих в Златоусте, доклад ярославского губернатора о разгроме рабочих фабрики Керзинкина, нижегородского — о первой революционной демонстрации в Сормове в 1901 г. и т. д.

Пользоваться этими докладами совершенно необходимо: это ценнейший материал по истории классовой борьбы рабочих.

Таким образом дооктябрьская «История фабзаводов» в основном своем есть не что иное, как история революционного правосознания рабочего класса, история сознания им своей силы. А прежде всего и, так сказать, в ядре своем — эта история тех передовых групп пролетариата, которые, приняв за руководство учение Маркса—Ленина, строго и целостно организовались как партия большевиков, взяли на свою ответственность роль вождя рабоче-крестьянских масс, помогли массам развить свою энергию до предельного напряжения и одержали победу над русской буржуазией и помещиками, которым материально и «морально» помогала драться против рабочих буржуазия Европы, Америки, Японии.

«История фабзаводов» после разгрома буржуазии, развиваясь у всех на глазах, неясна, непонятна только слепым от рождения, а также тем идиотам, идиотизм коих вырос на основе их классовой ненависти к рабочему.

15 лет этой истории включают в себя борьбу за хлеб, деятельность рабочих продотрядов, «нэп», начало реконструкции промышленности, очень характерные отдельные эпизоды восстановления некоторых заводов в провинции, — например, «Гуся хрустального» и т. д. исключительно силами рабочих, почти без помощи из центра. Таких эпизодов десятки, и о них важно рассказать потому, что они показывают, как быстро в некоторых случаях рабочая масса понимала государственную необходимость восстановления промышленности. Пореволюционная «История фабзаводов» должна ответить на вопрос: как далеко за 10 лет непрерывной работы в тяжелых условиях ушел от прошлого пролетариат Союза Социалистических Советов? Ответ на этот вопрос должен показать всю сумму, весь объем достижений рабочего класса во всех областях реализации его энергии, не только в работе промышленного, но и культурного обогащения его страны. Нужно подсчитать и показать, сколько завод и фабрика дали изобретателей, сколько единиц выдвинули в вузы и втузы, на посты ответ. работников, в литературу, науку, технику и т. д. Это необходимо затем, чтобы рабочий класс имел точное представление о быстроте своего интеллектуального роста, о том, как он отвоевывает для себя высоты культуры, ранее, до Октября, почти недостижимые для его энергии.

Известно, что до революции отдельные единицы крайне редко пробивали себе путь к жизни в условиях гнуснейшего мещанского благополучия и что, достигая этой цели, они становились в ряды паразитов, врагов своего класса. В условиях буржуазного общества выходцами из трудового народа или пополняется количество мелкого мещанства, или же, еще более редко, количество крупных предателей, каковы, например, «вожди» социал-демократов Европы. В условиях Союза Советов талантливая рабочая единица продолжает работать в интересах своего класса, и эта возможность экономии классовой энергии — одно из наиболее значительных завоеваний революции.

Процесс работы по «Истории фабзаводов» должен сам собою служить делу развития классового, революционного самосознания пролетариата, делу углубления идеологии Маркса—Ленина. Но были случаи, когда на совещаниях рабочих по вопросам «Истории» ставился вопрос: следует ли допускать к совещаниям бывших членов мелкобуржуазных партий? Кажется, говорилось и о необходимости опрашивать бывших черносотенцев.

Участие в работах по «Истории» бывших эсеров, меньшевиков, анархистов оправдывалось бы только при одном совершенно необходимом условии, а именно: если бы члены мелкобуржуазных, антипролетарских, контрреволюционных партий решились честно и подробно рассказать о той подрывной работе, которую они вели на фабриках и заводах против большевиков, о всех формах и приемах их работы по снижению революционного настроения пролетариата, о их попытках направить энергию рабочего класса на борьбу за интересы мелкой буржуазии города и деревни. Если бы это условие полной искренности рассказа о предательской работе в прошлом было принято и честно выполнено, — такие рассказы были бы очень полезны для освещения роста большевизма и его борьбы в низах, в массе, с чужеродными партиями. Но я не уверен, что такое условие может быть выполнено, даже если оно и будет принято. И я считаю нужным напомнить, что партией эсеров организовано было покушение на убийство В. И. Ленина, что в гражданской войне эта партия шла против пролетариата, что благодаря ее преступной деятельности погибли многие тысячи рабочих и что до сего дня бывшие эсеры С. Маслов, Аргунов и др. продолжают посылать в Союз Советов убийц, — факт, установленный подписью того же С. Маслова под ленинградской статьей «Трое», напечатанной Масловым в подленькой газетке «Руль».

Следует помнить, что процесс «Промпартии» обнаружил бытие меньшевизма внутри Союза Советов, что на процессе установлен был факт поддержки меньшевиками подлого дела интервенции и что все еще существуют выродки типа Дана, Абрамовича и К°. Разумеется, клоп — насекомое ничтожное; однако существует мнение, что этот паразит служит передатчиком раковых заболеваний. Рабочий должен признать своим классовым врагом всякого человека, который утверждает, что культурная жизнь может развиваться только на почве частной собственности, — на почве, которая создается путем грабежа и неизбежно порождает насилие меньшинства над огромным большинством трудового народа.

О привлечении к собраниям по работе над «Историей», к расспросам о прошлом беспартийных рабочих — вопроса нет. Их показания наверное будут ценны и полезны.

Теперь несколько слов о приемах и формах работы. Всякая работа начинается с добычи и накопления сырья. В данном слу-

чае сырьем служат рассказы старых рабочих о политических и бытовых условиях дореволюционной жизни. В начале этого письма приблизительно указано, по каким линиям нужно искать материал и в каком порядке располагать его. Затем встает вопрос: какую форму следует придать материалу? Каждому рабочему отлично известно, какое огромное значение имеет точность формы. Любой станок, любая машина хорошо работать будет лишь тогда, если отдельные части их отшлифованы и связаны между собою настолько совершенно, что трение между частями сведено к минимуму. Книга тоже требует совершенства; хорошей мы называем книгу тогда, когда она так сделана, что читатель воспринимает ее смысл, не затрачивая излишних усилий. Знание — это оружие. Чем легче и острее оружие, тем более удобно владеть им.

Изложение исторических событий требует последовательности и связности. Каждый факт — звено бытовой цепи, которой была окована вся дореволюционная жизнь рабочего класса, факты противоречивы, и это их достоинство: стальная правда большевизма выкована из социальных противоречий. Нужно показать, как факт, исходя из факта, создавал третий факт и как сумма тех или иных фактов у одних рабочих угашала классовое самосознание, у других — революционно возбуждала его. Это трудно? Для рабочих-ленинцев это не должно быть трудно: они знают, что такое социальная диалектика.

Всякая честная и хорошая работа — неизбежно трудная работа. Но не вам, товарищи, бояться трудностей, не вам, которые в полудикой стране безграмотного, суеверного крестьянства, в стране убого, нищенски вооруженной техникой, сумели в десяток лет во многом догнать Европу, а кое в чем уже и перегнать ее. «Историей фабзаводов» вы подведете итог драмам прошлого и, создав героическую картину вашего труда в настоящем, увереннее и успешней начнете работать для будущего. Проще говоря: «История фабзаводов» должна способствовать росту ваших интеллектуальных сил, ваших дарований, талантов.

Буржуазная интеллигенция «культурнее» вас, на это особенно часто и с глупым самохвалством указывают различные журналисты-иностранцы, и этим фактом любит утешаться, разлагаясь, белоэмигрантская интеллигенция. Ей на службе мещанству было несравненно легче, удобнее учиться, вооружаться знаниями, которые созданы на основе вашего труда и — почти в целом — обращены против вас. Вы, товарищи, можете учиться только на своем опыте. Это называется «автодидактикой» —

самообучением. И вы должны твердо помнить, что весь мир пролетариата смотрит на вас, как на учителя и вождя.

Тут есть чем гордиться, но нельзя самообольщаться и было бы преступно чваниться. Нужно понять: чем больше знаний — тем больше силы, тем быстрее растет творчество.

Трудностей бояться у вас нет причин. Вы отлично умеете преодолевать препятствия на пути вашем, — и это потому, что ваш путь освещен великой идеей, которая опять-таки родилась на почве векового исторического труда рабочего класса всех стран. Именно поэтому красота и сила идеи ленинизма так мощно возбуждает ваше социалистическое творчество. У интеллигенции много «идей», но нет ни одной, способной возбуждать ее жизнедеятельность. Над всеми ее идеями тяготеет — подавляя, угашая их — идея индивидуализма, идея законности преобладания единицы над массой. В наше время слишком очевидно, что индивидуализм обанкротился и обнищал всюду. В деятельности капиталистов он привел к отвратительному, циническому анархизму, о чем убедительно говорят не только события в Китае и гнусное отношение к этим событиям «культурной» Европы. Даже в области искусства, где индивидуализм выражался особенно ярко, он уже не в силах создавать ничего, что когда-то питало и поддерживало его фигуру — тощую, малокровную, но красиво одетую в слова.

За работу по «Истории фабзаводов» вы, товарищи, должны взяться с тем напряжением сил, с каким вами создаются громадные фабрики и заводы — гигантские лестницы, по ступенькам которых вы поднимаетесь на высоту вашей социалистической культуры.

Итак: какова же должна быть форма книг «Истории фабзаводов»? Следует предпочесть единство и связность изложения. Нужно, чтобы весь материал сливался в монолитное целое, — в этой форме читателю легче освоить смысл материала. Нужно заботиться о том, чтобы книга была написана предельно просто и не очень велика. Во всех случаях, когда последовательность и связность изложения не могут быть достигнуты, — дореволюционную историю можно изложить и в форме отдельных очерков и рассказов по каждому вопросу быта, но все же так, чтоб очерки были расположены последовательно и читатель не путался, заглядывая из четверга в прошлый понедельник. Можно в одной главе или в одном очерке соединять несколько рассказов старых рабочих на одну тему в один рассказ, но, по возможности, не нарушая своеобразия языка каждого из рассказчиков. Нужно избегать премудрых газетных слов и не загружать

рассказ избытком технических терминов. Требуется, чтоб терминология металлиста не затрудняла понимание текстильщика, чтоб они оба легко понимали техно-химика, чтоб рабочие фабрик и заводов понимались шахтером, красноармейцем, матросом, и чтоб все отрасли производства были доступны пониманию колхозника. Нужно понять, что «Красный путиловец» или «Талка» и т. д. пишут историю не только для себя, но каждый завод для всех заводов, для всех рабочих и колхозников.

Для того, чтоб поставить работу на прямую и кратчайшую линию к цели, чтоб избавить ее от возможности засорения ошибками, излишествами и усилить ее темп, нужно расширить участие парторганизации. Затем: не плохо было бы, если бы газеты взяли на себя шефство над работой по «Истории» местных заводов. Обладая литературными силами, редакции газет могли бы оказать делу существенную и разнообразную помощь. Дело это, помимо его прямого культурно-воспитательного значения, наверно, сильно будет способствовать самовоспитанию рапповских литкружков, научит молодежь работать с большим материалом. Пролетарскую художественную литературу, как ее понимал Владимир Ильич, мы можем создать только при условии опоры на живой, непрерывно растущий опыт массового творчества.

Товарищи! Поставлена пред вами еще одна высокая, трудно достижимая цель. Ее поставил перед вами ваш опыт, требующий отражения в литературе, поставил затем, чтоб великий труд класса, отраженный в книге, вернулся в ежедневную практику как возбудитель энергии и ускорил и повысил рост ваших интеллектуальных сил, ваших талантов и способностей.

1932

О СТАРОМ И НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

XIX столетие получило громкий титул: «век прогресса». Титул — заслуженный, в этом веке разум, научно исследуя явления природы, подчиняя хозяйственным интересам ее стихийные силы, достиг небывалой высоты и создал множество «чудес техники». Изучая органическую жизнь, разум открыл невидимый мир бактерий, — открытие, не использованное во всей его полноте вследствие постыдного и цинического консерватизма социально-классовых условий. В русском переводе книги Уол-

леса «XX век» сказано: «В этом веке орлиный взлет мысли величественно и гордо показал человечеству ее силу».

Но рядом с научной мыслью не менее деятельно работала другая, она создала в среде буржуазии настроение, известное под именем «мировой скорби», — философию и поэзию пессимизма. В 1812 г. лорд Ноэль Байрон опубликовал первые песни «Чайльд Гарольда», а вскоре после этого Джакомо Леопарди, граф Мональдо, философ и поэт, начал проповедывать, что знание обнаруживает только бессилие разума, что все в мире — «суета сует», и только страдание и смерть — истинны. Мысль — не новая, ее очень красиво оформил Екклезиаст, ее проповедывал Будда, она отягощала разум Томаса Моора, Жан-Жака Руссо и многих людей большого ума и таланта. Возрождение этой мысли Байроном и Леопарди трудно объяснить одной только скорбью представителей феодального дворянства, побежденного буржуазией, но, разумеется, унаследовав земли аристократов, мещанство унаследовало и некоторые идеи ее, — идеи обладают вредной способностью переживать условия, которыми они созданы.

Живучесть идей пессимизма хорошо объясняется тем, что по смыслу своему эта философия глубоко консервативна и, утверждая бессмыслие бытия, этим самым вполне удовлетворяет запросы не очень пытливых умов и успокаивает любителей покоя. Объясняется эта живучесть еще и тем, что круг потребителей идей крайне узок, малочислен и оригинальностью, смелостью мышления не богат.

В XIX в. идеями пессимизма наиболее усердно обслуживали Европу немцы. Не говоря о буддийской философии Шопенгауэра и Гартмана, анархист Макс Штирнер в книге «Единственный и его собственность» является не кем иным, как глубочайшим пессимистом. То же следует сказать и о Фридрихе Ницше, выразителе буржуазной жажды «сильного человека», — жажды, которая, регрессируя, опустилась от прославленного Фридриха Великого до Бисмарка, до полоумного Вильгельма II, а в наши дни — до явно ненормального Гитлера.

В течение первых 12 лет примером «великого человека» служил для буржуазии Европы «маленький капрал» Бонапарте. Влияние этой полуфантастической биографии на мысль и чувства ряда поколений мещанства еще недостаточно исследовано, хотя именно он, Бонапарте, особенно убедительно доказывает необходимость для мещанства ставки на «героя» и неизбежность крушения героя.

Известно, что роль «героя» как творца истории очень кра-

сиво, хотя несколько истерически, доказывал Карлейль. Ему верили, но это не помешало героям сократиться до размеров Клемансо, Черчилля, Вудро Вильсона, Чемберлена и прочих «вождей культурного человечества», как именуют этих людей их лакеи.

Работодатели относятся к героям, состоящим на службе у них, более сдержанно, ибо каждая группа работодателей, затеявая бойню 14—18 гг. и зная, что «война рождает героев», рассчитывала получить Александра Македонского, или Тамерлана, или хотя бы Наполеона, а получила Жоффров, Пэршингов, Людендорфов. «Возвращаясь к нашим бранам», следует упомянуть в ряду немецких пессимистов Вейнинггерз, автора мрачной книги «Пол и характер», и Шпенглера, автора книг «Закат Европы», «Человек и техника».

«Закат Европы», т.-е. духовное оскудение ее, истощение талантов, нищета и убожество организующих идей, — все это явления, свойственные не только Европе, но и обеим Америкам, да и всему миру. Погасли яркие звезды в небесах буржуазии!

«Форсайты» в Англии, «Буденброки» в Германии, «Мистер Фэбит» в САСШ явно неспособны родить «героев» и принуждены выдумывать их из мелких авантюристов.

В стране, где когда-то туманное благодушие оптимиста Дикенса затмило здоровый критицизм Теккерея, недавно замолчал угрюмый Т. Гарди, и ныне стали возможны такие злые, полные жуткого отчаяния книги, как «Смерть героя» Р. Ольдингтона. Литература Франции в XX в. не поднялась даже и до таких художественных обобщений, какие удались Голсуорти, Томасу Манн и Синклер Льюису. Ромэн Роллан, автор прекрасной эпопеи «Жан Кристоф», человек мужественный и честный, живет вне пределов своей родины, вытесненный из нее животным тупоумием буржуа. На этом Франция проиграла. Мир трудового народа — выиграл. Раньше Франция живет в настроении удава, который, проглотив слишком много пищи, не в силах переварить ее и в то же время боится, что все, чего он еще не успел пожрать, — пожрут другие животные его типа. Конечно, интеллектуальная нищета не мешает привычному и бессмысленному стремлению лавочников к захвату новых плодородных участков земли, к порабощению людей в колониях. Но золотое ожирение все более уродливо и тягостно давит на мозг буржуазии. Зрелище духовного оскудения Европы — поразительно, хотя в ней все чаще являются люди, которым стыдно жить в цинических условиях, созданных лавочниками, и которые понимают, что ставка лавочников на «героя», на индивидуализм — проиграна.

На вопрос: чего достигла социальная культура Европы в XIX в.? — возможен только один ответ: разбогатела до такой уродливой степени, что ее богатство стало совершенно очевидной для всех причиной небывалой нищеты рабочего класса. Вырыта пропасть между рабочим классом и буржуазией до такой глубины, которая делает совершенно неизбежным падение буржуазии в эту пропасть.

Разумеется, — туда ей и дорога. Пострадает «культура»? Революции никогда не являлись паузами в истории культурного роста человечества, революция — это процесс вызова к жизни новых творческих сил.

Процесс культурной революции быстро развивается на территории бывшей России царей Романовых и полуграмотных торгашей, которые, распродавая сокровища своей страны капиталистам Европы, грабили крестьян и рабочих, отданных во власть невежественных попов, гасителей разума.

Полагаю, что здесь мне следует напомнить о моей биографии. Эта биография дает мне право считать себя свидетелем осведомленным и правдивым.

Почти пятьдесят лет я наблюдал жизнь людей различных классов. Не очень доверяя моим непосредственным впечатлениям, я проверял их, изучая историю моего народа, сравнивая ее с историей народов Запада. Я достаточно «объективен» даже и тогда, когда чувствовал, что объективизм замедляет мое понимание простейших «правд» жизни, изгибает прямую линию развития моего познания мира.

Нелегко усвоить, что в основе объективизма скрыто свойственное большинству людей стремление если не примирять, то уравнивать факты, внутренний смысл которых непримирим. Это очень хорошо должны понять люди, в стране которых выдуманно учение о компромиссе и где лишь немногие интеллигенты, специалисты по освещению тайн жизни, только после гнусной войны 14—18 гг. начинают понимать, что противоречия требуют не примирения, а изучения их причин.

Я утверждаю, что рабочему и крестьянину царской России жилось несравненно тяжелее, чем любому из трудовых классов Европы. Люди труда в России были более бесправны, невежественны.

Давление государства и церкви на волю и разум человека в России было более тяжелым, грубым и уродующим, чем в Европе. Нигде талантливые люди не погибали в таком количестве и так легко, как в русской земле. Я не принадлежу к слепым «патриотам своего отечества» и уверен, что хорошо

знаю «душу народа». Эта очень «широкая», емкая душа была насыщена и отравлена темными, уродливыми суевериями и дикими предрассудками примитивных бытовых условий. Кстати: с ней нужно знакомиться не по Тургеневу, Толстому и Достоевскому, а по фольклору, — по ее песням, сказкам, пословицам, легендам, по бытовым и церковным обрядам, по ее сектам и кустарным промыслам, — по его работе в области художественной промышленности. Только это дает полное и тягостное представление о жуткой темноте народа и вместе с тем о его удивительной, разнообразной, глубокой талантливости.

В первой половине XIX в. дворяне-литераторы изображали крестьянство — «народ-богоносец» — очень жалостливо, мягкосердечным лириком и мечтателем, покорным его судьбе; нужно было убедить правительство, что крестьянин — тоже человек, что пора снять с его шеи ярмо раба — крепостное право — и учить мужика грамоте. Эту пропаганду примитивного гуманизма продолжала буржуазная интеллигенция во второй половине века, рисуя мужика теми же светлыми и нежными красками, как рисовали его Тургенев, Толстой и другие. Можно сказать, что дворяне хотели видеть мужика грамотным только для того, чтобы получить немного более продуктивную трудовую силу, а буржуазия — для того, чтобы использовать эту силу в борьбе против самодержавия.

В конце века вместе с развитием промышленности среди русской буржуазии явились «легальные марксисты», — домашние птицы мещанства вроде гусей, которые будто бы спасли Рим. Они заговорили о необходимости «выварить» лирического мужичка в «фабричном котле». Тогда же самодержавное правительство, «идя навстречу запросам времени», выдвинуло против земских — светских — школ церковно-приходские школы, в которых преподавали сельские попы. Вместе со всем этим резко изменилось отношение литературы к мужику: благодушный мечтатель и лирик исчез, явились дикие, пьяные и странные «Мужики» Чехова, Бунина и других сочинителей.

Я не склонен думать, что такое изменение типа совершилось в действительности, но в литературе начала XX века оно — налицо. Эта литературная трансформация не очень убедительно говорит в пользу социальной независимости искусства, но весьма решительно указывает на гармоническое сочетание голоса «свободомыслящей индивидуальности» с голосом ее класса и на замену понятия убеждать понятием угождать.

Итак, в XX в. русская буржуазия имела перед собой не очень симпатичный литературный портрет мужика. Оригина-

портрета в 905—7 годах, решив освободить для себя землю, начал жечь и разорять усадьбы помещиков, но к рабочим — «забастовщикам» — отнесся ворчливо и не очень доверчиво. Но в 17-м году он почувствовал простую правду рабочего класса и, как известно, воткнув штык в землю, отказался уничтожать рабочих и крестьян Германии.

Известно также, что германская армия, опираясь на «право завоевания», весьма основательно пограбила русского мужика, а капиталисты Европы, обиженные его необыкновенным поступком, единодушно послали своих мужиков и рабочих укрощать, истреблять строптивых русских. Это очень подлое дело было поддержано большинство русской либеральной и радикальной интеллигенции; она встала на защиту капитализма, саботируя советскую власть, организуя заговоры против нее, прибегая к террору против вождей рабочих и крестьян. Выстрел в Ленина показал рабоче-крестьянской массе, кто является ее действительным другом и вождем, показал, до какой степени гнусны ее враги, и вызвал враждебное отношение к этой части интеллигенции — отношение, оправданное ее предательством. Отсюда интеллигенты Европы могут извлечь кое-какой урок для себя.

С той поры прошло пятнадцать лет.

Что сделано в Союзе Советов за эти годы? Я не стану говорить о грандиозной работе индустриального вооружения страны, технически отсталой; страны, примитивное хозяйство которой было окончательно разрушено общеевропейской войной капиталистов и затем войной рабочего класса против туземных дикарей и дикарей Европы, войной, в которой рабочие дрались за право на культуру, интеллигенты — за право буржуазии на грабеж.

Укажу на широкое развитие — за 15 лет — университетов, научно-исследовательских институтов, на то, как много открыто в эти годы ископаемых сокровищ земли, которые на долгие века обеспечивают ее дальнейший хозяйственный и культурный рост, — все это известно. Не видят этих завоеваний разума и воли только те, кто ослеплен зоологическими интересами и бесчеловечными предрассудками класса. Не видят этого те, кому лень видеть, и журналисты, которым хозяева запретили видеть правду.

В Союзе Советов один хозяин, — вот основное его достижение и отличие от буржуазных государств. Этот хозяин — рабоче-крестьянское государство, руководимое организацией учени-

ков Ленина. Цель, которую они поставили перед собою, совершенно ясна: эта цель — создать для каждой единицы 160 млн. разноплеменного населения условия свободного роста ее талантов и способностей. Иными словами, перевести всю массу потенциальной и пассивной нервно-мозговой энергии в активное состояние, разбудить ее творческие способности. Возможно ли это?

Это — осуществляется. Масса людей, перед которыми открыты все пути культуры, выделяет из своей среды десятки тысяч талантливой молодежи во все области приложения энергии: в науку, технику, искусство, в администрацию.

Живем и работаем, конечно, не без ошибок, но инстинкт собственности, глупость, лень и прочие пороки, наследие веков, нельзя уничтожить в полтора десятка лет. Но только безумный или озлобленный до безумия решится отрицать неоспоримый факт: расстояние, отделяющее молодое поколение европейских рабочих от неоспоримых достижений общечеловеческой культуры, сокращается в Союзе Советов с фантастической быстротой.

Опираясь на все то, что является в старой культуре непоколебимо ценным, народы Союза Советов смело развивают свое национальное, но общечеловечески ценное. В этом может убедиться всякий, кто пожелал бы обратить внимание на молодую литературу и музыку национальных меньшинств Союза Советов.

Нужно отметить раскрепощение женщины тюркских и тюрко-финских племен, ее стремление к новым формам быта, ее активность.

Законодательная деятельность Союза Советов зарождается и возникает в массе трудового народа, на почве ее трудового опыта и различных изменений трудовой обстановки, — Совет народных комиссаров только формирует опыт и законы и может формировать их только в интересах рабочей массы, — другого хозяина в стране не существует.

Во всем мире законы падают каменным дождем сверху, и все они имеют две цели: эксплуатировать трудовую энергию рабочих масс и создавать препятствия превращению физической энергии в интеллектуальную. Если б средства, которые буржуазия тратит на вооружения для взаимного грабежа, тратились на народное образование, — страшное лицо мещанского мира было бы, наверное, не так отвратительно. Ненависть буржуазии к Союзу Советов вынуждает и его употреблять время и металлы на вооружение, — это следует оценить, как еще

одно преступление европейской буржуазии против ее рабочих и крестьян.

Никто не может указать ни одного декрета, изданного Советом народных комиссаров, который не ставил бы целью своей удовлетворение культурных запросов и потребностей трудового народа. Перестраивается Ленинград, — в совещаниях по этому поводу принимают участие врачи, художники, санитары, архитекторы, литераторы и, разумеется, рабочие — представители заводов. Насколько мне известно, в Европе этот порядок не принят.

Пресса Союза Советов с придирчивостью, на мой взгляд, чрезмерной и даже вредной, ибо она возбуждает в мозгах читателей несбыточные надежды, обнажает все ошибки работы, все пороки и глупости старого быта, чего не может позволить себе буржуазная пресса, развращающая некультурного читателя подробными и садическими описаниями убийств или соблазнительных рассказов о ловких мошенниках.

За 15 лет рабоче-крестьянская масса выдвинула из среды своей тысячи изобретателей и непрерывно выдвигает их. Они экономят Союзу Советов десятки миллионов и постепенно освобождают население от импорта.

У рабочего, который чувствует себя хозяином производства, естественно, развивается сознание его ответственности перед страной: это сознание заставляет его стремиться к улучшению качества продукции, к снижению ее стоимости.

Крестьянин до революции работал в условиях XVII в., всецело зависел от стихийных капризов природы, от своей истощенной земли, разодранной на мелкие куски. Теперь он быстро вооружается тракторами, сеялками, комбайнами, широко пользуется удобрением, на него работают 26 агрономических научно-исследовательских институтов. Человек, не имевший никакого представления о науке, наглядно убеждается в ее силе, в мощности человеческой мысли.

Деревенский парень, являясь работать на завод, построенный на основании новейших и самых совершенных завоеваний техники, попадает в мир явлений, которые, поражая его воображение, возбуждая мысль, освобождают ее от древних диких суеверий и предрассудков. Он видит работу разума, воплощенную в сложнейших машинах и станках. По неопытности своей он, конечно, портит кое-что, но материальный убыток, наносимый им, покрывается ростом его интеллекта. Он видит, что хозяева завода — такие же рабочие, как сам он, что молодой инженер — сын рабочего или крестьянина. Он очень скоро

убеждается, что завод для него — школа, открывающая перед ним возможность свободного развития его способностей. Если он обладает ими, завод выдвигает его в одно из высших учебных заведений. Но есть уже и заводы, при которых открыты высшие технические школы. Его нервно-мозговая энергия, в которой скрыта наша способность исследования и познания явлений мира, мощно возбуждается всей суммой условий, которые были совершенно неведомы его отцу.

Он посещает театры, признанные лучшими в Европе, читает классическую литературу Европы и старой России, бывает в концертах, посещает музеи, изучает свою страну, как до него никто не изучал ее.

Недавно тов. Куйбышев предложил комсомольцам принять участие в работе по исследованию во всей стране местонахождений рудных и нерудных ископаемых. Это значит, что десятки тысяч молодежи, работая под руководством крупнейших геологов Союза Советов, должны будут обогатить хозяйство страны своим открытием новых залежей сырья и обогатить самих себя новым опытом. Возможность организации таких армий для таких целей капиталистическим странам недоступна, да и нечего искать в этих странах, ограбленных безответственным хозяйствованием капиталистов. В том случае, если хищники Европы все-таки попробуют совершить разбойничий налет на Союз Советов, их армии встретят бойцы, каждый из которых хорошо знает, что именно он будет защищать.

В диалектической своей игре капиталисты ставят ставку на глупость масс, тогда как в Союзе Советов развивается процесс организации сознания в рабочей массе ее права на власть. В Союзе Советов растет новый человек, и уже безошибочно можно определить его качество.

Он обладает доверием к организующей силе разума, доверием, которое утрачено интеллигентами Европы, истощенными бесплодной работой примирения классовых противоречий. Он чувствует себя творцом нового мира и хотя живет все еще в условиях тяжелых, но знает, что создать иные условия — его цель и дело его разумной воли, поэтому у него нет оснований быть пессимистом. Он молод не только биологически, но исторически. Он — сила, которая только-что осознала свой путь, свое значение в истории, и он делает свое дело культурного строительства со всей смелостью, присущей юной, еще не работавшей силе, руководимой простым и ясным учением. Ему

смешно слышать стоны и воли Шпенглеров, уstraшенных техникой, ибо он хорошо знает, что техника еще не работала в интересах культурного развития сотен миллионов людей рабского физического труда. Он видит, что буржуазия позорно проиграла свою ставку на индивидуализм, что она вообще не способствовала росту индивидуальностей, а своекорыстно ограничивала этот рост идеями, которые прикрито или явно утверждали как «вечную истину» бесправие ее власти над большинством людей. Отрицая буржуазный зоологический индивидуализм, новый человек прекрасно понимает высокую цельность индивидуальности, крепко соединенной с коллективом, — он сам — именно такая индивидуальность, свободно черпающая энергию и вдохновения свои в массе, в процессах ее труда. Капитализм привел человечество к анархии, которая угрожает ему чудовищной катастрофой, — это ясно каждому честному человеку.

Цель старого мира: восстановить приемами физического и морального насилия посредством войн на полях и кровопролитий на улицах городов старый изгнивший, бесчеловечный «порядок», вне которого капитализм не может существовать.

Цель новых людей: освободить трудовые массы от древних суеверий и предрассудков расы, нации, класса, религии, создать всемирное братское общество, каждый член которого работает по способности, получает по потребности.]

1932

ЕЩЕ РАЗ ОБ «ИСТОРИИ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА XIX СТОЛЕТИЯ»

Мною получено несколько критических замечаний по «Истории молодого человека XIX столетия». Суть этих замечаний в главном сводится к следующему:

Молодой человек типа «неудачника», о котором идет речь в книгах по «Истории молодого человека», служил основной темой литературы XIX столетия. Однако в действительности, в жизни существовал и другой молодой человек буржуазии — с ярко выраженной классовой волей и моралью, человек, достойный своей эпохи, расцвета своего класса. Молодой человек этого типа — плоть от плоти и кровь от крови своего класса, опора его, стоял на страже интересов буржуазии, действуя огнем и железом в борьбе с рабочими и угнетенными народами колоний. Безволие и бессилие одних в сочетании с хищным оскалом зубов других — таков полный портрет буржуазной мо-

лодежи. Литература оставила в тени вторую группу, посвятив основное свое внимание первой. Но нам, ставящим своей целью коммунистическое воспитание трудящейся молодежи, необходимо наряду с тем типом, которому посвящена «История молодого человека», показать и другой тип.

Эти «замечания» требуют подробных объяснений, каковые я и попытаюсь дать.

«Замечания» можно понять так: как бы подозревают редакцию «Истории» в искусственном подборе типов и в недостаточно объективном отношении к задаче «Истории». Буржуазная литература и критика понимают объективизм как равносильно точное и яркое изображение непримиримо противоречивых явлений социальной жизни. Если допустить, что в классовом обществе такой объективизм возможен, возникает вопрос: что скрыто в основе объективизма? На этот вопрос мы можем ответить только так: в основе этого объективизма скрыто стремление в спокойную область той «исторической правды», которая утверждает, что все в мире совершается по воле богов, по воле рока, а потому дано навсегда, и разумная воля трудовых масс, организованная идеей социализма, не в силах изменить действительность. Или же объективизм этот исходит из потребности в «правде» эстетической, из желания отдохнуть пред картиной «социальной гармонии», созданной воображением художника, но несогласной с подлинной, суровой и уничижительной правдой действительности. Разумеется, я не подозреваю в склонности к объективизму такого типа, я только напоминаю, что он существует.

Но есть и еще вопрос: насколько полезен и уместен объективизм в нашу эпоху социальных битв? Человека «с ярко выраженной классовой волей и моралью, достойного своей эпохи, расцвета своего класса», можно изобразить настолько сильным, умным, обаятельным, что он вместе с эстетическим наслаждением его образом способен будет вызывать и чувство зависти к нему, врагу, желание подражать его практике мошенника и грабителя. Десятки миллионов людей воспитаны именно этой практикой, она сдирала с них, сдирает по семи шкур, и заветным желанием множества ограбленных является то же самое желание содрать со своего ближнего по классу хоть одну шкуру. Известно, что в мире буржуазии шкуродерство служит единственным выходом к хорошей, т.е. сытой жизни. Разумеется, это я шучу. Но, говоря серьезно, мне думается, что врага следует сначала уничтожить, а потом уже и «любоваться его красотой». Англичане, люди умные и заядлые спортсмены, восхища-

лись храбростью немцев не во время империалистической бойни, а после того как бойня окончилась и миллионы пролетариев Германии были истреблены в кровавой игре капиталистов. Лично я очень доволен, что живу в эпоху, когда люди «с ярко выраженной классовой волей» проходят передо мною как авантюристы, подобные Гуго Стиннесу, Крейгеру, Детердингу, Гитлеру и Пуанкаре, Гуверу и Тардье, Бенешу и Черчиллю, доволен и тем, что дети таких гениев еще хуже, слабоумнее и слабосильней детей капиталистов XIX века. Может быть, эти люди бездетны? Тем лучше.

Некоторые домашние философы мещанства утверждают, что «объективизм — это правда». Допустимо, что, как многие, я отношусь к «правде» неправильно, недостаточно философски. Это, может быть, слишком субъективное отношение к правде является результатом личного и очень близкого знакомства с нею. Дело в том, что еще в детстве меня, как многих, несколько оглушил отчаянный и тоже очень субъективный крик Клеца из пьесы «На дне»: «Какая правда? Где правда? Жить нечем — вот правда». Затем на протяжении нескольких десятков лет крик этот звучал все более громко, более отчаянно, и премудрые утешения лукавых старичков не могли заглушить его. Ленин и его товарищи организовали людей, социально родственных Клецу, — но не таких истериков, каков он, — в партию, которая превосходно разрушает хаос всех древних правд, созданных и утверждаемых мещанами, идолопоклонниками капитализма. Но Клец все еще живет и орет. Он достаточно сильно потерпел от старой правды, он изнасилован ею и отравлен силою ее до мозга костей. Новой правды он не чувствует и не понимает, хотя это очень простая и крепкая правда создается волею его класса и даже при участии его силы, но не освещенной классовым сознанием. Он хочет, чтоб большевики устроили для него завтра же самую лучшую и легкую жизнь, он считает себя вполне достойным такой жизни. Вот он пишет мне 5 мая.

Растущие корпуса и гиганты моей головы не кружат: о, как Днепрострой меня, например, восхищает, хотя тоже головы не кружит, ничего чрезвычайного я в нем не вижу.

Не видит он многого, но не только потому, что сам слеп, а и потому, что мы не умеем с достаточной ясностью показать людям, подобным ему, все, что делается в огромной нашей стране и рассказать для чего, для кого делается все это. Вовсе не нужно, чтоб голова кружилась, требуется, чтоб она работала. Людей его типа — еще немало, и они не в силах понять, с ка-

кой фантастической быстротою, и не без их участия в деле, разоренная, нищая, безграмотная страна становится богатой, грамотной, сильной и независимой от жадности капиталистов. Человек, у которого голова «не кружится» и не работает, подписавший письмо ко мне псевдонимом «Альфа», сочинив 14 страниц малограмотной чепухи, между прочим высказал и главное, что побудило его сочинить чепуху. Это главное таково: «Государство не должно заниматься ни торговлей, ни промышленностью как владелец или участник».

Этому человеку и подобным ему, конечно, весьма понравятся литературные образцы хозяев, фабрикантов и помещиков, людей «с ярко выраженной классовой волей и моралью». Я думаю, что в симпатии к людям такого типа не разубедит его и хорошая книга Зомбарта «Буржуа», книга, которую у нас плохо знают, хотя она заслуживает, чтоб ее знали хорошо.

Мне говорят: «Безволие и бессилие одних в сочетании с хищным оскалом зубов других, — таков полный портрет буржуазной молодежи. Литература оставила в тени вторую группу, посвятив основное свое внимание первой».

Это совершенно верно, и на это указано в моем предисловии к изданию «Истории молодого человека XIX столетия». Цель издания этой «истории» — показать нашей молодежи, как однообразно разыгрывалась буржуазной молодежью драма индивидуализма — мироощущения и миросозерцания буржуазии, как неизбежно понижался тип индивидуалиста, опускаясь от Рене — Шатобриана и Вертера — Гете до двуногого скота, изображенного Арцыбашевым в романе «Санин», от Жюльена Сорель — Стендаля и Грелу — Бурже до «Милого друга» Мопассана и до прочих современных нам мелких жуликов в области буржуазной политики, литературы, журналистики. Процесс этот весьма убедительно и художественно изображали в десятках романов весьма талантливые литераторы, дети дворян и мещан Европы и России. Но их, должно быть, не восхищала и даже не интересовала житейская практика отцов, ибо наиболее даровитые и крупные литераторы XIX века не дали ни одного достаточно яркого портрета своих родственников, таких, как, например, Крезю, Крупп, Зингер, Нобель и прочие «герои эпохи», организаторы военной промышленности, морского транспорта, тяжелой индустрии, машиностроения и т. д. Среди этих «героев», людей несомненно сильной воли, подлинных хозяев жизни, были, конечно, «поэты своего дела». Были и у нас даровитые вы-

ходцы из крепостной деревни: Коноваловы, Морозовы, Журавлевы, Бугровы, Мамонтовы и еще многие, однако наши литераторы тоже не изобразили этих людей в своих книгах, а ведь как интересно было бы изобразить раба, который становится рабовладельцем.

На днях в брошюре краеведа Сокольников «Литература Иваново-Вознесенского края» я прочитал нечто весьма давно знакомое мне, а именно: «Первые фабриканты района были в подавляющем большинстве крестьяне, обычно — крепостные, из них многие выкупались на свободу много позднее» того, как становились фабрикантами. В 50-х годах XIX столетия они платили ткачу 10 р. в месяц за 14—15-часовой рабочий день. Живо представляю, как рабочие, односельчане хозяина-фабриканта, пытались усовестить его:

— Иван Матвееч, больно мало платишь, прибавил бы!

А он им:

— Эх, братцы! С кого кожу содрать хотите? На господ, на помещиков даром работали, а с меня, своего человека, требуете непомерно трудам! Эх, братцы, — креста на вас нету!

Они его пытались усовестить, а он их убеждал пребывать дураками или прогонял с фабрики под ярмо помещика и — богател, и строил в Москве каменные хоромы, и дико пьянствовал на Нижегородской ярмарке, отдыхая от праведных трудов своих.

Изображал купечество Островский, но герои его пьес — мелкие торгаши, самодуры, пьяницы, в лучшем случае — чудаки. Уж, конечно, не они — те люди, которые являлись организаторами русской промышленности.

В свое время критика мимоходом отметила странный факт: если русский писатель хотел изобразить человека сильной воли, он брал или болгарина, как Тургенев в «Накануне», или немца, как Гончаров в романе «Обломов», как Чехов в повести «Дуэль». Потребность в человеке волевым чувствовалась, но сам русский литератор был, очевидно, человеком, в котором волевое начало не очень сильно развито, и возможно даже, что оно не прельщало его, потому что пугало, а пугало потому, что волю он видел воплощенной в самодержавии и видел ее реакционность, ее глупость и бездарность. Пяток царей, три Александра и два Николая, достаточно определенно и убедительно показывали в течение столетия, что значит воля, когда она — просто физическая, механическая сила, бездарная в такой степени, что до конца своих дней не могла придумать никакого иного способа для своей самозащиты, кроме штыков, и упорно

отвергала помощь буржуазии, разумеется, не бескорыстную, но все же помощь.

К этому следует добавить, — я весьма смущен моей дерзостью, но следует добавить, — что русский дворянин, литератор XIX века, был, на мой взгляд, человеком не очень вдумчивым и знал действительность, окружавшую его, не так хорошо, как должен был знать. Дворянская литература брезговала «купцом», литераторы-«разночинцы» видели в нем только человека, который обижал пресвятого и любимого ими мужичка. Затем — писатель был человеком своего класса, а это обязывает. Гоголь, написав «Ревизора» и «Мертвые души», почувствовал, что им совершен великий грех против класса своего: попробовал исправить грех, изобразить идеально совершенного и волевого грека, но это не удалось, и он не только раскаялся во грехе, но надорвался в покаянии и погиб. Достоевский начал жизнь литератора в симпатиях и к социализму, в «живом доме» Буташевич-Петрашевского, а затем попал в «Мертвый дом», там «пришел в себя» и тоже озлобленно раскаялся, написав «Записки из подполья», книжечку, которую индивидуалисты могут считать своим евангелием. В этой книжке эскизно даны все идеи его последующих произведений, вплоть до замечательного, по едкой злобе, романа «Бесы». Это сказано не в упрек Достоевскому, ибо это — одна из естественных, неизбежных драм индивидуализма. В XIX веке не один Достоевский и не только у нас, а везде в Европе весьма крупные люди скатывались от материалистов XVIII в. и социалистов XIX к метафизике, мистике и в католичество, так же, как Достоевский скатывался от Фурье и Консидерана к почтительной дружбе со знаменитым изувером Константином Победоносцевым.

Этот процесс снижения с некоторой интеллектуальной высоты на плоскость изжитой, мещанской пошлости для некоторых объясняется тем, что «жить нечем! дышать нечем!», объясняется испугом перед суровой действительностью, желанием спрятаться от нее в какой-нибудь темный, темный угол. Жизнь, построенная капиталистическим государством, отвратительная своим лицемерием, неспособным скрыть цинизм ее непримиримых противоречий, страшна для людей слабой воли, а свирепая конкуренция крупных зверей буржуазии способна воспитывать только волю шакалов и волков мелкого мещанства.

Необходимо принять во внимание еще один факт: литератор эмоционально талантливый, способный зорко наблюдать явления жизни и мыслить исторически, такой литератор, даже будучи сыном класса своего и человеком, убежденным в праве

своего класса на власть и эксплуатацию сил трудового народа, все-таки изображал жизнь буржуазии критически, в освещении резко отрицательном, изображал безнадежно. Так делал не один Бальзак, социально-педагогическое значение работ которого отмечено Энгельсом в его письме, опубликованном журналом «Литературное наследство», книга вторая. Не говоря о мудром Стендале, так делали Золя, Мопассан, Адан и многие другие во всех странах Европы. Делали, но, как сказано выше, никто из них не показал того буржуа, который в Англии становился лордом, усиливая аристократию своей страны, в Германии нередко бывал другом, советником и руководителем королей, во Франции играет роль главы государства. Типы таких банкиров, как Ротшильды, Блейхредеры, как типы американских «королей» промышленности, — все это осталось вне пределов внимания художественной литературы. Восхвалением буржуазии, главным образом мелкой и средней, усердно занимались литераторы второго и третьего сорта, люди не столько талантливые, как ловкие. Типичным представителем таких литераторов является Юлиус Штинде, автор книги «Семейство Бухгольц», книги, которую высоко оценил Бисмарк. Имя Штинде и книга его забыты, так же, как имена и книги всех писателей его ряда: Поля Феваль, Онэ, Марии Корелли, Гемфри Уард и сотен подобных забавников и утешителей мещанства.

А «Историю молодого человека XIX столетия» писали наиболее талантливые дети буржуазии, чьи книги еще долго будут искажаться буржуазными историками литературы и критиками, — будут искажаться для того, чтоб прикрыть подлинную, суровую и враждебную мещанству правду этих книг. Эту группу детей буржуазии не восхищала и даже не интересовала практика их отцов. Как уже сказано, никто из них не изобразил действующего «огнем и железом в борьбе с рабочими и народами колоний» капиталиста во всей «красоте и силе» его цинизма, его бессмысленной жажды наживы, его маниакального упоения властью. Этот «столп отечества» и жадный потребитель пряностей культуры, созданных для него рабочим, крестьянином, интеллигентом, не тронут литературой даже в той области, где он наиболее «красочен», — в области колониальной политики. Его обошел своим вниманием талантливый пропагандор английского империализма Редьярд Киплинг, обошел стопроцентный американец Джек Лондон и все другие литераторы, любившие изображать «волевые натуры» среднего качества. Сесиль Родс, организатор разгрома буров, остался в тени, изображались

только мелкие авантюристы, иногда миссионеры, люди, исполнявшие черную работу «объединения человечества» под одним и тем же хомутом пошленькой буржуазной культуры.

Какие мотивы лежат в основе раскола отцов и тех детей, о которых рассказывает «История молодого человека»?

Отцы были действительно «волевые», сильные люди, они — «мониисты», вся их воля направлена была к одной цели, эта цель — расширение и укрепление власти над миром. Им знакомо было чувство полного слияния с действительностью, они всецело отдавались делу изменения ее форм в свою пользу. Работа вполне удовлетворяла их «душу» — жажду власти и наслаждений, самомнение и гордость. Изменяя действительность соответственно своим классовым интересам, они в различных терминах более или менее искусно проповедывали необходимость подчинения действительности, которую они создали и создают. Но эта проповедь истекала не из религии, не из морали, а из классовой практики, и, в сущности, они вовсе не были так лицемерны, как принято изображать их. Лицемерие было, — и, конечно, остается, — неотъемлемым качеством практики того слоя интеллектуалистов, которые поставляли для политических нужд командующего класса теории, оправдывавшие его бытие и его деяние. Все такие теории, кто бы ни проповедывал их: Мальтце или Ницше, Карлейль или Константин Леонтьев и т. д. утверждали, утверждают, что человек должен «творить волю пославшего его» в земное бытие, а «пославший» — это надземный бог отцов и, наконец, самый реальный, близкий, наиболее понятный — вот этот домашний отец, требующий, чтоб сын покорно продолжал делать дело, начатое родителем. Основано начало этого учения дано еще в древнейших мифах, бунт сына против действительности, творимой отцом, всегда влечет за собою или наказание или примирение с волей отца. Когда Прометей, заботясь о людях, живущих во тьме земной, похитил огонь с неба, — Зевс, отец всех смертных, приковал его цепями к одной из гор Кавказа и велел коршунам клевать печень Прометея. Этот миф, в искаженной форме, скрыт в истории Христа, тоже «лишнего» в жизни молодого человека, которому приписывается авторство не очень хитрой, но характерной для буржуазии притчи о «талантах». Этот миф — основа всех житейских драм отцов и детей на всем протяжении истории.

Отцы были «мониисты», люди цельной «души», дети, о которых мы ведем речь, — дуалисты, двоедушные люди. Дети вос-

питывались религией отцов, учению которой отцы не следовали и не могли следовать. Становясь юношами, дети замечали, что религия и мораль отцов никак не совпадают с житейской практикой папаш и мамаш. И по мере того, чем более внимательно они всматривались в хаос жизни, тем более резко бросались в глаза ее непримиримые классовые противоречия. Из созерцания этих противоречий возникало ощущение неловкости, неудобства, тяжести жизни, а затем сознание бессилия изменить условия жизни, и отсюда — скептицизм, пессимизм и другие болезни индивидуализма. Отцы строили, дети в большинстве, конечно, помогали им, продолжали их работу. Но из среды детей все чаще и все больше отсеивалось, отбрасывалось, «отлынивало» от жизни юношество, которое не умело или «совестилось» и не хотело приспособляться к торгово-промышленной, обнаженно-хищнической работе отцов, совершенно свободной от морали и эстетики.

В мироощущении этой группы детей эстетика играла весьма значительную роль, для многих она служила исходной точкой социальной критики. В основном своем качестве эстетика — биологически свойственное органическому миру стремление к совершенству форм. Люди добавили к этой «эстетике природы» еще стремление совершенствовать формы социальной жизни, создавать такие условия, в которых организм человека развивался бы гармонично, с наименьшим количеством препятствий к его нормальному и всестороннему росту. Буржуазия давным-давно забыла это биологическое значение эстетики, свела ее к неумовному, капризно-изменчивому понятию «красоты». Дети, о которых мы беседуем, хорошо видели, что, несмотря на «красоту» внешней культуры отцов, их жизнь и деятельность более чем некрасива. «Эстетическое отношение к действительности» внушалось детям церковью и школой, причем эстетика неизбежно соединялась с этикой. Социальное поведение в обществе, где «человек человеку — волк», все таки измерялось и оценивалось «христианской моралью», которая запрещала корыстолюбие, воровство, убийство, разврат.

В освещении этой, хотя бы механически усвоенной, морали противоречия жизни выступали еще более резко. Чем внимательней присматривались наиболее талантливые дети мещанства к действительности, тем более нахально обнажала она свои язвы, тем острее становился критицизм одних и все более глубоким у других сознание своего бессилия, внутренней раздвоенности и одиночества в классе, в мире. Захотелось устойчивого равновесия, «внутренней гармонии», «независимости своего я»,

начались поиски иного «смысла жизни», независимости «я». Тягостное ощущение неловкости, неудобства, постыдности бытия было названо «болезнью совести». В 70-х годах XIX века у нас, когда отцы, пользуясь нищетой и беззащитностью «освобожденного» крестьянства, начали развивать промышленность, появились типы «кающегося дворянина», «лишних людей», «Гамлетов Щигровского уезда», бесчисленное количество болтунов, нытиков, и многие из них были почти совершенно точным воспроизведением в жизни типов, созданных литературой Европы. Это говорит не столько о силе влияния литературы, как о единстве исторического процесса, в данном случае — о процессе расслоения буржуазии, о неизбежности зарождения в ее среде идей и настроений, враждебных ее «классовому здоровью».

Мне пишут, что «автор и герой произведения подчас отождествляются». В этой группе романов автор и герой отождествляются почти всегда. Так и надлежит, ибо эти романы в большинстве автобиографичны, в них авторы повествуют о личной своей драме разлада с действительностью, о расколе со своим классом. Это — основная и наиболее талантливо разработанная тема литературы XIX в., она перешла в XX, волнует, разрушает молодежь буржуазии и в наши дни. Она жива еще и у нас, где отцом остается пролетариат, организованный в партию большевиков, героически создающий новые формы социального бытия, и где среди его детей наблюдаются явления рецидива мелкобуржуазного индивидуализма, наблюдается склонность к тем заблуждениям, которые переживала молодежь мещанства. Если мы внимательно просмотрим все наши литературные споры за истекший десяток лет, мы найдем в них все старинные болезни буржуазного, анархо-индивидуалистического мироощущения, найдем все заботы об устройстве для нашего «я» «независимой» и удобной позиции над действительностью или в стороне от нее. В наших литературных расприх мы откроем проявления того мещанского субъективизма, который на почве личных симпатий и антипатий, на почве мелких, болезненно-раздраженных самолюбий создает литературные группы и, прикрывая личные раздоры плохо понятыми идеями, творит в области литературы словесный хаос и содом, крайне вредно влияющий на нормальный рост художественного творчества.

В Союзе Советов действует новый отец — пролетарий, рабочий-социалист. Еще недавно он был только чернорабочим в деле строительства культуры, сейчас он, полный хозяин своей стра-

ны, создавая новую действительность, вполне законно чувствует себя творцом мира. Работа, которую он ведет, необъятно грандиозна. В большой работе всегда много мелких ошибок, возможны и крупные. Чем крупнее стройка, тем больше мусора: его особенно много скопляется в том случае, когда строят на старом, засоренном месте, где раньше, чем построить новое, необходимо разрушить огромное количество старого гнилья. Воспринимающий аппарат индивидуалиста весьма похож на решето: просеивая действительность, как муку, «я» индивидуалиста оставляет в себе только отруби. Одной из причин интеллектуального и морального истощения, а затем и политического позора русской интеллигенции, так гнусно побелевшей от страха перед социальной, пролетарской революцией, — одной из причин этой болезни и этого преступления перед родиной была именно привычка отсеивать отруби и питаться ими. Критическое отношение к действительности — одна из самых приятных и легких профессий. Разумеется, я не против критики, нет, я за самокритику, за критику, обращенную не только на соседей, но и на самого себя, за критику, требующую предельной широты знаний о жизни и честного противопоставления положительных и отрицательных фактов. Но я знаю, что человек любит быть судьей и тогда, когда сам он — мошенник, грабитель, убийца. И я помню, что после 1905—6 годов, после того, как пролетариат показал интеллигенции свое суровое лицо, часть этой интеллигенции, во главе с профессиональным перевертнем Петром Струве, завывала в сборнике «Вехи»: «Ах, зачем мы так много критиковали, ах, зачем критиковали церковь, религию?» Пример курьезный, но все же поучительный и не единственный. Интеллигенты Европы еще задолго до «вехистов», начиная с критики буржуазной действительности, кончали признанием церкви как единственного пастыря «душ» и монархизма как физического пастуха людей. Эдуард Род, автор романа «Смысл жизни», нашел этот смысл у старушки, одиноко молившейся в церкви. Гюисманс, один из первых воинствующих декадентов, эстет, кончил монастырем. Перечислять такие примеры можно бы очень долго, но это скучно и бесполезно: к числу их относится и примерно подлое поведение социал-демократов, очутившихся «у кормила власти».

«История молодого человека» в тех книгах, которые предложены читателю издательством «Огонек», далеко не исчерпывает тему — процесс внутреннего разложения буржуазии, анархизированной анархией производства. Быт буржуазии и особенно положение женщин ожесточенно и злобно изображали такие

писатели, «стопроцентные» буржуа, как, например, Леон Дода в романе «Камчатка», Марсель Прево в «Полудевах» и десятки других писателей XIX—XX вв. Причин процесса они не понимали или, понимая их, скрывали их от читателя, а может быть, и от самих себя. Полностью эти причины могут быть вскрыты и рассказаны нашей молодежи в книге, которая должна показать «Историю европейской литературы» в связи с историей политико-экономического развития Европы. Буржуазия выдвигала из своей среды и революционера, но литература буржуазии не очень охотно брала его героем. Герой романа Шпильгагена «Один в поле не воин» — единственная фигура, изображенная более или менее прилично, и то, вероятно, потому, что прототипом героя был взят Фердинанд Лассаль. Еще менее интересовал буржуазную литературу «молодой человек рабочего класса».

Разумеется, мы должны дать читателю «Историю промышленника Европы и России», но на эту тему художественная литература, как сказано, не дает материала достаточно яркого и в том обилии, какого требует тема. Здесь придется изучать историю промышленности и промышленников начиная со Средневековья. На эту тему дадут отличный материал Маркс и труды по истории городов.

Нужно дать «Историю крестьянина», «Историю женщины», нужно очень много дать для того, чтоб наша молодежь хорошо узнала прошлое, имела точное представление о ценности того наследства, которое предложено ей прошлым, и чтоб она вместе с этим почувствовала отвращение к прошлому.

1932

РАБОЧИЕ ПИШУТ ИСТОРИЮ СВОИХ ЗАВОДОВ

Как и следовало ожидать, пролетариат взялся за работу по «Истории заводов» с ясным сознанием глубокой, культурно-революционной важности этой новой для него и трудной работы. Изображая свое дооктябрьское прошлое, рабочие отлично понимают, что ими создается история их класса — факт небывалый и возможный только в стране, где старый рабочий-большевик, хозяин и строитель социалистического общества, служит — и должен служить — учителем и воспитателем молодежи в духе ленинизма. Понято работниками по «Истории заводов» и то, что их партия, давая всему миру пролетариата пример хозяйственного, социалистического творчества, дает в форме истории

своего прошлого превосходный урок революционного самообразования и самовоспитания пролетариям всех стран.

Сводка о состоянии работы по «Истории заводов» на 1 июля 1932 г. дает полную картину хода работ на 30 заводах. Особенно удачной, судя по первым главам рукописи, является работа по Ижорскому заводу. Это — подлинная история предприятия, начатого в XVIII веке, она пишется хорошим языком, в ней чувствуется умение авторов владеть архивным материалом и отличное знакомство с ним. Чувствуется также, что авторы знакомились с бытом XVIII—XIX вв. не только по прошлому Ижорского завода, но как будто и познакомились с мемуарами или другими книгами о далеком прошлом.

Такое ознакомление с эпохой — весьма хороший прием работы. Надо помнить, что стены и заборы завода не отграничивали его наглухо от общей жизни страны и что заводская жизнь полностью отражала в себе общие условия быта. За стенами завода жил его хозяин в хорошем доме, в просторных, светлых комнатах, обставленных множеством дорогих и прекрасных вещей, которые сделаны руками полуграмотных, полуголодных рабочих. По праздникам церковным, царским, семейным к хозяину съезжались гости, вкусно ели, много пили и нередко приглашали с фабрики для развлечения своих искусных гармонистов, певцов, плясунов, они развлекали сытых людей за стакан водки. Певцы, плясуны, музыканты жили в казармах тюремного типа, жили, как пленники, как люди другой расы, — низший сорт людей. Они родились в тесноте, в грязи, их матери после первого ребенка наживали себе женские болезни, их дети нередко летними вечерами молча целые часы просиживали, глядя в окно хозяйского дома, откуда доносился веселый шум и музыка, ликовала другая жизнь, целиком построенная на каторжном труде рабочих. И она была построена так бесчеловечно крепко, так уверенно нагло, что в течение четырех-пяти десятков лет трудовой жизни лишь у немногих единиц рабочего класса вспыхивала мысль о их законном праве на «хорошую жизнь». Вспыхивала и бессильно гасла или же, возбуждая толску, загоняла человека в кабак.

За стенами фабрики царил кабак, в кабаке сидел «целовальник», мешанин. Целовальником он был назван издавна и за то, что целовал царю крест, приносил присягу в том, что будет всемерно стараться спавать крестьян и мастеровых водкой в царевом кабаке. Целовальник был не одной пиявкой, которая сосала кровь фабричного народа, вокруг каждой фабрики такие пиявки плодились десятками. Они торговали разным мелким то-

варом, а также и крупным — женским телом. Понемножку сосали кровь рабочего и наиболее ловкие мужички окрестных деревень; насосавшись вдоволь, они становились у себя в деревне мирседами, кулаками, а переезжая в города, покупали купеческую гильдию, заводили маленькие заводики, фабрички и, с помощью божией, а также и чиновничьей, полицейской, начинали кровососать рабочего еще более усердно и умело. Совместно со всеми пиявками рабочего класса действовали попы, убеждая рабочий народ, что он появляется на свет и живет для того, чтобы покорно терпеть все невзгоды, все муки и страдания.

Вот, приблизительно, в каких условиях жил рабочий класс до Октября, до победы разума рабочего класса, воплощенного в Ленине и его учениках — интеллигентах и рабочих. Очень важно, товарищи, отмечать, как вспыхивали на фабриках и заводах искры этого разума и как от них разгоралось пламя, ныне освещающее путь к свободе всей мировой массы рабочих. Чем больше вы, товарищи, уделите внимания общей бытовой обстановке, в которой жил до революции завод, тем более ярко и величественно обнаружится дореволюционная работа ваша по организации партии большевиков, победа этой партии над политиканствующим мещанством и тем более легко будет для молодежи понять историческое всемирное значение той работы, которую вы теперь, изо дня в день, героически ведете. Чрезвычайно важно отметить в рукописях отношение хозяев к материалу, к сырью. В этой линии наблюдается весьма характерное противоречие. На природные запасы сырья хозяин смотрел как хищник и разрабатывал их тоже как хищник — небрежно, неумело, размышляя так: «На меня хватит». Иначе он относился к сырью, полуфабрикату и товару у себя, на заводе, на фабрике. Тут он обнаруживал великую бережливость и скупость к тем копейкам, которые заплатил рабочему за обработку сырья. За небрежность работы, за брак рабочих или штрафовали или «вышибали» с фабрики, и чувство ответственности перед хозяином за работу внушалось страхом лишиться заработка. Факты этого порядка следует отмечать — они могут быть поучительными для той рабочей молодежи, которая вчера явилась на фабрику из деревни и не способна еще понять, что небрежное отношение к станку, материалу и обилие брака компрометируют рабочий класс как хозяина.

«История заводов» есть прежде всего история развития классового самосознания рабочих — усвоение ими своей исторической роли и своего права на революционные действия, а затем это — история культурного роста и культурного творче-

ства рабочей массы. Основным свойством рабочего в Союзе Советов должно быть высоко развитое чувство ответственности каждой рабочей единицы перед своим классом, перед своей страной. И порою не худо было бы сравнить силу вызванного страхом чувства ответственности перед хозяином с силою чувства ответственности рабочего — хозяина своей страны — перед своим классом. Это чувство ответственности распространяется по всем линиям быта, на все процессы работы, на отношение к материалу, станку и продукту труда. И его должен воспитывать не страх перед богом или хозяином, как это было в старое время, а социалистическое чувство классовой солидарности и ясное понимание тех высоких целей, которые поставил перед собой рабочий класс Союза Советов и осуществить которые стремится поток разумной, социалистически организованной энергии рабочих.

Глядя на «Историю заводов», так сказать, из будущего, со стороны этих высоких целей, замечаешь, что авторы рукописей и воспоминаний очень сильно суживают прошлое. Дело не только в том, что каждый отдельный завод изображается как бы островом, уединенным в море, да еще покрытым туманом, лишенным связи со всеми другими такими же островами, дело в том еще, что многое, крайне характерное для прошлого, не находит себе места в воспоминаниях авторов-рабочих. Не освещается их семейный быт, положение женщин и детей, не освещается и положение учеников на фабриках и заводах. Все это должно быть хорошо известно нашей современной молодежи, чтоб она могла ясно видеть, что и как уничтожено ее отцами, насколько далеко ушли они в создании нового быта, какие задачи поставлены перед молодежью и что еще мешает ей быть тем, чем она должна быть.

Некоторые авторы изображают рабочую массу сплошь безличной, руководимой пятком или тройкой маленьких партийных вождей, но не рассказывается о том, какие огромные усилия должны были употребить передовые, сознательные революционеры-рабочие для того, чтоб поколебать инертное сопротивление массы идеям социализма, разрушить ее консерватизм, укрепляемый всем бытом буржуазного государства, преодолеть сопротивление представителей мелкобуржуазно-политических партий пропаганде социальной революции и учения Маркса.

Иногда это сплошное, безличное изображение рабочей массы чувствуется особенно сильно и, наверное, может показаться даже обидным для многих групп рабочих. Так, например, в «Истории Московско-Казанской жел. дороги», очень интересно

затейной, авторы не упоминают о положении путейских рабочих, об их отношениях с дорожными мастерами, о кондукторских бригадах, сторожах, стрелочниках и т. д. Ни слова не сказано о том, что фон-Мекк, хозяин этой дороги, так же как и хозяева других дорог, и казенных, исключали из железнодорожных школ детей рабочих, арестованных или рассчитанных за политическую неблагонадежность. Как «мера карательная» это делалось на Грязе-Царицынской и Нижегородской дорогах. Не указано, что в железнодорожные школы дети мелких служащих принимались в первую очередь, а дети рабочих только «на свободные места».

Само собой понятно, что все это говорится не в упрек рабочим авторам, а из желания указать им путь к более широкому и яркому освещению прошлого рабочего класса, прошлого, которое уже незнакомо нашей молодежи. Прошлое это — пройденный путь, чем ярче мы осветим грязь и мерзость его, тем более трудно будет нам заплутаться на пути к будущему. В общем же сданные в редакцию рукописи по «Истории фабрик и заводов» разрешают нам повторить то, что сказано в начале этого краткого отчета: рабочие правильно понимают смысл и цель «Истории заводов».

По рукописям, которые читаны в секретариате редакции, видно, что подход авторов к материалу делится на два приема: первый — полубеллетристическое связное и последовательное изображение роста предприятия и развития революционного сознания рабочего, второй же тоже дает связное изложение, но суховатое, несколько похожее на деловой отчет, лишенный оживляющей его картинности, бытовых фактов. Первый прием, не лишая материала его солидности, придает ему форму рассказа, очень легко усвояемого. Этим приемом очень живо, интересно и солидно пишется «История Ижорского завода», а вторым — «История Казанской жел. дороги». Но каждая глава этой «Истории» сопровождается «дополнениями», в которых даны воспоминания рабочих, и если эти «дополнения» разбить по всему тексту, суховато написанному одним автором, — вся работа будет очень оживлена и примет такую же интересную яркую форму, как «История Ижорского».

В заключение от лица секретариата редакции «Истории заводов» я горячо поздравляю рабочих авторов с хорошим, очень успешным началом большой, трудной и весьма ответственной работы. Работой этой пролетариат еще раз утверждает радостную и гордую уверенность в разнообразии и неисчерпаемости его творческих сил.

ДЕЛЕГАТАМ АНТИВОЕННОГО КОНГРЕССА

(Речь, которая не была произнесена)

Сердечно приветствую людей, которые решились поднять голоса свои против международных войн, которые организуются капиталистами в целях своего обогащения и сеют в мире ненависть между народами.

Приветствую и был рад верить, что этот ваш протест поколеблет злую волю врагов человечества, ибо они снова затевают международную бойню.

Но прошлое не внушает надежды на то, что сила слова пацифистов способна победоносно противоборствовать разрушительным намерениям касты людей численно ничтожной, совершенно безответственной и уже безумной, но все еще командующей жизнью и волей нации.

Вы все помните, конечно, что после разгрома Пруссией Австрии и Франции, на протяжении 43 лет пацифизм проповедывался непрерывно и что в числе других знаменитая книга Берты фон Зутнер «Долой оружие» была одобрительно принята и прочитана интеллигенцией всего мира. Но ни эта книга, ни проповедь Льва Толстого и никто вообще не мог помешать капиталистам уничтожать миллионы людей в борьбе за овладение колониями, устроить поход на Пекин и ограбить столицу Китая, не мог помешать возникновению балканских войн и общеевропейской позорнейшей бойни.

Эта бойня не должна бы захватить пацифистов Европы врасплох, но она легко захватила гуманитариев, поставила их друг против друга с оружием в руках в ряды миллионов невольных убийц, и проповедники мира истребляли друг друга с яростью дикарей. Невольными убийцами я называю рабочих и крестьян, у которых нет причины истреблять друг друга для усиления власти своего классового врага и все еще нехватает разумной воли прекратить братоубийственные битвы наций. Известно, что в 1914 году хитроумные социал-изуиты, вожди II Интернационала гнусно обманули трудовой народ Европы, заставили рабочих забыть, кто действительный враг рабочего класса и зачем нужно врагу затевать кровавые схватки наций. Гуманисты тоже не видят, кто является подлинным врагом гуманитарной культуры. В 1914 году они очень легко заразились безумием людей своего класса.

Для людей этого класса нет в мире ничего дороже золота, и все — науку, исследующую явления мира, технику, созданную

затем, чтобы облегчить физический труд людей, искусства, призванные облагородить их, — все капиталисты обращают в золото, так же как и кровь трудового народа. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что биологические науки значительно отстают от других дисциплин. Конечно, буржуазия спекулирует и наживает на медицине, на гигиене, но эти науки, призванные охранять здоровье народа, не так выгодны, как, например, химия, физика и особенно механика, работающая на военную промышленность, т. е. для массового истребления людей.

Каждая из национальных групп капиталистов, отстаивая свое преимущественное право на ограбление земли и людей, бешено конкурирует с другими национальными группами хищников, ловко играя на «инстинкте нации» — примитивном инстинкте, который враждебно разъединяет людей. Именно на него опираясь, капиталисты в нужный момент превращают пацифистов в своих покорных слуг. Давно уже вполне ясно, что «интересы нации» сведены к интересам группы промышленников, эксплуататоров физической и духовной энергии нации. Известно также, что любая из этих групп способна предать свою «нацию». Нужны факты, утверждающие это. Вот факты:

«14 февраля 1912 г. представитель французского «Об-ва карбидов» получил заказ Круппа на ферро-силиций, необходимый для изготовления пушечной стали. В своем письме он писал: «Крупп настаивает на своем желании, чтобы мы устроили депо в 1 тыс. тонн в местности вблизи завода. Я не думаю, чтобы в данном случае Крупп беспокоил вопрос о затруднительности транспорта вообще, но это требование мотивируется тем фактом, что с точки зрения немцев следует предвидеть неизбежность европейской войны через два года и что в момент всеобщей мобилизации Крупп натолкнется на большие затруднения для получения всех необходимых ему запасов... В виду этого Крупп желает иметь 1 тыс. тонн ферро-силиция под рукой».

Таким образом, французское «Об-во карбидов» прекрасно знало, что Крупп закупает ферро-силиций, предвидя неизбежность войны. И тем не менее французские «патриоты» продавали Круппу электрометаллы для изготовления пушек, которые впоследствии истребляли тысячи французских солдат. Не только до войны, но и во время войны, как установлено французскими следственными властями, «Об-во карбидов» снабжало Круппа военными материалами».

«В момент, когда франко-германские противоречия обостряются все более, когда часть французской печати угрожает Гер-

мании применением санкций, если Германия откажется нести репарационное бремя, в момент, когда французские милитаристы все откровеннее потрясают в Женеве бронированным кулаком, «патриоты» из «И. Г. Фарбениндустри» снабжают французское военное ведомство натровой селитрой и другими материалами на изготовление взрывчатых веществ! Ведь у германских «патриотов» не может быть никакой гарантии, «что эти средства уничтожения людей будут использованы только против китайцев на Дальнем Востоке, а не где-либо поближе. Как и 20 лет назад, поджигатели войны безнаказанно ведут свою преступную деятельность, рассчитывая нажить на море человеческой крови горы золота».

Вы знаете, что безответственная и преступная игра капиталистов осталась безнаказанной всюду, за исключением царской России.

Чего хотят короли промышленности, снова организуя всемирную бойню? Они воображают, что война поможет им выскочить из тисков экономического кризиса, созданного анархией производства, идиотизмом страсти к наживе.

Фигурально говоря, они хотят еще раз принять ванну из крови трудового народа, надеясь, что это оживит их старческую дряхлость. Я решительно утверждаю, что капиталисты люди ненормальные — ничем иным нельзя объяснить чудовищность их пагубной страсти к наживе. Обжорство — болезнь. Обжора продолжает поглощать пищу и тогда, когда желудок его переполнен. Капиталист — маниак наживы и при этом страдающий манией величия. Вне этих ненормальностей он, обычно, человек невежественный, уродливо ограниченный инстинктом хищника. Совершенно несправедливо наградить его титулом «организатора промышленности» — промышленность организуют работники науки, техники посредством физической энергии рабочего класса. О человеке, который научился доить коров, мы не говорим: он изобрел молоко. Но когда читаешь биографии или автобиографии капиталистов, например, Форда, ясно, что капиталист считает себя изобретателем молока, а не приемов доения коровы. Именно люди науки, техники, искусства и рабочие фабрик, заводов, шахт, транспорта непрерывным трудом и творчеством внушили, внушают капиталисту манию величия. Ему кажется, что все, что делают они, — делает он, потому что он платит им деньгами, награбленными с них же, подлинных мастеров культуры. Чувствуешь себя крайне неловко, доказывая то, что само собой ясно и понятно.

Я говорю о тех подлинных творцах общечеловеческой куль-

туры, которые считают деяние основой познаний, глубоко чувствуют поэзию труда, о людях, которым человечество обязано неоспоримыми ценностями науки, искусства: я говорю о людях, которых не соблазняет грязный рай буржуазии, о людях, которые хорошо видят, как нищенски бедна творческой энергией современная буржуазия, как отвратителен созданный ею быт и как она отравляет, разлагает массы: резерв творческой энергии.

Перед этими мастерами культуры история твердо поставила простой вопрос — что же необходимо: преступные войны одной национальной группы капиталистов против другой, войны, которым не будет конца, или же необходима война пролетариев всех стран против капиталистов всех стран — война, которая навсегда сделает невозможными кровавые схватки, истребление миллионов наиболее здоровых людей, истребление продуктов их труда?

С кем должны идти в будущее мастера культуры — с людьми, которые эксплуатируют их творческую энергию, уже пресытились ею, богато обставлены предметами материальной культуры, давно уже не нуждаются в развитии культуры духовной и даже начинают ограничивать ее рост?

Или же они должны идти с новым классом, который история выдвигает на первое место и который в стране с населением в 163 млн уже взял власть в свои руки?

Социал-иезуиты, как следует назвать вождей II Интернационала, социал-иезуиты против классовой войны. Для них гораздо безопаснее кровавые национальные битвы пролетариев, спровоцированных капиталистами. Они боятся классовой войны, ибо эта война неизбежно поставит их в ту гнусную позицию, в какую встал некто Носке, справедливо прозванный кровавой собакой.

В 1914 году вожди II Интернационала вполне наглядно показали миру, что их интернационализм ничем не отличается от интернационализма торговцев энергией и кровью трудового класса. Лично меня немало удивит, если вожди эти признают, вместе с «Оссерваторе Романо» — органом главы христианнейшей церкви, «необходимость концентрации всех сил христианской Европы против духовной анархии, исходящей из России».

Анархией в данном случае именуется успехи рабочего класса в деле строительства социалистического хозяйства и культуры. Анархия — это рост интеллектуальной энергии в Союзе Советов, рост, быстрота которого характеризуется такими цифрами: в 1929 г. Союз Советов имел 57 тыс. инженеров, 55 тыс.

техников. В 1932 г. — 163 000 первых и 138 500 вторых. В 1932 г. рабочий класс — единый хозяин Союза Советов — имеет 400 высших учебных заведений и 1609 техникумов в которых обучаются 2½ миллиона студентов. Но и эти количества учащихся еще не скоро вполне удовлетворят потребность страны Советов в работниках науки. А вот в Германии «Имперский союз врачей-служащих» обратился к правительству с жалобой на врачей иностранцев, которые занимают должности ассистентов при больницах, хотя таких иностранцев оказалось всего 145 человек. Это свидетельствует, конечно, не о том, что в Германии дело охраны здоровья населения поставлено идеально, а только о том, что 145 немцев врачей не смогут заработать у себя в стране кусок хлеба.

Разумеется, что в общем трагическом хаосе жизни Европы это мелкий, ничтожный факт. Но за ним стоит другой: в Германии высшие учебные заведения ежегодно выпускают 40 тыс. человек, а правительство сможет дать работу только 6 тыс. «Перепроизводство» интеллектуальной энергии — явление общее для всей Европы, так же как и для САСШ. Но вы знаете, конечно, что массы трудового народа этой энергией не обслуживаются и не могут ее поглощать, а «перепроизводство» говорит только о том, что при капиталистической структуре государств правильное распределение культурных сил в мире — распределение совершенно необходимое для дальнейшего роста культуры — невозможно.

В 1932 г. в Союзе Советов работает все трудоспособное население страны, где живет 163 млн людей, и в стране не только нет безработных, но ощущается недостаток рабочих рук. Единый хозяин страны — рабочий класс — смело приступил к решению задачи грандиозного хозяйственно-культурного значения: он соединяет моря каналами, орошает водами рек засушливые степи, обогащает всю страну электроэнергией, строит десятки километров дорог, десятки мощных заводов и фабрик. Итог его работы за 15 лет сказочно огромен. Вот что называют анархией Адлеры, попы, а также иезуиты других профессий, люди, которые хотят быть слепыми, потому что боятся правды, невыгодной для них, но вполне очевидной: рабочий класс может хозяйствовать разумнее, чем капиталисты.

Этот факт все более часто начинают признавать даже некоторые из среды хищников, но, разумеется, это не убеждает остальных, а еще более разжигает их классовую ненависть и циническое бесчеловечие.

Хозяйствуя разумнее капиталистов, рабочий класс Союза

Советов не считает развитие материальной культуры окончательной своей целью, не ограничивает свою работу целями только обогащения своей страны, т.е. самообогащения. Он понял, он знает, что материальная культура необходима ему как почва и основа для развития духовной, интеллектуальной культуры. Его творческую энергию питает и усиливает великая идея всемирного братства народов.

Носителем какой идеи является капитализм? Он всюду в мире сеет расовую и национальную ненависть. Вот капиталисты создали говорильню, именуемую Лигой наций. Несколько месяцев в этом учреждении покорнейшие слуги капитала рассуждали о необходимости для Европы разоружиться, и вы знаете, что когда они рассуждали, капиталисты Японии открыто и безнаказанно грабили Китай, захватили Манчжурию, истребили и продолжают истреблять десятки тысяч ни в чем неповинных людей. В Шанхае уничтожено огромное количество культурных ценностей, которые имели общечеловеческое значение.

Этот преступный акт не возбудил негодования пацифистов, не возбудил их протеста, да, кажется, и внимания не возбудил. А ведь преступления капиталистов совершаются не только в Шанхае и Манчжурии, но и во всем мире, во всех городах Европы, всюду на глазах гуманитариев и пацифистов. Они люди грамотные, им известно, что в Штатах Северной Америки рабочие умирают с голоду в то время, когда капиталисты делают из пшеницы брикеты для паровозных топок, но этот чудовищный факт как будто не компрометирует в их глазах систему капиталистического хозяйства. На улицах городов Германии ежедневно происходят кровавые схватки, убийства рабочих, разыгрываются маленькие репетиции гражданской войны, вызванной и все более цинично провоцируемой буржуазией. Как реагируют пацифисты на этот факт? Что, кроме красноречия, могут они противопоставить анархизму и цинизму капиталистов? На их глазах непрерывно работает «Интернационал военной промышленности». «Вашингтон пост» опубликовал данные о военных расходах европейских должников САСШ.

Согласно этим данным, основанным на официальных цифрах, израсходовали в 1930 г. на военные цели: Англия 608 млн долларов, Франция — 547 млн, Италия — 322 млн, Польша — 123 млн, Румыния — 67 млн, Югославия — 47 млн, Чехо-Словакия — 41 млн, Бельгия — 23 млн. По другим данным, Япония израсходовала в том же году на свои вооружения 240 млн долл., а военный бюджет САСШ составлял 709 млн.

Как известно, в 1931 г. военные расходы всех буржуазных

государств не только не уменьшились, но увеличились. Бюджеты текущего года предусматривают новый рост этих расходов.

Полным ходом работает военная промышленность. Надо отметить, что надежды военной промышленности на большое сживление в связи с военными действиями на Дальнем Востоке не оправдались. Говоря об этом, берлинская газета «Дейче альгемайне Цейтунг» замечает: «Выяснилось, что «центральные страны» только тогда могут делать хорошие дела, когда воюют друг с другом действительно богатые державы».

На эти миллиарды, конечно, можно устроить совершенно чудовищное истребление человеческих масс, фантастические разрушения городов, уничтожение продуктов труда. Я спрашиваю: к этому пришла капиталистическая «цивилизация»? Это — неизбежно? Это — может быть оправдано? Не представляю дьявола, который мог бы оправдать это преступление. Но я могу представить себе, что было бы, если бы эти миллиарды истратить на дело обогащения людей физического труда интеллектуальной энергией, я могу представить это, ибо я — гражданин Союза Советов, страны, где нет капиталистов и где, в условиях очень трудных, рабочий класс проявляет изумительные силы таланта во всех областях приложения энергии к работе строительства новой культуры. Рабочий народ, — вот о чем меньше всего думают патриоты в те дни, когда этот народ в Европе и Америке безработен и умирает с голода, а в колониях капиталистов умирает под огнем пулеметов в борьбе за свою свободу от эксплуатации хищников.

В конце концов очень трудно понять, что тревожит пацифистов и чего они хотят? Может быть, тревоги эти объясняются только тем, что пацифисты и гуманитарии живут в тылу армии, а генералы угрожают, что будущая бойня наций не пощадит и смиренных обывателей тыла.

Вообще кажется, что гуманисты давно уже существуют где-то в тылу событий, живут позади истории и что основное их стремление — стремление к самосохранению, к покою. Очень трудно представить, как поведут себя пацифисты в те дни, когда вспыхнет неизбежная и последняя война, которая уничтожит возможность возникновения национальных войн.

Известно, что вся сила ненависти националистов направлена на Союз Советов. Также ясно, что, если бы капиталисты верили, что все творимое рабочим классом Союза Советов только «неудачный опыт», им не за что было бы так бешено ненавидеть людей Страны Советов. Они могли бы жить спокойно,

занимаясь своим обычным делом — взаимным самоограблением и саморазрушением у себя дома, дожидаясь, когда «неудачный опыт» кончится крахом, и уже тогда броситься на Страну Советов. Но — опыт явно удачен, они уже сами начинают вслух говорить об этом друг другу. И вот Франция снова мечтает о походе на Москву.

Проповедь войны против Советов особенно сильна во Франции, — тем радостнее видеть здесь французов — противников войны против народа, который не хочет воевать, но принужден готовиться к обороне. Народ этот решительно и нещадя сил своих взялся за дело, имеющее неоспоримое общечеловеческое значение. Препятствовать ему в этом могут только враги трудового человечества, эксплуататоры его энергии, люди, чьи действия явно и неоспоримо преступны, намерения — еще преступней.

Насколько я понимаю, задача данного конгресса — найти формы противодействия этим намерениям. Почтенная задача. По вопросу о форме борьбы против организаторов нового массового истребления человечества я высказался достаточно определенно, другого пути я не вижу и не думаю, что профессионального убийцу можно перевоспитать, действуя на него словами.

Принято, чтобы в конце речи было высказано то или иное пожелание. Обращаясь к пролетариату всех стран (включая в понятие «пролетариат» и честно мыслящих людей интеллектуального труда), я желаю пролетариям как можно скорее понять, что всякая война капиталистов есть война против рабочих, против трудового народа, против культуры, и, поняв это, приложить все усилия, всю свою мощь для организации последнего и решительного боя против классового врага, разрушающего культуру, созданную вековыми усилиями работников физического и умственного труда.

1932

О «СОЛДАТСКИХ ИДЕЯХ»

Недавно в Берлине был парад «Стальной каски» — «Штальгельма», и председатель этой организации Зельдте, фабрикант ликеров, сказал: «Когда Штальгельм марширует, это означает возрождение германского солдатского духа. Солдатские идеи и солдатские дела вновь нашли себе понимание в Германии».

Лет за тридцать до наших дней в одной, не помню кем на-

писанной, биографии философа Фихте, было сказано: «Германия — страна философов, и в то время, как во Франции адвокаты деляют политику, в Германии — философы владеют духом нации». Но, вот, мы видим, что в Германии начали делать политику фабриканты ликеров. Это, разумеется, не вчера началось, и хотя это — скверно, однако вполне естественно в государстве капиталистов. Но все же фабриканта ликеров едва ли можно признать философом. Известно, что буржуазный философ — любитель мудрости, рассуждающих в целях «объяснить мир» или объяснить технику мышления о мире. Это — его профессия, и, с точки зрения людей живого дела, преобразующего мир, философа буржуазного — не обижая его — можно назвать «бездельником». Фабрикант ликеров — не философ, но тоже человек дела — «солдатского дела».

Легко представить себе, что такое «солдатские дела»: кровавые ужасы этих «дел» 14—18 гг. еще не совсем забыты, как это ясно по настроению широких масс, отраженному антивоенным конгрессом в Амстердаме. Не забыты и ужасы подлой европейской интервенции в Союзе Советов. Недавно о солдатских «делах» напомнило нам разрушение японцами Чапея. Вообще о «солдатских делах» нам напоминают почти непрерывно.

Но — что такое «солдатские идеи»? Насколько известно, история философии не отмечает существования таковых, и есть полная возможность утверждать, что «солдатские идеи» вообще — невозможны, ибо всюду и всегда солдата учили «не рассуждать», а если он все-таки рассуждал, — его за это наказывали.

Воспитание солдат царской армии было целиком заимствовано из Германии. Солдат был лишен права отвечать на вопросы своего командира простым, честным «не знаю», он должен был ответить словами «не могу знать». Этими словами солдата заставляли отказываться от его способности и права знать все то, что хотя немного выходило за пределы «Воинского устава» — одного из наиболее мерзких документов, созданного буржуазной цивилизацией.

Надев на человека солдатский мундир, человеку внушали, что он не только не достоин и не должен знать, но по своей «природе солдата» не может знать, лишен умения знать все, что за пределами законов его службы. Солдат буржуазных армий — это человек, которого оболванивает его классовый враг для того, чтобы укрепить свою власть над ним — крестьянином, рабочим. Солдат европейских армий — это человек, живущий в плену своих врагов, загипнотизированный ими, работающий

на них за нищенскую плату и плохой кусок хлеба. В то же время солдаты — люди, отцы, матери, братья и сестры которых работают и платят огромные налоги для того, чтобы одеть, вооружить и кормить своих детей и братьев в продолжение их службы в армии. А когда отцам и братьям становится так тяжело жить, что они «бунтуют» против исконных классовых врагов своих, — солдаты обязаны стрелять в «бунтовщиков». Они и стреляют, — так глубока степень идиотизма, до которого оболванили их капиталисты.

Более полугода приказчики капиталистов болтали в Женеве о разоружении. Солдаты европейских армий остались глухи и немы к этой болтовне, а они могли бы превратить ее в серьезное дело. Они могли бы сказать кое-что очень веское по поводу все более растущих трат на вооружения, по поводу бессмысленной траты металла на пушки и танки, по поводу новой, затеваемой капиталистами всемирной бойни, которая потребует превращения миллионов живых, здоровых людей в трупы, потребует создания миллионов инвалидов. Но солдаты делают человеком, который не может знать и не рассуждает. Фабрикант ликеров врет: у рядовых солдат никаких «солдатских идей» не имеется. Но так как в армиях империалистов не мало пролетариев, то, разумеется, пролетарии и в казармах делают свое, пролетарское, исторически необходимое дело, и солдаты буржуазии начинают рассуждать.

В мире есть только одна армия, бойцы которой имеют право и обязаны рассуждать, — это Красная, наша армия. Ее боец не говорит «не могу знать», он имеет право и должен знать все или как можно больше. И он знает главное — кто и где его враг, знает, что этот враг — собственник, и хочет жить чужим трудом, жить только для себя, хищнической жизнью паука. Боец Красной армии — гражданин своей страны, хозяин, страж ее и строитель ее будущего.

На вопрос: «Из какого класса больше всего рекрутируются члены «Стальной каски», мне ответили: «Это главным образом дети убитых на войне 14—18 гг., это мстители за отцов своих и за поруганное отечество». Во Франции тоже, конечно, очень много таких детей, и правительства всех стран, участники общеввропейской войны, воспитывают «мстителей», чтоб ударить их лбами друг о друга. Науськивая «сирот» войны на таких же сирот, прихвостни капитала, продажные души, мошенники печати и разбойники пера скрывают от молодежи простую, ясную правду: в убийстве виновна не столько рука физического убий-

цы, как гнусная голова подстрекателя к убийству. Никто не решится отрицать очевидное: подстрекатель — это капиталист, идолопоклонник частной собственности, существо, изуродованное ненасытной жадностью, завистью, бессмысленной страстью к накоплению денег и вещей, существо человекоподобное, но все более теряющее даже и физическое сходство с нормальным человеком.

«Сироты войны», «мстители за отцов» играют роль оловянных солдатиков в руках дегенеративного и злого мальчишки. Пресыщенный игрушками, он находит удовольствие отрывая головы и ноги оловянным солдатам. Различие между оловянным солдатом и «мстителем» только в том, что раньше, чем оторвать голову «мстителю», ее набивают ядовитой чепухой. Его заставляют верить, что существует нечто, именуемое отечеством, и он должен защищать это отечество, которое целиком находится в руках безответственных и бесчеловечных хищников, фабрикантов пушек, ликеров и прочих «культурных» ценностей. Анархическая эксплуатация физической энергии рабочего класса довела европейские «отечества» до ужасов массовой безработицы и голода, который, конечно, разрушает здоровье трудового народа — здоровье «нации». Безработица создает такие эффекты: за один день 10 августа в Берлине пожарная команда вызывалась 15 раз для оказания помощи самоубийцам, отравившимся светильным газом. Сюда, однако, не входят самоубийцы-утопленники, самоубийцы, прибегнувшие к веревке, револьверу и выбросившиеся из окон. Общая причина этих самоубийств — безработица.

«Это не так много для Берлина», — сказал один из интеллигентов, оболваненных капитализмом, один из тех людей, которые хорошо видят и понимают, что хозяин их глуп, пошл, бесчеловечен, но — он «человек со средствами» и потому приходится работать на него. Работать против него вместе с передовой интернациональной партией рабочего класса у оболваненного интеллигента нехватает смелости, хотя он должен бы видеть, что история уже поставила пред ним суровый вопрос о праве быть болваном.

В законах почти всех буржуазных стран существует статья, — не помню ее подлинный текст, а смысл такой: человек, который, присутствуя при акте преступления, не окажет помощи жертве, считается соучастником преступника. Я понимаю, что в наши дни наивно говорить о законности в капиталистическом обществе, хотя кажется, что в случаях, когда жертвой преступления является буржуа, эту статью буржуазия все-таки принимает. Но,

разумеется, она никогда не применялась в случаях преступлений против рабочей массы, против трудового народа. В наши дни рабочий класс — объект и жертва преступных деяний капиталиста — всюду, во всем мире поднимает голову, начинает чувствовать, что именно ему принадлежит право законодательствовать и судить. Он, конечно, сохранит в памяти своей поразительные факты преступного равнодушия зрителей цинических беззаконий, творимых капиталистами. В свое время он вспомнит, что когда он, безработный, издыхал с голода, — из пшеницы и кофе, смешанных со смолой, делали брикеты для топлива. Он вспомнит, что фашисты Англии нанимались добровольцами в армию Боливии и Парагвая и что боливийский консул в Лондоне рассчитывал купить 10 тыс. таких наемных убийц. Он, судья всех судей, вспомнит многое, мимо чего равнодушно проходят люди, оболваненные капитализмом, люди, которым не противно жить в хаосе невероятных преступлений.

Каковы эти люди и что они сами думают о себе? Мне кажется, что их довольно правильно охарактеризовал герой одного из современных английских романов. Он говорит:

Мне кажется, что жизнь требует столько внимания, столько напряженной заботы о том, чтобы прожить прилично, что и жить-то не охота. Я говорю, конечно, о жизни так называемой цивилизованной, а не о жизни на островах Фиджи или в стране зулусов. У нас все в жизни так размерено, предусмотрено, осознано, требует столько тщательного обдумывания и гарантий, что по-настоящему мы никогда просто и легко не живем, не говоря уже о радости бытия, которая нам неведома. Мы как будто все время ходим по канату и радуемся, только когда можем сказать себе: «Ну, этот кусок пройден благополучно». Если вы решили ни о чем не думать и ловить наслаждение, — тогда очень скоро является пресыщение, и все утрачивает для вас интерес; но если вы стараетесь избежать пресыщения, это от вас требует таких усилий, что наслаждаться жизнью вы уже не в состоянии. Если вы плывете по течению, это кончается катастрофой, а если пытаетесь править своим суденышком, вам приходится все время напряженно работать. Беда в том, что жизни нельзя доверять, — все время надобно за ней следить, подправлять и подштопывать. Так что единственная радость, какую она может нам дать, похожа на то удовольствие, какое испытывают некоторые, возясь с радио или граммофоном. Пока вы меняете волны и диски, радио работает, но и только. Вы не можете просто сложить руки и слушать музыку».

Вот цель жизни: сложить руки и равнодушно наблюдать вихри и бури жизни, не принимая в ней никакого участия. Разумеется, далеко не вся масса европейских интеллектуалистов дожила до такой степени сознания своего бессилия, до такого холодного отчаяния. Но очень примечательно, что именно в

Англии явилось такое унылое сознание духовной нищеты, в Англии Киплинга, поэта империализма.

Отметив этот факт и отметив, что это настроение разрастается, как плесень и гниль, по всей Европе, перекинулось и в низколобую Америку севера, перейдем снова к «солдатским идеям». Выше сказано, что у солдат нет «солдатских идей», и мне думается, что прошло время, когда эти идеи можно было глубоко, как гвозди в дерево, вбивать в мозги европейских армий. Но солдатские идеи несомненно существуют и в наши дни усиленно пропагандируются в форме фашизма. Это — не новые идеи, истоки их можно проследить в книгах немецких писателей, например, у знаменитого историка Генриха Трейчке, а философско-художественное оформление этих идей дал Фридрих Ницше в его образе «белокурой бестии». Проводником этих идей является Бенито Муссолини. В статье, написанной им для «Итальянской энциклопедии», он пользуется всеми установками душевно-больного Ницше, его проповедью «любви к дальнему», презрительно отрицает идею братства народов и социального равенства человеческих единиц, отрицает, конечно, и права большинства на власть.

Империализм, под гнетом которого погибают миллионы народа, Муссолини приветствует и восхваляет войну, как высшее выражение всех человеческих способностей, — об этом раньше его кричал «футурист» Маринетти, и это маниакальная идея военных писателей. Война, по их мнению, делает людей «более благородными», с чем едва ли согласятся побежденные на войне. Никто и никогда не слышал, чтобы побежденный сказал победителю с восторгом или с удивлением: ах, как ты меня благородно изувечил и ограбил! В 14—15 гг. бельгийцы и французы ни слова не сказали о «благородстве» победителей-немцев, наоборот, побежденные кричали «о свирепости тевтонов», приписывали им зверскую кровожадность и другие качества, резко противоположные понятию о «благородстве». Побежденные и ограбленные немцы тоже ничего не говорили и все еще не говорят о благородстве и великодушии победителей. Было бы весьма и даже слишком оригинально назвать благородными такие действия интервентов в России, как, например, расстрел англичанами 26 бакинских комиссаров, кражу чехами золотого запаса в Казани или сожжение французами и греками в день их эвакуации из Херсона двух тысяч мирных обывателей, которых благородные воины заперли в амбарах пристани и подожгли. Решительно ничего не говорит о «благородстве» воинов и военных генерал Гревс, командовавший в Сибири отря-

дом американских интервентов. Можно еще упомянуть о грабеже немцев на Украине, можно напомнить многое, чем «культурная» Европа опозорила себя.

Не согласятся с мнением военных и фашистов о «благородстве» войны и те сотни тысяч «победителей», которых война сделала инвалидами и которых победители, морально изувеченные, ныне принуждены избивать и разгонять, как это было в Вашингтоне с армией «бонуса».

Не согласятся с фашистами и те миллионы побежденных и псбедителей, которые теперь лишены права работать и умирают с голода. Фашизм Италии мечтает о власти Рима над миром, Гитлер проповедует, что фашизм «вознесет народ Германии над всем человечеством», в Японии есть человек, который утверждает, что скоро вся белая раса окажется во власти желтой буржуазии, империалисты Франции хотели бы спрятать в свой карман всю Европу, — и нет слов, чтобы выразить, до чего все это нищенски гнусно, как это бессмысленно и противно. Муссолини находит, что никогда еще «народы» не жаждали так страстно сильной власти.

Весьма вероятно, что буржуазия еще успеет посадить кое-где на престолы дураков в коронах набекрень и со свинцовыми мозгами под черепом. Посадит, конечно, не надолго. Все это — судороги одичавшего, издыхающего класса, все это бред и агония смертельно больного. Художники слова, изображая умирающих, часто заставляют их вспоминать прошлое, картины детства и юности. Именно это прошлое мерещится сейчас больной буржуазии всего мира, а европейская буржуазия вспоминает себя в конце XVIII века, когда она боролась под лозунгом свободы, братства и равенства и вспоминает эту борьбу, кажется, уже как печальную ошибку своей юности. Ах, если бы можно было перестроиться на феодальный лад! Вот к чему сводятся основные «солдатские идеи» фашизма.

В совершенно обнаженном виде современное настроение буржуазии недавно с наивным цинизмом дикаря высказывал в газете Гитлера «Фолькшер беобахтер» некто Альфред Розенберг по поводу приговора над пятью фашистами, которые замучили и убили коммуниста в Бейтине. Убийство было совершено так садически отвратительно, что даже буржуазный суд приговорил убийц к смерти. Розенберг говорит:

Приговор обнаружил глубокую бездну между нашим мышлением и либерализмом. Господствующее либеральное право утверждает: человек равен человеку. Это признается и в Америке. Но там между белыми и цветными существует непроходимая преграда. Черный не

только не имеет права жениться на белой, но даже лишен права ехать в одном вагоне с белыми. Негр, изнасиловавший белую, линчуется. Это, конечно, «нехорошо», но это необходимо для защиты белой расы. В начале мировой войны французский пацифист Жорес был убит, — суд оправдал убийцу, но виновник покушения на Клемансо был казнен — в обоих случаях Франция действовала согласно своим жизненным интересам. Пять осуждены на смерть за то, что они убили поляка, который к тому же был большевиком, — приговор суда противоречит элементарному чувству самозащиты нации. Мы ведем наступление на мировоззрение либералов так же, как и на марксистов. Для нас душа не равна душе, человек не равен человеку. Наша цель — сильный германский человек. Только исповедание неравенства дает Германии политическую свободу.

Под влиянием такого бреда приговор суда над убийцами смягчен и, кажется, намерены совсем отменить приговор. Вот этот бред и есть основное содержание фашизма. Совершенно ясно, что Европой, ее трудовым народом, правят люди обезумевшие, что нет преступления, на которое они не были бы способны, нет такого количества крови, которое они побоялись бы пролить. Для того, чтобы дожить до этого бреда, необходимо было «пережить» или «изжить» Гете и Канта, Шиллера и Фихте и еще добрую сотню крупнейших мыслителей, поэтов, творцов музыки, живописи. Культура буржуазии остается неприкосновенной в библиотеках и музеях, именно неприкосновенной. А быт буржуазии становится все более грязным, диким, политика — все более садически бесчеловечной. Миром за пределами Союза Советов командуют сумасшедшие.

1932

О САМОМ ГЛАВНОМ

15 лет неутомимого труда, в котором участвует все работоспособное население огромной страны, вмещающей 163 миллиона единиц. У нас нет органа, который давал бы рабочей массе ежегодные отчеты о результатах этого труда, развертывал бы перед массой широкую, яркую картину сделанного за год во всей стране. Мы много пишем и говорим о Днепрострое, Матниострое и вообще о наиболее грандиозных предприятиях по индустриализации, и за гигантскими стройками, как за горным хребтом, уже не видно той огромной работы, которая идет по всей плоскости нашей страны, развивается на всех ее точках, изменяет ее физическую географию, создает совершенно новые центры промышленности.

Мы забываем рассказать даже о таких достижениях, как,

например, Беломорско-Балтийский канал, забываем поместить на карте 1932 г. Туркестанско-Сибирскую дорогу, не умеем толково рассказать о смысле завоевания Арктики, о могучем размахе работ в Сибири, и еще о многом, что рабочая масса наша должна знать, чем она имеет право гордиться, как делом ее героической энергии, ее неугасимого трудового энтузиазма.

Промышленность страны непрерывно и быстро растет, в стране создается прочнейший, на века, фундамент безграничного обогащения, но, кажется, наши враги знают и понимают революционное значение этого процесса глубже и лучше, чем знает и понимает это наша рабочая масса. А ей для того, чтобы глубже и шире осмыслить свой великий, героический труд и вылечиться от некоторых болезней, основой которых служит социальная слепота, — ей необходимо знать все, что сделано, все, что нужно сделать и что уже начали делать. Нужно знать, с каким успехом везде и всюду идет работа возрождения ее страны силами рабочей энергии — небывалая, чудовищная фантастическая по размаху работа.

Нужно знать, для чего строится дорога на Югорский шар и для чего создается Всесоюзный институт изучения человеческого организма, нужно знать, что дают стране Волгострой, каптаж Волги и Забайкальская дорога, нужно знать, как из года в год земля наша все более щедро открывает перед рабочим классом бесчисленные свои сокровища: уголь, нефть, ценнейшие металлы и минералы; нужно знать, что дает Грузии, Армении, Азербайджану каптаж озера Гохчи; нужно знать, как обогащает страну рабочее изобретательство, как мощно, дерзновенно растет наша наука, какую роль в ее росте играют молодые выдвиженцы из рабочей массы, из крестьянства, — рабочая масса Страны советских социалистических республик должна знать все, что создается ее энергией. Это будет знание о себе, самопознание, и это увеличит творческую энергию массы.

«Страна наша велика и обильна», знать ее всю, целиком — трудновато. Тем более и нужно знать. Поэтому необходимо, чтобы рабочая масса ежегодно имела перед своими глазами итог результатов ее труда, полную, насколько это возможно, картину воплощения ее энергии в новую реальность, в новую действительность. Необходимо создать орган, который, ознакомляя массу со всем объемом ее труда, со всеми ее достижениями, тем самым ускорял бы процесс ее социалистически революционного самопознания.

Он растет, этот процесс, растет вширь и вглубь, это — про-

цесс оздоровления всей страны, возрождения к новой жизни, к творчеству новой культуры. Исчезают древние городки Окуровы, гнездища тупых мещан, людей ленивого ума, мелких паразитов, которые всю жизнь жульнически старались разбогатеть на крови рабочих, крестьян, и умирают полунищими. Вместо Окуровых в центрах промышленности создаются новые социалистические города, уничтожая в стране древний идиотизм мещанства, скопища деревянных особнячков, в три окна, душные чуланы, где веками хранился старинный хлам церковных суеверий, где изо дня в день непрерывно шла мелкая борьба зоологического индивидуализма слепых, себялюбия, самости, ячества, зависти, жадности и всякой гадости.

Исчезает под напором тракторов и комбайнов, перед силой новой сельскохозяйственной техники жуткий идиотизм деревни, с ее рабским подчинением стихийным силам природы, с ее безыдейностью, с ее животной покорностью судьбе.

Сотни тысяч, миллионы молодежи «отцветали, не успев расцвести», погибали под гнетом идиотизма уездных городков, сел и деревень, теперь перед этой молодежью открыты все пути и ее все более мощно двигает жажда знания. У нас нет безработицы, каждый юноша, каждая девушка знают, что для них обеспечено право на труд — чего нет нигде в мире, — перед нашей молодежью нет вопроса о работе, она ставит перед собой вопрос о выборе профессии. Все глубже в нее врастают корни партии, высасывая из почвы наиболее ценные соки, питаясь молодой энергией, революционно организуя, разнообразно квалифицируя эту энергию, обогащая страну интеллектуальными силами. Это — главное, самое драгоценное, самое решающее из всего, что создается в нашей прекрасной, богатейшей, огромной счастливой стране.

1932

«РАБОТНИЦЕ И КРЕСТЬЯНКЕ»

Поздравляю журнал «Работница и крестьянка» с 10-летием его глубоко важной работы. По недостатку времени я не всегда читал ваш журнал, товарищи, но каждый раз, когда приходилось читать его, — меня радовало умение, с которым ведете вы журнал, простота языка, которым беседуете с работницей и крестьянкой, ясность изложения великих идей, которые объединяют рабочий народ всех стран в одну силу и с которыми вы непременно знакомите женщин Союза Социалистических Сове-

тов, первой страны, где под влиянием этих идей начато строительство новой жизни.

Иногда кажется, что вы скупно знакомите читательницу вашего журнала с позорными явлениями текущей действительности за рубежом Союза Советов, — с той драмой, которую переживает в Европе и Америке женщина — работница и крестьянка, бесправная раба церкви и капиталистического государства. А было бы хорошо — интересно и полезно рассказывать, хотя бы изредка, о том, как обезумевший паук — капитализм — запутался в своей собственной паутине, как судорожно бьется он в ней и что терпит от этого бесправная женщина — работница, крестьянка. Нищенское хозяйство ее мужа, ее властелина и раба капиталистов — хозяйство, на котором она всю жизнь бесплодно и безнадежно тратит свои силы — разрушается, и впереди у нее еще более горькая нищета и голод.

Хорошо бы также давать читательницам вашим очерки жизни женщины в Европе и у нас — до революции, организованной большевиками, показать историю каторжного труда на капиталистов, труда, затраченного женщинами, нищими «хозяйками», на создание и прокормление миллионеров, на работу по производству голодными предметов роскоши.

Женщины — половина всего населения земли, значит: они — половина всей массы трудового народа. Батрачки, кухарки, кормилицы детей буржуазии, которые младенцами сосут их молоко, а вырастая, будут сосать их кровь; ткачихи, швейки, портнихи, которые, одеваясь в лохмотья и живя впроголодь, выработывают роскошные материи и наряды для торговки, для жен и дочерей буржуазии; женщины, которых нищета и голод заставляют торговать своим телом, — с жизнью этих женщин очень полезно было бы познакомиться некоторым из женщин нашего Союза.

Под «некоторыми» я разумею тех, которые все еще не могут понять, что мелкий собственник всегда служил и служит мухой в паутине капитализма и что, покуда существует капитализм, рабочие и крестьяне неизбежно должны быть нищими и слепыми его рабами, потому что богатство одного человека всегда создавалось и создается слепой силой тысяч людей, разум которых церковь и государство капиталистов нарочно держат в темноте всяческой лжи. Политика капиталистов проста: чем ближе человек к животному, чем более похож он на домашний скот, тем легче и удобнее пользоваться его силой.

Простота этой бесчеловечной политики особенно наглядна

в наши дни, когда капиталисты Европы и Америки убедились, что у них уже нет сил держать пролетариат во тьме невежества и что на примере рабочих и крестьян Союза Советов пролетарии все более ясно видят, где путь к свободе. Это пробуждение воли к власти среди рабочих и крестьян заставляет капиталистов отбросить в сторону всю привычную им ложь, все их лицемерие, все сладкие словечки — все, чем их попы, философы, журналисты пытались смягчить жестокость и горечь жизни трудового народа. Теперь они прямо и громко говорят, что «разум — враг людей», потому что внушает трудовым массам «необъятные надежды» на улучшение их жизни, разумея под этими надеждами осуществление идей социализма. Они проповедуют отказ от техники, необходимость возвращения назад, к бесправию древности, к рабству еще более явному и жестокому, чем рабство, существующее в Европе и Америке наших дней. Они пытаются установить в своих странах «фашизм», который и есть не что иное, как попытка укрепления разрушающегося, изгнившего капиталистического строя.

В то время как люди нашей страны быстро и непрерывно растут, выдвигая из своей среды все больше энергичных и талантливых единиц, — у мещанства Европы и Америки заметен только рост ушей, которые постепенно принимают размеры ослиных. У нас в Союзе Советов, светоносный разум Владимира Ленина 30 лет открывал глаза честных интеллигентов и наиболее энергичных рабочих, проповедуя простую и великую правду: трудовой народ должен быть единственным и полным хозяином своей земли. Он и будет им, если решится взять в свои руки политическую власть, изгнать помещиков и фабрикантов, обратить единоличную частную собственность в священную собственность всего трудового народа и коллективно построить всю работу на улучшение жизни. Преемник Ленина, Иосиф Сталин, мощный вожь, чья энергия все возрастает, и верные ученики Ленина успешно продолжают его великую, революционную работу.

Перед рабочими и крестьянами Союза советских республик открыты все пути к свету, знаниям и творчеству социалистической культуры. Трудовой народ наш становится все более грамотным, ежегодно в работу возрождения нашей страны вступают сотни тысяч детей рабочих и крестьян, — детей, получивших высшее образование. Работа всей массы трудящихся на фабриках и на полях становится все более грандиозной, быстро обогащает нашу страну машинами, делает все более совершенной нашу технику и освобождает нас от необходимости поку-

пять машины у капиталистов Европы, расплачиваясь с ними хлебом, рыбой и всяческим сырьем.

Нам еще трудно жить, мы — большой народ, 160 миллионов, а это значит, что мы должны сработать на себя ежегодно и по меньшей мере 500 миллионов пар сапог и ботинок, несколько миллиардов различной ткани на одежду и вообще все необходимое нам — в количестве миллиардов. Это работа всех трудящихся на самих себя, для себя, и поэтому она требует особенно внимательного, особенно честного отношения к ней. «Человек, который вырабатывает брак, — всем трудящимся враг», — справедливо сказано.

Нам нужно строить новые города и сотни тысяч школ, надо выработать миллионы тонн бумаги для учебников и книг, нужно орошать засушливые земли, соединять моря каналами, строить огромные электростанции, нужно превратить одну шестую часть земли в образцовое государство равных, где все равно сыты, одеты, обуты, грамотны, здоровы.

В этой, небывалой по размаху, работе организации первого в мире образцового государства женщины, участвуя вместе с мужчинами, уже показывают себя равными по разуму и способностям «сильному полу», показывают равными по качеству, но все еще не равны по количеству и по силе борьбы со «старинкой», мешающей успехам работы. Веками привыкнув служить собственнику, господину своему, женщина, кажется, глубже его прониклась инстинктом собственности, инстинктом, который делал ее немой и слепой рабой жизни, бесплодно истощал силы ее и оставил ее далеко сзади мужчины. Работа матери, няньки, стряпухи, прачки, скотницы и т. д. — каторжная работа на поддержание нищенского хозяйства, поглощавшая все ее силы, помешала ей равносильно с мужчиной развить в себе те способности и таланты, которыми хвастается мужчина. Она очень мало сделала в области науки, искусства, техники, до сей поры нет еще женщин писательниц, равных знаменитым писателям, почти нет женщин в области административной, в областях живописи, музыки, педагогики.

Женщины Союза социалистических республик должны догнать мужчин во всех областях их деятельности. Для этого им необходимо освободиться прежде всего от внутреннего, инстинктивного тяготения к собственности, — тяготения, которое мешало росту их способностей, талантов.

Кстати: даже в Европе и Америке, где отношение к собственности носит характер идолопоклонства, характер религиозный — потому, что хозяевами жизни являются крупнейшие собствен-

ники, мелкобуржуазная собственность становится все более беззащитной и легко пожираемой крупными хищниками. А если они снова начнут драку между собою, города, села, деревни обратятся в прах и пепел так же легко и быстро, как легко миллионы здоровых рабочих и крестьян будут обращены в трупы, разорванные на куски.

Советская женщина должна поставить перед собою цель: догнать мужчин на всех путях их деятельности, сравняться с ними во всех талантах. Убеждение в том, что женщина будто бы по природе своей ниже мужчины — подлый буржуазный предрассудок, хотя его и поддерживают некоторые ученые мудрецы «сильного пола». Предрассудок этот объясняется желанием собственника иметь рядом с собой красивое, покорное и глупое двуногое животное, способное дешево работать и охотно удовлетворять его чувственность.

Сердечный и горячий привет мой всем женщинам-коммунисткам и коллективисткам, которые поняли свое равенство с мужчиной и дружно, товарищески честно работают рука об руку с ним.

1933

О ВОСПИТАНИИ ПРАВДОЙ

Ложь буржуазной, якобы «гуманитарной» — г.-е. человеколюбивой — культуры обнаружена в наше время совершенно ничинно и неоспоримо. Все явления социального мира создаются жизнедеятельностью людей, — сила этой жизнедеятельности обнаруживает и бесчеловечный смысл явлений, скрытый «законами» и ласковыми фразами гуманистов. В наши дни только идиоты и «мошеники пера» способны утверждать, что человеколюбие совместимо с корыстолюбием — основой буржуазного общества, «душой» его. «Гуманизм» буржуазии практически выразился почти исключительно в устройстве больниц — ремонтных мастерских для человеческого организма. Известно, что чем более бережно относиться к материалу, тем менее он портится, тем больше приносит пользы. К человеку, как материалу эксплуатации, как к рабочей силе, корыстолюбивая буржуазия всегда относилась идиотски безжалостно и, против своих правил, — не «экономно». Больницы вовсе не значили и не значат, что командующий класс заботится об охране здоровья трудового народа, о создании таких условий жизни, которые предохраняли бы трудовой народ от заболеваний, от преждевре-

менного истощения сил, от преждевременной смерти. Расходы на лечение испорченных людей буржуазия стократно покрывает доходами от производства бесчисленных медицинских средств, препаратов, инструментов и т. д. Болезнь является для лавочников источником наживы.

О борьбе с безграмотностью, с невежеством «народа» буржуазия заботилась постольку, поскольку это удовлетворяло ее потребность в грамотных рабах и защитниках ее власти. Она, конечно, сократила бы нищенские «свои траты» на просвещение трудового народа, если б техника могла изготовлять из железа лакеев, полицейских и различных мелких служащих. В дальнейшем она, вероятно, заказала бы своим техникам сделать попов от религии и философии из жести. Если в такой аппарат вставить граммофонную пластинку, напетую банкиром или почтенным деятелем военной промышленности, — аппарат этот будет выгодно отличаться от живых попов своей нетребовательностью и стойкостью во времени. Продолжая полезную работу в этом направлении, можно бы пополнить парламенты депутатами, построенными из дуба или шитыми из лыка, — говорят, что надо, а есть не просят. И тогда беспокойную, живую человечью мелочь вроде рабочих, крестьян можно будет численно сократить, а то и вовсе — за ненадобностью — истребить каким-нибудь гуманным приемом.

Сказанное звучало бы как мрачная фантазия, если б мы не знали, что попытки фабрикации железных рабов — «роботов» — уже начаты и некоторые из этих попыток весьма удачны; недавно буржуазная пресса Европы сообщала, что в Нью-Йорке демонстрировали железного полицейского, а где-то выдуман и построен механический лакей, — приводится в действие электричеством и даже склонен к воровству.

Все возможно. Мир буржуазии не только изолгался, он психически болен. Его пресса — источник лжи, клеветы, грязных сплетен, садических историй — нередко рассказывает нечто превышающее всякие мрачные фантазии. Вот, например, что сообщает одна из газет:

Никогда еще количество сумасшедших не было так велико в Америке, как сейчас.

Рост его непрерывно продолжается, и власти серьезно озабочены борьбой с этой национальной опасностью.

Один видный психиатр высчитал, что, если распространение душевных заболеваний будет и впредь идти тем же темпом, через 75 лет половина всего населения С. Штатов будет сидеть в сумасшедших домах, а другой половине придется работать на их содержание. Если это мрачное предсказание и несколько преувеличено, то во вся-

ком случае цифры, иллюстрирующие рост душевных заболеваний за последние 10 лет, указывают на весьма тревожное положение.

В 18 штатах количество психически больных удвоилось между 1921 и 1931 гг.

Нью-Йорк истратил в 1931 году 47 млн долл. на содержание 73 000 сумасшедших; по сравнению с 1921 г. это составляет увеличение в 350%.

В штате Массачусетс одна пятая налогов уходит на содержание приютов для умалишенных.

Все более часто — и равнодушно — сообщается о росте самоубийств, особенно в Германии, где квалифицированная интеллигенция оказалась в положении поистине безвыходном; среди самоубийц — профессора, адвокаты, судьи, артисты, врачи, все — люди, на образование которых буржуазия затратила немалые средства. С моей точки зрения самоубийство — акт вполне законный, это — самосуд личности, сознавшей преступность своей деятельности или бездеятельности. В Германии люди убивают себя потому, что деятельность невозможна, а бездеятельность грозит нищетой, унижением, смертью от голода.

Факты, обнажающие болезни буржуазного мира, бесчисленны, а вместе с ними все более разительно выявляется скудость и бессилие буржуазной мысли, истощение интеллектуальной энергии всемирных лавочников. Жизнь буржуазии — непрерывная цепь бессмысленных преступлений; крупнейшие были сделаны в 30, 48, 71 гг. прошлого века, успели лавочники уже кое-что сделать и в этом веке, собираются организовать всемирную бойню, которая должна затмить 14—18 гг.

На пространстве от берегов Балтики до Тихого океана и от берегов Ледовитого океана до Закавказья и предгорий Памира совершается великое и прекрасное, всемирно необходимое дело воспитания людей правдой коллективного труда. Я еще раз обращаю внимание читателей на строительство Беломорско-Балтийского канала, как на один из фактов, которые наглядно показывают успешность нашей системы воспитания. Враги Союза Советов именуют труд социально наказанных принудительным. Это, конечно, вполне понятная лож ослепленных классовой враждой, лож людей, которым необходимо так или иначе опорочить в своих глазах молодое социалистическое государство, внушающее им страх. Затем это клеветническая болтовня равнодушной прислуги капиталистов, болтовня ради куска хлеба. Эта прислуга хорошо знает, что принудительный труд для осужденных и заключенных обязателен во всех капиталистических государствах и в тех самых бесчеловечных формах, которые — до Октября — применялись на каторге царской России, воз-

буждая дешевое и привычно лицемерное негодование буржуазных гуманистов. Эта прислуга не настолько невежественна, чтоб не понять существенного различия в отношениях буржуазии и пролетариата к «преступнику». Созданных ею же — буржуазией — нарушителей ее законов она считает неисправимыми, она решительно и навсегда выбрасывает преступника из своей среды, а некоторых кастрирует, как это принято в САСШ. Называя, буржуазия мстит.

Для пролетарского суда преступник — создание буржуазии и, в большинстве, враг рабочего класса по невежеству, по недоразумению. Истребляя ничтожное количество неисправимых только тогда, когда их классовый инстинкт выражен особенно ярко и бесчеловечно, когда действительно «человек—зверь», пролетариат-диктатор успешно перевоспитывает массу социально опасных, изменяет качество, выявляет и развивает социально ценные способности единиц. За 15 лет из среды бывших беспризорных и «правонарушителей» у нас в колониях и коммунах ОГПУ воспитаны тысячи высококвалифицированных рабочих и, вероятно, не одна сотня агрономов, врачей, инженеров, техников. В буржуазных государствах факты такого рода — невозможны, там, наоборот, за ничтожные, — сравнительно с деятельностью крупной буржуазии, — правонарушения в тюрьмах погибают такие талантливые люди, как, например, известный литератор О. Генри. Вполне возможно, что если б правительство царя не убило революционера Николая Кибальчича, — в России был бы изобретен аэроплан на двадцать лет раньше Европы.

В строительство Беломорско-Балтийского канала было вовлечено несколько десятков тысяч людей, различно опасных обществу, классово враждебных диктатуре пролетариата, строительству социализма. В этой массе людей преобладали воры, хулиганы, «кулаки», т.е. закоренелые собственники, эксплуататоры крестьянской массы. Следует вспомнить, что кулаки, это — те самые «мироеды», Разуваевы и Колупаевы, которых так ярко и умело, с таким «гражданским негодованием» изображала либерально-народническая демократическая пресса и беллетристика. Ныне бывшие демократы, находясь в эмиграции, визжат и воют — подобно собачкам, потерявшим хозяина, — о горестной судьбе тех самых кулаков и мироедов, ненавидеть которых они учились, — но не выучились, — у Глеба Успенского, Салтыкова-Щедрина и других честнейших учителей жизни. Воют и визжат, лгут и клеветуют зарубежные демократы всех партий и мастей только потому, что не удалось им вместе

с мироедами всех величин принять посильное участие в эксплуатации рабоче-крестьянской массы. Не удалось и уже никогда не удастся, ибо кулак становится работником, а они, эмигранты, скоро и поголовно вымрут.

Как развивался на строительстве Беломорско-Балтийского канала процесс перевоспитания социально опасных в социально полезных, какие приемы употреблялись для этого? Армии разношерстных правонарушителей, вредителей, врагов было сказано: необходимо соединить каналом Белое море с Балтийским.

Вы должны построить водный путь длиной 227 километров, вам придется работать в лесах, в болотах, взрывать гранитные скалы, изменять течение очень бурных рек, поднимать их воды путем шлюзов на высоту 102 метров. Нужно будет произвести земляных работ свыше 20 миллионов кубометров и вынуть грунта более 10 млн кубометров. Нам нужно сделать всю эту работу в кратчайший срок. Вы получите хорошее питание, хорошую спецодежду и обувь, хорошие бараки, у вас будут клубы и кино. Кроме этого, правительство ничего не обещает вам. Ваша работа покажет, чего вы достойны.

Армия будущих борцов с природой и организаторов ее сил, неоднородная социально, была, конечно, разнородна и по строению. В исправительно-трудовых лагерях ОГПУ учат грамоте и политграмоте. Человек — умница, глупость крайне редко является качеством, зависящим от его органических особенностей, чаще всего она — результат классового насилия буржуазии. Среди десятков тысяч нашлось немало таких людей, которые поняли глубокое государственное значение предложенной работы. Людям физически здоровым, любящим и привыкшим преодолевать сопротивления, захотелось «показать себя». Бешеные реки и болота Карелии, поля и леса, засеянные огромными валунами, стихийной работой ледников — тут есть с чем побороться. Нашлись и люди, которые уже смутно догадывались о бессмысленности борьбы человека с человеком, — борьбы, насильственно навязанной им всеми условиями буржуазного быта, догадывались о бессмысленности работы на капитализм, порождающий нищету. Были в этой армии вредители, осужденные на срок до 10 лет. Один из них, старик 60 лет, заявил, когда его судили: «Если б пришли интервенты, я немедленно прикнул бы к ним». В прошлом он выполнил много очень трудных технических работ, создал себе крупное имя и состояние. По его словам: «Жил хорошо, только птичьего молока не пил». Он получил 10 лет, отбыл в лагере два года и весной 33 года написал в своей автобиографии:

В Карельских лесах, в бараке технических работников, я понял, что такое настоящая работа... Что такое инженер, имеющий за собой настойчивую, полную энергии, знающую цель своих усилий — рабочую массу.

...Много философствовать даже при старости я не умею, идея перевоспитать людей в лагерях трудом — замечательно здоровая и красивая. Что касается ее практического применения, пусть, помимо меня, расскажут две тысячи ударников, освобожденных по нашему участку задолго до срока.

Таких инженеров, каков он, оказалось еще несколько, они обнаружили «исключительную самоотверженность и энергию» в работе, один из них отрекомендован начальником работ такими словами:

Исключительно трудолюбив и настойчив в работе. С общественной стороны проявлял себя всесторонне. Несмотря на инвалидность (отсутствие одной ноги), широко практиковал объезды по участкам, где толковыми, политически заостренными выступлениями и личным примером работы на местах поднимал инициативу и энтузиазм лагерников в деле перевыполнения производственных заданий и в подготовке кадров.

Само собою разумеется, что все эти герои труда освобождены досрочно. Но до этого они в течение почти 500 дней вращались в гуще тысяч «социально опасных», которым было известно, что эти инженеры — «контрики». Однако же, хотя и «контрики», а работают самоотверженно. Этот факт не мог не возбудить удивления даже в людях очень тупых, а удивление возбуждает желание знать: почему? На этот вопрос отвечали и те, кто своим поведением вызвал его, и страшные «чекисты», которых на этой работе тысяч — было несколько десятков.

Как работали кулаки? Вот, например, бригада Подлипинского 1-го участка — 32 кулака. За последнюю декаду мая дала рекордную цифру — 256 проц. нормы производства на мягких грунтах. Бригада не покидала своего участка даже в моменты прихода следующей смены. Бригада была снята с работы по прямому распоряжению начальника участка.

Бригада «Ответ на приказ № 1» состоит преимущественно из кулаков. Работала на скальных работах 6-го участка. Выполняла 130—150 проц. нормы. За высокие производственные показатели была премирована и занесена в красную трудовую книгу.

Таких бригад были десятки. Как при работе в лагерях отражалось на закоренелом собственнике влияние коллективного труда, направленного на борьбу со стихийными силами природы? Кулак считал себя лучшим человеком деревни, «аристо-

кратом» среди мужиков, он не только умел эксплуатировать чужой труд, но и сам был хорошим работником в поле. Как грабитель, он видел себя умнее и смелее тех, кого он грабил. Он привык презирать лодырей, лентяев, он считал так: если беден, значит — глуп, значит — плох. И вот он, самолюбивый, заносчивый человек, поставлен в условия, которые показали ему, что лодыри, лентяи, воры и всякий бесшабашный, анархизированный народишко способен работать лучше его. На его глазах бывшие лодыри, правонарушители, бродяги, которых он ненавидел всею силою ненависти собственника, становятся квалифицированными рабочими, бригадирами, организаторами труда и что некоторые из них уже руководят его силой, и, — главное, — руководят потому, что поняли технику труда лучше, чем он, «хозяин», деревенский князек. Это не могло не ударить кулака по его «душе», это возбудило его самолюбие и заставило его вступить в соревнование с людьми, которых он презирал, ненавидел.

Среди этих людей были многие сотни таких, которые отказались работать, заявив: «Делайте с нами, что хотите, а работать не станем!» Они с утра до вечера валялись на нарах барачков, разводя в них грязь и не желая даже подмести пол. Орали песни, играли в самодельные карты, дрались друг с другом. Иногда, от скуки, ими овладевало бешенство, они ломали нары, били стекла. После таких бунтов к ним являлся кто-нибудь из «страшных чекистов». Товарищи предупреждали его: «Смотри, будь осторожнее, могут убить». «Ничего», — говорил он и влезал в гнездо двуногих ос и оводов. Его встречали бранью, свистом, ему кричали: «Не уговоришь, не будем работать!»

И тут начиналось то самое «принуждение», о котором так озабоченно громко и лживо кричит вся буржуазия, все лавочники во главе с лордами и князем христовой римско-католической церкви, проповедующим «любовь к людям» ради получения с них «лепты». На самом деле «принуждение» людей, анархизированных классовым обществом, сводится к простейшему ознакомлению их с правдой, — с тою страшной правдой, жертвою которой эти люди являются.

— Что же, ребята, не хотите работать? Работают «контрики», работают люди, которые были хуже и вреднее, чем вы, а вы решили даром есть трудовой хлеб рабочих и крестьян, хозяев страны Союза Советов, вы хотите жить паразитами, как мыши, крысы? Вы молоды, у вас вся жизнь впереди, — возьмитесь-ка за ум, подумайте: почему вами избран путь правонарушителей, преступников?

Редкие из них думали над вопросом: почему? И вот их при-

нуждали ставить пред собою этот вопрос. С теми, которых этот вопрос явно волновал, велись отдельные беседы, из них воспитывали пропагандистов правды, агитаторов за честный труд. Через малое время люди, которых не устрашала высшая мера наказания — смерть, стали бояться попасть на черную доску, бояться, что в газете «Перековка» их изобразят в виде «мокрых куриц».

Какие результаты получила советская власть и общественность посредством такого принуждения? Мелкие статьи, кем бы они ни были написаны, не могут дать полного и яркого отчета о том, что сделано на строительстве Бел.-Балт. канала. Это даст только книга и над нею уже работают. А итог этой статьи таков: воспитана солидная армия квалифицированных рабочих, знакомых с гидротехническими сооружениями, эта армия пойдет на работы по каналу Москва — Волга, по БАМ, на Камышинскую плотину и другие грандиозные сооружения, необходимые нашей стране.

Из «мира преступников» извлечены и поставлены на ноги сотни талантливых людей, какова, напр., бывшая воровка, ныне талантливая скульпторша.

Десяткам тысяч бывших правонарушителей даны права гражданства, либо сокращены сроки наказания. Это достаточно красноречиво и убедительно говорит о том, как полезно воспитание правдой и какие прекрасные результаты дает оно.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Десять лет. — Вторая часть этой статьи (со страницы 9-ой наст. изд.) напечатана была в № 255 (3787) «Правды» от 6—7 ноября 1927 года под названием: «Мой привет».

Анонимам и псевдонимам. — Напечатано в № 296 (3230) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 25 декабря 1927 года.

О новом и старом. — Напечатано в № 250 (3184) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 30 октября 1927 года. Под тем же названием статья изда-на была Гос. Издательством отдельной брошюрой в серии «Библио-течка работницы и крестьянки».

Письмо в редакцию. — Напечатано в № 136 (1746) газеты «Рабочая Москва» от 14 июня 1928 года под названием «Письмо Горькому и его ответ». Под статьей дата: 10/V 1928.

Трудовая коммуна ОГПУ. — Напечатано в № 157 (3391) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 8 июля 1928 года под названием «Растет хорошее дело». Статья является предисловием к книге М. А. Погребинского «Трудовая Коммуна ОГПУ», вышедшей в Гос. Изд. в 1928 году.

Механическим гражданам СССР. — Напечатано в № 234 (3468) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 7 октября 1928 года и одновременно в «Правде» в № от того же числа.

Еще о механических гражданах. — Напечатано в № 275 (3509) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 27 ноября 1928 года и одновременно в «Правде» в № от того же числа.

О Красной армии. — Написано в конце 1928 года.

О культуре. — Напечатано в однодневной газете «Культурный поход», сентябрь — октябрь 1928 г. Под статьей дата: 10 сентября 1928 г.

О противоречиях. — Напечатана в журнале «Журнал для всех» № 4, апрель 1929 года.

О белоэмигрантской литературе. — Напечатано в № 108 (3940) «Правды» от 11 мая 1928 года под названием «О книжке Д. А. Горбова «О бело-эмигрантской литературе». Под статьей дата: 5. IV. 28. Статья пред-

назначалась для помещения в книге Д. Горбова в качестве послесловия. Подзаголовок в скобках дан редакцией.

О займе индустриализации. — Первая часть статьи напечатана в № 139 (1749) газеты «Рабочая Москва» от 17 июня 1928 года под названием «М. Горький о займе индустриализации». Вторая часть статьи (со страницы 64-ой) — в № 178 (4312) «Правды» от 6 августа 1929 года под названием «Каждый час, каждый день труда — наш выигрыш в борьбе против старого мира».

День индустриализации. — Напечатано в № 178 (3714) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 6 августа 1929 года под названием «Пальцы могучей руки рабочего класса».

О пионерах. — Напечатано в № 189 (3725) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 18 августа 1929 года.

Ответ. — Напечатано в №№ 292 (3828) и 293 (3829) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 12 декабря 1929 года.

О мешаистве. — Напечатано в журнале «На литературном посту» № 4—5, февраль — март 1929 года.

О женщинах. — Напечатано в журнале «Наши достижения» № 3, март 1930 года. Часть статьи появилась в №№ 66 (3913) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 8 марта 1930 г.

О солитере. — Напечатано в журнале «Наши достижения» № 6, июнь 1930 года.

О предателях. — Напечатано в № 2 журнала «За рубежом», август 1930 года и в № 209 (4056) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 31 июля 1930 года.

Об умниках. — Напечатано в журнале «Наши достижения» № 10—11, октябрь — ноябрь 1930 года. Одновременно в № 286 (4133) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 16 октября и в «Производственном журнале» № 30, 25 октября 1930 года.

Переписка с читателями. — Напечатано в журнале «Наши достижения» № 10—11, октябрь — ноябрь 1930 года, под рубрикой «Переписка с читателями» и под названием «Письмо студента» и «Ответ на письмо».

Если враг не сдается, — его истребляют. — Напечатано в № 314 (4161) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 15 ноября 1930 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа, под названием «Если враг не сдается — его уничтожают».

К рабочим и крестьянам. — Напечатано в № 324 (4171) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 25 ноября 1930 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

Гуманистам. — Напечатано в № 340 (4187) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 11 декабря 1930 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

«Народ должен знать свою историю!» — Напечатано в журнале «Борьба классов» № 1, январь 1931 года.

О старичках. — Напечатано в журнале «За рубежом» № 1, январь 1931 года.

Письмо редакции журнала «Будущая Сибирь». — Напечатано в № 24 (4231) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 25 января 1931 года под названием «Письмо М. Горького редакции журнала «Будущая Сибирь». Под статьей дата: Сорренто, 20 декабря 1930 года.

Письмо селькору-колхознику. — Написано в декабре 1930 года.

Письмо серпуховским рабфаковцам. — Напечатано в № 20 (4227) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 20 января 1931 года под названием «Письмо М. Горького серпуховским рабфаковцам» и одновременно в «Правде», в № от того же числа. Под статьей дата: Сорренто, январь 1931 г.

Письмо золоторазведчиков. — Напечатано в журнале «Наши достижения» № 3, март 1931 года, под рубрикой «Переписка с читателями».

О детях. — Напечатано в журнале «Наши достижения» № 2, февраль 1931 года.

О динизме. — Напечатано в № 24 (4236) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 30 января 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

Упомянутый в статье отзыв Анатоля Франса стоит в связи с тем, что статья «О динизме» в 1908 г., одновременно с русской публикацией, была помещена на страницах французского журнала «Documents du Progrès».

Ответ на анкету журнала «Vu». — Напечатано в № 32 (4239) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 2 февраля 1931 года с примечанием от редакции: «Написано М. Горьким для специального номера «Будущая последняя война» французского журнала «Vu». Одновременно статья помещена была в «Правде», в № от того же числа. Под статьей дата: 3/I — 31 г.

Школе взрослых в Смоленске. — Напечатано в № 36 (4243) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК», от 6 февраля 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

Ураган, старый мир разрушающий. — Напечатано в № 51 (4258) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 21 февраля 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

«Заре Востока». — Напечатано в № 55 (4262) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 25 февраля 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа, под названием: «10 лет Советской Грузии».

«Заря Востока» — выходящая в Тифлисе краевая газета Закавказья.

По поводу одной легенды. — Напечатано в № 63 (4270) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 5 марта 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

Клевета и лицемерие. — Напечатано в № 77 (4284) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 19 марта 1931 года с примечанием от редакции: «Ответ т. Горького на письмо просвещенцев г. Орехово-Зуева по поводу избрания его почетным членом Орехово-Зуевского Горсовета и травли его за границей. Письмо получено на имя секретаря ячейки ВКП (б) просвещенцев тов. Ширшикова». Одновременно статья помещена была в «Правде», в № от того же числа.

О действительности. — Напечатано в № 99 (4306) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 10 апреля 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

Дружеская переписка. — Напечатано в № 109 (4316) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 20 апреля 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

Под красными знаменами. — Напечатано в № 120 (4327) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 1 мая 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

Ответ интеллигенту. — Напечатано в №№ 138 (4345) и 139 (4346) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 21 и 22 мая 1931 года и одновременно в «Правде», в №№ от тех же чисел. Под статьей дата: Сорренто, 6 апреля 1931 года.

Письмо работницам фабрики Туркшелк по поводу присвоения фабрике имени М. Горького. — Напечатано в № 162 (4369) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 14 июня 1931 года, под названием «Письмо Максима Горького работницам фабрики Туркшелк по поводу присвоения фабрике его имени». Одновременно — в «Правде», в № от того же числа, под названием: «За новую, светлую, разумную жизнь».

К иностранным рабочим. — Напечатано в № 175 (4382) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 27 июня 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

О трудовом ОGPU. — Напечатано в № 192 (4399) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 14 июля 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

- Логика истории.* — Напечатано в № 166 (2833) «Красной газеты» (вечерний выпуск) от 16 июля 1931 года.
- Рабочие и крестьяне не позволят себя обмануть.* — Напечатано в № 179 (2846) «Красной газеты» (вечерний выпуск) от 31 июля 1931 года.
- Участникам гражданской войны.* — Напечатано в № 209 (4416) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 31 июля 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа. Под статьей дата: 30 июля 1931 года.
- «История фабрик и заводов».* — Напечатано в № 247 (4454) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 7 сентября 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- Годовщина исторического постановления.* — Напечатано в № 223 (4430) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 14 августа 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- Террор капиталистов против негритянских рабочих в Америке.* — Напечатано в № 233 (4440) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 24 августа и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- Рабочим Магнитостроя и др.* — Напечатано в № 232 (4439) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 23 августа 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- Следуйте примеру рабочего класса Союза Советов.* — Напечатано в № 263 (4984) газеты «Ленинградская правда» от 23 сентября 1931 года.
- История молодого человека.* — Напечатано в № 324 (4531) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 25 ноября 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- За работу!* — Напечатано в № 327 (4534) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 28 ноября 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- Об анекдотах и — еще кое о чем.* — Напечатано в №№ 348 (4555) и 349 (4556) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 19 и 20 декабря 1931 года и одновременно в «Правде», в №№ от тех же чисел.
- «О праве на погоду».* — Напечатано в «Ленинградской правде» в № 42 (5120) от 18 февраля 1932 года. Статья является послесловием к обращению проф. Визе, Чухновского, М. Горького и др. к советской общественности о втором международном полярном годе.
- С кем вы, «мастера культуры»? (Ответ американским корреспондентам).* — Напечатано в № 81 (4648) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 22 марта 1932 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

- О работе по «Истории фабрик и заводов».* — Напечатано в № 91 (4658) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 1 апреля 1932 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- О старом и новом человеке.* — Напечатано в № 117 (4684) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 27 апреля 1932 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- Еще раз об «Истории молодого человека XIX столетия».* — Напечатано в № 147 (4714) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 29 мая 1932 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- Рабочие пишут историю своих заводов.* — Напечатано в «Правде», в № 191 (5356) от 12 июля 1932 года.
- Делегатам Антивоенного конгресса. (Речь, которая не была произнесена).* — Напечатано в № 246 (4816) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 5 сентября 1932 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа. Антивоенный конгресс состоялся в Амстердаме 27—29 августа 1932 года. Советская делегация во главе с М. Горьким не была допущена на конгресс голландским правительством.
- О «солдатских идеях».* — Напечатано в № 259 (4829) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 18 сентября 1932 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- О самом главном.* — Напечатано в № 302 (4872) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 31 октября 1931 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.
- «Работнице и крестьянке».* — Впервые напечатано в журнале «Работница и крестьянка» № 15, май 1933 года.
- О воспитании правдой.* — Напечатано в № 193 (5124) «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» от 5 августа 1933 года и одновременно в «Правде», в № от того же числа.

Статьи настоящего издания печатаются с текста, проредактированного автором.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие к первому изданию	3
• Десять лет	5
Анонимам и псевдонимам	12
О новом и старом	15
Письмо в редакцию	19
Трудовая коммуна ОГПУ	20 ✓
„Механическим гражданам“ СССР ✓	24
Еще о механических гражданах ✓	33
• О Красной армии ✓	40
• О культуре ✓	43
✓ О противоречиях	47 ✓
О белоэмигрантской литературе	51
О займе индустриализации	63
День индустриализации	67
О пионерах	69
Ответ	73
О мещанстве ✓	87
✓ О женщине ✓	97
О солитере	108
О предателях ✓	116
Об умниках	124
Переписка с читателями ✓	131
• Если враг не сдается, — его истребляют ✓	138
К рабочим и крестьянам ✓	141
Гуманистам ✓	144
Х «Народ должен знать свою историю!»	150

О старичках	155 ✓
✓ Письмо редакции журнала „Будущая Сибирь“	159
✓ Письмо селькору-колхознику	161
✓ Письмо Серпуховским рабфаковцам	164
Письмо золоторазведчиков	167
О детях	172
✓ О цинизме	186
Ответ на анкету журнала „Ви“	194
Школе взрослых в Смоленске	198
Ураган, старый мир разрушающий	205
„Заре Востока“	210
По поводу одной легенды	215
✓ Клевета и лицемерие	223
О действительности	226
Дружеская переписка	232
✓ Под красными знаменами	234
Ответ интеллигенту	239
Письмо работницам фабрики Туркшелек	252
✓ К иностранным рабочим	253
О трудовом ОGPU	255
✓ Логика истории	265
Рабочие и крестьяне не позволят себя обмануть	267
Участникам гражданской войны	268
✓ „История фабрик и заводов“	271
Годовщина исторического постановления	276
Террор капиталистов против негритянских рабочих в Америке	281
Рабочим Магнитостроя и др.	286
✓ Следуйте примеру рабочего класса Союза Советов	292
• „История молодого человека“	294
За работу!	305 ✓
✓ Об анекдотах и — еще кое о чем	309 ✓
О „праве на погоду“	323
✓ С кем вы, „мастера культуры“?	326
✓ О работе по „Истории фабрик и заводов“	<u>345</u>
• О старом и новом человеке	353

	Стр.
• Еще раз об „Истории молодого человека XIX столетия“	362
✕ Рабочие пишут историю своих заводов	<u>373</u>
Делегатам Антивоенного конгресса	378
О „солдатских идеях“	385
О самом главном	392
„Работнице и крестьянке“	394
О воспитании правдой	398
Примечания	407